

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ
научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-10-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук, e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-10-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорbonна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна — доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Смирнов Алексей Викторович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьюцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, L_Vodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкоznания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкоznания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-б, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет, Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилова, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich — Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya — Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrubel str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasiliyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bespalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University, Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremeteva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremeteva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

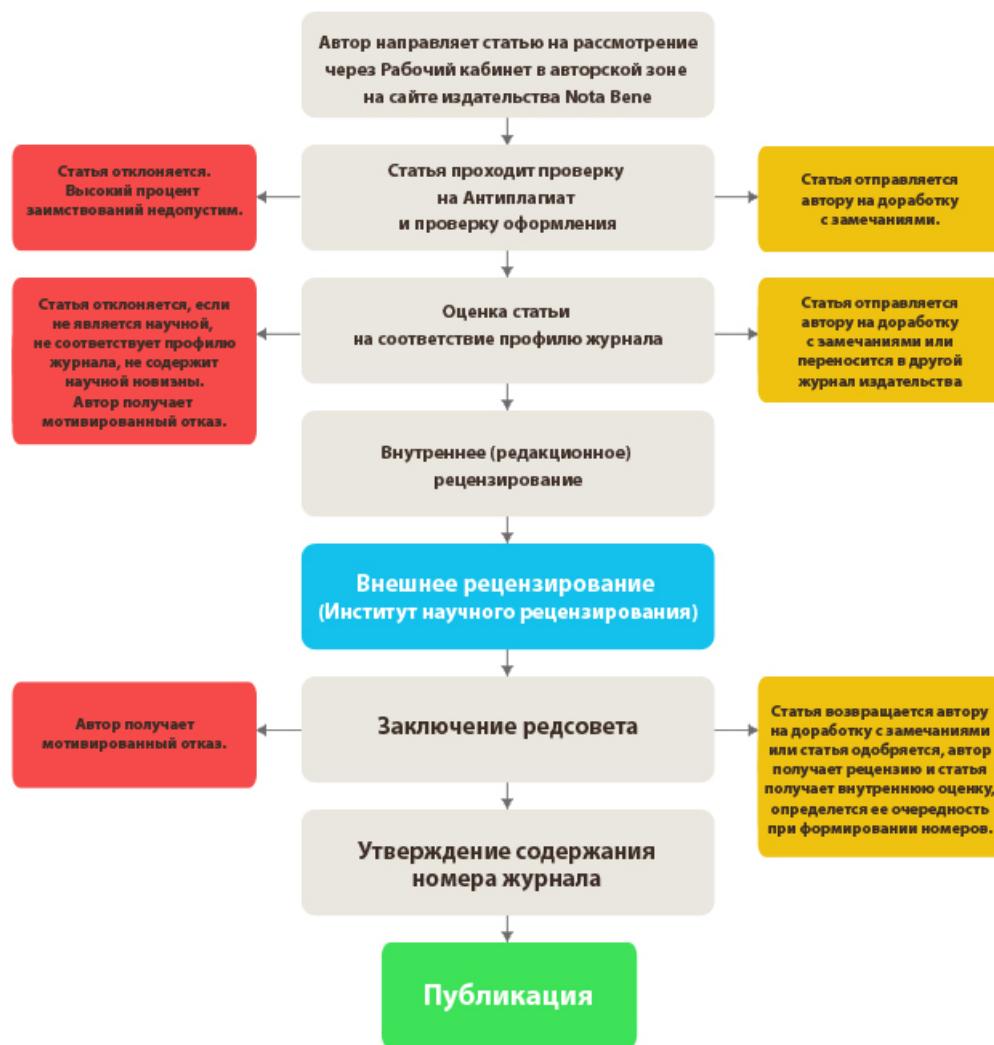
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Завьялов В.Н., Тюрин П.М. Кто вы, доктор Яновский? (об атрибуции "Романа с кокаином")	1
Ключевский В.М. Неопределенный artikel в испанской фразеологии: функционально-стилистический анализ	18
Дебенова З.А., Дашибалова Д.В. Бурятские генеалогические прозвища-присловья	36
Щербак Т.И. Новостной интернет-мем как форма компрессированного медиатекста	46
Леонович Е.О., Ляшенко И.В., Дрыгина Ю.А. Функциональные особенности фитонимов в английской лингвокультуре	55
Атакян Г.С., Нещеретова Т.Т., Чалабаева Л.В. Американо-английский язык и его положение в мире в контексте американской политики лингвистического империализма	74
Ровенских Г.В. Ономастика Бразилии: от колониального периода до современности	85
Неренц Д.В. Дипфейк как одна из главных информационных угроз XXI века	96
Зиннатуллина З.Р., Сарсадских А.А. Система образов в романе Хуана Хосе Мильяса «У тебя иное имя»	112
Дейкун И.Д. "Рукописность" и "черновиковость". Критический анализ розановедческих понятий	122
Платонов Ф.Е. Скрытая антиутопия в романе Вс. Иванова "У: фоносемантика аффектированной индивидуальности vs. тотальное и радикальное "перерождение"	132
Гуань Ш. Роль мультимодальной метафоры в управлении социумом с помощью цифрово-интеллектуальных технологий — на примере рекламного ролика «Городской мозг» в Ханчжоу	142
Кузьмина А.А. Сюжетно-композиционные особенности олонхо С. Н. Карапаева «Сююлэлджин Боотур»	154
Чао Ч. История исследований частей речи китайского языка под влиянием Европы (по 1950-е годы)	169
Цуй В. Лексема "ИНТЕРЕСНО" в современном русском языке: морфологический статус и прагматика	188
Тюрин П.М., Бородина О.П. Сочетание «бессспорно... но» как средство экспликации внутритеекстовых связей	202
Власова В.В. Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: топосы	213
Пак Л.Е. Лингвоаксиосфера российского спортивного дискурса: социальный и личностный аспекты	230
Васильев Е.В. Специфика фантастического пространства в романе П. Фехервари "Каста огня"	243
Англоязычные метаданные	257

Contents

Zav'yalov V.N., Tyurin P.M. Who are you, Dr. Yanovsky? (about the attribution of "A Romance with Cocaine")	1
Klyuchevskiy V.M. The indefinite article in Spanish phraseology: a functional-stylistic analysis	18
Debenova Z.A., Dashibalova D.V. Buryat genealogical nickname-formulas	36
Scherbak T.I. News internet meme as a form of compressed media text	46
Leonovich E.O., Lyashenko I.V., Drygina Y.A. Functional features of phytonyms in English linguoculture	55
Atak'yan G.S., Nescheretova T.T., Chalabaeva L.V. American English and its position in the world in the context of American linguistic imperialism	74
Rovenskikh G.V. The Onomastics of Brazil: from the Colonial Period to the Present Day	85
Nerents D.V. Deepfake as one of the main information threats of the 21st century	96
Zinnatullina Z.R., Sarsadskih A.A. The system of images in the novel "You have a different name" by Juan Jose Milhas	112
Deikun I.D. "Manuscriptness" and "draftiness". A critical analysis of concepts in Rozanov studies	122
Platonov F.E. The hidden dystopia in V. Ivanov's novel "U: the phono-semantic of the affected individuality vs. total and radical 'rebirth'"	132
Guan' S. The role of multimodal metaphor in managing society through digital-intellectual technologies — based on the example of the advertisement "Urban Brain" in Hangzhou.	142
Kuzmina A.A. The plot-compositional features of the olonkho by C. N. Karataev "Syuyulledjin Bootur"	154
Chao C. The history of research on parts of speech in the Chinese language under the influence of Europe (up to the 1950s).	169
Cui W. Morphological Status and Pragmatic Functions of the Lexeme "ИНТЕПЕЧО" in Contemporary Russian	188
Tyurin P.M., Borodina O.P. The combination "undoubtedly... but" as a means of explicating intra-textual connections	202
Vlasova V.V. The discourse formation of the British national identity: topoi	213
Pak L.E. Linguoaxiological sphere of Russian sports discourse: social and personal aspects	230
Vasil'ev E.V. The specifics of the fantastic space in P. Fehervari's novel "The Fire Caste"	243
Metadata in english	257

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Завьялов В.Н., Тюрин П.М. Кто вы, доктор Яновский? (об атрибуции "Романа с кокаином") // Филология: научные исследования. 2025. № 9. С. 1-17. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75742 EDN: XVKNZS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75742

Кто вы, доктор Яновский? (об атрибуции "Романа с кокаином")

Завьялов Виктор Николаевич

ORCID: 0000-0001-5087-162X

доктор филологических наук

профессор; высшая школа Русской филологии; Тихоокеанский государственный университет

680035, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136

✉ victorzoff@list.ru

Тюрин Павел Михайлович

ORCID: 0000-0001-5000-9757

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русского языка и литературы; Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

✉ tyurin.pm@dvgfu.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.75742

EDN:

XVKNZS

Дата направления статьи в редакцию:

29-08-2025

Дата публикации:

05-09-2025

Аннотация: Объектом настоящей статьи является одно из самых загадочных произведений русской литературы периода парижской эмиграции – "Роман с кокаином",

а предметом – проблема атрибуции этого произведения. Актуальность статьи обусловлена тем, что ни одна из версий авторства романа не является на сегодняшний день бесспорной, поэтому необходимы дальнейшие исследования в данном направлении. Цель статьи – постановка и обоснование гипотезы о возможном участии в создании «Романа с кокаином» Василия Яновского – представителя так называемого "незамеченного поколения" парижской эмиграции. Для ее достижения в статье исследуются основные версии авторства "Романа с кокаином", которые анализируются и сопоставляются между собой. При этом учитывается литературно-исторический контекст, во время которого было создано это произведение. В статье используются описательный, сопоставительный и аналитический методы, которые предоставляют возможность рассмотреть предмет исследования как с различных сторон, так и в их совокупности. Научная новизна исследования состоит в том, что подобный подход к решению проблемы атрибуции "Романа с кокаином" осуществлен впервые. Предполагаемое авторство В. Яновского устанавливается путем аналитического поиска причин мистификации и обосновывается с помощью текстологического анализа «Романа с кокаином» и ряда произведений В. Яновского. Установлено, что между ними и «Романом с кокаином» имеется определенное структурное, фабульное, идейно-тематическое и лексико-синтаксическое единство. Одной из главных причин создания данной мистификации может быть творческий конфликт между В. Яновским и В. Набоковым, который в целом обусловлен отношениями между писателями «незамеченного поколения» и писателями-эмигрантами «высшего эшелона». Результаты исследования предоставляют возможность вести дальнейшее исследование заявленной проблемы, а также вносят вклад в изучении феномена мистификации в русской классической литературе.

Ключевые слова:

атрибуция, мистификация, структура, фабула, текстология, гипотеза, роман, речеведение, синтаксис, стилистика

1. Введение

«Роман с кокаином» является одним из самых загадочных и интригующих произведений русской литературы, актуальность и востребованность которого продолжает расти [1]. И самым проблемным является вопрос его атрибуции, который в свое время бурно обсуждался филологами [2; 7; 22; 25; 29; 30; 31; 32; 34 и др.], а также был объектом исследования представителями прикладных лингвоматематических направлений [10; 27], но так и не был решен окончательно, с согласием всех вовлеченных сторон. Вместе с тем проблема заключается не только в установлении подлинной личности автора (или авторов) «Романа с кокаином», но и в выявлении (по возможности) всего комплекса причин, обусловивших появление этого произведения, которое представляет собой сложную и запутанную мистификацию.

Мистификация является неотъемлемой частью литературно-исторического пространства (как и человеческой культуры в целом), а ее виды, формы функционирования, как и способы изучения, могут быть самыми разными [4]. В этом плане определяющими являются исследования культурной идентичности и мистификаций в славянских языках и культурах, проводимые Институтом славяноведения РАН [9; 14; 18 и др.]. Феномен мистификации понимается в них как «создание (отдельным индивидом или социальной

группой) текста/сообщения – в широком смысле – с ложной референцией» [\[11, с. 6\]](#). Областью мистификаций могут быть «язык (лексические “фейки”), история (псевдоисторический нарратив, псевдодокументы), литература и искусство (вымышленное авторство, сдвиги датировок, подделки и пр.)» [Там же]. Мистификации особенно часто возникают «в эпохи, когда смена роли личности (= авторства) и/или национальной/социальной идентификации в культуре определяют тип поэтики» [\[11, с. 7\]](#). Наглядным примером этому является творчество оказавшегося в силу исторических обстоятельств на стыке культур Владимира Набокова, в котором мистификация была чуть ли не главной составляющей, в том числе ономастическая: от авторского псевдонима (Сирин) до вымышленного поэта Василия Шишкова наряду с многочисленными аллюзиями, в которых порой невозможно отличить вымысел от реальности [\[13\]](#).

При анализе феномена мистификации, связанной с атрибуцией «Романа с кокаином», мы будем исходить из ключевого принципа, что подобные и аналогичные им явления следует изучать «не как курьезы, а как закономерный и необходимый этап литературного и исторического развития» [\[28, с. 217\]](#). Сама же атрибуция может осуществляться в целом с трех сторон: фактологической (биографической и библиографической), идеологической (авторские и социальные установки), текстологической и лингвостилистической [\[6, с. 7-218\]](#), что в совокупности с прикладными лингвистическими методами должно приносить в той или иной мере предполагаемый результат.

2. Основные сведения о «Романе с кокаином»

«Роман с кокаином» (далее – РК) был впервые опубликован в парижском еженедельнике «Иллюстрированная жизнь» с 15 марта по 5 июля 1934 года (№№ 1-17) под названием «Повесть с кокаином». Первая часть («Гимназия») выходит далее в № 10 журнала «Числа» за 1934 год, однако следующего номера не последовало, так как журнал был закрыт из-за финансовых проблем. Отдельной книгой и именно под названием РК роман вышел два года спустя, т.е. в 1936 году, в «Издательской коллегии парижского объединения писателей» «без даты, но, по всей вероятности, осенью» [\[30, с. 436\]](#).

Произведение вызвало оживленную дискуссию в парижской эмигрантской среде. Критики, в числе которых были Д. Мережковский, Г. Адамович, В. Ходасевич, А. Бем и др., «при всех различиях в оценке художественных достоинств произведения, единодушно отметили появление нового литературного таланта» [\[32, с. 266\]](#), а Д. Мережковский даже сравнил неизвестного автора с Достоевским «тридцатых годов нашего века», озадачившись при этом слишком высоким литературным мастерством автора, заявленного как начинающий: «Не первая ли это его вещь?» [Там же].

Тем не менее вскоре роман был практически забыт и вновь привлек к себе внимание лишь полвека спустя благодаря слависту Лидии Швейцер, случайно обнаружившей его в 1983 году в одном из букинистических магазинов Марселя [\[7, с. 4\]](#). В том же году выходит сделанный ею перевод РК на французский язык, вызвавший бурную реакцию во франкоязычной литературной среде, затем последовали английский и итальянский переводы, а также русское переиздание. Сегодня РК признан произведением, безусловно, входящим в число шедевров русской классической литературы.

3. Версии авторства «Романа с кокаином»

Выдвигались три основные версии авторства РК: Михаил Агеев, Владимир Набоков, Марк Леви.

Михаил Агеев. Согласно информации, представленной в книге В. Яновского «Поля Елисейские», вышедшей в 1983 году [\[39, с. 334–335\]](#), а также интерпретированной и дополненной в [\[7; 32; 34 и др.\]](#), известно, что в конце 1933 года Г. Адамович получил от некоего М. Агеева по почте из Стамбула рукопись для конкурса молодых писателей, но так как ее автор нарушил некоторые его положения, то по условиям мероприятия произведение не было к нему допущено. Однако в силу своих очевидных художественных достоинств оно, начиная со следующего года, стало публиковаться в различных эмигрантских изданиях. В том же 1934 году в журнале «Встречи» был опубликован рассказ М. Агеева «Паршивый народ».

По воспоминаниям поэтессы Лидии Червинской, опубликованным в 1985 году в парижской газете «Liberation» [\[30, с. 437\]](#), в 1935 году она, будучи в Стамбуле у своих родителей, по поручению монпарнасцев отыскала М. Агеева в доме для умалищенных, и у нее даже был с ним любовный роман. Он якобы рассказал ей, что родился в Москве, окончил там гимназию, а после вынужденного бегства из России жил почти десять лет у своих родственников в Берлине, работая в скорняжной мастерской. «Тогда же начал принимать кокаин, хотя и не часто. В 1933 году на пароходе переправился в Стамбул» [\[34, с. 162–163\]](#). По возвращении в Париж Л. Червинская получила от М. Агеева по почте заграничный паспорт какой-то южноамериканской страны с просьбой продлить его, однако паспорт этот она потеряла. В 1936 году М. Агеев, возможно, скончался в той самой больнице для умалищенных, где Лидия Червинская, по ее рассказам, с ним и встретилась [\[22, с. 294; 34, с. 154\]](#).

Владимир Набоков. В 1985 году Никита Алексеевич Струве предположил, что автором РК мог быть не кто иной, как Владимир Набоков. Данная версия основывалась на высокой, по его мнению, степени схожести творческой манеры В. Набокова и некоторых его произведений с архитектоникой РК (здесь и далее излагается по [\[30\]](#)).

В качестве доказательств Н. Струве указал на схожесть фабулы РК и «структурных приемов» с некоторыми романами В. Набокова («Защита Лужина», «Подвиг», «Отчаяние» и др.), а также на наличие «побочных тем, отдельных описаний, мелких штрихов, которые носят явно набоковский отпечаток» [\[30, с. 444\]](#) (ономастическая перекличка героев, параллели между жизнью и шахматной игрой, осуждение антисемитизма, язвительность в отношении советского строя, порицание пошлости и др.).

Особое внимание Н. Струве уделил анализу языка РК, который, по его мнению, во многом сближается с языком произведений В. Набокова. Это и высокочастотное употребление некоторых лексем, и повышенное внимание к описанию различных частей тела, и метафорические «фруктовые оттенки», и фонетическая деформация слов «с изdevательской интонацией», и «воспроизведение звуков голоса и шумов» и т.д. [\[30, с. 450–455\]](#).

В итоге Н. Струве сделал вывод, что РК – это одна из мистификаций В. Набокова, к которым он прибегал на протяжении всего своего творчества. Причины же данной мистификации Н. Струве увидел в том, что, будучи не в ладах с эмигрантской критикой, В. Набоков захотел «выйти под чужим именем, чтобы испытать или окопачить этим критиков» [\[30, с. 460\]](#).

Марк Леви. М. Леви как возможного автора РК, скрывающегося под псевдонимом М. Агеев, называла Л. Червинская, однако научная версия авторства М. Леви была

предложена и обоснована Г. Г. Суперфином и М. Ю. Сорокиной в 1994 году (излагается по [\[32\]](#)), а также дополнена в [\[31\]](#). Она базируется на документально установленных биографических сведениях о М. Леви, имеющихся в РК: совпадение имен и фамилий (прямое или паронимическое) ряда персонажей произведения со списком выпускников частной московской гимназии Р. Ф. Креймана (в романе – Клеймана) (Василий Буркевич, Айзенберг, Тикиджянц / Такиджиев), а также некоторых ее преподавателей [\[32, с. 268\]](#).

Известно, что Марк Лазаревич (Людвигович) Леви (1898–1973) родился в Москве. После окончания в 1916 году Креймановской гимназии Леви сначала поступил в Московский государственный университет на физико-математический факультет, потом в следующем году перевелся на юридический, но в конце 1920 года выбыл из числа студентов. Дальнейшие сведения о М. Леви во многом противоречивы и часто не имеют прямых документальных подтверждений [\[33, с. 13; 35, с. 10\]](#).

Работал переводчиком с немецкого языка, а на рубеже 1924–1925-х годов по советскому заграничному паспорту переехал в Германию, где, возможно, изучал красильное дело (с покупкой парагвайского паспорта) и/или учился на филологическом факультете Лейпцигского университета (достоверно не выяснено). В начале 1930-х годов оказался в Турции в Стамбуле, работал в книжной лавке. Помимо Турции мог пожить какое-то время в Швейцарии и Франции, а также с 1933 по 1938 годы быть «преподавателем немецкого языка Лозаннского университета» [\[31, с. 315\]](#). В 1939 году подает запрос на предоставление гражданства СССР и в одной из анкет указывает, что им написана «безобидная книжка» под названием «Повесть с кокаином», в которой «не содержится ни одного слова, направленного против СССР», и что вообще это «его вынужденное произведение, написанное ради своего существования» [\[32, с. 276\]](#). Вернувшись в 1942 году в СССР, поселился в Ереване, где преподавал немецкий язык на кафедре иностранных языков Академии наук Армении.

Открытие Г. Г. Суперфина и М. Ю. Сорокиной было подтверждено также перепиской М. Леви с редактором журнала «Числа» Н. Оцупом, в которой обсуждались вопросы публикации РК в его журнале. В одном из писем содержались завершающие фразы романа, пропущенные в рукописи, в том числе о желтом пузырьке, обнаруженному у главного героя, «на этикетке которого значилось: 1 gr. Cocain hydrochlor. E.Merk in Darmstadt» [\[25, с. 308\]](#).

Вместе с тем многие из имеющихся сведений о М. Леви связаны с его возможной служебной деятельностью [\[31; 32, с. 275–282\]](#), поэтому их затруднительно не только дополнить, но и перепроверить. Существует также версия о «двух» М. Леви, образно представленная в [\[16\]](#).

Резюме. Версия о М. Агееве является, судя по всему, издательским мифом и представляет сегодня интерес лишь в плане созданной интриги авторства РК, а также тем, какие факты, связанные с этим, являются действительными, а какие нет. При этом информация о якобы смерти автора в 1936 году, перед выходом первого книжного издания РК, возможно, является сигналом о закрытии данного проекта.

Версия Н. Струве, хотя и базируется на материале творчества признанного писателя, но приведенные в ее пользу доводы (схожесть фабулы произведений В. Набокова и РК, тематики, структурных приемов, языка и пр.) не являются уникальными и свойственны русской классической художественной литературе в целом. Это было убедительно показано в диссертации А. В. Синелевой [\[27, с. 83–86\]](#). Более того, на основе

лингвоматематических методов исследования А. В. Синелева пришла к выводам, что «с высокой степенью вероятности... В. Набоков не является автором «Романа с кокаином» [Там же, с. 197–198]. К аналогичным результатам пришел и А. В. Зенков [\[10\]](#).

Что же касается авторства М. Леви, то оно опирается лишь на совпадение некоторых биографических данных о нем в РК и всего на один-единственный развернутый текст – сам роман, что не позволяет в должной мере выявить его истоки как художественного произведения, относящегося именно к данному автору. Поэтому мы согласны с Н. Струве, который, признав открытие Г. Г. Суперфина и М. Ю. Сорокиной, тем не менее не согласился с их выводами о том, что «в основном проблема авторства «Романа с кокаином» решена» [\[32, с. 268\]](#), ибо они, по его мнению, не выходят «за рамки биографизма» [\[29, с. 463\]](#). В связи с этим Н. Струве предположил, что «Агеев-Леви лишь (или отчасти) подставное имя, а что подлинным автором романа является не он, а опытный писатель, каким мог быть только В. Набоков-Сирин» [Там же]. Ко всему этому следует добавить и то, что сам М. Леви никогда не сообщал о своем авторстве РК людям, с которыми общался, в том числе и близким.

Таким образом, атрибуция РК по-прежнему является дискуссионной. Доводы сторон отчасти являются верными и убедительными, однако полной и объективной картины ни в одном из случаев так и не складывается.

4. Постановка гипотезы об атрибуции «Романа с кокаином»

Нами выдвигается новая гипотеза об авторстве РК, в основе которой лежит аналитический поиск создателя романа через его образ, проявляющийся как в содержательной части произведения, так и в истории его публикации. На основе этого автором романа должен быть человек, не только являвшийся частью эмигрантской литературной среды Парижа того времени, но и входивший в структуры ее печатных органов, ибо для организации публикации этого, по сути, случайного произведения требовалось определенное влияние в них. Кроме того, предполагаемый автор РК должен был уже иметь некоторый литературный опыт, чтобы создать такое высокохудожественное произведение, а также тяготеть к популярному в западноевропейской беллетристике того времени «физиологическому стилю» [\[24, с. 7\]](#). К этому следует добавить его увлечение Ф. М. Достоевским, возможные профессиональные знания в области медицины и житейский опыт, связанный с нуждой, страданиями и утратами, столкновениями с антисемитизмом.

Для создания мистификации необходимы были также веские причины личного характера и высокая степень мотивации. И данным критериям в наибольшей мере соответствует писатель Василий Семенович Яновский.

4.1 Биографические сведения о Василии Яновском

Василий Семенович Яновский (1906–1989) – русский прозаик и литературный критик, публицист, мемуарист (см. о нем в [\[3; 17 24\]](#) и др.).

В. Яновский родился в г. Полтава в еврейской семье. В 1922 году его семья, спасаясь от разрухи и нищеты, вызванными революцией и гражданской войной, эмигрировала из России, оказавшись в Польше. В 1924 году В. Яновский окончил гимназию в г. Ровно (бывшем тогда в составе Польши). Потом учился на математическом факультете Варшавского университета. С 13 лет писал стихи, а с 18 лет прозу. В 1926 году переехал в Париж, где продолжил заниматься литературным творчеством. Наряду с этим поступил

на медицинский факультет Сорбонны, где в 1937 году защитил диссертацию на степень доктора медицины. Врачебная специализация – анестезиолог. Принимал активное участие в литературной жизни русского Парижа в конце 1920-х годов, а также в 1930-е годы входил в состав так называемого «младшего», или «незамеченного», литературного поколения 1-й волны русской эмиграции [5]. В 1934 году был избран членом издательской коллегии при Объединении писателей и поэтов. Находился в тесных дружеских отношениях с Борисом Поплавским – известным не только как оригинальный и скандальный поэт, но и как любитель кокаина [5, с. 165–166; 39, с. 31–64].

В 1942 году уехал в США, где, работая по своей медицинской специальности анестезиолог, время от времени публиковался в русской эмигрантской печати. В 1950-х годах начинает писать и на английском языке. В 1983 году выпустил книгу воспоминаний «Поля Елисейские» [39], которая была, по существу, первым знакомством с ним современного русскоязычного читателя. Для творчества В. Яновского свойствен глубокий, порой даже безжалостный подход к изображению действительности – «с примесью йодоформа», как выразился один из его современников [17, с. 11], чему в немалой мере способствовала его профессиональная деятельность [8]. Кроме того, В. Яновский во многом был последователем Ф. М. Достоевского, отсылки к которому – как прямые, так и косвенные – неоднократно встречаются в его творчестве [17, с. 13].

4.2 Предпосылки и признаки мистификации

1. В 1930 г. В. Яновский публикует свой первый роман «Колесо», а в конце 1931 года выходит второй – «Мир». И если «Колесо» критики встретили вполне благосклонно (он вскоре даже был издан на французском языке), то второму повезло меньше. Г. Адамович и В. Ходасевич, с которыми В. Яновский находился в хороших, в целом дружеских отношениях, и те высказали ряд серьезных замечаний по поводу этого романа [17, с. 12–13; 24, с. 20]. Но дальше всех пошел В. Набоков. В своей рецензии «Волк, волк!», опубликованной в берлинской еженедельной газете «Наш век», он написал, что роман В. Яновского «скучный, шаблонный, наивный, с парадоксами, звучащими как общие места, с провинциальными погрешностями против русской речи, с надоевшими реминисценциями из Достоевского и с эпиграфом из Евангелия». И далее: «А главное – автор до смешного лишен наблюдательности, и потому от его образов веет фальшью и ложью» [20].

Такая жесткая оценка романа «Мир» критиками, и прежде всего В. Набоковым, могла быть воспринята В. Яновским, пусть и начинающим, но очень амбициозным писателем, как вызов, требующий обязательного ответа. О непримиримости В. Яновского в подобных вопросах свидетельствует, например, его переписка с М. Горьким, когда он пытался оспорить практически все снисходительные замечания пролетарского писателя о своем первом романе «Колесо» [21, с. 496–497].

Ближайшее литературное окружение В. Яновского также не питало, как и он сам, к В. Набокову особых симпатий [12; 34, с. 158–162; 36], о чем В. Яновский впоследствии откровенно высказался в «Полях Елисейских», написав, что тот «принадлежал к тому весьма распространенному типу художников, которые чувствуют потребность растоптать вокруг себя все живое, чтобы осознать себя гениями» [39, с. 388]. Да и В. Набоков, судя по всему, платил В. Яновскому той же монетой, называя «солдафоном» [Там же, с. 387]. Дополнительным фактором, повышающим градус творческого и личностного конфликта, было и то, что в эмигрантской среде «молодые поэты и писатели, особенно

монпарнасские (В. Яновский входил в их число. – В. З., П. Т.), которые отказывались подражать старшим эмигрантским писателям, пришли не ко двору» [\[5, с. 149\]](#).

2. Концепцию задуманной мистификации можно представить следующим образом: некий писатель из России, москвич, скрывающийся под вымышленным именем, пишет не только как В. Набоков (в то время известный как Сирин), но даже лучше – гораздо психологичнее и в прекрасных традициях русской классической литературы. Для достижения этого в РК должны использоваться аллюзии, связанные с некоторыми произведениями В. Набокова и их героями, а также идейно-тематическим пространством русской классической литературы, и прежде всего романом Ф. М. Достоевского «Подросток», прототипическая связь которого с РК более очевидна.

Основой верификации «московской прописки» писателя должен был стать материал Марка Леви о его учебе в московской гимназии Р. Ф. Креймана. Как выпускнику гимназии г. Ровно, В. Яновскому «гимназическая» тема также не была чужда. В связи с этим надо признать априори неафишируемое знакомство В. Яновского и М. Леви, а также их творческое сотрудничество на определенных условиях. При этом М. Леви должен был выступать в качестве единоличного автора РК и осуществлять переписку с редакторами (или сам В. Яновский от его имени), оставляя в тайне (по крайней мере для непосвященных в мистификацию лиц) имя его основного создателя – самого Василия Яновского.

3. Если посмотреть именно под таким углом на переписку М. Леви с Н. Оцупом, о которой говорилось выше, то она производит откровенно постановочное впечатление. Якобы начинающий литератор, якобы находящийся в Стамбуле, т.е. совершенно незнакомый с парижской литературной средой, в том числе издательской, ведет себя в письмах Н. Оцупу совершенно свободно, порой даже фривольно, словно он, наоборот, вхож в ее самые верхние круги и знаком со всеми и вся:

«...Вы имеете весьма ложное представление о городе, в котором я живу»; «...Вы далеки от условий местной жизни»; «С предложением сохранить гранки, чтобы впоследствии выпустить отдельной книгой, вполне согласен»; «Когда я в феврале послал повесть Адамовичу, то по беспримерной рассеянности забыл дописать конец» (М. Л. Леви – Н. А. Оцупу. 26.08.1933) [\[25, с. 307-309\]](#);

«Из последней записи Вашей, приложенной к письму, где Вы обзываете меня "милостивым государем", трудно не почувствовать Вашу ко мне явную враждебность»; «...Давайте еще раз, если желаете, протянем друг другу руки и попробуем жить в доброй дружбе»; «Прошу, передайте мой сердечный привет Фельзену» (М. Л. Леви – Н. А. Оцупу. Без даты) [Там же, с. 309–310];

«...Благодарю за приглашение участвовать в осенней книжке, – это вряд ли, даже если "осенняя" выйдет весной»; «"Казаки" соблазняют: хороша эпоха – 1919 год, а конец эффектный – барышни будут плакать»; «журнал "Числа" (10-й) – впервые видел у Л. Червинской: он замечателен, как и она – Червинская» (М. Л. Леви – Н. А. Оцупу. 04 или 05.08.1934) [Там же, с. 310–311].

Первое письмо, в котором говорится о якобы по рассеянности недописанном конце, содержит в себе название медицинского препарата на латинском языке: 1 gr. Cocain hydrochlor. E. Merk in Darmstadt [\[25, с. 309\]](#). Это больше ориентирует на то, что автор текста – носитель медицинского образования, каковым М. Леви не являлся. Кроме того, и в первом, и втором письмах упоминаются, словно давние знакомые М. Леви, Г. Адамович и

Ю. Фельзен. В третьем же письме довольно пространно рассказывается о работе над повестью (романом) «Казаки». Но какое отношение М. Леви, уроженец Москвы, имеет отношение к казачеству, чтобы писать о нем? Другое дело – В. Яновский, родившийся и выросший в Полтаве, тем более что тема казачества затрагивалась в его первом романе «Колесо». Это письмо примечательно еще и тем, что в нем сообщается о № 10 журнала «Числа» за 1934 год, где была опубликована первая часть РК («Гимназия») и который М. Леви якобы видел у Л. Червинской. Но по рассказам той же Л. Червинской (как это дается в литературоведческих источниках), она встретилась с ним (т.е. Леви-Агеевым) лишь в следующем году (см, например, [\[35, с. 9\]](#)).

Более того, из той же переписки мы узнаем, что на самом деле псевдоним М. Агеев пришлось придумывать, как говорится, задним числом, когда рукопись уже была в Париже, причем поначалу это был М. Алисин (письмо М. А. Леви Н. А. Оцупу от 26.08.1933) [\[22, с. 306\]](#). Выходит, что настоящее имя заявленного автора РК было для издательской среды секретом Полишинеля. Тем не менее В. Яновский, пересказав миф о якобы авторе РК М. Агееве в «Полях елисейских» («Был такой писатель Агеев...» [\[39, с. 334–335\]](#)), почему-то умолчал о М. Леви, хотя вряд ли не знал о нем от того же Ю. Фельзена, которому тот по-приятельски передавал привет в письме Н. Оцупу. Ведь В. Яновский не только дружил с Ю. Фельзеном, посвятив тому целую главу в своей книге памяти [\[39, с. 65–91\]](#), но и вместе с ним принимал участие в публикации РК: «Роман с кокаином» мы с Фельзеном издали отдельной книгой» [Там же, с. 334]. Таким образом, имеющиеся сведения дают основания заключить, что в полном объеме РК мог быть создан не М. Леви, а В. Яновским. Рассмотрим, как его предполагаемое авторство проявляется на текстологическом уровне романа.

4.3 Текстологические особенности мистификации

Атрибуция художественного текста, как известно, является одним из разделов текстологии. Решающую роль в этом вопросе В. В. Виноградов отдавал «объективно-стилистическим методам» исследования [\[6, с. 192–217\]](#), когда «анализ должен исходить от наиболее высокого плана строения текста и отсюда двигаться к более элементарным планам (синтаксическому, лексическому, звуковому)» [Там же, с. 198]. К «высокому плану» строения текста можно отнести его композицию и авторские интенции, реализующиеся через нее, что, в свою очередь, выходит на речеведение – «теорию языкового узуса, запечатленного в продуктах речевой деятельности (= текстах) конкретной языковой личности» [\[26, с. 7\]](#).

Чтобы выявить возможное авторство В. Яновского на «высоком» текстологическом уровне, рассмотрим некоторые особенности РК в сравнении с другими его произведениями – романами «Мир», «Любовь вторая» и «Портативное бессмертие», которые создавались, как и РК, в 1930-х годах, т.е. соседствуют с ним на хронологической шкале.

1. В структурном плане РК построен по той же схеме, что и роман «Любовь вторая» (опубликован в 1935 году, годы работы 1932–1933 [\[37, с. 144\]](#)). В обоих произведениях повествование ведется от первого лица, и, хотя во втором рассказчиком является женщина, фабульная суть одна и та же. Как и Вадим Масленников, героиня, доведенная до крайней точки отчаяния, обретает свое душевное спасение во внезапно открывшейся ««любви второй», т.е. любви божественной, которая приходит на смену ее неудавшейся земной любви» [\[24, с. 28\]](#). Вадим Масленников также находит свою «любовь вторую», но

только дьявольскую, в кокаине. Однако это все равно не спасает ни ее, ни его от трагического исхода.

В конце обоих произведений читатель вдруг узнает, что на самом деле они являются дневниками записями героев, которые после их гибели попали в руки врачей и которые эти записи, судя по всему, и опубликовали. При этом врачи делают профессиональные психиатрические и патологоанатомические заключения о том, с чем они столкнулись. Вот как это представлено, например, в РК:

«Налицо были все симптомы хронического отравления кокаином: расстройство желудочно-кишечного канала, слабость, хроническая бессонница, апатия, истощение, особая желтая окраска кожи и ряд нервных и, видимо, психических расстройств, наличие которых несомненно имелось, но точное установление которых требовало более длительного наблюдения» [\[1, с. 175\]](#).

С описанием медицинского заключения в «Любви второй» можно ознакомиться непосредственно в тексте произведения, которое мы опускаем в нашей статье из-за его слишком «физиологического» содержания [\[37, с. 41-44\]](#).

С «Любовью второй» и РК сближается в концептуальном плане роман «Портативное бессмертие» [\[40\]](#), над которым В. Яновский начал работать во второй половине 1930-х годов, хотя опубликовал лишь в 1953 году. Главный герой романа Жан Дут изобретает аппарат, излучающий лучи-любви Омега с целью духовного перерождения людей, ибо все, что попадает под их воздействие, «подвергается чудесному влиянию, претерпевает райское изменение» [\[40, с. 567\]](#). Говоря иначе, речь идет о «преображении при помощи науки и техники всех условий человеческого существования» [\[5, с. 221\]](#). Таким образом, и в «Портативном бессмертии» представлена попытка искусственного решения проблемы человеческого счастья, только место религии и наркотиков занимает научно-технический прогресс. И попытка эта тоже неудачна, ибо неубедительность «рационально-научных подходов к усовершенствованию человеческой души» [\[23, с. 15\]](#) проявилась в романе со всей очевидностью.

2. В романе В. Яновского «Мир» (1931) ключевым является монолог главного героя Шелехова о природе и сути человеческого мышления [\[38, с. 280-283\]](#). Он, в частности, говорит:

«Существует только то, что ощущаемо, воспринимаемо и осознаваемо. Пойми, то, что не осознанно, не существует. Сейчас, может быть, в Шанхае родились сиамские близнецы; но пока мы этого не подумали, не восприняли: их не было! Наш мозг рождает все в мире» [\[38, с. 281\]](#).

Вадиму Масленникову в РК приходят в голову аналогичные мысли:

«...Для человека важны не события в окружающей его жизни, а лишь отражаемость этих событий в его сознании. Пусть события изменились, но поскольку их изменение не отразилось в сознании, такая их перемена есть нуль, – совершеннейшее ничто. Так, например, человек, отражая в себе события своего обогащения, продолжает чувствовать себя богачом, если он еще не знает, что банк, хранящий его капиталы, уже лопнул» [\[1, с. 148\]](#).

Развитием «шелеховской» концепции являются и пространные рассуждения Вадима

Масленникова о театре [\[1, с. 156–163\]](#), где тоже утверждается, что «причину возникновения в нас тех или иных чувств, которыми мы реагируем на внешнее событие, нужно отыскивать отнюдь не в характере этого события, а всецело в состоянии нашей души» [\[1, с. 163\]](#).

3. Вторая часть РК «Соня» начинается с развернутого лирическое отступления о бульварах:

«Бульвары были, как люди; в молодости, вероятно, схожие, – они постепенно менялись в зависимости от того, что в них бродило...» [\[1, с. 64\]](#).

И далее детально описываются бульвары тихие, семейные, где «ковырялись дети», «няньки вязали чулки», «матери читали книжки»; бульвары «шумливые», где «играла военная музыка», а по вечерам «трубы пели про Фауста»; бульвары «на первый взгляд скучные – не будучи ими», где «за двугривенный разбазаривали любовь» или присаживались, чтобы «остановить жизнь» [Там же, с. 64–65].

Это именно бульвар В. Яновского, присутствующий практически во всем его творчестве как некий неотъемлемый концепт бытия, почти равнозначный понятию жизни:

«Его знали все проститутки, фланирующие в течение дня по скверам, паркам, бульварам» [\[38, с. 120\]](#); «Не знаю, изобрела ли я это движение или подметила на бульварах» [\[37, с. 108\]](#); «Гуляю по бульвару, покупаю табак» [\[40, с. 480\]](#) и т.д.

В «Полях Елисейских» бульвар отмечен в воспоминаниях о дружбе В. Яновского с Б. Поплавским:

«Весна и осень в Европе прекрасны, в Париже и лето порою чудесно, вопреки угру и зною. Поплавский даже воспевал это застывшее пекло. Мы бродили по рынкам и бульварам, исполненные юношеского восторга, в поисках идеального воплощения подвига и греха» [\[39, с. 54\]](#).

Рассуждение о бульварах в РК структурно перекликается с началом романа «Портативное бессмертие»:

«Дневные сны особенные: по тяжести, неудовлетворенности, смертоносности. Словно опьяняющее средство, при помощи которого люди иногда стараются познать грядущее...» [\[40, с. 303\]](#).

Здесь также сначала вводится тема (дневной сон), и далее идут рассуждения об особенностях пробуждения во время него, во многом схожие с трансцендентальным состоянием Вадима Масленникова вследствие приема кокаина. Ср.:

«В страшной, в никогда еще небывалой тоске, я закрываю глаза. И медленно и плавно комната начинает поворачиваться и падать одним углом. Угол опускается глубже, проползает подо мной, лезет подо мной, лезет позади меня вверх, появляется надо мной и снова, но уже стремительно падает. Я раскрываю глаза, комната вонзается на место, сохранив свое кружение в моей голове. Шея не держит, голова моя обваливается на грудь, поворачивает комната вверх ногами – Что они сделали, что они сделали со мной, – шепчу я и потом, бессмысленно помолчав, еще говорю: – что ж, я пропал» [\[1, с. 142\]](#);

«Мне снился часто повторяющийся сон: лежу открытый, внутренно беззащитный, а дверь медленно отворяется (или она осталась незахлопнутой), и кто-то стал на пороге,

заглядывает, входит. Надо проснуться, надо немедленно проснуться: иначе гибель (откуда эта вера)! Но проснуться циклопически трудно (в сущности: не сплю), нужно воспрянуть, шелохнуться, крикнуть, вернуться к знакомым формам жизни. Ох, как тяжко, – ни шевельнуться, ни замычать, ни взглянуть даже! А опасность столь очевидна: открыт, безгласен в присутствии – врага» [\[40, с. 303–304\]](#).

Исходя из этого первая глава романа «Портативное бессмертие» создает устойчивое впечатление намека В. Яновского на его авторство РК.

4. В РК имеет место высокочастотное употребление лексем с основой «шибк-» (25 раз!): «шибко» (19), «шибкий» (4), «шибче» (2), что является уникальным для всего корпуса текстов русской литературы, тем более что сам роман состоит всего из 43 947 слов:

*Я отклеил от ее талии **шибко** ноющую в плече руку; Чем дольше я стою, тем **шибче** каменею; Стоял сухой и **шибкий** мороз и т.д.*

Н. Струве, согласно его концепции авторства РК, полагает, что речь должна идти, прежде всего, «о придуманном и продуманном приеме выживать из слова все возможные его оттенки» [\[30, с. 456\]](#), ибо «в русской прозе Набоков, вне сомнения, стилист высшей пробы, но далеко не классик, а модернист-экспериментатор» [Там же, с. 458].

Однако объяснение этому возможно следующее. Лексемы с основой «шибк-» встречались иногда в произведениях В. Набокова до появления РК:

*Горничная зашептала еще **шибче**. [Возвращение Чорба (1925)]; Колин... вился вокруг Горноцветова, который, присев, ловко и лихо выкидывал ноги, все **шибче**... [Машенька (1926)]; ...Но ходил все же весьма **шибко** [Лебеда (1932)].*

Это могло быть истолковано создателем (создателями) мистификации как серьезное нарушение языковой нормы выходца из дворянской среды, который сам при этом умудрялся критиковать стиль других (как в случае с романом В. Яновского «Мир»). Поэтому в таком избыточном употреблении лексем с основой «шибк-» в РК может присутствовать в гротескной форме насмешка над В. Набоковым.

5. Таковы некоторые текстологические особенности РК и ряда произведений В. Яновского, которые позволяют сделать вывод об их схожей фабульной, концептуальной и стилистической природе. При этом имеются признаки общности их синтаксиса и ритмомелодики, а также некоторых лексических особенностей. Так, повествование в РК ведется от лица Вадима Масленникова, однако во второй части значительное место занимает письмо Сони. По манере изложения оно перекликается с повествованием героини «Любви второй». Установление конкретных языковых причин такого сходства является одной из приоритетных задач в дальнейших исследованиях, посвященных заявленной нами атрибуции РК.

5. Мистификация «Василий Шишков» как ответ В. Набокова

В. Набоков, на первоочередную реакцию которого, скорее всего, и был рассчитан РК, тем не менее словно бы не заметил его. Однако есть основания полагать, что ответ все же состоялся в виде рассказа «Василий Шишков» в рамках известной литературной мистификации [\[15\]](#).

Общий смысл рассказа, опубликованного в эмигрантской газете «Последние новости» 12 сентября 1939 года, традиционно видится в желании В. Набокова показать, что он поймал своих критиков в ловушку, в первую очередь Г. Адамовича, а также «связан с

личными трагическими темами, актуальными в 1939 году для В. Набокова, готовившегося под угрозой надвигающейся войны покинуть Париж» [\[15, с. 193\]](#).

Однако в рассказе имеется информация, связанная с попыткой розыгрыша самого В. Набокова через РК. Например, имя и фамилия Василия Шишкова объясняются исследователями отсылкой к Василию Травникову – псевдониму, которым пользовался В. Ходасевич, тоже считавший себя жертвой критических выпадов Г. Адамовича, и к фамилии предков В. Набокова по отцовской линии [\[13, с. 12\]](#). Но Василий – это также и имя Яновского, а фамилию Шишков можно соотнести с шишкой как следствием ушиба, в связи с чем она может быть осмыслена и как Шибков. В таком случае в фамилии Шишков содержится намек на чрезмерное употребление в РК лексем с основой «шибк-», над чем В. Набоков в завуалированной форме иронизирует.

Аллюзии, связанные с В. Яновским и его творчеством, включая РК, можно выявить и непосредственно в тексте рассказа. Так, при первой встрече поэт предлагает почитать свои стихи, сделанные, как потом выясняется, нарочито плохо. Оценка их автором (т.е. В. Набоковым), очень похожа на негативную оценку романа В. Яновского «Мир»:

«Стихи были ужасные, – плоские, пестрые, зловеще претенциозные. Их совершенная бездарность подчеркивалась шулерским шиком аллитераций, базарной роскошью и малограмотностью рифм..., – а о темах лучше вовсе умолчать: автор с одинаковым удальством воспевал все, что ему попадалось под лиру. Читать подряд было для нервного человека истязанием» [\[19\]](#).

Далее следует обмен любезностями по поводу творческого кредо обоих, но на этом В. Набоков не успокаивается, сообщая, что его оппонент собирается выпускать журнал «Обзор Страдания и Пошлости», чем намекает на излишнюю «физиологичность» его творчества.

В рассказе присутствуют и некоторые факты биографического порядка. Герой, в частности, сообщает о себе: «Мне скоро тридцать лет, в прошлом году я приехал сюда, в Париж, после абсолютно бесплодной юности на Балканах, потом в Австрии»; «Я переплетчик, наборщик, был даже библиотекарем, – словом, вертелся всегда около книги».

Мы видим, по существу, прямые указания на основные «вехи» биографии М. Агеева / М. Леви: Стамбул, Германия, работа в книжной лавке. Кроме того, в 1934 году, когда появился РК, В. Яновскому было как раз почти «тридцать лет».

Василий Шишков мечется, мучительно ищет выход из своего трудного положения: «Убраться в Африку, в колонии?»; «...Остается способ один – исчезнуть, раствориться».

Через какое-то время автор рассказа узнает, что он действительно исчез, а «полиция ничего не выяснила, – кроме того, что пропавший давно просрочил то, что русские называют “картой”».

Здесь мы видим намек на просроченный парагвайский паспорт, который якобы потеряла Л. Червинская. Интересно еще и то, что именно в 1939 году, когда был написан рассказ «Василий Шишков», М. Леви, согласно противоречивым данным его биографии, и перебрался в Турцию.

Концовку рассказа В. Набоков оставляет за собой, саркастически вопрошая по поводу того, что Василий Шишков, по его мнению, решил «исчезнуть в своем творчестве»: «Не

переоценил ли он "прозрачность и прочность такой необычной гробницы"?».

Это видится в целом как ирония В. Набокова по поводу так и не состоявшегося творческого визави ему, Набокову-Сирину, в лице Яновского-Агеева.

Можно сделать вывод, что одной из составляющих мистификации В. Набокова о фантомном поэте Василии Шишкове является информация о том, что он был в курсе всех перипетий, связанных с авторством РК.

6. Заключение

Проведенное исследование показало, что предполагаемое авторство В. Яновского «Романа с кокаином» проявляется через предпосылки и организацию данной мистификации, а также на концептуальном и текстологическом уровнях, выходящих на собственно языковые: синтаксический и лексический. Однако нами затронуты лишь самые общие, базовые вопросы, могущие подтвердить выдвинутую гипотезу. Необходима дальнейшая работа для получения более конкретной и полной картины, связанной с новым подходом к атрибуции этого произведения.

Вопросов, требующих научного обоснования, много. Основные из них: в чем именно заключалось сотрудничество М. Леви и В. Яновского, где и как они познакомились и почему оба избегали упоминаний друг о друге? Почему М. Леви, который играл роль автора романа, переписываясь с редакторами при его первых изданиях, впоследствии, если судить по имеющимся данным, ничего не говорил об этом, за исключением одной-единственной анкеты 1939 года? Почему В. Яновский публично упомянул «Роман с кокаином» лишь тогда, когда практически все предполагаемые свидетели мистификации и, возможно, тоже ее участники (Г. Адамович, Г. Иванов, Ю. Фельзен), в том числе и М. Леви, уже ушли, изложив при этом только издательский миф, хотя знал о ней, как явствует из проведенного нами анализа фактов, гораздо больше?

Слова Н. Струве, отстаивавшего версию авторства В. Набокова, в данном случае могут быть также уместны: только одно упоминание «кокаинной» темы для В. Яновского, ставшего гражданином США, «могло обернуться в пуританской стране и неприятностями» [\[30, с. 461\]](#), тем более что работал он там по своей медицинской специальности, так что «не проще ли было оставить в забвении кокаинный роман?» [Там же]. Но это ничего по сути не раскрывающее объяснение.

«Кто такой Василий Шишков?» – спрашивал в свое время удивленный Г. Адамович. Мы же, в свою очередь, спрашиваем: «Кто вы, доктор Яновский?» Не только незамеченный классик «незамеченного поколения», но еще и неожиданный и оригинальный мистификатор?!

Библиография

1. Агеев М. Роман с кокаином. Москва: ТЕПРА, 1990. 176 с. ISBN 5-85255-002-7.
2. Анненский Л. А. Роман без кокаина // Агеев М. Роман с кокаином. Москва: Согласие, 1999. С. 5-16.
3. Арьев А. Ю., Яновский В. С. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: био-библ. словарь: в 3 т. / под ред. Н. Н. Скатова. Москва: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 3. С. 810-811.
4. Бажанова Р. К. Мистификация в контексте культуры: виды и функции // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4-2. С. 21-28. EDN: TRRDMV.
5. Варшавский В. С. Незамеченное поколение. Москва: Русский путь, 2010. 542 с. ISBN

978-5-98854-024-3. EDN: QPTCVL.

6. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. Москва: Гослитиздат, 1961. 614 с.
7. Волчек Д. Загадочный господин Агеев // Агеев М. Роман с кокаином. Москва: ТЕРРА, 1990. С. 3-10.
8. Димитриев В. М. "Медицина, наука и жизнь" в литературном проекте В. С. Яновского // Русская литература. 2022. № 3. С. 63-73. DOI 10.31860/0131-6095-2022-3-63-73. EDN: LYXWXZ.
9. Документ и "документальное" в славянских культурах: между подлинным и мнимым / отв. редактор Н. М. Куренная. Москва: Институт славяноведения РАН, 2018. 384 с. ISBN 978-5-7576-0402-2.
10. Зенков А. В. Новый статистический метод стилеметрии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 3-1. С. 62-71. EDN: YHRFKL.
11. Злыднева Н. В. Предисловие // Мистификация в славянской культуре: поэтика и практики / отв. ред. Н. В. Злыднева. Москва: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 6-10. ISBN 978-5-7576-0480-0.
12. Климова Т. М. Литературная идеология Георгия Иванова и младоэмигрантов // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2015. № 3. С. 25-32. EDN: YOIONN.
13. Кочетова С. А. Василий Шишков: от имени литературного героя до псевдонима (на материале творчества В. Набокова) // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2018. № 7 (31). С. 10-1. EDN: HSBSZU.
14. Культура сквозь призму идентичности / отв. ред. Л. А. Софронова, Н. М. Филатова. Москва: Индрик, 2006. 423 с. ISBN 5-85759-387-5.
15. Маликова М. Э. Фантомный парижский поэт Василий Шишков // Русская литература. 2013. № 1. С. 191-210. EDN: PUWXJP.
16. Мамедов А. И. Совпадение в Маке // Новый мир. 2021. № 4. С. 60-69.
17. Мельников Н. Г. Незамеченный писатель // Яновский В. С. Поля елисейские. Москва: ACT, 2012. С. 5-25.
18. Мистификация в славянской культуре: поэтика и практики: сб. науч. трудов / отв. ред. Н. В. Злыднева. Москва: Институт славяноведения РАН, 2023. 420 с. ISBN 978-5-7576-0480-0.
19. Набоков В. В. Василий Шишков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lib.ru/NABOKOW/fial10.txt> (дата обращения 25.07.2025).
20. Набоков В. В. Волк, Волк! // "Наш век", 31.01.1932 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/volk-volk.htm> (дата обращения 21.07.2025).
21. Переписка Горького с В. С. Яновским // Горький и его корреспонденты (М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 7). Москва, 2005. С. 493-500.
22. Равдин Б. Н. Об авторе "Романа с кокаином" // Агеев М. Роман с кокаином. Москва: Согласие, 1999. С. 292-298.
23. Рубинс М. О. Сделать бывшее небывшим: (анти)утопические романы Василия Яновского // Яновский В. С. Портативное бессмертие: романы. Москва: Астрель, 2012. С. 5-31.
24. Рубинс М. О. Странный писатель русского зарубежья // Яновский В. С. Любовь вторая: Избранная проза. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. С. 5-48.
25. Серков А. И. "Сорбоннисты" и "архивисты", или Еще раз об авторстве "Романа с кокаином" // Агеев М. Роман с кокаином. Москва: Согласие, 1999. С. 299-311.
26. Сигал К. Я. Синтаксис и речеведение. Москва; Ярославль: Канцлер, 2023. 194 с. ISBN 978-5-907590-36-6. EDN: DQPGBJ.
27. Синелева А. В. Атрибуция "Романа с кокаином": лингвостатистическое исследование:

дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2001. 330 с. EDN: QDKTAV.

28. Строев А. Ф. Жанр поддельных политических завещаний: от Петра I до Сталина // Мистификация в славянской культуре: поэтика и практики / отв. ред. Н. В. Злыднева. Москва: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 217-263. DOI 10.31168/7576-0480-0.13. EDN: BOXNUH.

29. Струве Н. А. Еще об авторстве "Романа с кокаином" / Н. А. Струве // Струве Н. А. Православие и культура. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский путь, 2000. С. 461-464.

30. Струве Н. А. Роман-загадка // Струве Н. А. Православие и культура. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский путь, 2000. С. 436-461.

31. Суперфин Г. Г., Сорокина М. Ю. "Товарищ Леви": Постскриптум // Агеев М. Роман с кокаином. Москва: Согласие, 1999. С. 313-317.

32. Суперфин Г. Г., Сорокина М. Ю. Был такой писатель Агеев... // Минувшее: Исторический альманах. 16. Москва; Санкт-Петербург: Atheneum; Феникс, 2000. С. 265-285.

33. Толстой И. Агеев М. // Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги: в 3-х т. / под ред. Н. Н. Скатова. Москва: ОЛМА-Пресс Инвест, 2005. Т. 1. С. 13-15.

34. Урбан Т. "Роман с кокаином" протокол поиска следов // Урбан Т. Набоков в Берлине. Москва: Аграф, 2004. С. 152-177.

35. Целкова Л. Н. Агеев М. // Русские писатели 20 века: Биографический словарь / гл. ред. и сост. П. А. Николаев. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 911.

36. Шеховцова О. Н. История одной критической баталии вокруг Владимира Набокова и ее преломление в его художественных произведениях // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 1. С. 112-120. EDN: JXDHEX.

37. Яновский В. С. Любовь вторая: Избранная проза. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 608 с. ISBN 978-5-4448-0164-2.

38. Яновский В. С. Мир: роман. Берлин: Парабола, 1931. 285 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vtoraya-literatura.com/publ-699> (дата обращения 21.07.2025).

39. Яновский В. С. Поля елисейские. Москва: ACT, 2012. 480 с. ISBN 978-5-271-37337-4.

40. Яновский В. С. Портативное бессмертие: романы. Москва: Астрель, 2012. 604 с. ISBN 978-5-271-44152-3.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ключевский В.М. Неопределенный артикль в испанской фразеологии: функционально-стилистический анализ // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75795 EDN: ZVTMNI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75795

Неопределенный артикль в испанской фразеологии: функционально-стилистический анализ

Ключевский Владимир Михайлович

ORCID: 0009-0001-1772-2793

аспирант; институт иностранных языков; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

194354, Россия, г. Санкт-Петербург, Выборгский р-н, ул. Сикейроса, д. 12 литер Б

✉ vovakluch@yandex.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.75795

EDN:

ZVTMNI

Дата направления статьи в редакцию:

07-09-2025

Дата публикации:

14-09-2025

Аннотация: Предметом исследования является функционирование неопределенного артикля (*un*, *una*, *unos*, *unas*) в составе испанских фразеологических единиц как средства грамматической детерминации, задающего референциальную характеристизацию имени и/или события в устойчивых моделях. Работа рассматривает, каким образом выбор формы с артиклем соотносится с параметрами индивидуализации (задание конкретного экземпляра), партикуляризации (один из множества/часть целого), типизации (задавание образца для сравнения), а также с представлением процессуального содержания как разового события в глагольно-именных конструкциях. Отдельно анализируются формулы, где артикль маркирует обозначение минимального количества (*ni un...*) и распределение множества (*unos... otros...*), сопоставляясь со случаями числительного и неопределенного местоимения. Тем самым предметом

выступает система референциальных механизмов неопределенного артикля в пределах испанской фразеологии и их вклад в формирование смыслового профиля и стилистического эффекта устойчивых выражений. В данном исследовании используется функционально-стилистический анализ в русле психосистематики Гийома; проводится корпусная верификация (CORDE/CREA); дистрибутивно-контекстный разбор устойчивых моделей; диагностические тесты статуса формы (замена на *uno/una*, оппозиция *нулю/определенному артиклю*, обязательность формы); сопоставление минимальных пар; лексикографическая проверка по словарям. Новизна исследования состоит в том, что неопределённый артикль рассматривается как средство референциальной характеризации в пределах фразеологических моделей: показано, как выбор формы с *un*, *una*, *unos*, *unas* задаёт параметры индивидуализации, партикуляризации, типизации, предъявления события как разового, а также обозначения минимального количества и распределения множества. Предложена рабочая классификация (предикативно-оценочные, сравнительные, глагольно-именные, отрицательно-дистрибутивные конструкции) и система диагностических тестов статуса формы (замена на *uno/una*; оппозиция *нулю/определенному артиклю*; обязательность формы; устойчивость варианта). Уточнены условия, при которых формы функционируют как артикль, числительное или неопределенное местоимение; тем самым корректируется представление о «полной грамматикализации» в области фразеологии. Выводы показывают, что артикль системно регулирует степень общности/частности интерпретации и выраженность оценки, а различия предсказуемо переключают чтение с общего на индивидуализированное и с нейтрального на усиленно-оценочное. Практически результаты применимы в словарном описании устойчивых выражений (фиксация статуса формы и параметров интерпретации) и в переводе обеспечивая точный выбор эквивалента и сохранение стилистического эффекта.

Ключевые слова:

неопределённый артикль, испанская фразеология, детерминация, референциальная характеризация, индивидуализация, партикуляризация, типизация, глагольно-именные моделей, предикативно-оценочные конструкции, отрицательно-дистрибутивные конструкции

Функционально-стилистическая роль неопределенного артикля в испанских идиомах и фразеологических оборотах

Неопределённый артикль в испанском языке (*un*, *una* в ед.ч., *unos*, *unas* во мн.ч.) является одним из ключевых элементов, участвующих в формировании смысла высказываний. Его использование в составе идиом и фразеологических оборотов представляет особый интерес, поскольку именно в устойчивых выражениях артикль нередко приобретает экспрессивные функции и стилистические оттенки, выходящие за рамки базового грамматического значения. В предыдущих исследованиях основное внимание уделялось исторической эволюции и диахроническим изменениям в употреблении неопределенного артикля. Однако в настоящей работе акцент смешён на функционально-стилистический анализ роли неопределенного артикля в испанских фразеологизмах [\[1; с. 55\]](#).

Опора на современные лингвистические подходы позволяет по-новому осмыслить функцию артикля. В рамках психосистематики артикль рассматривается как инструмент «референциальной характеризации», под этим термином подразумевается

грамматическая операция детерминации, задающая референциальный профиль имени в высказывании (степень индивидуализации и идентифицируемости, членимость/частность, задавание образца для сравнения, представление события как разового, обозначение минимального количества, распределение множества) [2; с. 120]. Термин не относится к качественно-предикативной характеристике признаков, а описывает именно референциальный статус номинативной группы [3; с. 176]. Следуя этой теории, неопределённый artikel вводит в речь неиндивидуализированный образ предмета (лица) [4; с. 115-117], то есть представляет новое понятие, впервые упоминаемое, выступающее в коммуникативной структуре ремой высказывания. Теория artikelя Гийома предлагает трансцендентный способ объяснения роли неопределенного artikelя, подчёркивая его роль в вынесении новой информации на передний план речи. Иначе говоря, неопределённый artikel связан с партикуляризацией образа (представлением объекта вне класса как одного из возможных), тогда как определённый – с его идентификацией (выделением объекта из класса как конкретного). Эта функциональная дихотомия лежит в основе работы механизма artikelя и определяет различие грамматических значений [5; 115].

Целью данной статьи является комплексное описание функций неопределенного artikelя в составе испанских идиом и фразеологических оборотов, а также определение его стилистического потенциала. В работе учитываются положения современной и традиционной испанистики (исследования Х. Позас-Лойо, Н. И. Поповой, Э. Аларкоса Льорака и др.), а также нормативные сведения, представленные в фундаментальной «Новой грамматике испанского языка» Испанской королевской академии. Такой подход обеспечивает теоретическую основу и терминологическую точность анализа. Ниже рассматриваются основные грамматические свойства неопределенного artikelя, затем предлагается классификация фразеологизмов с его участием и проводится подробный анализ каждой группы на предмет функционально-стилистических особенностей artikelя.

Неопределённый artikel в испанском языке: теоретические основы

В испанском языке неопределённый artikel представляет собой грамматическую единицу, эволюционировавшую из числительного «один» и ещё не утратившую полностью связь со своим исходным значением [6; с. 87]. Этот факт обуславливает многообразие его употреблений: в отличие от определённого artikelя, достигшего высокой степени абстракции, неопределенный artikel сохраняет ряд лексических оттенков, демонстрируя гибкость функций в разных контекстах речи [7; с. 56]. Особенно наглядно это видно на материале идиоматических и фразеологических выражений, где неопределённый artikel часто играет центральную роль в формировании уникальных смысловых оттенков: добавляя обобщённость, оттенок неопределенности или подчёркивая типичность описываемой ситуации. Иными словами, в устойчивых оборотах неопределенный artikel – далеко не нейтральный элемент, а активный маркер, способный модифицировать значение фразы [8; с. 5].

Уточнение объёма понятия

Одной из ключевых функций неопределенного artikelя является указание на единичность объекта из ряда ему подобных, то есть выделение «одного из многих» [9; с. 128]. С помощью неопределенного artikelя говорящий выделяет один экземпляр из множества, не индивидуализируя его полностью, но и не относя к уже известному. Многие испанские фразеологизмы сохраняют этот оттенок исходного количественного

значения [8; с. 5]. Например, выражение «*buscar una aguja en un pajar*» – «искать иголку в стоге сена» – иллюстрирует, как *una* и *un* указывают на единичный предмет (иголка) и единичный объект (стог сена) в составе множества [10; с. 347]. В данном обороте артикль не только сообщает, что речь идёт об одной иголке среди множества соломинок, но и тем самым метафорически подчёркивает чрезвычайную трудность задачи (найти нечто одно малое в необъятном). Подобным же образом действует артикль и в идиоме «*una gota de agua en el mar*» («капля в море»): *una* подчёркивает одиночность «капли» на фоне бескрайнего моря, усиливая значение незначительности и масштабного контраста. Таким образом, функция указания на «один из многих» позволяет неопределённому артиклию обобщать понятие, сохраняя при этом идею количественной ограниченности объекта.

Выражение конкретности/обобщённости.

Другая важная роль неопределенного артикля – управление степенью предметности (конкретности) или, напротив, непредметности (обобщённости) того, о чём идёт речь [11; с. 132-137]. В зависимости от присутствия или отсутствия артикля явление может быть представлено либо как конкретный единичный случай, либо как общее, абстрактное состояние. Показателен в этом отношении парный пример: *estar en grito* и *estar en un grito*. Оборот «*estar en grito*» (дословно: «находиться в крике») без артикля употребляется в значении «пользоваться широкой известностью, быть у всех на слуху», то есть описывает состояние общего, неопределенного характера [10; с. 602]. Отсутствие неопределенного артикля сигнализирует, что речь идёт об абстрактном, распространённом явлении (в переносном смысле – «все говорят», «все обсуждают»). Напротив, добавление неопределенного артикля кардинально меняет смысл: «*estar en un grito*» означает «надрываться от боли, кричать во всё горло» [12; с. 88]. В этой фразе артикль *un* как бы конкретизирует состояние, указывая на отдельный случай или момент крайней боли. Иначе говоря, *un* индивидуализирует ситуацию (не просто кричат вообще, а имеется в виду конкретный крик конкретного человека в данный момент), одновременно усиливая её эмоциональную выраженность. Этот пример ясно демонстрирует, как неопределённый артикль позволяет манипулировать уровнем детализации: без него выражение остаётся на уровне обобщённого явления, с ним – переносится на уровень конкретного проявления. В целом, такая функция неопределенного артикля даёт возможность тонко сменять фокус высказывания, с общего плана на частный, в зависимости от коммуникативной задачи. Подобное противопоставление общего и частного во многом соотносится с дилеммой состояния «типичное/вариативное», отмеченной в исследованиях категорий определённости [13; с. 38].

Выражение субъективной оценки

Неопределённый артикль также служит средством выражения субъективного отношения говорящего к описываемому предмету или ситуации. В сочетании с глаголом *ser* конструкции вида «*ser + un, una, unos, unas + существительное*» приобретают оценочно-эмоциональную окраску, часто выполняя функцию именного предикатива, в котором заложена личная оценка. Подобные выражения позволяют говорящему передать своё восприятие объекта без дополнительных эпитетов – роль оценочного маркера берёт на себя неопределённый артикль. Классический пример – восклицание «*iEs un asco!*», буквально: «это – одна мерзость». Говорящий таким образом характеризует нечто как «дрянь, гадость», причём использование неопределенного артикля подчёркивает именно

личное эмоциональное неприятие, отвращение к объекту. Артикль делает негативную характеристику более субъективно окрашенной: *es asco* без артикля вообще не употребляется, тогда как вариант с неопределенным артиклем несёт оттенок возмущения, эмоционально усиливая негативную оценку. Для положительной оценки можно привести пример из латиноамериканского испанского: «*Es un matey!*» – дословно «это – мамея (плод)», что в доминиканском варианте означает «проще простого, раз плонуть». Здесь неопределенный артикль также усиливает характеристику: говорящий выражает своё субъективное убеждение, что дело не представляет сложности. В обоих случаях конструкция *ser + un + X* обогащает высказывание оттенком эмоциональной оценки, будь то резко негативной или гиперболически положительной, без дополнительных слов, лишь за счёт грамматической формы [\[14; с. 75\]](#). Таким образом, в подобных оборотах неопределённый артикль выполняет эмфатическую функцию, позволяя языку передать индивидуальное восприятие говорящего в лаконичной форме.

Синтаксические отношения и структура высказывания

Наконец, неопределенный артикль может участвовать в оформлении синтаксических связей внутри высказывания, выполняя служебную роль, отчасти аналогичную указанию падежа или распределению субъектно-объектных отношений. В испанском языке, где нет падежной системы, артикль нередко берёт на себя функцию связки, показывая, как соотносятся между собой части фразы. Особый интерес представляет дистрибутивная конструкция с противопоставлением *un/otro* («один/другой»), где неопределённый артикль помогает разбить ситуацию на парные элементы [\[15; с. 210\]](#). Например, идиома «*Le entró por un oído y le salió por el otro*» – «(ему) вошло в одно ухо и вышло из другого», то есть «он пропустил всё мимо ушей». Здесь неопределенный артикль перед словом *oído* («ухо») вводит первую часть противопоставления, явно указывая, что имеется в виду «одно из двух» ушей без уточнения, какое именно. Благодаря этому артикулю фраза приобретает чёткую структуру: информация входит через одно неопределённое ухо и выходит через другое (конкретизированное определённым артиклем *el otro*). Использование неопределенного артикля подчёркивает случайность выбора – важно не то, какое именно ухо «не услышало», а то, что эффект одинаков с любой стороны. Таким образом, неопределённый артикль чётко разграничивает две части высказывания, выполняя связующую грамматическую функцию и облегчая понимание конструкции. Подобное явление наблюдается и в других устойчивых сочетаниях: например, «*un pie tras otro*» – «одна нога за другой» – где *un* перед *pie* маркирует начало последовательного действия. В этих случаях артикль фактически сигнализирует синтаксическое отношение последовательности или распределения, связывая компоненты фразеологизма в единое осмысленное целое.

Таким образом, приведённые примеры фразеологизмов наглядно показывают, что неопределённый артикль в испанском языке – многофункциональный инструмент, способный тонко влиять на значение высказывания [\[3; с. 76\]](#). Он не ограничивается одной грамматической ролью, а выступает то в количественно-обобщающей функции, то в функции маркера конкретного случая, то в роли носителя субъективной оценки, то в качестве связующего элемента структуры. Подобная многоаспектность связана с тем, что процесс грамматикализации неопределенного артикля ещё не завершён, и эти формы сохраняют способность выступать и как артикли, и как местоимения, и как числительные в разных контекстах. Для исследователя важно учитывать эту полифункциональность [\[16; с. 152\]](#). В контексте испанских идиом наличие или отсутствие неопределенного артикля зачастую определяет смысл всего выражения: сравнение вариантов показывает,

насколько велик вклад даже такого, казалось бы, незначительного элемента в формирование идиоматического значения. Таким образом, анализ функций неопределённого артикля через призму фразеологии позволяет глубже понять механизмы смысловой динамики языка и необходимость тонкого разграничения его грамматико-семантических ролей.

Классификация фразеологизмов с неопределенным артиклем

Идиомы и устойчивые выражения, в состав которых входит неопределённый артикль, разнообразны по структуре и значению. Для систематизации анализа представляется целесообразным разделить такие фразеологизмы на несколько групп по структурно-семантическому принципу (с учётом синтаксической модели и стилистической функции артикля):

- **Предикативно-оценочные конструкции** типа *ser / estar / hacerse + un, una, unos, unas + существительное*. В этих выражениях связка (*ser, estar* и др.) соединяется с именной группой с неопределенным артиклем, задавая метафорическую характеристику лица или ситуации. Артикль придаёт высказыванию оттенок субъективной оценки, превращая номинативное сочетание в ролевую метафору: *ser un burro* («быть ослом» – глупым), *estar hecho un Adán* («превратиться в Адама» – быть неряхой). Сюда же относятся эмоционально-экспрессивные восклицания типа *ieres un caso!* («ну ты и кадр!») или *iEs una verdad como un templo!* («это истина величиной с храм!» – несомненная правда).
- **Сравнительные и уподобительные обороты** с *como un... / más ... que un...*. Данная группа включает фразеологизмы, строящиеся по модели сравнения с неким типичным образцом – после союза *como* («как») или в конструкции превосходной степени. Неопределённый артикль употребляется перед существительным-эталоном, подчёркивая, что сравнение отсылает к какому-то одному характерному примеру. Например: *hablar mejor que un académico* («говорить гладко, как академик»), *más feo que un voto a Dios* («страшен, как смертный грех»). Здесь *un académico, un voto a Dios* представляют собирательный образ (академика как образцово грамотного оратора, или богохульной клятвы как символа греха), а артикль придаёт этому образу обобщённость типичного представителя класса.
- **Глагольно-объектные коллокации** с *un, una, unos, unas + существительное*. В эту категорию входят устойчивые сочетания типа *dar un X, echar un X, pegar un X* и т.п., где глагол сочетается с существительным в единственном числе с артиклем *un*, обозначая единичное действие или краткий акт. Примеры: *dar un paso* («сделать шаг» в переносном смысле – предпринять шаг), *echar un vistazo* («бросить взгляд», то есть быстро взглянуть), *pegar un grito* («вырвать крик», то есть вскрикнуть). Неопределённый артикль здесь выступает в роли антиэкстенсивного оператора детерминации: он отделяет отдельный акт действия от потенциально многократного или длительного процесса. Ср.: *dar pasos* – «шагать (делать шаги)» vs *dar un paso* – «сделать (один) шаг»; *echar tragos* – «прикладываться к бутылке» vs *echarse un trago* – «пропустить стаканчик (единоразово)». Таким образом, неопределенный артикль в составе таких выражений придаёт им значение одноразовости, краткости. Это качество часто используется для экспрессивной характеристики действия – его усиления или, напротив, смягчения: *echar una siesta* – «вздремнуть» (не спать долго, а именно коротко поспать днём). Иными словами, артикль здесь осуществляет грамматическую операцию детерминации, выделяя из потенциально длительного процесса единичный акт действия и одновременно придавая идиоме цельность. Благодаря этой операции неопределённый артикль фокусирует внимание на том, что действие совершается

разово и кратко. В русском языке подобный эффект часто достигается лексически (словами «разок, один раз» и т.п.), тогда как в испанском он оформляется грамматически через *un*.

- **Отрицательные и распределительные обороты** (*ni un, unos... otros...* и др.). К четвёртой группе относятся конструкции, где неопределённый артикль участвует в выражении тотального отрицания либо распределения. В обороте *ni un* [*существительное*] артикль подчёркивает абсолютное отрицание: *no hay ni un gato* – «нет ни единой души», *ni un Cristo* (разг.) – «ни за какие коврижки», «ни в коем случае». Здесь неопределенный артикль выступает в составе устойчивого сочетания *ni uno* («ни один»), усиливая отрицание до максимума. В распределительных конструкциях вида *unos* + глагол, *otros* + глагол артикль *unos* фактически выполняет роль неопределенного местоимения «одни... (а) другие...», разбивая множественное подлежащее на части: *unos dicen lo uno, otros lo otro* – «одни говорят одно, другие – другое». В идиоматических вариантах такого типа нередко заключён скрытый смысл разобщённости или хаотичности: *unos por el cierzo y otros por el solano* – «кто в лес, кто по дрова» (буквально: «одни [дуют] северным ветром, другие – южным»). Артикль *unos* придаёт образу неопределённость (не все, а какие-то одни и какие-то другие), необходимую для создания эффекта разобщённости.

Предложенная классификация, разумеется, не охватывает всех возможных случаев. Тем не менее она позволяет очертить основные критерии анализа: (1) синтаксическую позицию конструкции (связочная, сравнительная, глагольная, детерминативная); (2) семантическую роль артикля (метафорическая номинация, типизация сравнения, характеризация действия, усиление отрицания и т.д.); (3) стилистический эффект (экспрессивная оценка, гипербола, разговорная образность, идиоматическая экспрессивность высказывания). Рассмотрим подробнее каждую группу фразеологизмов и проанализируем функцию неопределенного артикля в её составе.

Функционально-стилистический анализ идиом с неопределенным артиклем

Предикативно-оценочные конструкции (*ser / estar / hacerse + un, una, unos, unas X*)

В данных выражениях неопределённый артикль служит своего рода «метафорическим равенством», устанавливая между субъектом и неким образным номинативным признаком отношение тождества по качеству. Использование неопределенного артикля позволяет представить человека или ситуацию как носителя всей полноты признака, заключённого в существительном. Например, фразеологизм *estar hecho un Adán* дословно означает «сделаться Адамом», а по смыслу – «стать неряхой, опуститься». Здесь Адам (известный библейский персонаж) выступает символом неопрятности, и благодаря неопределенному артиклю говорящий как бы помещает субъекта высказывания в категорию «один из таких же, как Адам». Аналогично, *ser un burro* – буквально «быть ослом» – при помощи артикля превращает атрибутивный признак (глупый, упрямый, как осёл) в сущностное качество субъекта, подчёркивая силу негативной оценки. Функция артикля в подобных конструкциях – референциально охарактеризовать образ: он выдвигает метафорический образ, как конкретизированный пример, через который даётся характеристика [17; с. 168]. При этом часто наблюдается эмфатический, экспрессивный эффект: сравнив нейтральное *es tonto* («глупый») и экспрессивное *ies un tonto!* – во втором варианте *un* усиливает эмоциональную окраску высказывания (выражая неприязнь, раздражение). В некоторых случаях артикль позволяет создавать яркие разговорные идиомы с интенсивной окраской: *iEs un decir!* – «Это так, словечко» (то есть образно говоря, не

всеръёз); *iEres un caso!* – «Ну ты кадр!» (обозначает необычного, странного человека). Без *un* такие высказывания либо невозможны, либо утрачивают экспрессивный оттенок образности.

Важно отметить, что артикль при таком употреблении нередко становится неотъемлемой частью фразеологизма. Попытка его опустить или заменить приводит к утрате идиоматического смысла. Например, *no soy mono de imitación* (буквально «я не обезьяна-подражатель» – выражение независимости) существует только без артикля, тогда как утвердительное *ser un mono de imitación* требует *un* и значит «обезьянничать, рабски копировать». Выражение *hecho un fideo* («стал как макаронина» – о худом человеке) обязательно включает *un*; без него сравнение теряет образность. Таким образом, неопределенный артикль функционирует как маркер фразеологической связанности, сигнализируя, что перед нами не свободное сочетание, а идиома с определенным переносным значением.

Сравнительные обороты с неопределенным артиклем

В устойчивых сравнениях и образных уподоблениях неопределенный артикль выполняет роль выделения эталонного образа, через который гиперболизируется или конкретизируется признак. Испанские фразеологизмы изобилуют примерами: *tan feliz como una lombriz* – «счастлив, как червяк» (т.е. крайне доволен); *más lento que una tortuga* – «медленнее черепахи» (очень медленный); *gritar como un poseso* – «кричать как одержимый». Везде неопределенный артикль перед существительным (червяк, черепаха, одержимый) указывает, что речь идёт о каком-то одном представителе вида, в максимальной степени несущем своеобразное качество. Артикль придаёт сравнительной конструкции оттенок универсальности: сравнение воспринимается не буквально с конкретным индивидом, а с обобщённым образом, «со средним представителем класса». Это роднит функцию неопределенного артикля здесь с английским оборотом *as Adj as a N* (где *a* выполняет сходную роль и также вводит типичный образ-эталон).

Иногда в подобных оборотах возможна вариативность артикля, что тоже примечательно. Например: *afable como el citrón* и *afable como un citrón* – оба варианта встречаются в речи и значат «любезный, как цитрон (цитрусовый ликёр)», то есть чрезвычайно приветливый. Разница стилистическая: форма с *el* («как тот самый цитрон») несколько более книжная, подразумевая известность образа, тогда как с неопределенным артиклем – более разговорная, невольно подчёркивающая гипотетичность сравнения («как какой-то цитрон» –ср. рус. «ласков, как бархат» vs «ласков, как какой-то бархат»). В целом, использование неопределенного артикля в сравнительных фразеологизмах делает выражение ярче за счёт лёгкой гиперболизации образа. Например, фраза *icorre que se las pela!* («бежит – аж пятки сверкают») в варианте *icorre más que un gamo!* («бежит быстрее оленя») приобретает архаично-экспрессивный колорит именно благодаря неопределенному артиклю, обозначающему некоего мифически быстрого оленя в качестве эталона скорости.

Отдельно стоит упомянуть случаи, когда наличие или отсутствие неопределенного артикля меняет значение идиомы. Показательный пример – пара: *estar en grito* vs *estar en un grito*. Выражение *estar en grito* означает «быть у всех на слуху, быть в моде», т.е. находиться в состоянии всеобщего обсуждения. Здесь отсутствие артикля указывает на неопределенность и обобщённость состояния – речь о явлении как таковом, без привязки к конкретному эпизоду. Напротив, *estar en un grito* – совсем другая идиома: «кричать от боли, быть в крике (от мучения)». Появление неопределенного артикля радикально меняет смысл: артикль конкретизирует состояние, локализуя его в моменте

(«закричать в один крик» – т.е. разово вскрикнуть или стонать в данный момент от боли). Таким образом, неопределенный artikel придаёт ситуации индивидуализированный, единичный характер, тогда как отсутствие artikelя оставляет значение на уровне общего свойства или тенденции. Здесь перед нами своего рода минимальная пара фразеологизмов, различающихся лишь наличием artikelя:

- *estar en grito* (без *un*): обобщённое, отвлечённое значение, описывающее широко распространённое явление или типичную ситуацию без указания на конкретный эпизод. Объект, о котором «кричат», понимается как часть моды или общего тренда (ср. рус. «грометь, быть у всех на слуху»). Artikel не используется, поскольку значение намеренно обобщено.
- *estar en un grito* (с *un*): конкретное, ситуативное значение – «находиться в состоянии крика (от боли/страха) в данный момент». Artikel *un* выделяет отдельный случай (крик) из потенциального множества, акцентируя его уникальность и остроту переживания.

Как видно, грамматически минимальное различие приводит к семантическому сдвигу. Это подчёркивает значимость artikelя как тонкого настройщика смысла в идиоматике: выбор между нулевым и неопределенным artikelем способен переключать значение с общего на частное, с типичного на уникальное, с констатирующего на эмфатическое. Аналитический критерий «есть/нет неопределенный artikel» таким образом становится одним из инструментов исследования испанских фразеологизмов.

Глагольные идиомы с неопределенным artikelем

Многие распространённые испанские идиомы представляют собой сочетание глагола с существительным, где неопределенный artikel указывает на единичность объекта, а сам объект метафорически характеризует действие. Мы уже упоминали *dar un paso*, *echar un vistazo*, *pegar un grito* и т.п. В каждом из этих случаев artikel необходим для грамматического оформления прямого дополнения в единственном числе, но его функция не сводится только к грамматике. *Un* фокусирует внимание на том, что действие совершается однократно (разово), и часто имплицирует его непродолжительность или внезапность – то, что в визуальной образности соотносится с «одним кадром» вместо «видеозаписи». Например, *echar una ojeada* – дословно «бросить один взгляд». Если убрать *una*, останется просто *echar ojo* («наблюдать, следить»), что уже другая семантика. Таким образом, artikel здесь выполняет грамматическую функцию усиления отдельного действия, одновременно придавая идиоме цельность: *hacer una pausa* – буквально «сделать паузу» (одно прерывание действия); *meter un gol* – «забить гол» (один мяч); *tomar una copa* – «пропустить стаканчик» (одну порцию напитка). В русском языке часто нет artikelей, но похожий эффект достигается с помощью слов «разок, раз, один» (ср.: выпить разок, припасть на секундочку). Испанский же оформляет такие значения грамматически через неопределенный artikel.

Стоит отметить, что во многих случаях подобные глагольно-именные конструкции стали фразеологически связанными, и их значение не выводимо из суммы частей. Тем не менее присутствие неопределенного artikelя остаётся обязательным элементом, без которого фразеологизм распадается. Например, *echar(se) flores* («сыпать комплименты») – устойчивое выражение без artikelя. Но если появляется artikel, меняется и сама идиома: *echar una flor* означает «сделать небольшой подарок или приятное одолжение» (буквально «подарить цветок» в переносном смысле). Другой пример: *armar cisco* – «поднять шум, скандал» vs *armar un cisco* – то же самое, но вариант с *un* более разговорный и чуть менее категоричный (буквально «устроить одну суматоху»). Здесь мы

видим, как артикль вводит оттенок единичности даже туда, где, казалось бы, выражение уже стало неделимым: *armar cisco/armar un cisco* различаются степенью экспрессии, причём второй вариант более пластичен стилистически.

В целом для глагольных идиом можно сформулировать критерий: если действие мыслится как дискретное событие, ограниченное в своей развёртке (во времени, пространстве или по результату), то испанский язык склонен использовать неопределенный артикль. Этот артикль не переводится отдельно, но его наличие носителями ощущается как индикатор того, что говорящий не просто описывает действие, а представляет его как единичный эпизод, часто с оттенком неожиданности или краткости. Отсюда возникает характерный стилистический эффект – разговорная живость, образность высказывания: *soltar un rollo* («отпустить тираду», т.е. сказать длинную речь), *pegar un susto* («как дать страху», т.е. сильно напугать), *dar un plantón* («дать пеньку», т.е. не прийти на встречу, «продинамить»). Во всех этих примерах артикль усиливает идиоматическую метафору, делая акцент на факте совершения единого действия, что нередко связано с эмоциональной реакцией адресата (сюрприз, испуг, смех и т.д.).

Отрицательные и эмфатические конструкции

Идиомы, выражающие полярные значения (например, полное отсутствие чего-либо или крайнее проявление качества), часто содержат неопределённый артикль как часть устойчивой формулы. В первую очередь это касается отрицательных оборотов с *ni*.... Например, *ni un duro* – «ни одного дуро» (ни гроша денег), *ni una palabra* – «ни [единого] слова», *ni un pelo* – «ни на волос» (ни чуть-чуть). Артикль *un* в сочетании с *ni* фактически образует неделимое выражение «ни один(ого)». Его функция здесь – усиливательная: он подчёркивает, что исключается даже самая минимальная величина или единица. Исторически подобные конструкции отражают принцип минимальной меры в отрицании, и наличие артикля служит маркером этой «минимальной меры» (одного элемента из всех возможных). Сходный принцип действует в восклицании *i y ni uno!* – «и ни одного!» (говорится в ответ на перечисление; эквивалент рус. «и ни одного [не...]»). Таким образом, в отрицательных фразеологизмах *un* является составной частью усилителя *ni uno/un*, без которого идиома не функционирует. Попытка убрать артикль (*ni hombre, ni palabra*) нарушает нормативность и понятность выражения.

Эмфатическое употребление *un* во множественном числе заслуживает отдельного упоминания. Форма *un*, *unas* может придавать высказыванию значение «какие-то уж очень...». Например, в разговорной речи: *i Tiene unas ideas!* – «У него такие идеи! (невообразимые)». Здесь *unas* служит для выражения возмущения или восхищения, усиливая последующее существительное намёком на его исключительность. Подобный механизм работает и в устойчивых сочетаниях: *i Eres de un egoísmo!* – «Ну и эгоизм у тебя!» (где *de un...* – ещё один способ выразить высокую степень качества). Эти конструкции находятся на стыке грамматики и фразеологии: они не вполне идиоматичны (можно подставлять разные существительные), но устойчивы как модель экспрессии. Неопределённый артикль в них выполняет ярко выраженную стилистическую роль, выражая категориальные значения интенсивности или оценочности как результат грамматического выбора формы [\[18; с. 20-23\]](#).

Наконец, распределительные обороты *un*... *otros*... уже упоминались выше. Добавим лишь, что во фразеологии встречаются их развернутые формы, подчёркивающие раздробленность ситуации: *unos por aquí, otros por allí* – «кто сюда, кто туда»; *unos dicen una cosa, y otros otra* – «одни так, другие эдак» [\[19; с. 13-15\]](#). Артикль *un* в них

устойчиво сохраняется, хотя теоретически мог бы опускаться (*unos dicen...*, *otros...* и так понятно из контекста). Его сохранение объяснимо исторически: изначально это были полные формы с *unus* («один из»), и стабильность формы поддерживает риторический приём противопоставления групп людей/предметов. Стилистически употребление *unos* в начале таких оборотов придаёт речи некоторую книжность или торжественность (особенно при повторе *unos...*, *unos...*), либо, напротив, иронию – если контекст гиперболичен [20; с. 1-2, 5-6]. Отдельного внимания заслуживают формы *ningunos*, *ningunas*, которые описаны как системные и контекстно мотивированные (в том числе при *pluralia tantum* и именах парной природы) [21; с. 1-2, 6-7].

Особые случаи: *up*, *una*, *unos*, *unas* в значении числительного или местоимения

Не во всех устойчивых сочетаниях формы *up*, *una* и *unos*, *unas* выполняют функцию именно артикля. В ряде фразеологизмов они употребляются в исходном количественном значении «один» либо как неопределённое местоимение «какой-то, некоторые». В этих случаях неопределенный артикль не привносит дополнительных стилистических оттенков неопределенности, а выступают как нейтральные указатели количества. Чтобы корректно интерпретировать такие выражения, важно отличать употребление *up* как артикля от его употребления как числительного или местоимения.

«Ни один» как отрицательный количественный показатель

В устойчивых отрицательных конструкциях с *pi...* рассматриваемые формы выражают буквальное отсутствие даже одной единицы. Так, в приведённых выше примерах *pi up duro* («ни одного гроша»), *pi una palabra* («ни [единого] слова»), *pi up gato* («ни единой души») неопределенный артикль фактически равен по смыслу слову *uno* («один») в отрицательной конструкции. По сути, *pi up = pi uno (solo)* – «ни один (даже)». Здесь *up*, *una* не задаёт референт, а лишь выражает отсутствие наличие хотя бы одной единицы, выполняя роль числительного при отрицании. Подобные выражения не приобретают дополнительных метафорических нюансов от артикля – он остаётся показателем минимального количества. Например, фразеологизм *no entender ni iota* («ничего не понимать»; досл. «не понять ни йоты») следует тому же принципу отсутствия хотя бы одной мизерной доли, хотя в нём артикль не фигурирует. Таким образом, если неопределенный артикль употреблен после *pi* и обозначают «ни одного/ни одной», их следует рассматривать не как артикль неопределенности, а как часть отрицательного местоимения *pi uno/una* – носителя количественного смысла «ни один».

Дистрибутивные противопоставления «одни – другие»

В конструкциях типа *unos... otros...* формы *unos/unas* также не выступают в роли артикля в классическом понимании. Они функционируют как самостоятельные неопределённые местоимения *unos* = «одни (некоторые)» и *otros* = «другие». Например, в идиоматичном выражении *unos por el cierzo y otros por el solano* («кто в лес, кто по дрова») *unos* явно означает «одни (люди)» – то есть часть некоего множества – противопоставленную другой части (*otros*). Здесь *unos* не служит для введения нового образа класса; напротив, оно разбивает субъект на две группы и указывает на их разграничение. Подобное употребление характерно для многих языков: ср. русское «одни – другие» или англ. *some – others* [22; с. 1179-1181]. Таким образом, *unos* в подобных конструкциях корректнее трактовать как местоимение, а не как артикль, так как оно выполняет функцию распределения по группам, а не детерминации имени.

Эмфатическое *unos/unas* как указатель степени

В восклицаниях вида *i Tiene unas ideas!* («У него такие идеи!») или *i Eres de un egoísmo!* («Ну и эгоизм у тебя!») форма *unas* также близка по функции к местоимению «какие-то». Несмотря на формальную классификацию как множественного неопределённого артикла, здесь *unas* фактически употреблено в значении «какие-то особенные» идеи – то есть выполняет количественно-оценочную функцию, аналогичную выражению *i Qué ideas tiene!*. В таких конструкциях *unos*, *unas* не столько маркируют введение нового субъекта, сколько служат средством экспрессии степени качества: задают высокую степень удивления, негодования или восхищения говорящего. Например, сравним нейтральное высказывание *tiene ideas* («у него есть идеи») и экспрессивное *itiene unas ideas!* – последнее подразумевает «у него *та-акие* идеи!», где *unas* указывает на экстремальную степень оценки. Подобное употребление, по сути, переходит из разряда чисто грамматических в разряд лексико-фразеологических средств экспрессии. Следовательно, *unas* в таких случаях можно рассматривать как маркер интенсификации, семантически близкий к местоименно-наречным конструкциям типа *tan...* («настолько...»), *qué...* («какие же...»).

Случаи использования как числительного

Некоторые устойчивые сочетания включают неопределенный артикль в своём прямом словом значении «один». Например, фразеологичная формула *érase una vez...* («жила-была однажды...») – стандартное начало сказки – содержит *una* в значении числительного «один» (рус. «однажды») без какого-либо оттенка неопределённости: этот оборот просто задаёт время и не предполагает идентификацию объекта. Ещё пример – выражение *uno a uno* («один за одним, по одному»), которое функционирует как наречие порядка («последовательно, поочерёдно») и где *uno* используется как чистое числительное «один» в составе устойчивого сочетания. Хотя формально *uno* здесь может рассматриваться как особая форма неопределённого местоимения, по сути оно сохраняет количественное значение и не выполняет функций введения нового референта. Подобные случаи показывают, что в ряде устоявшихся выражений *un/uno* выступает именно в роли числительного – и эти случаи надо отличать от собственно артикльевых конструкций.

В перечисленных ситуациях наличие *un*, *una*, *unos*, *unas* не добавляет идиоме характерных для артикля оттенков (новизны референта, обобщённости, экспрессии неопределённости). Их роль сводится к указанию количества или к делению на группы, то есть к базовым количественно-референциальным значениям. Отличить такие случаи помогает анализ контекста и устойчивости сочетания. Если выражение допускает подстановку конкретного числа или сохранение смысла при замене *un* на *uno* («один») – скорее всего, *un* в нём не является артиклем детерминации. Например, смысл *no decir ni una palabra* практически эквивалентен *no decir ninguna palabra* («не сказать ни одной/ни какой-либо слова»), и употребление *una* здесь указывает на отсутствие единого случая коммуникации, а не вводит новый объект разговора. Соответственно, *una* в этом выражении – числительное (часть отрицательной конструкции), а не маркер неопределённости. Напротив, в идиоме *echar un vistazo* замена *un* на *uno* или изъятие артикля невозможны без утраты смысла – здесь *un* выполняет именно функцию артикля, задающего границы краткого действия (как обсуждалось ранее).

Формы *un*, *una* (а также их множественные *unos*, *unas*) в ряде фразеологизмов сохраняют свое первоначальное количественное значение или выступают в роли неопределённых местоимений. В таких контекстах они не несут дополнительной стилистической нагрузки, свойственной артиклю, а потому должны интерпретироваться буквально – как «один» или «некоторые». Ключевым признаком подобных случаев

является возможность буквального прочтения без потери смысла и наличие вариантов замены (на числительное, на иной определитель) вне ущерба для значения. Таким образом, правильная интерпретация устойчивых выражений напрямую зависит от умения распознать статус *up* – отличить случаи, где он употреблён в числовом значении, от тех, где это именно artikel. Контекст и степень идиоматической устойчивости играют решающую роль: например, в сочетании *pi un duro* (*un* = «один») и в варианте *unos duros* (*unos* = «несколько монет») форма одинакового происхождения выполняет разные функции и переводится по-разному. В одном случае это полное отрицание («ни гроша»), в другом – указание на неопределенное небольшое количество денег («пара монет, немного денег»). Учитывая такие нюансы, исследователю и переводчику следует постоянно держать в фокусе двойственную природу форм *up*, *una*, *unos*, *unas* и их контекстуальную функцию.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что неопределённый artikel в испанской фразеологии функционирует как оператор детерминации, выполняющий переход от потенциального образа к конкретизированному и направляющий интерпретацию устойчивых выражений. В пределах фразеологической системы выбор формы с artikelом или без него не сводится к стилистической детальности: это регулярная грамматическая операция, задающая план содержания высказывания (уровень обобщённости, степень индивидуализации, выраженность оценочного признака) и согласующая значение с типом конструкции. Тем самым artikel выступает не периферийным усилителем, а структурным компонентом операции детерминации, формирующим профиль значения в предикативно-оценочных, сравнительных, глагольно-именных и отрицательно-дистрибутивных моделях [23; с. 75].

Полученные результаты подтверждают, что в глагольно-именных идиомах форма с неопределенным artikelом представляет событие как разовое (представление процесса как одного завершённого акта); в предикативно-оценочных построениях наблюдается усиление степени признака (выведение оценочного образа на передний план); в сравнительных формулах — представление типового образа как отдельного представителя класса, через который проявляется степень признака. В отрицательно-дистрибутивной зоне закрепляется указание на минимальный объём и распределение множества; при этом фиксируется контекстуальная двуплановость форм *up*, *una*, *unos*, *unas*: в ряде устойчивых сочетаний они функционируют не как artikel, а как числительное или неопределенное местоимение. Минимальные пары по типу *estar en grito* / *estar en un grito* демонстрируют регулярное переключение интерпретации по оси «обобщённость → индивидуализация» и «нейтральность → выраженная интенсивность», что подтверждает статус artikelя как элемента, определяющего план выражения.

С теоретической точки зрения уточняется степень грамматикализации форм *up*, *una*, *unos*, *unas* в сфере фразеологии. Показано, что, оставаясь средствами категории детерминации, эти формы сохраняют след исходной количественной мотивации и потому проявляют статусную вариативность, диагностируемую тестами на замену (на *upo/upa*), на оппозицию с нулём artikelя и на устойчивость/вариативность формы. Тем самым отвергается упрощённая модель «полной грамматикализации» в устойчивых выражениях: внутри фразеологической системы действуют различные режимы интерпретации одной и той же формы, задаваемые типом конструкции и коммуникативной задачей.

Практический эффект работы проявляется в двух плоскостях. Во-первых, предложенные

критерии применимы при лексикографическом описании: целесообразно фиксировать статус формы (артикль, числительное, местоимение), обязательность артикля и результат детерминации, что повышает предсказуемость интерпретации и облегчает построение словарной статьи. Во-вторых, модель полезна для перевода и преподавания: распознавание эффектов референциальной характеристизации события и степени признака определяет выбор эквивалента и степень экспрессии в языке перевода, обеспечивая точную передачу смысла без утраты стилистических параметров.

Перспектива дальнейшей работы связана с корпусным исследованием распределения и вариативности обязательности артикля в устойчивых выражениях по диалектам и жанрам, а также с межъязыковым сопоставлением в романской группе по параметрам референциальной характеристизации события и представления типового образа. Такие сопоставления позволят уточнить универсальные и специфические свойства механизма детерминации в фразеологии и расширят теоретическую модель за счёт независимых данных.

Библиография

1. Ключевский В.М. История изучения неопределенного артикля в испанской грамматике // Филология: научные исследования. 2025. № 6. С. 55-68. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.75012 EDN: KSRZXH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75012
2. Кацкин В. Б. Функциональная типология (неопределенный артикль). – Воронеж: ВГТУ, 2001. – С. 255. EDN: QCPMNL.
3. Яковлева Е. В. Механизм референции. Тенденции изучения // Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания. – 2010. – № 18 (89).
4. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / пер. с фр.; общ. ред. Л.М. Скреплиной. – М.: Прогресс, 1992. – С. 224.
5. Скреплина Л. М. Школа Гийома: психосистематика. – М.: Высшая школа, 2009. – С. 425. EDN: QUDVHH.
6. Позас-Лойо Х. *El artículo indefinido: origen y gramaticalización*. – México: El Colegio de México (Centro de Estudios Lingüísticos y Literarios), 2016. – Р. 304.
7. Аларкос Льорак Э. *Gramática de la lengua española*. – Madrid: Espasa-Calpe, 1994. – Р. 583.
8. Попова, Н. И. Грамматика испанского языка: учебник для вузов. – М.: Филология, 2019. – С. 480.
9. Королевская академия испанского языка (RAE); Ассоциация академий испанского языка (ASALE). Новая грамматика испанского языка. – Мадрид: Эспаса, 2009. – 2 т.
10. Левинтова Э. И., Вольф Е. М., Мовшович Н. А., Будницкая И. А. Испанско-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1985. – С. 1080.
11. Pawlik, J. Determinación nominal y adjetivos identificadores en el español peninsular: datos del CORPES XXI // Roczniki Humanistyczne. – 2023. – Т. 71, № 5. – Р. 131-148.
12. Филиппова В. А. 1500 русских и 1500 испанских идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний. – М.: Живой язык, 2012. – С. 192.
13. Попова, В. Б. “Дихотомия “вариативное/типичное” как дейктический потенциал неопределенного артикля” // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 21-29.
14. Хокинс Дж. А. *Definiteness and Indefiniteness: A Study in Reference and Grammaticality Prediction*. – L.: Croom Helm, 1978. – Р. 316.
15. Корпас Пастор Г. *Manual de fraseología española*. – Madrid: Gredos, 1996. – Р. 376.
16. Гивон Т. *Syntax: A Functional-Typological Introduction*. Vol. I. – Amsterdam: John Benjamins, 1984. – Р. 408.

17. Скрелина Л. М., Становая Л. А. Теоретическая грамматика французского языка. Ч. 1. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. – С. 386. EDN: RYWCNL.
18. Афанасьева, А. А. Междометные фразеологические единицы испанского языка: оценочная семантика и экспрессия // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 20-32. EDN: NPODLU.
19. García Fajardo, J. Los determinantes indefinidos plurales del español con lecturas colectivas // Anuario de Letras. Lingüística y Filología. – 2025. – Т. 13, № 1. – Р. 5-26.
20. Tieperman, R.; Regan, B. Definite article with proper names in Chilean Spanish: a variationist corpus study // Isogloss. – 2023. – Т. 9, № 1. – Р. 1-27.
21. Pato, E. Formas ningunos/ningunas en la historia y el español actual // Diálogo de la Lengua. – 2024. – № 16. – Р. 1-17.
22. Гулецев, Н. А.; Некрасова, М. Ю. Поле "ум – глупость/безумие" в испанской фразеологии: структурно-семантические модели // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 1175-1186.
23. Юрина Ю. А. Артикль как средство детерминации // Фундаментальные исследования. – 2006. – № 8. – С. 75-78. EDN: IPVJHJ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования является функционирование неопределённого артикля в составе испанских идиом и фразеологических оборотов, а также определение его стилистического потенциала. Актуальность работы обоснованно аргументируется тем, что использование неопределённого артикля «в составе идиом и фразеологических оборотов представляет особый интерес, поскольку именно в устойчивых выражениях артикль нередко приобретает экспрессивные функции и стилистические оттенки, выходящие за рамки базового грамматического значения».

Теоретической основой исследования выступили труды по теоретической лингвистике, функциональной типологии и семантике, испанской фразеологии, грамматике испанского языка, функционально-стилистическим особенностям артикля, истории изучения неопределенного артикля в испанской грамматике и др. на русском, английском и испанском языках. Библиография статьи насчитывает 21 источник, в том числе лексикографические, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике рассматриваемого предмета и содержательным требованиям. Однако в тексте отсутствуют ссылки на источники 16-21, что противоречит правилам редакции по оформлению списка литературы: «В список литературы включаются только рецензируемые научные источники, которые !упоминаются! в тексте статьи». Также автор(ы) практически не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года.

С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы в исследовании использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод с приёмами наблюдения, обобщения и классификации, сравнительно-сопоставительный метод, метод системного анализа, интерпретативный анализ и др.

В ходе работы осуществляется комплексный анализ функций неопределенного артикля в составе испанских идиом и фразеологических оборотов («неопределённый артикль в испанском языке – многофункциональный инструмент, способный тонко влиять на значение высказывания; он не ограничивается одной грамматической ролью, а

выступает то в количественно-обобщающей функции, то в функции маркера конкретного случая, то в роли носителя субъективной оценки, то в качестве связующего элемента структуры»), определяется его стилистический потенциал в составе идиом и фразеологизмов, что позволяет автору(ам) заключить, что «в пределах фразеологической системы выбор формы с артиклем или без него не сводится к стилистической детальности: это регулярная грамматическая операция, задающая план содержания высказывания (уровень обобщённости, степень индивидуализации, выраженность оценочного признака) и согласующая значение с типом конструкции».

Теоретическая значимость исследования связана с его вкладом в развитие теории частей речи, функциональной грамматики и грамматической стилистики: уточнена степень грамматикализации форм *un*, *una*, *unos*, *unas* в сфере фразеологии («внутри фразеологической системы действуют различные режимы интерпретации одной и той же формы, задаваемые типом конструкции и коммуникативной задачей»). Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в курсах по языкоznанию, морфологии современного испанского языка, а также в лексикографической и переводческой практике («распознавание эффектов референциальной характеризации события и степени признака определяет выбор эквивалента и степень экспрессии в языке перевода, обеспечивая точную передачу смысла без утраты стилистических параметров»).

Обращаем внимание автора(ов) на языковые недочеты, полагаем, технического характера, которые не умаляют общего положительного впечатления от рецензируемой работы, но требуют устранения (см «Теория артиклия Гийома предлагает трансцендентный способ объяснения роли неопределенного артиклия, подчеркивая его роль в вынесении новой информации на передний план речи»).

Также в рукописи, по-видимому, идет речь об известном испанисте Нине Ивановне Поповой, а не о Зинаиде Даниловне Поповой, занимавшейся вопросами синтаксиса русского языка, русской и общей фразеологией и лексикологией (см «В работе учитываются положения современной испанистики (исследования Х.Позас-Лойо, З. Д. Поповой, Э. Аларкоса Льорака и др...)»).

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру: вводная часть с постановкой цели исследования; основное изложение материала с последовательным анализом, каждый подраздел подытоживается обоснованным выводом; заключение, в котором обобщаются полученные результаты. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Материал является новаторским, представляющим авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Работа будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена определению функционально-стилистической роли неопределенного артиклия в испанских фразеологизмах. Собственно лингвистическая задача исследования вполне прозрачна и актуальна, материал, так или иначе, практически востребован. Как отмечает в начале труда автор, «неопределенный артиклъ в испанском языке (*un*, *una* в ед.ч., *unos*, *unas* во мн.ч.) является одним из ключевых

элементов, участвующих в формировании смысла высказываний», «его использование в составе идиом и фразеологических оборотов представляет особый интерес, поскольку именно в устойчивых выражениях artikel нередко приобретает экспрессивные функции и стилистические оттенки, выходящие за рамки базового грамматического значения». На мой взгляд, работа в целом отвечает требованиям издания, тема соотносится с одной из рубрик журнала. Текст имеет цельно-завершенный вид, привлекает в работе концептуальный подход в оценке статуса неопределенного artikelя в испанском языке. Удачно выстраивается исследователем и диалог с оппонентами, да и собственно своя позиция сформирована на конкретном анализе имеющихся работ. Стиль соотносится с научным типом: например, «Теория artikelя Гийома предлагает трансцендентный способ объяснения роли неопределенного artikelя, подчёркивая его роль в вынесении новой информации на передний план речи. Иначе говоря, неопределённый artikel связан с партикуляризацией образа (представлением объекта вне класса как одного из возможных), тогда как определённый – с его идентификацией (выделением объекта из класса как конкретного). Эта функциональная дилемма лежит в основе работы механизма artikelя и определяет различие грамматических значений [5; 115]», или «В испанском языке неопределённый artikel представляет собой грамматическую единицу, эволюционировавшую из числительного «один» и ещё не утратившую полностью связь со своим исходным значением [6; с. 87]. Этот факт обуславливает многообразие его употреблений: в отличие от определённого artikelя, достигшего высокой степени абстракции, неопределенный artikel сохраняет ряд лексических оттенков, демонстрируя гибкость функций в разных контекстах речи [7; с. 56]. Особенно наглядно это видно на материале идиоматических и фразеологических выражений, где неопределённый artikel часто играет центральную роль в формировании уникальных смысловых оттенков...» и т.д. Как видим, цитации делается с учетом контекста, с учетом общей логики работы. Думаю, что дробление текста на т.н. смысловые части также оправдано, это позволяет потенциальному читателю следить за вариантом развития авторской мысли. Аналитика ситуативного рассмотрения функций неопределенных artikelей верна: например, «многие испанские фразеологизмы сохраняют этот оттенок исходного количественного значения. Например, выражение *«buscar una aguja en un rajad»* – «искать иголку в стоге сена» – иллюстрирует, как *una* и *un* указывают на единичный предмет (иголка) и единичный объект (стог сена) в составе множества. В данном обороте artikel не только сообщает, что речь идёт об одной иголке среди множества соломинок, но и тем самым метафорически подчёркивает чрезвычайную трудность задачи (найти нечто одно малое в необъятном)». Полновесный анализ дает возможность целостно рассмотреть проблему, а также раскрыть тему работы. Промежуточные итоги [по смысловым блокам] рациональны: «В контексте испанских идиом наличие или отсутствие неопределенного artikelя зачастую определяет смысл всего выражения: сравнение вариантов показывает, насколько велик вклад даже такого, казалось бы, незначительного элемента в формирование идиоматического значения. Таким образом, анализ функций неопределенного artikelя через призму фразеологии позволяет глубже понять механизмы смысловой динамики языка и необходимость тонкого разграничения его грамматико-семантических ролей». Исследование объемно, оно выверено, в нем достаточное количество иллюстративного материала; текст не нуждается в серьезной правке и коррективе; поставленные задачи решены. В итоговом блоке автор полновесно обозначает роль / функции неопределенных artikelей в испанской фразеологии при этом обозначая и перспективу изучения вопроса: «перспектива дальнейшей работы связана с корпусным исследованием распределения и вариативности обязательности artikelя в устойчивых выражениях по диалектам и жанрам, а также с межъязыковым сопоставлением в

романской группе по параметрам референциальной характеристикации события и представления типового образа. Такие сопоставления позволяют уточнить универсальные и специфические свойства механизма детерминации в фразеологии и расширят теоретическую модель за счёт независимых данных». Рекомендую статью «Неопределенный артикль в испанской фразеологии: функционально-стилистический анализ» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дебенова З.А., Дашибалова Д.В. Бурятские генеалогические прозвища-присловья // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.74946 EDN: ZVTPZI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74946

Бурятские генеалогические прозвища-присловья

Дебенова Зинаида Анциферовна

ORCID: 0000-0002-8824-6624

младший научный сотрудник; Лаборатория "Центр переводов с восточных языков"; Институт монголоведения; буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

670004, Россия, респ. Бурятия, г. Улан-Удэ, Советский р-н, ул. Хрустальная, д. 6, кв. 6

✉ debenova@gmail.com

Дашибалова Дарима Владимировна

ORCID: 0009-0004-0907-3668

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник; Центр восточных рукописей и ксилографов; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
старший преподаватель; Восточный факультет, Кафедра филологии Центральной Азии; Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

670000, Россия, респ. Бурятия, г. Улан-Удэ, Советский р-н, ул. Смолина, д. 24а

✉ dardash3@gmail.com

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.74946

EDN:

ZVTPZI

Дата направления статьи в редакцию:

23-06-2025

Дата публикации:

14-09-2025

Аннотация: Прозвища-присловья представляют собой малоизученный пласт бурятского фольклора и функционируют как устойчивые словесные формулы, закрепляющие

характеристику отдельных этнических групп по различным признакам. В настоящем исследовании предметом анализа выступают прозвища-присловья генеалогического характера – выражения, тесно связанные с преданиями о происхождении племён и родов бурят. В их содержании отражаются ключевые мотивы повествовательной генеалогической традиции, такие как чудесное рождение, иноэтническое происхождение и переселение. Структура генеалогических присловий отличается строгой грамматической организацией, основанной на повторяющихся синтаксических моделях, а также активным использованием фонетических приёмов (аллитераций и ассоціантов), что придаёт им формульную устойчивость и облегчает устное воспроизведение преданий. Исследование направлено на выявление структурных и семантических особенностей рассматриваемых формул, определение их функций как носителей коллективной памяти и средств фиксации этнической идентичности, а также на анализ специфики их бытования в повествовательных, ритуальных и генеалогических контекстах. Методологическая основа исследования опирается на междисциплинарный подход, сочетающий принципы фольклористики, лингвистического анализа и исследований памяти. Применяются сравнительно-типологический и структурно-семиотический методы, направленные на выявление устойчивых грамматических моделей и функциональных характеристик присловий. Такой комплексный подход позволяет интерпретировать их как мнемонические формулы коллективной памяти, обеспечивающие сохранение и трансляцию этнокультурной информации. Научная новизна исследования заключается в комплексном описании бурятских генеалогических присловий в контексте положений исследований памяти (*memory studies*). Показано, что данные формулы представляют собой не только элемент художественного фольклора, но и значимый механизм сохранения и трансляции этнической идентичности. Установлено, что они обладают грамматической структурой, основанной на повторяющихся моделях, демонстрируют интертекстуальные связи с преданиями о происхождении и выполняют выраженную мнемоническую функцию. Полученные результаты позволяют рассматривать генеалогические присловья как ключевой компонент устной традиции, обеспечивающий связь генеалогических сюжетов с повествовательными практиками этнических групп. Итоги исследования могут найти применение в дальнейших работах по фольклористике, этнологии, культурной антропологии, а также в проектах, направленных на сохранение нематериального культурного наследия.

Ключевые слова:

бурятский фольклор, генеалогические присловья, прозвища-присловья, устная традиция, этническая идентичность, коллективная память, *memory studies*, мнемонические формулы, повествовательные практики, структурно-семиотический анализ

Статья выполнена в рамках государственного задания (проект «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI вв. в контексте межцивилизационного взаимодействия», № 121031000302-9). Статья выполнена в рамках государственного задания (проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии») № 121031000263-3.

Словесные формульные выражения, фиксирующие представления о происхождении и характеристиках этнических групп, образуют особый пласт бурятского фольклора,

который до настоящего времени остаётся недостаточно исследованным. Среди них встречаются формулы типа «бухайн малтариhaa олдоhон Булагат» — «Булагат, найденный в яме быка», «эрьеын габанаа олдоhон Эхирит» — «Эхирит, найденный в береговой щели» и др. Немногие исследователи обращались к этому материалу, поэтому до сих пор актуален вопрос терминологического обозначения жанра.

В опубликованных работах встречаются различные наименования: «базовые этнические формулы» [\[1, с. 45\]](#), «примеры традиционного родоплеменного антагонизма» [\[2, с. 81\]](#); в алтайской традиции аналогичные тексты именуются «родовыми присказками» или «родовыми дразнилками» [\[3, с. 63\]](#); в калмыцком фольклоре — «характеристиками-присловьями» или «присловьями-прозвищами» [\[4, с. 101\]](#).

В русской фольклористике исследователи чаще используют понятия «локально-групповые прозвища» [\[1\]](#) или «коллективные прозвища» [\[5, с. 3\]](#), подчёркивая их функциональную близость к прозвищному фольклору. Их изучение ведётся на пересечении этнографии, лингвистики и фольклористики, а исследователи подчёркивают необходимость многожанрового и кроссжанрового анализа. Подобные выражения трактуются как особая форма коллективной идентификации, закрепляющая различия между локальными и социальными группами и выражающая устойчивые представления о «своём» и «чужом». Они выполняют одновременно оценочную и ироническую функцию, служат инструментом памяти и формируют культурный код, отражающий специфику восприятия территориальной принадлежности, отражают оппозицию «своё — чужое».

Классическое определение жанра дано В. И. Далем: «Присловье весьма близко к прозвищу, но относится не к лицу, а к целой местности, коей жителей дразнят, бранят или чествуют приложенным к ним присловьем» [\[6, с. 21\]](#). В тюркской и монгольской традиции, однако, адресатами подобных характеристик выступают не жители конкретной местности, а представители рода или племени, что отражает «генеалогический» взгляд на мир.

Бурятские формулы могут иметь как негативную окраску, например: «мяханай муу нь хүзүүн, хүнэй муу нь хурхуут» — «худшее мясо на шее, худшие люди — хурхуты» [\[2\]](#), так и позитивную: «ама сагаан алагуй» — «алагуевцы с добрым словом» [\[3\]](#). При этом, как отмечает М. М. Содномпилова, подобные выражения «не носили враждебный характер, а скорее выступали в качестве маркеров своеобразного жанра народного фольклора» [\[2, с. 81\]](#).

И. Ю. Карташева выделяет три основные функции присловий: прославление — возвеличивание человека, умеющего хорошо работать и весело отдыхать; констатацию — фиксацию определённого качества или ситуации; и смеховую, которая преобладает и связана с разными оттенками народного смеха [\[7, с. 149\]](#). Данная классификация, на наш взгляд, не может быть напрямую применена к бурятскому материалу, который демонстрирует ряд особенностей, не вписывающихся напрямую в предложенную классификацию, что делает его отдельное рассмотрение актуальной задачей. В рамках настоящего исследования основное внимание уделяется именно тем присловьям, которые связаны с сюжетами о происхождении бурятских этнических групп.

Наиболее развернутое описание бурятских присловий оставил С. П. Балдаев в неопубликованной работе «Присловья бурятского народа», черновик которой хранится в его личном архивном фонде [\[4\]](#). Он использует традиционный для русской

фольклористики термин «присловья», подчёркивает значимость их изучения и фиксирует значительный корпус полевого материала. Таким образом, некоторые из выделенных исследователями характеристик жанра сохраняются и в бурятской традиции, в связи с чем в дальнейшем мы будем придерживаться именно этого термина.

Присловья генеалогического характера, то есть содержащие характеристику того или иного племени или рода в контексте его происхождения, встречаются во многих текстах генеалогических преданий. Их смысловое содержание непосредственно связано с соответствующими сюжетами. С одной стороны, такие присловья являются составной частью повествования и, как правило, размещаются в его финальной части, выполняя функцию своеобразного резюме: «поэтому данный род носит такое название» или «по этим причинам бытует данное выражение». С другой стороны, они могут функционировать и как самостоятельные речевые конструкции, выходящие за пределы конкретного повествования, что придаёт им иную прагматическую направленность. Наиболее наглядным примером подобного использования является их включение в призывания, произносимые во время родовых жертвоприношений [\[8, с. 12\]](#). Этот аспект принципиально отличает их от «типических мест» и «общих формул», характерных для повествовательных форм фольклора.

Стоит отметить, что генеалогические присловья обладают рядом специфических черт, которые отличают их от прочих словесных характеристик. Во-первых, как уже отмечалось выше, они непосредственно связаны с преданиями, а именно с некоторыми выделенными в первой главе диссертации мотивами. Эта связь выражается, в частности, через наличие причастных глагольных форм, что отражает предикативную природу этих мотивов, а также упоминание действующих лиц, персонажей или прочих элементов, например «хүн шубуун эхэтэй хори» — «хоринцы с матерью-лебедицей», «бухайн малтаари улгэтэй, хүхэ буха эсэгэтэй Булгат» — «Булагат с колыбелью - ямой, вырытой порозом, с отцом - сивым быком». Во-вторых, их содержание акцентируется не на оценке (позитивной или негативной) качеств представителей рода, а преимущественно на истории их происхождения, раскрывающейся в фольклорных сюжетах. В-третьих, в ряде случаев прозвище адресуется не роду в целом, а отдельным его представителям, чьи имена зафиксированы в генеалогических таблицах.

Генеалогические присловья в подавляющем большинстве случаев связаны с именем родоначальника, которое впоследствии стало этнонимом всей группы. Они отличаются устойчивой грамматической структурой и характеризуются поэтическими приемами, в первую очередь начальной аллитерацией и ритмико-сintаксическим параллелизмом. Среди генеалогических присловий можно выделить три категории: относящиеся к мотивам чудесного рождения, мотивам иноэтнического происхождения, а также присловья, в которых отражены мотивы переселения.

Все присловья основаны на устойчивых паттернах, которые, несмотря на вариативность содержания, обладают строгой грамматической структурой. Так, в присловьях, отражающих мотив чудесного рождения, используются повторяющиеся конструкции (аффикс исходного падежа -haa и аффикс причастия прошедшего времени -han). Среди них «-haa олдоhон» — досл. «найденный от» или «найденный из», при этом указания мест непосредственно связаны с текстом предания, и достаточно варьируются: «буха доороhоо олдоhон Булгат» - из-под быка найденный Булагат [\[9, с. 79\]](#); «эрьеын габаhаа олдоhон Эхирит» - из береговой щели найденный Эхирит [\[8, с. 37\]](#); «ургын узуурhаа олдоhон Обогон» - из-под корня цветка найденный Обогон [\[8, с. 26, 136, 138\]](#).

Другую распространенную грамматическую конструкцию «-haa гараан», которая дословно переводится как «вышедший из», собиратели и исследователи интерпретируют как «зачатый от» или «рожденный от». В этих примерах могут упоминаться животные, которые, согласно сюжету стали волшебным родителем – бык, собака, конь, глухарь и т.д. – также достаточно редко упоминаются женщины, например, в отдельных вариантах формул родов готов и шаранут: «нохойhoо олдоонон Нохой» - от собаки зачатый Нохой [\[5\]](#); «шоноhoо олдоонон Шоно» - от волка рожденный Шоно [\[6\]](#); «шадамар изыгэхээ гараан Шаранут» - от умелой женщины рожденный Шаранут [\[8, с. 57\]](#).

В группе присловий о чудесном рождении также распространена грамматическая конструкция «-тай/-тэй», обозначающая обладание. Среди подобных характеристик присутствуют слова, непосредственно связанные с семейно-родовой лексикой: «эрээн гутаар эсэгэтэй, эргин габа эхэтэй Эхирит» - Эхирит с отцом – налимом и матерью – береговой щелью [\[6, с. 11\]](#); «уули шубуун эсэгэтэй, өөлэд басаган эхэтэй, уляаан модон үлгэтэй Уляба» - Уляба с отцом – птицей совой и берестяной колыбелью [\[7\]](#).

В присловьях, встречающихся в преданиях с мотивом иноэтнического происхождения родоначальника, встречаются те же причастные формы, как и в формулах вышеописанной группы: ерээн, олдоонон, гараан. Однако в ином контексте те же глагольные формы приобретают иное значение: «барилгада ерээн Баендай» - «Баендай, отбитый от врагов» [\[8, с. 24, 267\]](#); «олзото ерээн Олзон» – «Олзон, отбитый от врагов» [\[8, с. 24\]](#); «хамнаган һамганhaа гараан Хамнай» - от хамнигана рожденный Хамнагадай [\[8, с. 286\]](#).

Присловья, отражающие мотивы переселения, представляют собой устойчивые повествовательные формулы, фиксирующие момент прибытия персонажа или персонажей в новое место и сопровождающие его обстоятельствами. Во всех случаях ядром конструкции является глагольная форма ерээн («пришедший»). Перед этой формой располагается обстоятельственный компонент, чаще всего выраженный деепричастием или причастным оборотом на -жа/-жэ/-н, указывающим на причину или сопутствующее действие: «төөрэжэ ерээн Бүрэнгүт» - заблудившись в тумане пришедшие бурэнгуты [\[8\]](#); «ябахаар ерээн Заягтай» [\[9\]](#) - прогуливаясь пришедшие заягтайцы; «хул мунгэ ерээн Хүулмэнгэ» - бесцельно бродя пришедшие хулмэнгэ [\[10\]](#).

В содержательном плане эти формулы объединяет фиксация факта перемещения, тогда как обстоятельства варьируются. Повторяющийся синтаксический шаблон создаёт чёткий формульный каркас, обеспечивающий лёгкое запоминание и воспроизведение в устной традиции.

При изучении данного феномена представляется методологически обоснованным обращение к междисциплинарному подходу *memory studies* – области исследований, фокусирующейся на механизмах формирования, передачи и функционирования коллективной и индивидуальной памяти. В контексте устной культуры существование формул может быть интерпретировано через призму их мнемонической функции, что подчеркивает их ключевую роль в сохранении и воспроизведении культурно значимой информации.

По наблюдениям Уолтера Онга, «в условиях первичной устной культуры для эффективного решения задачи сохранения и воспроизведения тщательно структурированной мысли необходимо осуществлять мышление в рамках мнемонических

паттернов (курсив мой – З. Д.), адаптированных для удобного устного повторения. Мысль должна формироваться в виде строго ритмизированных, сбалансированных структур, включающих повторы или антитезы, аллитерации и ассонансы, эпитеты и иные формульные выражения, а также стандартные тематические контексты (собрание, трапеза, поединок, «помощник» героя и т. д.)» [\[11, с. 34\]](#). Данное описание демонстрирует универсальность мнемонических стратегий, применимых к широкому спектру фольклорных жанров, включая рассматриваемые в упомянутых выше работах базовые этнические формулы и выражения. В контексте же генеалогических формул их мнемоническая функция очевидна.

Во-первых, формулы представляют собой устойчивые шаблонные паттерны, которые, несмотря на вариативность, обладают строгой грамматической структурой.

Во-вторых, ключевой особенностью формул является использование аллитераций и ассонансов, что обеспечивает созвучие слов с описываемым этнонимом. Этот принцип особенно заметен в различных вариантах формул и преданиях, связанных с одним и тем же этнонимом. Например: «**шара** азаргахаа олдохон **Шаранут**», «**шадамар** изыгэхэ гораан **Шаранут**»; «**тан** дундага олдохон **Такши**», «**тандалдаагаар** олдохон **Тагша** мэргэн». Такая фонетическая организация способствует запоминанию и воспроизведению текста.

В-третьих, все рассмотренные формулы объединены общей тематикой – они связаны с преданиями о происхождении, что указывает на их принадлежность к стандартному тематическому контексту. Это подчеркивает их функциональную роль в передаче культурной памяти и идентичности.

Бельгийский исследователь Ян Вансина предлагает свою типологию устной культуры, в которой особое внимание уделяется мнемоническим формулам. По его словам, они «передаются с чрезвычайно высокой степенью точности. Они часто включают архаичные элементы, которые уже не понятны информантам, но тем не менее сохраняются именно благодаря внутренним характеристикам самих формул» [\[12, с. 145\]](#). Среди различных типов формул Вансина выделяет слоганы, которые играют важную роль в устной традиции. Он приводит примеры из культуры африканского народа куба: «Слоганы описывают характер определенной группы людей, принадлежащих либо к семье, клану, региону, либо к стране. Они часто содержат хвалебные элементы. Иногда они предоставляют информацию о прошлой истории группы. Например, у народа куба один из вариантов слогана клана Ндунг – Ndoong aBieeng («Ндунг, происходящий от Биенг») – отсылает к их историческому прошлому. Обычно слоганы произносятся на мероприятиях, где подчеркиваются особые характеристики соответствующей группы» [\[12, с. 147\]](#).

На наш взгляд, и бурятские генеалогические формулы могут быть соотнесены с категорией «родовых слоганов», описанных Вансиной, поскольку они выполняют аналогичные функции в контексте сохранения и передачи информации о происхождении и идентичности рода.

Кроме того, важно следующее замечание Вансины: «Несмотря на то, что слоганы относятся к категории фиксированных текстов, они, как правило, передаются без специального обучения, что может приводить к значительному разнообразию версий. Частое повторение не гарантирует точного воспроизведения содержания, что подтверждается примерами, приведенными ранее в ходе обсуждения текстового сравнения свидетельств. Более того, слоганы зачастую могут быть поняты только в свете

сопровождающих их пояснительных комментариев» [\[12, с. 146\]](#).

Таким образом, анализ бурятских генеалогических прозвищ-присловий позволяет сделать вывод об их ключевой роли в сохранении культурной памяти и этнической идентичности. Несмотря на возможные вариации в передаче, эти формулы сохраняют свою устойчивость благодаря мнемоническим особенностям и связи с коллективной памятью. Генеалогические присловья могут служить средством мнемотехники, сводя развернутые повествования к лаконичному коду, который легко запомнить и воспроизвести. Их структура закрепляет ключевые мотивы,ственные бурятским генеалогическим преданиям, что позволяет им выступать в качестве сжатых форм хранения коллективной памяти.

[\[1\]](#) Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: функциональность, жанровая система, этнопоэтика: автореф. дис. д-р. фил. наук: 10. 01. 09. . - Архангельск, 2005. - 45 с.

[\[2\]](#) ЦВРК ИМБТ СО РАН, ЛАФ №36, д. 857, л. 69

[\[3\]](#) там же

[\[4\]](#) ЦВРК ИМБТ СО РАН, ЛАФ №36, д. 857

[\[5\]](#) ЦВРК ИМБТ СО РАН, ЛАФ №36, д.1262, л. 20

[\[6\]](#) Там же, л. 28

[\[7\]](#) ЦВРК ИМБТ СО РАН, ЛАФ №36, д. 857, л. 98

[\[8\]](#) Там же, л. 92

[\[9\]](#) Там же, л. 110.

[\[10\]](#) Там же, л. 77

Библиография

1. Дампилова Л. С. Базовые этнические модели в формульных выражениях бурят // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50). С. 100-108. DOI: 10.25205/2312-6337-2024-2-100-108. EDN: KNUFVK.
2. Содномпилова М. М. Этнотерриториальные группы бурят в брачных предпочтениях: образ "другого" // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 2 (36). С. 79-87. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-36-2-79-87. EDN: XYKGZF.
3. Садалова Т. М. Фольклорные интерпретации темы алтайских родов: жанровая классификация, тематика сюжетов // Известия УФИЦ РАН Серия: История. Филология. Культура. 2025. Т. 2, № 1. С. 59-66. DOI: 10.31833/sifk/2025.2.1.07. EDN: PIPTVK.
4. Басангова Т. Г. Прозвищный фольклор калмыков // Новые исследования Тувы. 2012. № 3. С. 101-109. EDN: PIQNMP.
5. Воронцова Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ. М.: Астпресс книга, 2011. 448 с.
6. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957. 992 с.
7. Карташева И. Ю. Прозвища-присловья в русском фольклоре // Фольклор Урала. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1984. Вып. 8: Современный фольклор старых заводов. С. 140-153.
8. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят / отв. ред. А. И. Уланов. Ч. I. 2-

е изд. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2009. 376 с. EDN: QPOQAN.

9. Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. III / под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: ОАО "Республиканская типография", 2004. 312 с.

10. Дамеев Д. Д. Родословная Шаранутского рода // Бурятоведческий сборник. 1927. № III-IV. С. 57-58.

11. Ong, W. J. Orality and Literacy. New York; London: Routledge, 2002. 204 р.

12. Vansina, J. Oral Tradition: A Study in Historical Methodology. Chicago: Aldine, 2006. 226 р.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают бурятские генеалогические прозвища-присловья. Актуальность данной работы аргументируется тем, что «словесные формульные выражения, связанные с названиями и характеристиками этнических групп, представляют собой слабо изученное явление бурятского фольклора». Также существует проблема терминологического обозначения жанра («В опубликованных работах используются разные термины: «базовые этнические формулы» [1, с. 45], «примеры традиционного родоплеменного антагонизма» [2, с. 81]. Похожее явление описывается в контексте алтайской системы фольклорных жанров как «родовые присказки» и «родовые дразнилки»»).

Теоретической основой исследования выступили работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные прозвищам-присловьям в фольклоре, этническим моделям в формульных выражениях бурят, фольклорной интерпретации родов и др. Библиография составляет 10 источников, в целом соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования продиктована комплексным подходом к изучаемому материалу: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-сопоставительный методы, методы лингвокультурологического и когнитивного анализа. Отмечается, что «представляется методологически обоснованным обращение к междисциплинарному подходу *memory studies* – области исследований, фокусирующейся на механизмах формирования, передачи и функционирования коллективной и индивидуальной памяти».

В ходе работы обозначена проблема терминологического обозначения жанра, рассмотрены классификации и функции прозвищ-присловий, генеалогических присловий, а также их грамматическая структура. Анализ теоретического материала и его практического обоснования показал, что бурятские генеалогические прозвища-присловия играют «ключевую роль в сохранении культурной памяти и этнической идентичности», «несмотря на возможные вариации в передаче, эти формулы сохраняют свою устойчивость благодаря мнемоническим особенностям и связи с коллективной памятью».

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как этнолингвистика, прагматика, лингвокультурология; в методологию изучения словесных формульных выражений, связанных с названиями и характеристиками этнических групп. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных

результатов в вузовских курсах по теории языка, лексикологии, социолингвистике, межкультурной коммуникации.

Содержание статьи соответствует названию, логика исследования четкая.

Однако объем материала недостаточен для раскрытия темы. Рекомендуем автору(ам) его расширить, в том числе за счет теоретического анализа актуальных научных источников по изучаемой проблематике.

Также в рукописи встречаются языковые недочеты, в том числе технического характера, которые не умаляют общего положительного впечатления от рецензируемой работы, но требуют устранения (например, «Генеалогические присловья могут служить средством мнемотехники») и пропуск запятой в предложении «Так, в присловьях, отражающих мотив чудесного рождения используются повторяющиеся конструкции (аффикс исходного падежа *-ха* и аффикс причастия прошедшего времени *-хан*»).

Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Язык как естественная система, безусловно, постоянно нуждается в оценке и серьезном анализе. В живой речи, а именно она и формирует языковой пласт, встречаются и возникают выражения, характеризующие те или иные оттенки этноса / народности. Автор рецензируемой статьи вначале труда отмечает, что «словесные формульные выражения, фиксирующие представления о происхождении и характеристиках этнических групп, образуют особый пласт бурятского фольклора, который до настоящего времени остаётся недостаточно исследованным». Стоит согласиться с этим утверждением и признать, что исследование в этом русле значимо, необходимо. Как отмечено далее, «подобные выражения трактуются как особая форма коллективной идентификации, закрепляющая различия между локальными и социальными группами и выражая устойчивые представления о «своём» и «чужом», «они выполняют одновременно оценочную и ироническую функцию, служат инструментом памяти и формируют культурный код, отражающий специфику восприятия территориальной принадлежности, отражают оппозицию «свое – чужое». Ситуативная оценка выражений дает возможность объективно оценить язык, верифицировать его функциональный аспект, определиться со строем, системностью. Статья, на мой взгляд, имеет хорошую базу [см. библиографию], должный ряд ссылок и цитаций сделан правильно. В целом работа информативна, самостоятельна, конструктивна. Стиль соотносится с научным типом: например, «присловья генеалогического характера, то есть содержащие характеристику того или иного племени или рода в контексте его происхождения, встречаются во многих текстах генеалогических преданий. Их смысловое содержание непосредственно связано с соответствующими сюжетами. С одной стороны, такие присловья являются составной частью повествования и, как правило, размещаются в его финальной части, выполняя функцию своеобразного резюме: «поэтому данный род носит такое название» или «по этим причинам бытует данное выражение» и т.д. Анализ отобранных языковых формул делается в рамках выверенного метода, он не противоречит лингвистическим наработкам. Привлекает внимательный анализ, который может быть образчиком для новых статей: например, «бурятские формулы могут иметь как негативную окраску, например: «мяханай мую нь хүзүүн, хүнэй мую нь хурхуут» – «худшее мясо на шее,

худшие люди — хурхуты» [2], так и позитивную: «ама сагаан алагуй» — «алагуевцы с добрым словом» [3]. При этом, как отмечает М. М. Содномпилова, подобные выражения «не носили враждебный характер, а скорее выступали в качестве маркеров своеобразного жанра народного фольклора» [2, с. 81]. Пример полновесны, целостны: «Так, в присловьях, отражающих мотив чудесного рождения, используются повторяющиеся конструкции (аффикс исходного падежа -хаа и аффикс причастия прошедшего времени -хан). Среди них «-хаа олдохон» — досл. «найденный от» или «найденный из», при этом указания мест непосредственно связаны с текстом предания, и достаточно варьируются: «буха доорохoo олдохон Булгат» - из-под быка найденный Булгат [9, с. 79]; «эрьеын габахаа олдохон Эхирит» - из береговой щели найденный Эхирит [8, с. 37]; «ургын узуурхаа олдохон Обогон» - из-под корня цветка найденный Обогон [8, с. 26, 136, 138]. Ссылочный блок объективен, фактические соответствия наличны. Авторский комментарий по ходу работы формирует т.н. конструктивный диалог с оппонентами: «По наблюдениям Уолтера Онга, «в условиях первичной устной культуры для эффективного решения задачи сохранения и воспроизведения тщательно структурированной мысли необходимо осуществлять мышление в рамках мнемонических паттернов (курсив мой — З. Д.), адаптированных для удобного устного повторения». Думаю, что работа будет полезна как специалистам по бурятскому языку, культуре, истории. Выводы соотносятся с основной частью, автор тезириует, «анализ бурятских генеалогических прозвищ-присловий позволяет сделать вывод об их ключевой роли в сохранении культурной памяти и этнической идентичности. Несмотря на возможные вариации в передаче, эти формулы сохраняют свою устойчивость благодаря мнемоническим особенностям и связи с коллективной памятью». Библиография к работе не нуждается в специальной правке, список достаточен, его можно использовать на практике. Рекомендую статью «Бурятские генеалогические прозвища-присловья» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Щербак Т.И. Новостной интернет-мем как форма компрессированного медиатекста // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75973 EDN: WYSEVA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75973

Новостной интернет-мем как форма компрессированного медиатекста

Щербак Татьяна Игоревна

соискатель; кафедра английского языка (основного); ФГКВОУ ВО "Военный университет имени князя Александра Невского" Министерства обороны Российской Федерации

123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

 sherbak91@rambler.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.75973

EDN:

WYSEVA

Дата направления статьи в редакцию:

22-09-2025

Дата публикации:

29-09-2025

Аннотация: Статья посвящена комплексному исследованию феномена новостных интернет-мемов как инновационной формы медиакоммуникации в условиях цифровой трансформации современного информационного пространства. Предметом исследования выступают лингвистические, семиотические и прагматические аспекты языковой компрессии в новостных интернет-мемах, рассматриваемых как гибридная форма медиатекста, сочетающая информационную функцию традиционной журналистики с игровыми механизмами интернет-культуры. Цель работы состоит в описании специфики языковой компрессии в новостных интернет-мемах как форме компрессированного медиатекста и выявлении закономерностей их функционирования в цифровом медиапространстве. Языковая компрессия в новостных мемах обеспечивает создание семантически насыщенных текстов минимального объема, соответствующих требованиям

современной цифровой коммуникации, при этом декодирование сжатого смысла требует от реципиентов фоновых знаний и культурной компетенции. В исследовании применяются методы структурно-семантического анализа, контент-анализа и прагматического анализа. Материалом послужили 100 новостных интернет-мемов, размещенных в англоязычной социальной сети Reddit и посвященных актуальным общественно-политическим событиям. В результате исследования выявлены основные типы новостных мемов (графические, видео-мемы, текстовые), определены ключевые средства языковой компрессии, действующие на морфологическом, лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях: аббревиатуры и акронимы интернет-среды, компрессированные лексические единицы, намеренные орфографические нарушения, эллиптические конструкции, языковая игра с фразеологизмами, аллюзии к прецедентным феноменам. Языковая компрессия приводит к частичной импликации смысла мемов, для понимания которого требуются фоновые знания и обращение к прецедентным феноменам лингвокультурного сообщества. Результаты исследования могут быть применены в области медиалингвистики, теории массовой коммуникации, изучения интернет-дискурса и цифровой журналистики. Исследование показывает, что языковая компрессия в новостных мемах обеспечивает создание семантически насыщенных текстов минимального объема, соответствующих требованиям современной цифровой коммуникации, при этом декодирование сжатого смысла требует от реципиентов фоновых знаний и культурной компетенции.

Ключевые слова:

медиатекст, медиадискурс, новостной интернет-мем, интернет-мем, языковая компрессия, семантическая компрессия, прецедентные феномены, языковая игра, цифровая коммуникация, медиалингвистика

Цифровая трансформация медиапространства привела к кардинальным изменениям в способах создания, распространения и потребления новостного контента. Социальные сети, став доминирующей платформой для получения информации, особенно среди молодежной аудитории, кардинально изменили требования к форме и содержанию медиатекстов. Современное медиапространство характеризуется появлением принципиально новых форм презентации информации, среди которых особое место занимают интернет-мемы, что свидетельствует о формировании нового канала массовой коммуникации [\[1-4\]](#).

Интернет-мем как культурный феномен цифровой эпохи уже не является исключительно развлекательным контентом – он активно проникает в сферу новостной журналистики, становясь эффективным инструментом информирования аудитории о социально значимых событиях. Новостные мемы представляют собой гибридную форму медиатекста, сочетающую информационную функцию традиционной журналистики с игровыми механизмами интернет-культуры [\[5-7\]](#).

Предметом исследования в рамках данной статьи выступают средства и механизмы языковой компрессии в новостных интернет-мемах. Феномен новостного мема демонстрирует качественно новый уровень языковой компрессии в медиадискурсе. В условиях информационной перегрузки и сокращения времени внимания аудитории, мемы предлагают максимально сжатую форму передачи сложной информации.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых,

стремительный рост влияния мемов на формирование общественного мнения требует научного осмыслиения их лингвистических особенностей. Во-вторых, новостные мемы представляют собой уникальный тип медиатекста, который до настоящего времени не получил должного освещения в лингвистической литературе. В-третьих, механизмы языковой компрессии в мемах требуют детального изучения как проявление новых тенденций в развитии медиаязыка.

Цель работы – описать специфику языковой компрессии в новостных интернет-мемах как форме компрессированного медиатекста.

Материалом исследования послужили новостные интернет-мемы, размещенные в англоязычной социальной сети Reddit. Общий объем выборки составил 100 мемов, посвященных актуальным общественно-политическим событиям. В исследовании применяются методы структурно-семантического анализа, контент-анализа, прагматического анализа.

Появление интернет-мемов свидетельствует об общей тенденции современного медиапространства к компрессии и редукции на структурном и семантическом уровнях. На смену объемным текстам, требующим значительных усилий для понимания, приходят минималистичные текстовые сообщения. Одним из направлений культурной инволюции современного информационного, массово-коммуникационного общества выступает «сужение смысловой сферы публичного текста, ее свертывание, капсулирование, атомизация, фрагментация, клишированность, стремление к одномерности» [\[8, с. 195\]](#).

Согласно современным исследованиям цифровой коммуникации, новостные интернет-мемы представляют собой специфическую подкатегорию интернет-мемов, появляющуюся как непосредственная реакция на происходящие в обществе события [\[9\]](#). Исследования показывают, что такие мемы обладают повышенной вирусностью и часто выступают комментарием или критическим замечанием к определенным явлениям [\[10-12\]](#). Таким образом, новостные интернет-мемы функционируют как особая семиотическая система, в которой визуальные и вербальные компоненты образуют единый смысловой комплекс, демонстрируя высокую адаптивность к различным коммуникативным ситуациям и способность к быстрому распространению в цифровой среде. Мемы становятся все более влиятельным инструментом формирования общественного мнения, особенно в контексте политических событий и социальных трансформаций, что требует пристального внимания к механизмам их создания и функционирования.

На основании контентного анализа материала можно предложить следующую типологию новостных интернет-мемов:

- графические мемы, в которых вербальная составляющая сопровождается изображением;
- видео-мемы – короткие клипы или ролики, ремиксированные или отредактированные для передачи определенного сообщения в связи с актуальными событиями. Данный тип мемов демонстрирует наиболее высокие показатели вирусного распространения [\[13\]](#);
- текстовые мемы – мемы в виде сообщения или статуса в социальных сетях.

Интернет-мемы играют важную роль в современном медиадискурсе как инструмент влияния на общественное мнение. Простые для восприятия и распространения новостные интернет-мемы выступают эффективным инструментом для обмена мнениями и могут нести образовательный контент, делая сложные темы более доступными для

широкой аудитории.

Важной особенностью новостных интернет-мемов является их способность к быстрой трансформации и адаптации к изменяющимся социально-политическим условиям. В отличие от традиционных форм медиатекстов, мемы обладают высокой степенью интерактивности и позволяют пользователям не только потреблять информацию, но и активно участвовать в её создании и распространении, что способствует формированию децентрализованной системы производства новостного контента, где каждый участник цифрового сообщества может выступать в роли медиатора социально значимых событий. Такая демократизация медиапроизводства приводит к появлению альтернативных нарративов и множественности интерпретаций одних и тех же событий, что существенно влияет на формирование общественного дискурса в цифровую эпоху.

Для того, чтобы новостной интернет-мем соответствовал ограничениям медиапространства, а также культурным и социальным нормам аудитории, его вербальная составляющая должна быть адаптирована к особенностям цифровой среды и интернет-культуры. Такой адаптации служат средства языковой компрессии.

Когнитивный механизм компрессии активно задействуется в новостных интернет-мемах и проявляется на морфологическом, лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях.

Для новостных мемов характерно употребление различного рода аббревиатур и сокращений, традиционно применяемых во всех типах медиатекстов [\[14, с. 199\]](#) (рис. 1).

Рис. 1. Примеры интернет-мемов

Специфику данного типа новостных текстов определяют особые акронимы интернет-среды, ставшие неотъемлемой частью цифрового медиадискурса [\[15, с. 189\]](#): LOL (Laughing Out Loud) для выражения смеха, OMG (Oh My God) для выражения удивления, BRB (Be Right Back) для указания на временное отсутствие, TMI (Too Much Information) при избытке личной информации, SMH (Shaking My Head) для выражения недовольства и др., перешедшие из интернет-сленга в повседневную речь и проявляющие коммуникативную эффективность в интернет-среде, в том числе, при освещении новостных событий.

Широкое использование компрессированных лексических единиц отражает общую тенденцию интернет-языка к коллоквиялизации – отражению живой разговорной речи с характерными конструкциями [\[16\]](#). Примерами служат распространенные в американском интернет-дискурсе сокращения fed (federal) и prepper (preparation), используемые в мемах о политических событиях.

Особое место занимает намеренное нарушение орографических норм для создания комического эффекта [\[17\]](#). Популярные в интернет-среде укороченные фразы на основе фонетического сходства (y tho (Why thought) dunno (do not know) stonks (искаженное stocks) служат маркерами групповой идентичности.

На уровне синтаксиса ограниченность текстового пространства в мемах обуславливает частое употребление эллиптических конструкций, в которых намеренно опускаются слова и части предложений. Опущенные элементы легко восстанавливаются из контекста благодаря графической части мема, отражающей эмоциональное состояние адресанта.

Интернет-мемы представляют собой своего рода эффект «интенсивной ресемиотизации» знаков, которые переходят с одной платформы на другую не в простом повторении, но в измененных состояниях, которые тем не менее напоминают и отвечают друг другу на мемическом уровне [\[18\]](#). Эта концепция особенно важна для понимания механизмов компрессии в новостных мемах, в которых визуальные и текстовые элементы взаимодействуют для создания максимально сжатого, но информационно насыщенного сообщения.

Особое значение в интернет-мемах имеет семантическая компрессия. Вербальная часть новостных мемов часто содержит фразеологизмы с имплицитно выраженными смыслами, эмоциональной и культурной составляющими [\[19, с. 48\]](#).

Рис. 2. Примеры интернет-мемов

Свойственная интернет-мемам установка на нарушение языковых норм проявляется в использовании языковой игры, представляющей собой форму «лингвокреативного мышления, которое основано на ассоциативных механизмах и проявляет способность говорящих к намеренному использованию нестандартного языкового кода в разных ситуациях речевой деятельности» [\[20, с. 4\]](#).

В примере мема на рисунке 2, посвященного экономическим событиям в США в 2023 году – вызванному инфляцией росту цен на различные товары потребления, используется прием языковой игры с фразеологизмом. В английском языке выражение need dough (досл. «нужно тесто») имеет значение 'нуждаться в деньгах'. В меме применяется языковая игра на фонетическом уровне: слово knead 'замесить' схоже по фонетической оболочке с глаголом need, что позволяет авторам мема добиться комического эффекта.

Использование средств языковой компрессии в мемах имеет большое значение не только для экономии пространства, но и для кодирования информации. Полученный в результате компрессии продукт становится минимальным по форме, но при этом емким по содержанию, поскольку сжатие языковых структур не приводит к потере смысла высказывания, легко восстанавливаемого из контекста. Таким образом, механизм компрессии инициирует процесс инференции, поскольку чем больше свернута структура, тем больше когнитивных усилий требуется для ее декодирования [\[21, с. 34\]](#).

В примере мема на рисунке 2 используется языковая игра с фразеологизмом drop a bomb 'сбросить бомбу; ошеломить; наделать шуму'. Для интерпретации смысла мема

пользователю недостаточно простого понимания высказывания, поскольку в нем присутствует компрессия семантического уровня.

Мем посвящен нашумевшему событию в популярной культуре США – одновременному выходу на экраны кинотеатров двух блокбастеров – «Барби» Греты Гервиг и «Оппенгеймер» Кристофера Нолана. Понимание смысла мема требует от реципиента фоновых знаний страноведческого характера: аллюзия на фразеологизм с компонентом «бомба» происходит в сообщении о фильме об «отце атомной бомбы» – Роберте Оппенгеймере – физике-ядерщике, руководившим Манхэттенским проектом, в рамках которого в годы Второй мировой войны в США разрабатывались первые образцы ядерного оружия.

«Брешь между «тем, что сказано» и «тем, что понято» заполняется посредством имплицитных выводов, осуществляемых с использованием базы знаний, имеющейся в памяти слушающего» [22, с. 226]. Поскольку семантическая компрессия приводит к зашифровке смысла мема, фоновые знания становятся «проводниками» к его пониманию. Единым фондом знаний, которыми обладают представители определенного лингвокультурного сообщества выступают прецедентные феномены. Аллюзии, имплицитные и эксплицитные отсылки к прецедентным именам, ситуациям, текстам и высказываниям служат одним из самых распространенных средств языковой компрессии в новостных интернет-мемах. Использование прецедентных феноменов позволяет авторам мемов создавать семантически насыщенные тексты минимального объема, опираясь на общий культурный фонд аудитории [23, с. 830].

Итак, средства языковой компрессии в новостных интернет-мемах действуют на четырех уровнях языковой системы: морфологическом (аббревиатуры, акронимы интернет-среды), лексическом (компрессированные единицы, неологизмы, орографические девиации), синтаксическом (эллиптические конструкции, редукция синтаксических структур), семантическом (языковая игра, фразеологические трансформации, аллюзии к прецедентным феноменам).

Языковая компрессия в новостных интернет-мемах представляет собой сложный многоуровневый процесс, обеспечивающий создание максимально информативных текстов минимального объема, адаптированных к особенностям современного цифрового медиапотребления. Компрессионные механизмы не только соответствуют техническим ограничениям цифровых платформ, но и отражают культурные трансформации коммуникативных практик, формируя новый тип медиатекста, требующий от реципиентов развитой культурной компетенции и способности к инференциальному мышлению для декодирования имплицитных смыслов.

Библиография

1. Ли С. Исследование слияния и конфликта языков интернет-мемов и традиционного новостного дискурса // Человек. Социум. Общество. 2025. № 59. С. 154-159. EDN: GHTUND.
2. Рыжков К.Л. Интернет-мемы как новое социально-культурное явление // Человек и культура. 2021. № 4. С. 143-150. DOI: 10.25136/2409-8744.2021.4.36432 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36432
3. Rodríguez-Ferrández R., Sánchez-Olmos C., Hidalgo-Marí T. For the sake of sharing: Fake news as memes // Information disorder. Routledge, 2023. Р. 46-68.
4. Канашина С. В. Англоязычный интернет-мем в современном коммуникативном пространстве. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2023. 160

c. EDN: IGEFQC.

5. Peters C., Allan S. Weaponizing memes: The journalistic mediation of visual politicization // Digital Journalism. 2022. Vol. 10. № 2. P. 217-229. DOI: 10.1080/21670811.2021.1903958. EDN: CNLKAS.

6. Vergara A. et al. The mechanisms of "incidental news consumption": An eye tracking study of news interaction on Facebook // Digital Journalism in Latin America. Routledge, 2023. P. 86-105.

7. Srikanth M. B. et al. From Joke To Journalism: The Evolution Of Memes In Mass Communication // al-Balagh: Jurnal Dakwah dan Komunikasi. 2024. Vol. 9. № 2. P. 191-230.

8. Голубева А. Р., Семилет Т. А. Мем как феномен культуры // Культура и текст. 2017. № 3 (30). С. 193-205. EDN: ZOFQQD.

9. Hagedoorn B., Costa E., Esteve-del-Valle M. Photographs, visual memes, and viral videos: Visual phatic news sharing on WhatsApp during the COVID-19 Pandemic in Spain, Italy, and The Netherlands // Digital Journalism. 2024. Vol. 12. № 5. P. 656-679.

10. Котова В. С. Опыт создания мемов при помощи нейросети Me In Comics (different Dimension Me) // Медиасреда. 2023. № 1. С. 53-60. DOI: 10.47475/2070-0717-2023-10111. EDN: OMICQRW.

11. Петрова В. А., Степанова С. Е. Мемы как новый способ передачи информации и привлечения внимания читателей к новостному контенту // Новые вызовы общественного развития: региональный аспект: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 27 марта 2025 года. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2025. С. 221-227. EDN: XQXTBG.

12. Mihăilescu M. G. Never Mess With the "Memers": How Meme Creators Are Redefining Contemporary Politics // Social Media+ Society. 2024. Vol. 10. № 4.

13. Xie L. et al. Visual memes in social media: tracking real-world news in youtube videos // Proceedings of the 19th ACM international conference on Multimedia. 2011. P. 53-62.

14. Щербак Т. И. Механизмы языковой компрессии в новостных текстах в сети интернет // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 5. С. 198-208. EDN: RDAPTW.

15. Гайлит М. В., Уциев А. А. Словообразование и неологизмы в англоязычной языковой среде социальных сетей // Глобальный научный потенциал. 2025. № 3-1(168). С. 188-190. EDN: CZGILI.

16. Di Marco N. et al. Patterns of linguistic simplification on social media platforms over time // Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A. 2024. № 121 (50).

17. Ширяева Т. А., Авакова М. Л. Лексические особенности антиязыка в англоязычном альтернативном речевом поведении (на материале интернет-мемов) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 2. С. 137-143. DOI: 10.29025/2079-6021-2019-2-137-143. EDN: ZXW MYJ.

18. Cannizzaro S. Internet memes as internet signs: A semiotic view of digital culture // Sign Systems Studies. 2016. № 44 (4). С. 562.

19. Лупанова Е. В., Щербак Т. И. Фразеология как средство языковой компрессии в современном медиадискурсе // Вестник Московского информационно-технологического университета-Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 3. С. 47-51. DOI: 10.52470/2619046X_2022_3_47. EDN: PKGPTH.

20. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург: УрГПУ, 2008. 165 с. EDN: QUTBDP.

21. Канашина С. В. Когнитивный механизм компрессии в интернет-мемах // Филологические науки в МГИМО. 2015. № 1 (1). С. 30-39. EDN: VCVAGT.

22. Лухъенбрурс Д. Дискурсивный анализ и схематическая структура // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 141-155.

23. Канашина С. В. Лингвокреативные трансформации прецедентных имен в англоязычных интернет-мемах // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2024. Т. 34, № 4. С. 829-836. DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-4-829-836. EDN: CIKQZN.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Новостной интернет-мем как форма компрессированного медиатекста» посвящена описанию специфики языковой компрессии в новостных интернет-мемах как форме компрессированного медиатекста. Её содержание вполне релевантно заявленной теме.

Предметом исследования выступают средства и механизмы языковой компрессии в новостных интернет-мемах. Автор успешно раскрывает специфику трансформации медиатекста в условиях цифровой эпохи, показывая, как мемы становятся новым каналом массовой коммуникации.

Материалом исследования послужили новостные интернет-мемы, размещенные в англоязычной социальной сети Reddit. Общий объем выборки составил 100 мемов, посвященных актуальным общественно-политическим событиям.

Выбранные автором методы исследования весьма продуктивны, методология построена на комплексном подходе и включает структурно-семантический анализ, контент-анализ и прагматический анализ.

Актуальность работы не вызывает сомнений, так как феномен интернет-мемов стремительно развивается, а их влияние на общественное мнение растёт. Особенno ценным считается исследование специфики новостных мемов, которые до сих пор не получили должного научного осмысления.

Научная новизна исследования заключается в детальном изучении механизмов языковой компрессии в новостных мемах, разработке типологии новостных интернет-мемов, выявлении особенностей функционирования мемов как особой семиотической системы.

Стиль изложения научно-аналитический, подача материала достаточно аргументирована. Язык статьи достаточно доступный, несмотря на использование автором специализированной лексики.

По структуре работа выстроена от постановки проблемы через теоретический анализ к практическим выводам. Все разделы логически связаны между собой.

Содержание статьи охватывает широкий спектр вопросов: типология новостных мемов (графические, видео-мемы, текстовые), механизмы языковой компрессии на разных уровнях (морфологическом, лексическом, синтаксическом, семантическом), роль мемов в современном медиадискурсе, специфика взаимодействия визуальных и вербальных компонентов.

Библиография состоит из 23 источников, представлена качественно и разнообразно, включает как отечественные, так и зарубежные источники. Список литературы отражает современный уровень исследований в данной области и по выбранной тематике.

Апелляция к оппонентам прослеживается через анализ существующих научных работ по теме интернет-мемов и медиатекстов, а также через полемику с различными подходами к пониманию феномена мемов.

Полученные автором выводы не вызывают особых сомнений, они чётко сформулированы и соответствуют поставленным задачам исследования. Автор убедительно

демонстрирует, что новостные мемы – это особый тип медиатекста с уникальными механизмами языковой компрессии.

Рецензируемая статья будет интересна широкой читательской аудитории, в том числе лингвистам, специалистам в области медиакоммуникаций, исследователям цифровой культуры, практикам медиасфера, а также всем, кто интересуется трансформациями современного медиапространства.

Недостатки работы носят рекомендательный характер: некоторые теоретические положения можно было бы подкрепить более значительным количеством практических примеров. Кроме того, исследование сосредоточено на англоязычном материале, что ограничивает возможности его прямого применения к другим языкам.

В целом статья представляет собой серьёзное научное исследование актуальной темы, выполнено на высоком профессиональном уровне. Работа соответствует основным предъявляемым требованиям и может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Леонович Е.О., Ляшенко И.В., Дрыгина Ю.А. Функциональные особенности фитонимов в английской лингвокультуре // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.72193 EDN: WHVWUD URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=72193

Функциональные особенности фитонимов в английской лингвокультуре

Леонович Евгения Олеговна

ORCID: 0000-0002-6452-0617

кандидат филологических наук

доцент; кафедра теории и практики перевода; Пятигорский государственный университет
357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. Панагорище, 6, кв. 103

✉ Leonovitch2003@yahoo.com

Ляшенко Игорь Владимирович

ORCID: 0000-0001-7911-8228

кандидат филологических наук

доцент, кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

308004, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Есенина, 8, кв. 91

✉ rattle-snake@mail.ru

Дрыгина Юлия Анатольевна

ORCID: 0000-0001-5995-3488

кандидат филологических наук

доцент; кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации; Белгородский государственный национальный исследовательский университет
доцент; кафедра Общегуманитарных наук и массовых коммуникаций; Московский международный университет

308014, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Мичурина, 2

✉ jullianna181@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.72193

EDN:

WHVWUD

Дата направления статьи в редакцию:

Аннотация: Объектом данного исследования являются фитонимы в британской лингвокультуре. Под фитонимами в данной работе понимаются все названия растений и их частей. При классификации фитонимов авторы опираются на наивную картину мира и разделяют фитонимы на дендронимы (названия деревьев и кустов), флоронимы (названия цветов) и гербонимы (названия трав). Предметом исследования являются особенности функционирования фитонимов. Поскольку фитонимы охватывают значительный пласт лексики, авторы подробно рассматривают фитонимы в ряде смысловых областей – в антропонимах и топонимах, геральдике, названиях праздников, идиомах. Целью настоящего исследования является рассмотрение проблемы использования фитонимической лексики и особенностей бытования форм ее репрезентации в вышеперечисленных сферах народной культуры англоговорящего сообщества Британии с позиций лингвистики повседневности. В работе используется комплексная методика, опирающиеся на методы истории, культурологии и лингвистики, включающая системный подход, семиотический подход и антропологический подход. Новизну исследования определяет, в первую очередь, рассмотрение фитонимов в ряде областей британской лингвокультуры с позиций лингвистики повседневности. Она дополняет языковую картину мира, моделирование которой набирает популярность в современной науке о языке. В лингвистике последних десятилетий очевиден тренд на перемещение акцентов на повседневную жизнь и обыденное сознание человека. Фитонимы ранее широко изучались, но в рамках других лингвистических парадигм. В результате исследования были рассмотрены функциональные особенности фитонимов в антропонимах и топонимах, геральдике, названиях праздников, идиомах, что позволило сделать следующие выводы. Основной функцией фитонимов является номинативная, которую дополняют и уточняют характеризующая, символическая, оценочная, когнитивная и выразительная. В антропонимах и топонимах фитонимы обладают характеризующей функцией, в геральдике фитонимы, помимо номинативной, выполняют символическую функцию. В идиомах и пословицах фитонимы реализуют характеризующую, оценочную функции, а также когнитивную, связанную с накоплением, сохранением и передачей информации.

Ключевые слова:

антропоним, британская лингвокультура, геральдика, дендроним, лингвистика повседневности, лингвокультурология, ономастика, топоним, фитоним, флороним

Введение

Значение различных растений в жизни человека переоценить невозможно. Без них, вероятно, не было бы и жизни. Деятельность растений способствует пополнению запасов органических веществ на Земле, поддерживает уровень кислорода в атмосфере, регулирует накопление углекислого газа в атмосфере, участвует в круговороте минеральных веществ в природе, заметно влияет на климат планеты.

Достаточно отметить тот факт, что жизнь человека зависит от питания, которое в огромной степени зависит от растений. Растения используют в лекарственных,

технических целях, для корма животных. Растения прочно вошли в народную культуру, участвуя в религиозных обрядах. С древнейших времен цветы, например, являлись природным источником красоты, великолепия и вдохновения. Кроме эстетических чувств цветы заставляют думать о быстротечности человеческой жизни.

Красота цветов на протяжении тысячелетий вдохновляла многих поэтов. Отметим, например, романтиков 18-19 веков, среди которых Уильям Уодсворт и его шедевр *I Wandered Lonely as a Cloud*, Уильям Блейк и его творение *Ah! Sun-Flower*.

Под фитонимами в данной работе понимаются все названия растений и их частей. При классификации фитонимов мы, вслед за Н.Е. Ананьевой, опираемся на наивную картину мира и разделяем фитонимы на дендронимы (названия деревьев и кустов), флоронимы (названия цветов) и гербонимы (названия трав) [\[1\]](#).

Считается, что все, что происходит в нашей жизни, необходимо оценивать с точки зрения реальности мира повседневности. Ритуалы и привычки, характерные для мира повседневности – необходимая составляющая жизни любого человеческого коллектива. Это объясняет актуальность изучения повседневной культуры и отдельных ее проявлений. Исследование практик повседневности представляет собой один из наиболее последовательно развивающихся сегментов гуманитарных изысканий. Ценность этого подхода проявляется в выявлении специфических черт повседневности.

Как справедливо отмечает А. В. Смирнов, «концептуализация повседневности позволит свести разрозненные описания феноменов повседневной жизни, рассматриваемых гуманитарным знанием, к единому теоретическому контексту, обеспечив возможность сопоставимости результатов, полученных в разных науках» [\[2\]](#).

Проблема отражения названий различных представителей растительного мира в различных сегментах повседневной культуры общества затрагивается в рамках гуманитарных дисциплин. В частности, рассмотрению данной проблемы в социологии посвящены классические труды П. Бергера [\[3\]](#), Г. С. Кнабе [\[4\]](#) и др. Можно также отметить работы исторического характера, в частности, труды Е. В. Глаголевой [\[5\]](#) и др.

В лингвистике как неотъемлемой части гуманитарного знания наблюдается отчетливая тенденция перемещения акцентов на человека, его повседневную жизнь и обыденное сознание [\[6\]](#). Это определяет особую актуальность лингвистической составляющей повседневности в ходе изучения лингвистических особенностей. Существует ряд исследований различных аспектов повседневного использования языка, например лингвокультурный анализ составляющих лингвистики повседневности [\[7\]](#), лингвокультурологическое описание повседневности в языковом сознании русских [\[8\]](#), аргументация в речевой повседневности [\[9\]](#).

В отечественной лингвистике долгое время исследованиям механизмов функционирования фитонимической лексики в повседневной жизни человека уделялось недостаточно внимания, хотя в последние десятилетия они становятся все актуальней. Внимание лингвистов привлекали фитонимы в паремиологии в этническом аспекте [\[10\]](#), фитонимы в электронном глоссарии [\[11\]](#).

В рамках антропоцентрического подхода анализировались концепт *Tree* в английском языке [\[12\]](#), основы формирования переносных значений фитонимов [\[13\]](#), концептосфера «Цветы» [\[14\]](#).

Анализ показывает, что, существующие исследования носят фрагментарный характер и часто использовались в качестве второстепенного элемента более крупных научных изысканий. Отсутствие целостного теоретического и практического осмысливания проблемы функционирования фитонимической лексики в повседневной жизни англоговорящего сообщества и неизученность механизмов этого функционирования послужило основанием для представляемого исследования и определяет его **актуальность**.

Целью настоящей работы является рассмотрение проблемы использования фитонимической лексики и особенностей бытования форм ее репрезентации в различных сферах общественной и культурной жизни англоговорящих стран с позиций лингвистики повседневности.

В задачи исследования входит выявление специфики репрезентации фитономической лексики, а также систематизация и описание ее функций.

Материал и методы

Материалом исследования послужили примеры из различных современных лексикографических источников [15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24] языковые данные, почерпнутые из новейших материалов СМИ, медийных порталов.

В работе используются **методы** комплексного анализа, опирающиеся на методы разных наук (истории, культурологии), среди которых важными считаются следующие подходы: системный подход, семиотический подход, культуро-антропологический подход.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе проведенного исследования были выявлены области повседневного общения, в которых флористическая лексика играет существенную роль.

1. Фитонимы в антропонимах и топонимах.

Обращает на себя внимание широкое использование фитонимов в качестве антропонимов, в первую очередь, женских личных имен, например популярные имена *Hyacinth*, *Rose*, *Daisy* и *Violet* встречаем в качестве имен главных персонажей британского ситкома *Keeping Up Appearances*. Выбирая для имени девочки название растения, чаще всего цветка, родители, по-видимому, мечтали, что их дочь вырастет такой же нежной, красивой и ласковой, как и одноименное растение.

Многие имена растительного происхождения уже вышли из употребления, другие цветочные имена популярны и в настоящее время.

По данным американского сайта Social security в 100 самых популярных женских имен за последние 100 лет с 1923 по 2022 входят *Heather*, *Laura* и *Olivia* [25].

В число ста самых популярных детских имен в Великобритании в 2022 году вошли *Olivia*, *Ivy*, *Lily*, *Willow*, *Rosie*, *Daisy*, *Poppy*, *Violet*, *Rose*, *Iris*, *Olive*, *Jasmine*, *Holly*, *Lilly*, *Rowan* и *Oliver* [26].

Рассмотрим ряд имен более подробно.

Lily (также *Lilian*) – лилия, цветок, по преданию возникший из слез Евы, изгнанной из рая. Среди известных носителей этого имени можно упомянуть *Lilian Bayliss*, основавшую знаменитый театр *Old Vic*, *Lillian Hellmann* – известный американский драматург. Имя в

широком употреблении начиная с 19 в.

Violet – фиалка. Одно из самых распространенных имен в викторианской Англии. Но даже в 2015 году это имя вошло в состав 50 самых популярных женских имен в США.

Poppy-мак. Широко распространенное в Англии с давних времен, занимало 5 место в Соединенном королевстве в 2014 году, набирает популярность в США, где вошло в состав 500 самых распространенных имен в 2019 г.

Rose-роза – самое популярное из всех «цветочных» имен. Встречаются многочисленные варианты – *Rosalba* (*white rose*), *Rosetta*, *Rosette* (*little rose*), *Rosabel*, *Rosabelle*.

Daisy – маргаритка. После почти столетнего забвения это имя вновь обрело широкое распространение. Среди женских имен на *d* оно уступает только имени *Delilah*. Часто использовалось как традиционное прозвище для носителей имени *Margaret* (французское название цветка *Marguerite*). Происходит от англо-саксонского выражения "day's eye" (цветок открывает свои лепестки на восходе солнца). Встречаем у Дж. Чосера:

*That wel by reson men hit calle may
The dayesye, or ells the ye of daye,
The emperice and flour of floures alle*

[27].

Любой, узрев её, сразится
красотой,

Той, чей лик подобен свету дня,
Императрицей и богиней всех
цветов...

(пер. авторов)

Olive-маслина, олива. Входит в 1000 распространенных имен для девочек в США. Популярные актеры Саша Барон Коэн (*Sacha Baron Cohen*) и Дрю Брайт Бэрримор (*Drew Barrymore*) выбрали имя *Olive* для своих детей. Вариант имени *Olivia* встречаем у Шекспира в пьесе «Двенадцатая ночь»; сейчас оно в моде в англоговорящем мире, особенно в США. Жену Марка Твена звали *Olivia Langdon*, *Olivia de Havilland* – известная американская актриса.

Ivy-плющ. На языке цветов плющ символизирует верность. В современной популярной культуре одна из самых известных девушек с именем Айви, или Ядовитый Плющ (*Poison Ivy*), настоящее имя – Памела Лилиан Айсли – суперзлодейка комиксов издательства *DC Comics*, враг Бэтмена. Была создана Робертом Канигером (*Robert Kanigher*) и Шелдоном Молдоффом (*Sheldon Moldoff*). Ядовитый Плющ – мизантропичная учёная в области ботаники и биохимии.

Hazel-лещина, лесной орех. Широкое распространение имя получило в конце 19 в.

Iris-ирис. Символ власти и величия. Как женское имя в употреблении с 19 века.

Rowan-рябина. О современной популярности имени говорит тот факт, что известные актрисы Шэрон Стоун (*Sharon Stone*) и Брук Шилдз (*Brooke Shields*) нарекли им своих дочерей. Имя *Rowan* носит и британский актер-комик Роэн Себастьян Аткинсон (*Rowan Sebastian Atkinson*), известный нам своей комической ролью Мистера Бина в одноименном телесериале.

Laura-лавр, лавровое дерево. Это имя (вместе с его уменьшительным эквивалентом *Lauretta* закрепилось в английском обиходе уже к 1200 году). Это имя входит в 100 самых популярных женских имен. Его можно сравнить еще с одним флористическим

именем *Daphne* (от греч. лавр. Согласно легенде, спасаясь от преследующего ее бога Аполлона, нимфа обратилась за помощью к богам, и последние превратили ее в лавровое дерево). Героиню знаменитой комедии «В джазе только девушки» (*Some Like It Hot*) зовут *Daphne*.

Clementine—клементин, сорт мандарина, вечнозеленое дерево семейства рутовых. По своему происхождению имя представляет собой женский род латинского имени *Clement* (*mild, merciful*), но в последнее время его ассоциируют с цветами плодового дерева. Почти после полувекового забвения имя вернулось в список 1000 самых популярных имен в США. Возможно, этому способствовало существование широко известной народной баллады о шахтере-золотоискателе, который жил со своей дочкой Клементиной в Калифорнии времен «золотой лихорадки».

Juniper—можжевельник. Модное имя, пользуется популярностью наряду с такими названиями деревьев и кустарников, как *Hazel*, *Acacia* и *Willow*^[28].

Willow—ива. Традиционно ассоциируется с грациозностью, элегантностью.

Еще в конце 19 века в Англии выросла популярность таких «растительных» имен как *Heather* (вереск), *Myrtle* (мирт), *Lavender* (лаванда), *Ivy* (плющ). Среди 1000 наиболее популярных имен для новорожденных детей в США находим такие «ботанические» имена, как *Aspen*, *Briar*, *Daisy*, *Nash*, *Oliver*, *Rowan*, *Sylvie*, and *Zaria*. Названия цветов, обладающие характеризующей функцией с положительной коннотацией, чаще всего используются для девочек, названия деревьев – для мальчиков (*Acacius*, *Juniper*, *Magnolia* и *Oak*)^[25].

Названия растений также широко используются в топонимии англоговорящих стран. Наименования отдельных пород деревьев (дэндронимов) – сосны, дуба, клена и т.п. – нашли свое отражение в названиях многочисленных населенных пунктов США: *Sugar Pine*, *Buckeye*, *Live Oak*, *Cypress Grove*, *Willow Ranch*, *Cedarville*, *Pine Valley*, *Midpines*, *Olive View*, *The Cedars*, *Redwood City*. В топонимии США часто встречаются названия растений тропической и субтропической зоны: например, города *Orange*, *Lemons*, *Laurel*, *Palm City*, *Citrus*, *Palm Springs*. Основой многих американских топонимов послужили названия трав, злаков, цветов, кустарников: *Bellflower*, *Cottonwood*, *Clover Flat*, *Briar Cliff*, *Reseda*, *Fern*, *Hazel Creek*, *Elder Creek*.

В урбанонимии Лондона большое распространение получили названия пород деревьев и различных растений, типичных для флоры Британских островов: *oak* (дуб) – *Oak Lane*, *The Oaks*, *Oak Street*. Еще несколько примеров:

pine (сосна) – *Pine Close*, *Pine Bridge*, *The Pines*, *Pine Walk*;

birch (береза) – *Birch Road*, *Birch Walk*;

heather (вереск) – *Heather Road*, *Heather Gardens*;

rose (роза) – *Rose Close*, *Rose Lane*, *Rose Hill*.

Oak (дуб), *pine* (сосна), а также *cedar* (кедр) – наиболее часто встречающиеся дендронимы среди названий участков с недвижимой собственностью в США: *Oak Grove*, *Oak Manor*, *Pinebrook Manor*, *Pine Hollow Park*, *Cedar Ridge*, *Cedar Park*, *Tall Oaks*. Присутствие этих представителей растительного мира в самих названиях данных участков является гарантией их успешной продажи, т.к. в глазах потенциальных покупателей они вызывают ассоциации с природой, отдыхом в лесу, прохладой и т.п. *Oak*

(дуб) в английском сознании всегда был символом монархии (вспомним, например, столетние дубы в Англии, имеющие собственные имена: *Queen's Oak*, *William the Conqueror's Oak*).

2. Фитонимы в геральдике англоязычных стран

Растения и цветы всевозможных видов всегда играли значительную роль в общественной жизни англоговорящего сообщества. Прежде всего, стоит обратить внимание на присутствие растений в геральдике многих стран. Отметим тот факт, что все составные части Соединенного Королевства обладают своими национальными цветами-символами. Рассмотрим их вкратце.

Символ Англии – роза Тюдоров имеет богатую историю. Красная дамасская роза, изображение которой часто встречается в различных гербах населенных пунктов либо дворянских родов, сначала попадает во Францию в начале 13 века (ее привозят из крестовых походов). Из Франции роза попадает в Англию, где ее красный вариант был использован королевским домом Ланкастеров, а дом Йорков предпочел белый. Затянувшаяся на 30 лет Война Алой и Белой розы (*Wars of the Roses*) только прибавила популярности этому цветку. Селекционерами была выведена разновидность розы *Versicolor* – «разноцветная», которую часто называют еще *York-and-Lancaster* (Йорк-и-Ланкастер): на одном побеге можно встретить махровые цветы белого, розового и бело-розового цвета. Символ Англии – красная роза – также является нагрудным знаком английских монархов.

Растения играют важную символическую роль и в государственном гербе Соединенного Королевства. Объединяющий смысл – «Мы одно государство» – *United Kingdom* – четко проявляется в изображении нижней части герба страны. На нем единорог и лев помещены на поляне из роз бело-красного цвета, клевера (*shamrock*) и чертополоха (*thistle*), обозначающих, соответственно, Англию, Шотландию и Ирландию. Имеется два варианта герба Великобритании. Первый вариант с основанием щита, представленным выше, а второй вариант используется только в Шотландии, где под ногами льва и единорога нет розы Англии и клевера Ирландии, а присутствует только чертополох.

Национальным символом Уэльса наряду с луком-пореем (*leek*) является желтый нарцисс (*yellow daffodil*). Многие прикрепляют цветок или его изображение к своей одежде 1 марта в День Святого Давида (*St. David's Day*), который является национальным праздником Уэльса. Нарцисс также называют "Peter's Leek".

Чертополох (*thistle*) – национальный символ Шотландии (хотя некоторые жители этой страны и отдают предпочтение вереску (*heather*)). Согласно популярной легенде, однажды чертополох принес победу шотландскому войску: один из воинов неприятеля босой ногой наступил на колючки чертополоха, и его крик боли разбудил спящих шотландцев. Тем самым нападающие потеряли преимущество внезапности. Изображение чертополоха как неотъемлемый элемент герба Шотландии присутствовало и на монетах страны. Следует вспомнить и о существовании в Шотландии рыцарского ордена Чертополоха (*Order of the Thistle*) с девизом "*Nemo Me Impune Lacessit*", что означает «Никто не тронет меня безнаказанно». Важной регалией ордена является цепь, состоящая из звеньев сплетения чертополоха и руты (*rue*) – второго растительного символа Шотландии. Чертополох принято считать символом стойкости и долголетия, способным разрушать злые чары.

Официальным символом Ирландии является трехлистный клевер или трилистник (*shamrock*), не имеющий цветов, а изображение льна (*flax*) используется в эмблеме

Северной Ирландии в Стормонте (*Stormont*) – автономном парламенте, а также в эмблеме Верховного Суда Соединенного Королевства (*Supreme Court of the United Kingdom*).

Традиционно Австралию связывают с кенгуру, коалой, страусом эму и эвкалиптом. В некоторых учебниках по географии последних лет ошибочно указывается, что на гербе Австралии якобы изображен эвкалипт. На самом деле часто изображаемое в обрамлении герба дерево является австралийской золотой акацией (*golden wattle*), во время цветения напоминающей пушистые цветочки мимозы. В честь акации в 1992 году 1 сентября был официально провозглашен днём акации (*Wattle Day*). Тем не менее, акация официально не является частью герба и не внесена в его герб.

Растительные символы Австралии по данным сайта *Australian National Herbarium* представлены в Таблице 1 [\[29\]](#).

Таблица 1. Растительные символы Австралии

Территория	Название растения на англ. яз.	Название растения на русс. яз.	Латинское название растения
Commonwealth of Australia	golden wattle	акация густоцветковая	<i>Acacia pycnantha</i>
Australian Capital Territory	royal bluebell	королевский колокольчик	<i>Wahlenbergia gloriosa</i>
New South Wales	waratah	телопея	<i>Telopea speciosissima</i>
Northern Territory	Sturt's desert rose	пустынная роза/хлопчатник Стёрта	<i>Gossypium sturtianum</i>
Queensland	Cooktown orchid	дендробиум двугорбый/орхидея куктаун	<i>Dendrobium phalaenopsis</i>
South Australia	Sturt's desert pea	свайнсона прекрасная/пустынный душистый горошек Стёрта	<i>Swainsona formosa</i>
Tasmania	Tasmanian blue gum	эвкалипт шаровидный	<i>Eucalyptus globulus</i>
Victoria	common heath	эпакрис вдавленный/розовый вереск	<i>Epacris impressa</i>
Western Australia	red and green kangaroo paw	анигозантос Мэнглза	<i>Anigozanthos manglesii</i>

В США каждый штат страны имеет свой цветок-символ [\[30\]](#). Например, в Алабаме это камелия японская (*Camellia japonica*), в Айдахо – чубушник Льюиса (*Philadelphus lewisii*), на Аляске – незабудка альпийская (*Myosotis alpestris*), в Миссури – боярышник (*Common hawthorn*), в штате Нью-Гемпшир – сирень обыкновенная (*Syringa vulgaris*), в Огайо – гвоздика садовая (*Dianthus Caryophyllus*), в Род-Айленде – фиалка (*Viola sororia*) и т.д. Рассказать обо всех в рамках нашего исследования не представляется возможным, ведь некоторые растения известны лишь специалистам-ботаникам.

Остановимся лишь на нескольких примерах.

На государственном флаге Канзаса изображен подсолнух и этот штат довольно часто называют «штатом подсолнечника» (*The Sunflower State*). Это название упоминается даже в официальных документах XX века.

Алая гвоздика (*red carnation*) стала символом штата Огайо после смерти президента Уильяма Мак-Кинли. Он был родом из этого штата и часто носил эти цветы на лацкане пиджака.

Символом Иллинойса стала фиалка (*violet*). На выборах национального цветка в 1907 году местные школьники проголосовали именно за нее. По количеству голосов этот цветок обогнал шиповник и золотарник.

Американцы считают, что сирень (*lilac bush*) олицетворяет стойкость характера людей. Именно это растение является символом штатов Нью-Йорк и Нью-Гемпшир.

Пионы (*) часто считаются государственными цветами Китая, однако с 1957 года они стали и символом штата Индиана.*

В Теннеси национальными стали одновременно два цветка. Долгое время символом этого штата была пассифлора (*passion flower*), однако самым культивируемым цветком стал ирис (*iris*), поэтому ему тоже присвоен статус национального.

К национальным цветам в Америке относятся с большим почтением. На праздники ими украшают дома, дарят друг другу на официальных мероприятиях.

В государственном гербе Канады видим канадский кленовый лист, розу Тюдоров, чертополох, лист клевера (представляющие составные части Великобритании) и белую лилию Франции). Лист клена (*maple leaf*), который можно увидеть на флаге страны, является символом единения нации [\[31\]](#).

Помимо общегосударственного символа свой растительный символ имеет и каждая канадская провинция. В Британской Колумбии это бентамидия Наттола или кизил тихоокеанский (*Pacific dogwood*). Осенью белые цветы этого растения сменяются красными ягодами. Пиковый сезон цветения приходится на апрель месяц, когда сырь и дождливо. Символом этой провинции кизиловый цветок стал в 1956 году.

Символ Онтарио – триллиум (*trillium*), который расцветает в лесах провинции в начале апреля.

Цветочный символ Квебека – ирис (*blue flag iris*), радующий жителей провинции своим цветением весной. При этом геральдическим символом также остается французская белая лилия.

Крокус (*prairie crocus*), распускающийся ранней весной в прериях, служит символом провинции Манитоба.

С 1936 года символом провинции Нью-Брансуик является нежная фиалка (*purple violet*). Это растение обладает лекарственными свойствами, его используют при изготовлении сиропов и джемов.

Символ провинции Саскачеван – лилия филадельфийская или древесная лилия (*western red lily*), произрастающая во влажных лесных районах провинции. С 1947 года вследствие разрастания городов и лесных пожаров это растение стало настоящей

редкостью. Цветок давно внесен в Красную книгу. На сегодняшний день научные лаборатории работают над тем, чтобы увеличить его популяцию.

Еще с 1930 года дикая роза (*wild rose*) является символом провинции Альберта.

Символом Новой Шотландии считается майский цветок или боярышник однопестичный (*Mayflower*).

Венерин башмачок (*lady's slipper*) – цветочный символ провинции Остров Принца Эдуарда.

Fireweed (нам он знаком как Иван-чай) читят в Юконе как символ надежды, а цветок дриада (*mountain aven*), обильно цветущий в Арктике, является символом Северо-Западных Территорий Канады.

Камнеломка (*purple saxifrage*) одна из первых распускается во время арктической весны. Это растение коренные жители употребляют в пищу. Этот цветок был выбран символом территории Нунавут.

Самый «грозный» цветочный символ – саррацения пурпурная (*purple pitcher*) – настоящий цветочный хищник, питающийся насекомыми. Несмотря на то, что саррацения пурпурная встречается во многих регионах страны, она является символом провинции Ньюфаундленд и Лабрадор. По приказу королевы Виктории этот цветок был выбран в качестве изображения на монете Ньюфаундленда.

Исходя из того, что назначение герба и любого другого геральдического символа заключается в том, чтобы обозначать своего владельца, представляется, что в геральдике фитонимы, помимо номинативной, выполняют символическую функцию. Под данной функцией понимается способность лексем вызывать ассоциации.

3. Фитонимы в названиях праздников.

Использование растений в качестве символов общенациональных и местных праздников является давней традицией. Так, в названии одного из основных христианских праздников Вербное воскресенье (*Palm Sunday*) отражена традиция отмечать вход Иисуса Христа в Иерусалим, где Его приверженцы встречали Его с пальмовыми ветками в руках. Этот день называют также *Fig Sunday* или *Fig Pudding Day* (от традиции есть инжир (*fig*) или же готовить инжирный пудинг). Празднование Пасхи (*Easter*) часто сопровождается стихами:

<i>Daffodillies yellow,</i>	Желтые нарциссы
<i>Daffodillies gay,</i>	Расцвели в саду.
<i>To put upon the table,</i>	Соберу их в вазу
<i>On Easter Day</i>	К пасхальному столу.

[\[32\]](#)

(пер. авторов)

Другой, пожалуй, самый значимый праздник, Рождество (*Christmas*), в Великобритании и США традиционно ассоциируется с такими вечнозелеными растениями (*evergreens*), как омела (*mistletoe*), остролист или падуб (*holly*) и «рождественская звезда» – пуансеттия (*poinsettia*). Эти растения используются в качестве украшений, с ними связаны общеизвестные ритуалы и поверья. Вечнозеленые растения на протяжении веков использовались в зимних праздниках как язычниками, так и христианами, причем

христиане верили, что они символизируют рождение и воскресение Иисуса и вечную жизнь.

Поскольку омела цветет даже холодной зимой, еще в I веке нашей эры ее считали символом бодрости и плодородия. Веточки омелы вешали над входной дверью, чтобы защитить дом от бед, магии и колдовства. Считается, что люди, встретившиеся под омелой в канун Рождества, должны поцеловаться, а этот поцелуй станет залогом счастья и вечной любви. Неудивительно, что омела превратилась в романтический символ Рождества.

Цветение венценосного кустарника пунцетии совпадает с Рождеством и Новым годом, что и послужило причиной выбора его в качестве одного из рождественских символов. Католические священники назвали это растение Цветок Святой ночи (*Flower of the Holy Night*). Его цвета также символичны: яркий красный цвет напоминает нам о крови, пролитую Иисусом на кресте, белая же пунцетия символизирует чистоту, хорошее настроение и счастье.

Остролист или падуб с блестящими заостренными темно-зелеными листьями и ярко-красными ягодами символизирует терновый венец, возложенный на голову Иисуса, а цвет ягод напоминает нам о пролитой Иисусом крови [\[33\]](#).

День чернильного орешка или День королевского дуба (*Oak Apple Day/ Royal Oak Day*) – день реставрации Карла II празднуется 29 мая. Праздник посвящен восстановлению короля Карла II на престоле 29 мая 1660 г. Своим названием праздник обязан историческому факту, согласно которому Карл II сбежал от военного патруля, укрывшись в ветвях дуба после поражения в битве при Вустере. Позже этот дуб назвали королевским. Британский монарх был восстановлен на троне и положил конец протекторату Кромвеля, введенному в 1649 году. Праздник также отмечает основание Королевской больницы в Челси, основанной королем Карлом II. На севере Англии среди школьников был популярен стишок:

*Royal Oak Day, twenty nineth of
May,*

*if you deean't give us holiday, We'll
all run away. [\[34\]](#)*

Двадцать девятого мая, в День
королевского дуба,

Хотим отдохнуть от школы, иначе
сбежим оттуда!

(пер. авторов)

Церемония «Апельсинов и лимонов» (*Oranges and Lemons Day*) проходит ежегодно в третий четверг марта в церкви Святого Клемента в Лондоне. В ней принимают участие школьники младших классов. По окончанию службы под аккомпанемент ручных колокольчиков исполняется старинная детская песенка со словами "*Oranges and Lemons / Say the bells of St Clemens...*" – «Апельсины и лимоны, / Звонят колокола Святого Клемента», а дети на выходе из церкви получают от священника по лимону и апельсину [\[35\]](#). Песенка *Oranges and Lemons* несколько раз встречается в романе Дж. Оруэлла «1984» и в рассказе Роальда Даля «Кусочек торта» (*A Piece of Cake*). Песня и связанная с ней игра присутствуют в британской комедии ужасов 1970 года «Мамочка, нянечка, сыночек и доченька» (*Mumsy, Nanny, Sonny and Girly*), в книге Майкла Морпурго «Рядовой мирный» (*Private Peaceful*) и ее экранизации 2012 года, в фильме ужасов «Оно» (*It*) и др. произведениях литературы и кинематографа [\[36\]](#).

Церемония «Лилии и Розы» в Лондонском Тауэре (*The Ceremony of the Lilies & Roses at*

the Tower of London) проходит ежегодно 21 мая. Ученики Итонского колледжа и Королевского колледжа в Кембридже чтут память их основателя короля Генриха VI, который внезапно скончался в этот день. Церемония проходит в лондонском Тауэре с возложением цветов – лилий от Итона и белых роз от Королевского колледжа [\[37\]](#).

День памяти павших (*Remembrance Day*) или День маков (*Poppy Day*) отмечается 11 ноября. Эта дата выбрана не случайно, так как именно 11 ноября 1918 года Компьенским перемирием закончилась Первая мировая война. В этот день на улицах британских городов продаются и раздаются красные искусственные маки как напоминание о павших на полях сражений в двух мировых войнах. Иногда эти цветы называют *Flanders Poppy* – аллюзия на стихотворение канадского военно-полевого хирурга Дж. Маккрея (*John McCrae*) «На полях Фландрии» (*In Flanders Fields*), написанное им в 1915 г. после Второй битвы при Ипре:

<i>In Flanders fields the poppies blow</i>	Во Фландрии ряды цветов —
<i>Between the crosses, row on row,</i>	Алеют маки меж крестов,
<i>That mark our place; and in the sky</i>	Что отмечают нашу смерть.
<i>The larks, still bravely singing, fly</i>	А в небе жаворонкам петь
<i>Scarce heard amid the guns below.</i>	Мешает орудийный град.

[\[38\]](#) (пер. А. Воробьева)

Примеры использования фитонимов, а именно флоронимов, находим и в стихах, посвященных одному из самых романтичных праздников – Дню Святого Валентина (*Saint Valentine's Day*). Традиция использования названий цветов в качестве лексических единиц, обладающих символизмом и глубоким смыслом, получает особую популярность в Викторианскую эпоху, когда в соответствии с правилами этикета цветы использовались для передачи сообщений, которые нельзя было произнести вслух. В своего рода безмолвном диалоге цветы могли использоваться для ответа на вопросы «да» или «нет», а также как средство художественной выразительности для описания внешних черт и внутренних качеств человека. Например: пионы (*peonies*) символизируют застенчивость, колокольчики (*bluebells*) – доброту и скромность, амариллис (*amaryllis*) – гордость, гвоздика (*carnation*) – восхищение, страсть, ромашка (*chamomile*) – терпение, белая роза (*white rose*) – чистота и непорочность, фиалка (*violet*) – настороженность, скромность, преданность и т.д. [\[39\]](#).

<i>Roses are red,</i>	Розы красные,
<i>Violets are blue,</i>	Фиалки синие,
<i>Carnations are sweet,</i>	Гвоздики нежные,
<i>And so are you.</i>	Как ты, такая милая!

[\[39\]](#) (пер. авторов)

4. Фитонимы в идиомах

Употреблению фитонимов в идиомах можно посвятить отдельное исследование. В нашей работе остановимся на наиболее известных и частотных.

«Идиомы – это маленькие искорки жизни и энергии в нашей речи; они похожи на

витамины в нашей пище, которые делают ее питательнее и полезнее; язык, лишенный идиом, становится бесцветным, безвкусным и скучным» [\[40\]](#). Логан Смит отмечает глубоко национальный характер идиом, которые возникли в народной речи и представляют собой неотъемлемую часть той английской почвы, тех полей и пастбищ, тех деревень, откуда они пошли [\[40\]](#). В основе их образов отражаются повседневные явления природы. Названия цветов и их частей встречаются в следующих идиомах:

a bed of roses – ложе из роз; не житье, а масленица;

a rose between two thorns – (красивая) женщина, сидящая между двумя мужчинами;

to be a thorn in someone's side – как кость в горле;

to be a wallflower – оставаться в тени, стоять у стенки;

to be pushing up daisies – лежать в могиле, приказать долго жить; быть мёртвым;

born under the rose – рожденный вне брака, незаконнорожденный;

nip in the bud – подавить в зародыше, пресечь в корне;

shrinking violet – чрезвычайно застенчивый человек; увядающая красота;

stop and smell the roses – остановиться и насладиться жизнью;

to lay up in lavender – беречь, нежить; уложить на хранение;

under the rose – тайно, втихомолку (в римской империи роза символизировала молчание).

Ряд идиом содержит названия фруктов и овощей:

as cool as a cucumber – невозмутимый, не теряющий хладнокровия;

as like as two peas – похожи, как две капли воды;

cherry-pick – тщательно подбирать, выбирать из нескольких вариантов только лучший, снимать сливки;

to eat the leak – подвергнуться унижению, проглотить обиду, прийти с повинной головой;

to hold out an olive branch – предложить мировую;

to make two bites at a cherry – стараться больше, чем нужно;

to play gooseberry – служить ширмой, сопровождать влюбленных для приличия, быть третьим лицом;

the apple of discord – яблоко раздора.

С давних времен существует целый ряд любопытных пословиц с фитонимами, большинство из которых основано на жизненном опыте их анонимных создателей. Обратимся к некоторым из них.

Мысль о том, что зло часто одерживает верх над добром, находит свое отражение в следующих пословицах с фитономом *weed*:

The weeds overgrow the corn – посевы заросли сорняками.

The frost hurts not weeds – мороз не губит сорняки.

Evil weeds grow apace – дурная трава в рост идет.

О заразительном примере дурных привычек говорит пословица *The rotten apple injures its neighbours* – от одного порченого яблока весь воз загнивает, один плохой человек бросает тень на всю семью, группу людей.

Пословицы с фитонимами часто используются для характеристики людей. Например:

To sow one's wild oats – отдать дань юношеским увлечениям; перебеситься, прожигать молодость. Первоначально означало сеять дикий овес вместо культурного.

Though you stroke the nettle ever so kindly, yet it will sting you – так говорят о злом человеке, который с виду – сама доброта.

He is asking an elm-tree for pears – характеризует человека как требующего невозможного, невыполнимого.

He is like a blind goose that knows not a fox from a fern bush – глупого человека, не видящего очевидных различий, сравнивают со слепым гусем, который не отличит лисицы от папоротника.

Пословицы *cut down an oak and plant a thistle* и *cut down an oak and set up a strawberry* о человеке, который отказывается от чего-то значительного, важного ради мелкого пустякового бессодержательного дела.

He has a ready mouth for a ripe cherry описывает человека, который никогда не упустит возможности использовать подвернувшийся шанс.

To give an apple where there is an orchard – дать одно яблоко, когда владеешь целым садом. Характеристика жадного человека.

You are as long a-coming as Cotswold barley – человек, медленно, но уверенно движущийся к цели. Необходимо пояснить, что Котсуолд в Глостершире – очень холодное, унылое место среди пустошей, открытое ветрам, с очень бедной растительностью, но тем не менее оно дает хороший урожай позднего ячменя.

Следующая область использования пословиц с фитонимами – характеристика определенных жизненных ситуаций.

Oaks may fall when reeds brave the storm – шторм может свалить дубы, но не справиться с тростником.

There is small choice in rotten apples – на безрыбье и рак рыба. Когда нет выбора, надо мириться с тем, что в других условиях было бы неприемлемым.

As like as an apple to an oyster – похоже, как свинья на коня, похож как гвоздь на панихиду. Это выражение гласит о полном отсутствии сходства.

Как средоточие мудрости поколений пословицы нередко содержат советы:

Eat an apple going to bed, make the doctor beg his bread. An apple a day keeps the doctor away. Обе пословицы – о пользе употребления в пищу яблок, пожалуй, самых популярных фруктов в Британии.

Eat peas with the king, and cherries with the beggar – действуй согласно ситуации.

An oak is not felled with one stroke – с одного удара дуба не свалишь. Великие дела не совершаются сразу.

He that goes barefoot must not plant thorns – не рой другому яму – сам в нее попадешь.

Как видно из приведенных примеров в идиомах и пословицах фитонимы реализуют характеризующую, оценочную функции, а также когнитивную, связанную с накоплением, сохранением и передачей информации.

В народном творчестве и медицине фитонимы выполняют выразительную функцию, способствующую повышению экспрессии и, безусловно, когнитивную, поскольку стихи-заклинания, поговорки несут в себе знания и мудрость, содержащиеся в памяти поколений.

Заключение

В настоящей работе нами рассмотрены функциональные особенности фитонимов в британской лингвокультуре. В современном мире растения и цветы составляют неотъемлемую часть повседневной жизни. Обращение к актуальной сегодня лингвистике повседневности позволило по-новому взглянуть на ту роль, которую играют названия представителей растительного мира в повседневной жизни населения стран, говорящих на английском языке

Сущность повседневности как социально-философского понятия заключается в том, что это наиболее близкая, привычная человеку реальность. Для современной лингвистики, которая обратила свой взор на обыденное сознание и повседневную жизнь индивида, ценным является повседневный дискурс. Потенциальными ценностями повседневного дискурса являются ценности, сформированные в рамках культурного сообщества.

Главным результатом проведенного нами исследования является выявление областей повседневного общения, в которых флористическая лексика играет существенную роль: это названия растений в антропонимах и топонимах, в геральдике англоязычных стран, в названиях праздников, а также в идиоматике.

Основной функцией фитонимов является номинативная, которую дополняют и уточняют характеризующая, символическая, оценочная, когнитивная и выразительная.

Проведенный в работе анализ форм репрезентации фитонимической лексики в различных сферах общественной жизни англоговорящих стран может служить основой для дальнейших исследований феномена лингвистики повседневности. Результаты исследования возможно использовать при разработке спецкурсов по истории повседневной культуры данных стран и анализа культуры повседневности в целом.

В заключение необходимо отметить, что данная работа не претендует на завершенность и полноту, что объясняется форматом статьи для научного журнала, и оставляет перспективы для дальнейшего исследования.

Перспективным представляется проведение сопоставительного анализа использования фитонимов в английской и русской лингвокультурах, а также в лингвокультурах других стран. Также актуальным представляется рассмотрение использования фитонимов в религиозной литературе и в так называемом «языке любви» в разных дискурсивных жанрах, в особенности в художественном дискурсе.

Библиография

1. Ананьева Н.Е. Фитонимы и некоторые микротопонимы окрестностей Видз // Исследования по славянской диалектологии. Выпуск 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калнынь, Москва. Институт славяноведения РАН 2021. С. 115-120.
2. Смирнов А. В. Концептуализация повседневности: исторический и методологический аспекты: диссертация ... доктора философских наук: 24.00.01 Санкт-Петербург, 2013. 365 с.
3. Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. Москва: Моск. филос. фонд, 1995. 322 с.
4. Кнабе Г. С. Древний Рим-история и повседневность: Очерки. Москва: Искусство, 1986. 206 с.
5. Глаголева Е. В. Повседневная жизнь европейских студентов от Средневековья до эпохи Просвещения. Москва: Молодая гвардия, 2014. 318 с.
6. Тулина Е. В., Козько Н. А. Лингвистика повседневности сквозь призму прецедентности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. II. С. 196-199.
7. Козько Н. А., Тулина Е. В. Лингвокультурный анализ составляющих лингвистики повседневности; М-во образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО "Магнитогорский гос. ун-т". Магнитогорск : Изд-во Магнитогорского гос. ун-та, 2011. 190 с.
8. Чулкина Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. Москва: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2004. 256 с.
9. Колмогорова А. В. Аргументация в речевой повседневности. Москва: Флинта: Наука, 2009. 148 с.
10. Завалишина Ю. Г. Зоонимы и фитонимы в русской и английской паремиологии в аспекте этнического менталитета: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Курск, 1998. 220 с.
11. Сивакова Н. А. Лексикографическое описание английских и русских фитонимов в электронном глоссарии: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.21. Тюмень, 2004. 165 с.
12. Исрафилова Д. Ш. Концепт "Tree/дерево/Агач" как средство выражения языковой действительности в английском, русском и татарском языках: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20. Казань, 2012. 157 с.
13. Дементьева А. Г. Когнитивные основы формирования переносных значений фитонимов: на материале английского, русского и французского языков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02. Тамбов, 2012. 185 с.
14. Котова Н. С. Лингвокультурологический анализ концептосферы «цветы»: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 Челябинск, 2007. 168 с.
15. The Oxford Dictionary of Phrase and Fable. Edited by Elizabeth Knowles. Oxford University Press. 2016. 816 p.
16. Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (Accessed 23 November 2023)
17. Collins Dictionary URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (Accessed 23 November 2023) ColD
18. DICTIONARY.COM URL: <https://www.dictionary.com/> DICT (Accessed 23 November 2023)
19. Longman Dictionary of Contemporary English Online URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/LDOCE> (Accessed 23 November 2023)
20. Macmillan Dictionary URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/> (Accessed 23 November 2023) MD
21. Merriam Webster URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (accessed 23

November 2023) MW

22. Oxford Learner's Dictionaries URL:

<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (Accessed 23 November 2023) OLD

23. Urban Dictionary URL:<https://www.urbandictionary.com/> (Accessed 23 November 2023) UD

24. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь = Comprehensive English-Russian Phraseological Dictionary: около 20 000 фразеологических единиц. 5-е изд., стер. Москва: Просвещение, 2021. 1210 с.

25. Top Names Over the Last 100 Years / Social Security. An official website of the United States government. <https://www.ssa.gov/oact/babynames/decades/century.html> (accessed 18 October 2023)

26. Most Popular Baby Names. Cosmopolitan.

<https://www.cosmopolitan.com/uk/body/a26971152/most-popular-baby-names/> (accessed 18 October 2023)

27. Chaucer. The legend of good women / Edited by the Rev. Walter W. Skeat. Clarendon Press, 1889. 229 p. (Clarendon Press Series). <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004487748?page=28&rotate=0&theme=white> (accessed 18 October 2023)

28. Juniper. Baby name DNA. <https://nameberry.com/babyname/juniper> (accessed 11 June 2023)

29. Floral Emblems of Australia. Australian national herbarium
<https://www.anbg.gov.au/emblems/> (accessed 18 October 2023)

30. What is My State Flower? Teleflora. <https://www.teleflora.com/floral-facts/what-is-my-state-flower> (accessed 11 June 2023)

31. Floral Emblems in Canada. Botanica. <https://www.botanicadirect.com/en/flower-facts/floral-emblems-in-canada/index.html> (accessed 18 October 2023)

32. Daffodillies yellow / Daffodilly down came to town <https://www.youtube.com/watch?v=4jNiEQjW6Yk> (accessed 11 June 2023)

33. Find Out the Special Meanings Behind 17 Traditional Christmas Symbols, Including Bells, Holly, Ornaments and More! Parade. <https://parade.com/living/christmas-symbols-meaning> (accessed 18 October 2023)

34. Royal Oak Day. Out & About ... <http://www.fhithich.uk/?p=23071> (accessed 11 June 2023)

35. Oranges And Lemons Day March 21, 2024. National Today.
<https://nationaltoday.com/oranges-and-lemons-day/> (accessed 18 October 2023)

36. Alchin, L. K. The Secret History of Nursery Rhymes: Colour Edition. Nielsen 2013 96 p.

37. The Ceremony of the Lilies & Roses at the Tower of London. Spitalfields Life
<https://spitalfieldslife.com/2011/05/24/the-ceremony-of-the-lilies-the-roses-at-the-tower-of-london/> (accessed 18 October 2023)

38. Маккрай Д. В полях Фландрии. Санкт-Петербург: Скифия, 2016. 88 с.

39. Flower Meanings: The Language of Flowers. Almanac. Yankee Publishing, Inc.
<https://www.almanac.com/flower-meanings-language-flowers> (accessed 11 June 2023)

40. Смит Л. П. Фразеология английского языка. Москва: Учпедгиз, 1959. 208 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе выступают фитонимы в английской

лингвокультуре. Под фитонимами в данной работе понимаются все названия растений и их частей. Выбор предмета обусловлен значением различных растений в жизни человека. Исследование проводится в русле лингвистики повседневности, актуального направления в лингвистике, которое изучает повседневную жизнь и обыденное сознание человека, их отражение в языке и речевых практиках. Вслед за А. В. Смирновым автор(ы) отмечают, что «концептуализация повседневности позволит свести разрозненные описания феноменов повседневной жизни, рассматриваемых гуманитарным знанием, к единому теоретическому контексту, обеспечив возможность сопоставимости результатов, полученных в разных науках».

Теоретической базой научной работы послужили труды таких российских и зарубежных исследователей, как А. В. Колмогорова, Г. С. Кнабе, А. В. Смирнов, Ю. Г. Завалишина, Н. Л. Чулкина, Н. А. Сивакова, Е. В. Тулина, Н. А. Козько, А. Г. Дементьева, Питер Людвиг Бергер, Томас Лукман, Логан Пирсолл Смит и др. Библиография статьи составляет 40 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Так, апеллируя к работам ученых, автор(ы) подчеркивают, что в отечественной лингвистике долгое время исследованиям механизмов функционирования фитонимической лексики в повседневной жизни человека уделялось недостаточно внимания, хотя в последние десятилетия они становятся все актуальней: «существующие исследования носят фрагментарный характер», «отсутствие целостного теоретического и практического осмыслиения проблемы функционирования фитонимической лексики в повседневной жизни англоговорящего сообщества и неизученность механизмов этого функционирования послужило основанием для представляемого исследования и определяет его актуальность».

Методология проведенного исследования в работе носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели («рассмотреть проблемы использования фитонимической лексики и особенностей бытования форм ее репрезентации в различных сферах общественной и культурной жизни англоговорящих стран с позиций лингвистики повседневности») и задач работы («выявить специфику репрезентации фитонимической лексики, систематизировать и описать ее функций») в исследовании применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод и интерпретативный анализ отобранного материала, методы комплексного анализа, опирающиеся на междисциплинарные методы, среди которых системный подход, семиотический подход, культуро-антропологический подход. Материалом исследования послужили примеры из различных современных лексикографических источников («The Oxford Dictionary of Phrase and Fable», «Cambridge Dictionary», «Collins Dictionary», «Longman Dictionary of Contemporary English», «Macmillan Dictionary», «Merriam Webster», «Oxford Learner's Dictionaries», «Urban Dictionary», «Большой англо-русский фразеологический словарь» А. В. Кунина); языковые данные, почерпнутые из новейших материалов СМИ, медийных порталов. В ходе проведенного исследования были выявлены и изучены области повседневного общения, в которых флористическая лексика играет существенную роль: названия растений в антропонимах и топонимах, в геральдике англоязычных стран, в названиях праздников, а также в идиоматике. Основной функцией фитонимов является номинативная, которую дополняют и уточняют характеризующая, символическая, оценочная, когнитивная и выразительная. Выводы исследования соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание работы.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость: «анализ форм репрезентации фитонимической лексики в различных сферах общественной жизни англоговорящих стран может служить основой для дальнейших

исследований феномена лингвистики повседневности» и практическую ценность: их можно использовать при разработке курсов по теории языка, лексикологии, стилистики и лингвокультурологии; спецкурсов по истории повседневной культуры данных стран и анализа культуры повседневности в целом.

Содержание статьи соответствует названию, логика исследования четкая. Работа соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Атакъян Г.С., Нещеретова Т.Т., Чалабаева Л.В. Американо-английский язык и его положение в мире в контексте американской политики лингвистического империализма // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75853 EDN: WIBJOI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75853

Американо-английский язык и его положение в мире в контексте американской политики лингвистического империализма

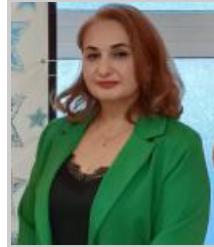
Атакъян Гаянэ Самвеловна

кандидат филологических наук

доцент кафедры русской и зарубежной филологии Анапского филиала Московского педагогического государственного университета

353440, Россия, Краснодарский край, Анапский р-н, г. Анапа, ул. Астраханская, д. 88

 ms.atakyan-gayana@mail.ru

Нещеретова Тамара Теучежевна

кандидат филологических наук

доцент, зав. кафедрой арабского языка и вторых иностранных языков Адыгейского государственного университета

385000, Россия, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208

 neschet@bk.ru

Чалабаева Людмила Владимировна

ORCID: 0009-0004-5866-1650

кандидат филологических наук

доцент Филиала Российского государственного социального университета в г. Анапе Краснодарского края

353440, Россия, Краснодарский край, Анапский р-н, г. Анапа, ул. Тургенева, д. 261

 cha-ludmila@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.75853

EDN:

WIBJOI

Дата направления статьи в редакцию:

11-09-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена комплексному анализу положения американо-английского языка в глобальном международном контексте, с акцентом на политику лингвистического империализма США. В работе рассматриваются исторические и современные аспекты распространения американо-английского языка как глобального средства коммуникации, а также его влияние на другие языки и культуры. Особое внимание уделяется стратегиям, используемым США для продвижения своего языкового и культурного влияния, включая образовательную политику, медиа и международные отношения. Исследование опирается на методы социолингвистики и теоретико-методологическую базу, представленную не только классическими работами Р. Филипсона и М.А. Марусенко, но также и многочисленными научными разработками, выполненными российскими исследователями в рамках петербургской школы изучения лингвистического измерения мировой политики (В.С. Ягъя, Н.В. Ковалевская, Я.Н. Шевченко), что позволяет сравнительно глубоко проанализировать процессы, связанные с распространением американо-английского языка в мире. В статье также рассматриваются последствия этого процесса для языкового разнообразия и культурного суверенитета других стран. Исследуются вопросы сопротивления и адаптации к лингвистическому империализму, а также предлагаются подходы к сохранению языкового и культурного плюрализма в условиях глобального взаимодействия. Авторы приходят к выводу о том, что последовательное проведение в жизнь политики мультикультурализма способно не только отвлечь энергию от решения наиболее актуальных проблем общества, связанных с расизмом и классовым неравенством, но и препятствует этноязыковым меньшинствам в осознании реальных первопричин их бедственного положения. Работа подчеркивает важность осмыслиения политики лингвистического империализма в контексте современных политико-языковых отношений между нациями в борьбе за власть и мир.

Ключевые слова:

американо-английский язык, лингвистический империализм, Роберт Филипсон, культурно-языковая глобализация, гегемония английского языка, мультикультурализм, макролингвополитология, политическая социология языка, глottopolитика, geopolитика языка

Введение

Сложившееся на сегодняшний день положение английского (или правильнее будет сказать, американо-английского) языка является следствием политики лингвистического империализма (*linguistic imperialism*), который можно определить как культурное доминирование посредством языка [\[13, с. 142; 27\]](#). Данный терминологический комплекс описывает явление, которое, в свою очередь, концептуализируется более общим понятием «культурного империализма» [\[2-8\]](#). Первоначально, говоря о языковом (или лингвистическом) империализме, имели в виду такую языковую политику колониальных держав, при которой имела место маргинализация местных языков вплоть до их полного исчезновения [\[4; 7-8; 10; 14; 19\]](#). В наши дни узус понятийного комплекса «культурно-языковой империализм» расширился, так что последний в изменившейся парадигме

международной среды обозначает теперь «языковую политику мировой сверхдержавы по отношению ко всем другим языкам» [\[13, с. 156\]](#).

То, как различные исследователи определяют культурно-языковой империализм на современном этапе, соглашаясь с данным термином или же оспаривая его, в известной степени зависит от их индивидуального восприятия роли политico-экономических и военных факторов, определяющих могущество западных англоязычных государств [\[1; 20; 27\]](#). Хотя этот термин может применяться к любому языку, в академическом сообществе он наиболее часто используется для описания американо-английского языка [\[8-9; 21; 27; 29\]](#).

На основе актуальных макролингвополитических процессов (используя категориально-теоретический аппарат, предложенный российскими исследователями в рамках петербургской школы изучения лингвистического измерения мировой политики [\[12; 14-17; 19; 22-23; 27\]](#)) нами была сформулирована следующая цель исследования, которая заключается в комплексном анализе положения американо-английского языка в глобальном международном контексте, с акцентом на политику лингвистического империализма США.

Методологической основой исследования послужил макросоциолингвистический подход, опирающийся на классические идеи Р. Филипсона [\[9; 29\]](#) (в интерпретации Н.В. Ковалевской [\[27\]](#), М.А. Марусенко [\[2; 8\]](#) и Я.Н. Шевченко [\[11; 13; 17\]](#)), а также в работе был использован системный подход в целях формирования целостного и объективного представления о процессах, связанных с актуальными проблемами распространения американо-английского языка в мире [\[3-4; 8-9; 19; 27; 29\]](#).

Обсуждение и результаты

Непосредственно терминологический комплекс «языковой империализм» стал активно фигурировать в научных работах с начала 1990-х годов с легкой руки Р. Филипсона, который понимал под англоязычным языковым империализмом «утвердившееся и поддерживаемое истеблишментом доминирование и сохранение структурного и культурного неравенства между английским и другими языками» [\[29, р. 141\]](#). Филипсон не только проанализировал в диахронической перспективе процесс распространения американо-английского языка в качестве международного, но также исследовал механизмы, позволившие сохранить его доминирующее положение в постколониальный период (Индия, Пакистан, Уганда, Зимбабве) и, прежде всего, в неоколониальный период (континентальная Европа) [\[9; 29\]](#). Наиболее значимый вывод, который делает Филипсон в своем исследовании, можно сформулировать так: в странах, где английский язык изначально не является родным, он становится в первую очередь языком элит [\[9\]](#). Те, кто владеет английским языком, могут успешно вступать во взаимодействие с иностранцами, с международными организациями и институтами (ООН, Всемирный банк) и т.д. Благодаря этому факту англофоны обретают возможность принимать решения за тех, кто этим языком не владеет [\[3; 8; 18-19; 29\]](#).

Решающее значение в деле распространения американо-английского языка исторически относится ко времени Второй мировой войны и отчасти захватывает послевоенный период [\[24\]](#), когда американское влияние охватило большую часть земного шара, а английский язык выступал в роли посредника, при помощи которого осуществлялась доставка американской мощи и англо-американских технологий и финансовой помощи

[\[19\]](#). Именно с этого исторического момента начинается триумфальное шествие английского языка по миру (как в британском, так и в американском его вариантах), и для очень многих людей (прежде всего, для молодежи) он стал маяком надежды, олицетворяя собой возможности для построения лучшего будущего, связанного а) с материальным благополучием, а также б) с доступом к профессиональным и научным знаниям [\[13, с. 143\]](#). Во всем мире идеи массового потребления, международной торговли, поп-культуры, конфликта поколений и технократии выражаются при помощи американо-английских и британо-английских слов и выражений [\[21, р. 56; 25\]](#).

Однако не следует все же преувеличивать роль геополитического фактора, когда мы говорим о том, как именно американо-английский язык приобрел статус универсального языка международного общения. По завершении Второй мировой войны были также учреждены важнейшие финансовые институты, в которых США и по сей день играют первую скрипку. Претворяя в жизнь «план Маршалла», американцы приняли самое непосредственное участие в послевоенном экономическом восстановлении Европы, Японии и целого ряда государств Индо-Пацифики [\[28, с. 14\]](#). Корейская война, а затем и вооруженный конфликт во Вьетнаме продолжили процесс расширения пространства американской культурной гегемонии [\[4, с. 40\]](#). Заметную роль в реформировании существовавшей на тот момент системы международных экономических отношений и внедрении свободного рынка в странах, которые традиционно функционировали в рамках механизмов командно-административного экономического регулирования, сыграла созданная после Второй мировой войны Бреттон-Вудская система [\[28, с. 14; 30\]](#). В результате большое число стран открыли свои границы для глобальных финансовых потоков, товаров, знаний и культуры [\[26\]](#), что неизбежно привело к очередному усилению влияния американо-английского языка на международной арене [3-5; 9; 19].

К сожалению, происходящее на этом фоне обеднение национальных языков, как справедливо отмечает доцент МГУ им. М. В. Ломоносова Н. В. Ковалевская, может иметь следствием тотальное размежевание соответствующих обществ на две категории – на тех, кто владеет английским, и тех, кто им не владеет [\[19; 27\]](#), что в свою очередь, безусловно, представляет прямую угрозу для демократий [\[21, р. 56\]](#). В таких условиях, пожалуй, единственной возможной мерой, призванной преодолеть раскол внутри общества, выступает идея о том, что необходимо якобы развивать поэтапно (сперва частичное, а затем и полное) школьное образование на английском языке [\[25\]](#), дабы ни одно из государств на современной политической карте мира не оказалось в стороне от ширящейся глобализации в рамках системы международного экономического взаимодействия [1-2; 6].

В перспективе постепенная утрата функциональности для национальных языков может приобрести планетарные масштабы, распространившись, точно пандемия, по всему земному шару. Поэтому колоссальная ответственность лежит здесь на руководстве высших учебных заведений, которые ответственны за принятие решений, нередко чреватых тяжелыми последствиями для национальных образовательных систем, о которых сами руководители университетов зачастую даже не подозревают [\[1; 6\]](#). В этой связи нам представляется очевидной необходимость предварительного демократического обсуждения, в рамках которого мог бы состояться обстоятельный обмен мнениями среди представителей всех заинтересованных сторон. Пока что такие обсуждения, насколько нам известно, не ведутся ни на уровне университетов, руководители которых в большинстве стран неизменно навязывают использование

английского языка, считая такую политику в области образования исключительно «прогрессивной» [\[21, р. 61; 25\]](#), ни среди политиков, часто неспособных принимать стратегические решения в образовательной сфере, ни в средствах массовой коммуникации [\[26, р. 63\]](#).

Существует целый ряд факторов, определяющих, почему правительства многих стран мира принимают решения в пользу перехода на английский язык в рамках национальных образовательных систем [\[1; 9\]](#). Два из этих факторов обнаруживают себя с известной степенью очевидности. Во-первых, речь идет об исполненной фатализма убежденности отдельных лиц, ответственных за принятие политических и управленческих решений, в том, что их собственные национальные языки не имеют будущего, а во-вторых, не стоит сбрасывать со счетов также и фактор глобалистского конформизма, присущего многим государственным деятелям. Однако мы вынуждены согласиться с профессором кафедры математической лингвистики СПбГУ М. А. Марусенко относительно того, что существует еще и третий фактор, о котором специалисты в области образовательной политики упоминают сравнительно редко. Речь идет о том, что открытие программ на английском языке якобы необходимо для привлечения иностранных студентов [\[3\]](#). Такого рода заявления, по мнению М. А. Марусенко, не дают широкого простора для интерпретаций и могут указывать всего лишь на один факт: конкретная образовательная политика уже ориентирована на создание особых условий для будущих иностранных студентов, чьи родители заблаговременно вложили необходимые средства в обучение своих детей английскому языку, включая, в частности, и финансирование их зарубежных стажировок [\[6\]](#).

В первое поколение традиционно входят представители элиты, те, кто получил высшее образование на английском языке. Они (в свою очередь) естественным образом захотят, чтобы их дети унаследовали их привилегированное положение [\[24\]](#). Как правило, такое положение вещей приводит к переносу английского, как языка обучения, на уровень школьного образования, и во многих странах в системе среднего образования уже существуют школы, учебный процесс в которых ведется исключительно на английском языке [\[8\]](#).

Любопытный пример двойного подхода, присущего американской культурно-лингвистической политике представляет отношение к многоговорящему, которое мы можем наблюдать внутри страны и за ее пределами. Так, если внутри США политика ассимиляции все больше трансформируется в политику мультикультуралаизма, неотъемлемой частью которого является мультилингвизм (происходит разворот от «плавильного котла» к «салатнице», как метафорично описывает эту тенденцию М. А. Марусенко [\[4; 7\]](#)), то внешний культурно-языковой империализм официального Вашингтона в отношении мультикультуралаизма традиционно исходит из позиции жесткого неприятия [\[19; 29\]](#).

Опираясь на идеи мультикультуралаизма в процессе формулирования целей и задач своей культурной и образовательной политики, многие современные государства вполне заслуженно, на наш взгляд, становятся мишенью для критики со стороны мирового академического сообщества, причем эта критика может исходить из двух принципиально отличающихся друг от друга точек зрения. Сторонники первой – философской – точки зрения склонны утверждать, что политика мультикультуралаизма несовместима с базовыми либерально-демократическими принципами [\[27, р. 17-21\]](#). На протяжении многих лет, особенно в 1980–1990-е гг., эта точка зрения была крайне популярна в научной

литературе по социолингвистике [22; 29]. Однако с середины 1990-х гг. ей на смену пришел новый (эмпирический) аргумент, направленный против политики, построенной на принципах мультикультурализма. Согласно логике эмпириков, политика мультикультурализма на практике препятствует реализации курса на сохранение сильного государства всеобщего благоденствия (welfare state), потому что самые основания политики мультикультурализма подрывают межличностное доверие, социальную солидарность и политические коалиции – все то, на чем зиждется концепция государства всеобщего благоденствия [27, р. 21-24; 30].

Часто оба описанных выше критических подхода – философский и эмпирический – используются в комплексе. Так, исследователи, убежденные в том, что философские истоки мультикультурализма следует искать в работах мыслителей либерального толка, столь же легко соглашаются с мыслью, что мультикультурализм может выступать деструктивным фактором по отношению к государству всеобщего благоденствия [13, с. 141-142].

В горизонте социологических и демографических исследований прилагательное «мультикультурный» обычно указывает на общества, характеризующиеся высоким уровнем этнокультурного или расового разнообразия [21, р. 57]. С точки зрения демографической науки, общество принято считать мультикультурным, если оно включает расовые или этнические меньшинства, вне зависимости от того, как государство к ним относится [21, р. 57-58]. В то же время отдельные исследователи приходят к выводу, что демографический мультикультурализм самим своим существованием бросает вызовы современной концепции государства всеобщего благоденствия [19; 27]. Почетный профессор СПбГУ В. С. Ягья (1938-2020) считал, например, что мультикультурализм ставит преграды на пути к практической реализации концепции welfare state, независимо от того, активно ли то или иное государство поддерживает расовое разнообразие в пределах собственных границ или же только терпит его [19]. В современных условиях наиболее авторитетные специалисты по данному вопросу сходятся во мнении, что страны с расово однородным населением и принимающие незначительно число иммигрантов, гораздо эффективнее и быстрее способны построить государство всеобщего благоденствия, нежели страны, для которых характерно большее демографическое разнообразие [10; 26, р. 59].

Далее остановимся подробнее на основных обвинениях, которые могут быть предъявлены в адрес правительств, реализующих на практике политику мультикультурализма.

Во-первых, это так называемый эффект вытеснения (the crowding out effect). Предполагается, что в рамках политики мультикультурализма происходит заметное снижение эффективности в вопросах перераспределения государственных ресурсов, когда вместо целевого использования времени, энергии и денег на реализацию конкретных государственных программ значительная часть этих ресурсов тратится на поддержку мультикультурализма [27, р. 59-60]. Лица, ответственные за принятие и исполнение государственных решений, не могут эффективно заниматься перераспределением средств или защитой государства всеобщего благоденствия от бюджетных сокращений, так как они вынуждены тратить свое время и энергию на решение проблем, связанных с мультикультурализмом. В качестве примера достаточно вспомнить, как Университет штата Калифорния (Лос-Анджелес, США) вел активную борьбу против увеличения общего количества студентов, представляющих те или иные

меньшинства, что происходило на фоне значительных сокращений в бюджете образовательной системы штата, которые вуз оставил практически без внимания, тогда как для студентов из меньшинств это существенным образом сказалось на их возможности оплачивать учебу в университете. Иными словами, общественные усилия, которые целесообразно было бы направить на защиту образовательной системы конкретного американского штата, уходили в массе своей на разногласия с потенциальными союзниками [\[24\]](#).

Во-вторых, среди обвинений в адрес правительства, проводящих политику мультикультурализма, отдельные исследователи выделяют еще и коррозионный эффект (the corroding effect). Речь идет о том, что практики, присущие политике мультикультурализма, зачастую препятствуют перераспределению ресурсов в том числе из-за снижения уровня доверия и солидарности граждан (выражаясь метафорически, происходит «коррозия» указанных общественных институтов и связанных с ними практик) [\[24\]](#). Как справедливо отмечает профессор М. А. Марусенко, когда мы признаем миноритарные группы в рамках политики мультикультурализма, это может повлечь за собой возникновение культурной обиды со стороны конкретного меньшинства за снисходительно-патерналистское отношение к его представителям доминирующей этнокультурной группы: ощущение обиды ведет к недоверию между членами разных сообществ и, как следствие, затрудняет создание межэтнических коалиций [\[4, с. 48; 7\]](#). Другой причиной «коррозии» солидарности выступает мультикультурализм в аспекте институциональной сегрегации, при которой различные этнокультурные и расовые группы, живущие словно в ортогональных реальностях, с трудом находят общий язык между собой, из-за чего у них не формируются устойчивые привычки, связанные с потребностью сотрудничать с представителями иной этнокультурной или расовой группы и доверять ее представителям. Все это имеет результат в виде двух концепций мультикультурного образования: в рамках первой концепции считается необходимым, чтобы все дети обучались по единым программам, включающим информацию обо всех группах, проживающих в данной стране, тогда как вторая концепция исходит из установки на открытие раздельных школ с разными программами для разных групп [\[24\]](#). Очевидно, что второй вариант скорее деструктивен, нежели полезен, если мы стремимся к созданию долгосрочной атмосферы доверия и солидарности.

Третий эффект, о котором необходимо упомянуть в рамках интересующего нас исследовательского сюжета, называется эффектом ошибочного диагноза (the misdiagnosis effect). Данный эффект выражается в том, что мультикультурализм может внушать людям ошибочное представление о проблемах, с которыми сталкиваются меньшинства (отсюда и название эффекта). В результате в обществе складывается мнение, что краеугольным камнем всех проблем, связанных с этнокультурными меньшинствами, является, прежде всего, непризнание их культур, и что якобы для решения этого вопроса достаточно будет признания со стороны государства конкретных этнических идентичностей и культурных практик, напрямую вытекающих из их самобытности [\[7; 10\]](#). Однако представляется, что такого рода решения не отличаются особой результативностью, потому как корни данных проблем следуют искать гораздо глубже.

В современных условиях мы можем обнаружить эффект ошибочного диагноза в двух вариантах [\[7\]](#): в рамках первого из них проводится мысль о том, что, акцентируя внимание на культурных различиях, мы неизбежно отвлекаемся от различий расового характера, которые зачастую вызывают к жизни куда более важные проблемы, к

примеру, для афроамериканцев. Как справедливо отмечает американский исследователь Б. Барри, «расисты испытывают презрение не к культуре черных, а к самим черным. Источником расовых столкновений здесь выступает не конфликт между черной и белой культурами, а между самими индивидами и социальными группами. Если человек владеет определенной суммой знаний о памятниках нубийской архитектуры, это нисколько не гарантирует уважения с его стороны по отношению к афроамериканцам... Культура не является проблемой, но и решением проблемы ее тоже считать не следует» [\[24\]](#).

Второй вариант эффекта ошибочного диагноза предполагает акцентуацию внимания академического сообщества на различиях этнического и расового характера, отвлекая тем самым внимание специалистов от возможных дискуссий по вопросам классовой принадлежности. При таком подходе на передний план выходит проблема экономической маргинализации, которая, на наш взгляд, является значительно более реальной, нежели вопросы, так или иначе связанные с непризнанием культуры того или иного этнолингвистического сообщества. Иными словами, для решения данной проблемы представляется предпочтительным вместо политики мультикультурализма принятие действенных политico-экономических мер по улучшению положения данной маргинализованной группы на рынке труда путем расширения доступа ее представителей к качественному образованию и хорошо оплачиваемой работе. Следует признать, что политика мультикультурализма нередко приводит к тому, что у значительной части населения в головах создается впечатление, согласно которому основная потребность рядового пакистанского иммигранта в условной Великобритании – это как раз не приличное жилье, достойное образование и хорошо оплачиваемая работа, а стремление к тому, чтобы его этнорелигиозные установки и связанная с ними культура (например, желание носить национальную одежду) приобрели в конечном итоге более высокий социальный статус, что, разумеется, не соответствует действительности. Преодоление экономической маргинализации – вот что является приоритетом для большинства представителей этнических меньшинств, однако удовлетворить эту потребность возможно лишь при условии, если в конкретном обществе возникнет классовый межэтнический союз [\[25\]](#).

Заключение

Подводя итоги, отметим, что обе рассмотренные нами версии эффекта ошибочного диагноза убедительно указывают на тот факт, что на практике проведение в жизнь политики мультикультурализма способно не только отвлечь энергию от решения наиболее актуальных проблем общества, связанных с расизмом и классовым неравенством, но и препятствует этноязыковым меньшинствам в осознании реальных первопричин их бедственного положения. Более того, в своем макиавеллистском изводе данный эффект может и вовсе быть интерпретирован таким образом, что реальной целью политики мультикультурализма в том виде, как ее понимают представители экономической элиты и большинство правых политиков, собственно и является стремление последних просто отвлечь население от насущных проблем расизма и экономической маргинализации.

Библиография

1. Гуторов В. А. Европейский союз на лингвополитическом перекрестке: современные коллизии и дилеммы // Политическая наука. 2017. № 2. С. 200-214. EDN ZAFKYF.
2. Марусенко М. А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодернизма: языковые последствия глобализации. М.: ВКН, 2015. 494 с. ISBN 978-5-9906061-5-9. EDN YKUHCP.

3. Марусенко М. А., Марусенко Н. М. Английский язык в ЕС: до и после Брексита // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2024. Т. 21, № 4. С. 641-657. DOI 10.22363/2618-897X-2024-21-4-641-657. EDN DEW VEG.
4. Марусенко М. А., Марусенко Н. М. Институционализация гегемонии английского языка в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 4. С. 35-51. DOI 10.31857/S2686673024040032. EDN SBOFWL.
5. Марусенко М. А., Марусенко Н. М. Канадская языковая идеология как она отражена в переписях населения: лучшая альтернатива американским переписям // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. Т. 49, № 7. С. 62-77. DOI 10.31857/S032120680005616-1. EDN IKQYYD.
6. Марусенко М. А., Марусенко Н. М. Образовательная языковая политика в современном мире: в 2 томах. М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2024. 387 с. ISBN 978-5-16-018263-6. DOI 10.12737/1946228. EDN YJWTF5.
7. Марусенко М. А., Марусенко Н. М. Связь расовой идентичности и языка в американской идеологии // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 12. С. 61-75. DOI 10.31857/S268667300017541-5. EDN IWKSMJ.
8. Марусенко М. А., Марусенко Н. М. Языковые идеологии и американский языковой империализм: моногр. М.: Научно-издательский центр Инфра-М, 2025. 240 с. ISBN 978-5-16-020391-1. DOI 10.12737/2171043. EDN JRKIQY.
9. Филлипсон Р. Введение в концепцию языкового империализма // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2021. № 4(450). С. 143-151. DOI 10.47475/1994-2796-2021-10420. EDN XSNLCE.
10. Хилханова Э. В. Новые тенденции по отношению к многоязычию и миноритарным языкам в глобальном масштабе // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 4. С. 64-75. DOI 10.15688/jvolsu2.2020.4.6. EDN RQIZTC.
11. Шевченко Я. Н. Внешняя языковая политика России в условиях цифровизации международных отношений: институциональный аспект // Языковое образование в меняющемся мире. Краснодар: Издательский дом-Юг, 2023. С. 44-46. EDN VEYBPB.
12. Шевченко Я. Н. Внешняя языковая политика Российской Федерации на современном этапе (на примере деятельности Института Пушкина) // Вестник молодых учёных-международников. 2019. № 2(8). С. 117-125. EDN NORBQP.
13. Шевченко Я. Н. Геополитика языка Жана Лапонса: очень краткое введение // Образование. Наука. Культура: традиции и современность. Краснодар: Издательский дом-Юг, 2023. С. 140-143. EDN HFELOK.
14. Шевченко Я. Н. Законы Лапонса и внешняя языковая политика России и Японии // Межкультурный диалог в современном мире. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 124-130. EDN KTEWTQ.
15. Шевченко Я. Н. Институт Пушкина как основной проводник мягкой силы Российской Федерации // Общественная дипломатия глазами студента-международника. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 78-83. EDN ZBHGYH.
16. Шевченко Я. Н. Программа "Послы русского языка в мире" – интеллектуальное волонтерство в аспекте глottополитики // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 248-257. EDN CKPWDI.
17. Шевченко Я. Н. Программа "Послы русского языка в мире" и внешняя языковая политика Российской Федерации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8, № 1(26). С. 58-61. DOI 10.26140/anie-2019-0801-0010. EDN ZBIYEP.
18. Шевченко Я. Н., Либерио К. Р., Олянин Е. Е. Лингвофонии Евразии в институциональном аспекте: от Международной организации Франкофонии к Международной организации по русскому языку // Образование. Наука. Культура:

традиции и современность. Краснодар: Издательский дом-Юг, 2024. С. 138-141. EDN OBEVCT.

19. Ягъя В. С., Блинова Н. В. Английский язык как фактор мировой политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 4. С. 102-108. EDN IIVJNP.

20. Arakelyan N. P., Shevchenko Ya. N. Russophobia: An Old Ideological Myth in a New Geostrategic Context // Education. Science. Culture: Traditions and Modernity. Krasnodar: Publishing House – South, 2024. P. 159-161. EDN KOTJND.

21. Danilov V. D., Shevchenko Ya. N. Russian Language in the Post-Soviet Space Through the Eyes of Young Researchers from Russia and Kyrgyzstan: Apology for Pragmatism and New Opportunities for the Dialogue of Cultures // International Relations. 2020. No. 3. P. 54-66. DOI 10.7256/2454-0641.2020.3.30020. EDN YJEWSM.

22. Gudalov N. N. How Many Linguistic Turns Has the International Relations Thought Seen? // Science SPbSU 2021. St.-Petersburg: St.-Petersburg State University, 2022. P. 775-776. EDN IACFFR.

23. Gudalov N. Thomas Hobbes and the Linguistic Construction of the International Political Space // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. St.-Petersburg: Springer Nature Switzerland AG, 2023. P. 171-185. EDN MYXJQA.

24. Histoire sociolinguistique des États-Unis. La superpuissance et l'expansion de l'anglais. URL: <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/amnord/usa6-8histoire.htm> (accessed: 10.09.2025).

25. Kazakov V. D., Shevchenko Ya. N. Lingvodidactic Prospects of Using American Superhero Comics as a Means of Improving Foreign Language Communicative Competence Among High School Students // Vectors of Education: From Tradition to Innovation. Krasnodar: Publishing House – South, 2023. P. 141-143. EDN EAAODL.

26. Kovalevskaia N. V., Tikhotskaia M. A., Shevchenko Ya. N. "Digital Geopolitics" in the Regional Context: Challenges and Prospects of the European Union on Its Way towards Information Sovereignty // World Politics. 2021. No. 4. P. 52-65. DOI 10.25136/2409-8671.2021.4.36957. EDN FILSXX.

27. Kovalevskaya N. V. Linguistic Dimension of International Relations: Course Syllabus: For international non-degree students. Berlin: Golden Mile GmbH, 2014. 30 p. ISBN 978-3-944611-05-1. EDN ULIPTB.

28. Mukhamadeev D. V., Shevchenko Ya. N. Trade, Economic and Sanctions Wars: An Attempt to Theoretically Differentiate the Ideas in the Context of the International Relations Science // World Politics. 2020. No. 1. P. 12-22. DOI 10.25136/2409-8671.2020.1.29072. EDN NEMOED.

29. Phillipson R. Linguistic Imperialism Continued. New York; London: Routledge, 2009. 289 p. EDN QWEASD.

30. Shevchenko Ya. N. Inventing the "Australian School" in International Relations Theory (Key and Significant Figures) // Education. Science. Culture: Traditions and Modernity. Krasnodar: Publishing House – South, 2024. P. 179-181. EDN KBQMRP.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье является положение американо-английского языка в мире в контексте американской политики лингвистического империализма, актуальность которого очевидна и обусловлена повышенным интересом ученых к проблеме американо-английского лингвистического империализма и его

последствий («в перспективе постепенная утрата функциональности для национальных языков может приобрести планетарные масштабы, распространившись, точно пандемия, по всему земному шару»). Целью данной работы является комплексный анализ положения американо-английского языка в глобальном международном контексте, с акцентом на политику лингвистического империализма США.

Теоретическую основу исследования составили труды, посвященные языковой идеологии и американскому языковому империализму, образовательной языковой политике в современном мире, институционализации гегемонии английского языка в США, внешней языковой политике Российской Федерации и других государств и пр. Библиография насчитывает 30 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако вызывает вопросы частотное обращение автора(ов) к научным трудам профессора Михаила Александровича Марусенко (7 источников) и Яна Николаевича Шевченко (14 источников из 30, что составляет около 47%). Рецензент нисколько не умаляет заслуги этих ученых, но любое научное изыскание должно быть объективным и, следовательно, не опираться в большей мере на работы одних и тех же авторов.

Методологической основой исследования послужили макросоциолингвистический и системный подходы, а также общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод с элементами наблюдения, обобщения, интерпретации материала, социокультурный и когнитивный анализы.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, проведен качественный и критический анализ изучаемой проблемы: рассмотрен терминологический комплекс «языковой империализм»; проанализирована языковая политика в современном мире, в том числе в сфере образования; подробно разобраны эффект вытеснения (the crowding out effect), коррозионный эффект (the corroding effect), эффект ошибочного диагноза (the misdiagnosis effect), возникающие в рамках государственной реализации политики мультикультурализма. В заключении сформулированы выводы о том, что «на практике проведение в жизнь политики мультикультурализма способно не только отвлечь энергию от решения наиболее актуальных проблем общества, связанных с расизмом и классовым неравенством, но и препятствует этноязыковым меньшинствам в осознании реальных первопричин их бедственного положения».

Полученные результаты имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в такие разделы теоретического знания, как концепция языкового или лингвистического империализма, теория лингвокультурной идентичности, теория межкультурной коммуникации, лингвокультурология и могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Указанное замечание носит рекомендательный характер. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ровенских Г.В. Ономастика Бразилии: от колониального периода до современности // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75946 EDN: TOCVGX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75946

Ономастика Бразилии: от колониального периода до современности

Ровенских Георгий Витальевич

ORCID: 0009-0005-8437-6711

аспирант; институт иностранных языков; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
Специалист по учебно-методической работе; Институт иностранных языков; Российский университет
дружбы народов им. П. Лумумбы

142205, Россия, Московская обл., г. Серпухов, ул. Спортивная, д. 8 к. 2

✉ g.v.rovenskih@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.75946

EDN:

TOCVGX

Дата направления статьи в редакцию:

20-09-2025

Аннотация: Предметом исследования является эволюция системы имен собственных (антропонимов и топонимов) в Бразилии, начиная с колониального периода, заканчивая современностью. Особое внимание уделяется формированию ономастикона страны под воздействием сложного переплетения факторов: португальской колонизации, взаимодействия с коренными народами, миграционными волнами из Европы в XIX–XX вв., процессом глобализации на современном этапе. Подчеркивается отдельный характер бразильской ономастической традиции, отражающей полиглоссический облик страны. В исследовании отражено как система имен собственных показывает различные уровни историко-культурного наследия страны. Таким образом, предмет исследования выходит за рамки традиционной лингвистики и охватывает культурологический и социолингвистический аспекты, что придает междисциплинарный характер и дает понимание механизмов формирования системы имен собственных в Бразилии. Методы исследования включают историко-описательный, сравнительно-сопоставительный и этимологический анализ, а также анализ открытых данных социальных сетей, что

расширило эмпирическую базу исследования. В результате выделены ключевые этапы становления ономастики Бразилии: от первых фиксированных португальских топонимов и антропонимов в колониальную эпоху до современных тенденций, связанных с глобализацией, миграцией и цифровыми технологиями. Также были систематизированы примеры влияния миграционных процессов на антронопинимку отдельных регионов страны. Особое внимание удалено влиянию индейских, европейских и других этнокультурных компонентов на формирование ономастического фонда страны. Выводы исследования заключаются в том, что ономастическая система Бразилии формировалась под воздействием многоуровневых историко-культурных процессов, а современная бразильская ономастика демонстрирует расширение тематики и методов анализа, в том числе с использованием цифровых ресурсов. Полученные результаты могут быть использованы в лингвистике, этнографии и культурологии при изучении процессов формирования и функционирования имени собственного.

Ключевые слова:

ономастика, Бразилия, колонизация, топонимика, антропонимика, миграция, имя собственное, португальский язык, коренные народы, бразильцы

Ономастика занимает особое место в изучении культуры и языка. Анализ имен, которые применяются к людям, местам, позволяет раскрывать глубокие аспекты общества и его истории. В этом контексте Бразилия как одна из наиболее полигэтнических стран мира представляет значительный интерес для ономастического анализа. Наследие присутствия, проживания представителей разных европейских, азиатских, африканских, индейских этносов оказало влияние как на антропонимический, так и на топонимический пласт ономастического фонда страны.

В отечественной науке существуют труды ономастов-теоретиков, таких как А.В. Суперанская. В своей книге «Общая теория имени собственного» она затрагивает вопрос возникновения и трансформации ономастики в отдельную научную дисциплину. Она пишет: «Ономастика возникла как прикладная наука, необходимая историкам, географам, этнографам, литературоведам, и не выходила за рамки "вспомогательной научной дисциплины", пока ею занимались представители этих специальностей. Когда к изучению данной проблематики подключились лингвисты, принесшие с собой методы структурного и семантического анализа, ономастика выделилась в самостоятельную дисциплину, анализирующую лингвистический материал лингвистическими методами» [\[1, 386\]](#).

Целью данного исследования является определение этапов развития ономастики в Бразилии как раздела лингвистики с учетом исторических, лингвистических, культурных аспектов. На сегодняшний день существует не так много работ отечественных лингвистов, исследования которых посвящены бразильской ономастике. Поэтому данное исследование направлено на расширение научного понимания российскими исследователями специфики ономастики Бразилии. Однако некоторые отечественные лингвисты занимались разработкой теоретических основ ономастики в целом [\[2-5\]](#).

Задачи исследования включают в себя: изучение ономастики в контексте культурного разнообразия и языковых различий в разных регионах Бразилии, в том числе анализ влияния местных языков и диалектов на ономастику, рассмотрение религиозных и

этнических особенностей в ономастике; оценка влияния глобализации, мировой миграции, цифровых технологий на современную ономастику Бразилии; анализ методов исследования ономастики, используемых в бразильских исследованиях. Необходимо оценить, какая методология применяется для сбора и анализа ономастических данных, и исследовать их эффективность в контексте Бразилии [\[6, 112-118\]](#).

Объектом исследования являются антропонимы, топонимы Бразилии (часть ономастического фонда). Предмет исследования – эволюция системы ономастики Бразилии.

Впервые предпринята попытка реконструкции развития ономастики Бразилии. Теоретическая значимость заключается в расширении представлений об особенностях и изменениях в ономастике Бразилии. Результаты исследования могут использоваться лингвистами, этнографами, культурологами, занимающимися вопросами формирования, развития имени собственного [\[7-8\]](#).

История развития ономастики в Бразилии охватывает разные этапы и влияния, начиная с колониальных времен и заканчивая современными тенденциями.

Развитие бразильской ономастики в колониальный период было тесно связано с историей бразильской колонизации португальцами. В этот период ономастика в Бразилии начала формироваться под влиянием колониальных обстоятельств и культурных взаимодействий португальцев с коренным населением Бразилии. Португальцы, будучи первыми колонизаторами Бразилии, приносили с собой собственные имена и названия, которые часто были использованы для наименования географических объектов и населенных пунктов, которые возводились непосредственно португальцами на новых землях. Это были топонимы и антропонимы, связанные с португальской короной и святыми, что отражало власть и католические ценности португальцев (*Santa Catarina, São João de Rei, São Luís*). Существует множество городов, мест, которые носят названия *São Pedro, São Sebastião*. Это топонимы, связанные с именами католических святых [\[9-10\]](#). Такие названия указывают на влияние католической церкви, игравшей важнейшую роль в колонизации Южной Америки. Так как португальцы были первыми европейцами, ступившими на земли Бразилии, именно они давали названия городам, местам новых территорий. Соответственно, португальские топонимы, так и антропонимы превалируют даже в современной Бразилии.

Изучение бразильского ономастикона невозможно без связи с топонимами индейского происхождения, ведь португальцы имели тесные контакты с коренным населением Бразилии (в основном народы группы тупи и гуарани).

Таблица 1. Топонимы индейского происхождения, встречающиеся в Бразилии

Топонимы	Значение
Guarulhos	«пузатые люди»
Ipanema	«плохая вода»
Paraná	«река»
Ibirapuera	«старые деревья»
Iguacu	«большая вода»
Jaraguá	«Хозяин Долины»
Ipiranga	«красная река»
Itu	«большой водопад»

Примечательно, что ряд топонимов имеет дескриптивный характер, отражающий природные особенности конкретных территорий, отдельных географических мест страны. Приведённые примеры демонстрируют влияние индейских языков и культур на формирование бразильской топонимии. Индейские топонимы фиксируют особенности природного ландшафта и мировоззрение коренных народов Бразилии, а также свидетельствуют о том, что бразильская ономастика изначально формировалась как полиэтническая и многоуровневая.

Роль первых исследователей ономастики в Бразилии была важна для становления этой дисциплины и создания основы для последующих исследований. В начале истории изучения ономастики в Бразилии эту роль играли в основном миссионеры, географы и историки. Среди ключевых фигур, повлиявших на формирование бразильской ономастики, стоит выделить Жозе де Аншиета (1534-1597) – иезуитского священника, писателя, прибывшего в Бразилию осуществлять миссионерскую деятельность среди индейского населения. Он изучал языки и культуру индейцев Бразилии, документировал их имена, тем самым внес существенный вклад в исследование индейского влияния на ономастику Бразилии [\[11, 93-105\]](#).

Один из крупнейших исследователей ономастики – Мануэл Айрес ду Казал (1760-1835) был автором работы «Corografia Brazilica» (1817), в которой он документировал множество бразильских географических названий, что сделало его одним из ранних исследователей бразильской топонимии [\[12, 210\]](#).

Итак, труды ранних исследователей-ономастов позволили начать систематическое изучение ономастики в Бразилии, а также способствовали пониманию и сохранению культурного и исторического наследия этой страны. Они послужили теоретической базой для последующих ономастических исследований и способствовали развитию бразильской ономастики как научной дисциплины. В последующем, развитие ономастики приобретает более широкий масштаб. Вовлечённость исследователей в проблематику существенно возрастает.

Таким образом, колониальный этап формирования ономастикона Бразилии был определяющим для закрепления португальского культурно-языкового влияния. Присвоение имен в честь католических святых и португальских монархов демонстрирует тесную связь ономастики с религиозной идеологией и политической властью метрополии. Этот пласт топонимов стал основой национальной идентичности и до сих пор доминирует в официальной географической номенклатуре.

В XX веке ономастика в Бразилии приобрела более систематизированный вид, получила признание как научная область. Особый вклад в развитие ономастики как раздела лингвистики внес исследователь Антенор Насентес, который опубликовал работы «Dicionário Etimológico da Língua Portuguesa» и «Dicionário etimológico da língua portuguesa: nomes próprios».

Начало ономастических исследований на португальском языке приписывается Лейчи де Вассконселосу, первому филологу, определившему свой объект изучения в 1928 году в Португалии. Первые топонимические исследования в Бразилии были проведены Карлосом Драммондом в середине 1960-х годов в Университете Сан-Паулу. Что касается исследований в области антропонимики, то пионером в этой области был Фаранио Мансур Гериос (1907-1987) в Федеральном университете Куритибы. Его словарь Dicionário de etimologias da língua portuguesa, первое издание которого было опубликовано в 1970-х годах в Сан-Паулу, по сей день является национальным

справочником, используемым всеми исследователями в области антропонимики [\[13, 156\]](#).

Данный период ознаменовался институционализацией ономастики: она перестала быть вспомогательной дисциплиной и обрела собственную методологию. Работы Насентеса и Гериоса стали точкой отсчёта для национальной традиции изучения топонимов и антропонимов, а их лексикографический подход до сих пор влияет на бразильскую ономастическую практику.

Одним из современных исследователей ономастики Бразилии считается Мария Висенчина ду Амарал Дик, предложившая методологическую разработку топонимического анализа, основанную на системе категоризации бразильских топонимов. Дик пишет: «существуют мотивирующий характер топонимического знака и связь между выбором названия, характеристиками ландшафта и культурным и субъективным восприятием ландшафта людьми, дающими название рассматриваемому месту. В тех случаях, когда топонимы не являются описательными, она подчеркивает тот факт, что на выбор того, кто дает имя, влияют ценности тех, кто его дает». Дик утверждает: «учитывая специфику имен собственных, топонимы и антропонимы являются подлинными записями повседневной жизни, которые при определенных обстоятельствах функционируют как лингвистические исконные».

Современная бразильская ономастика демонстрирует междисциплинарный характер и внимание к социокультурным процессам. Использование социальных сетей, телефонных справочников и миграционной статистики расширяет эмпирическую базу исследований.

Постепенно важность ономастики включала новые аспекты, не только исторический, культурный и географический, а еще и антропологический, социальный и коммуникативный подходы. С развитием современных технологий меняется и представление о роли тех или иных областей науки. Данный процесс не обошел стороной и ономастику.

Значительный интерес представляют результаты современных ономастических исследований бразильской ономастики: выявлено географическое распространение антропонимов и топонимов немецкого происхождения в южных штатах Бразилии. В данном случае ученые проводят параллель с миграционными процессами конца XIX – начала XX столетия (активного заселения данного региона выходцами из Германии, Италии, Польши). Был проведен антропонимический анализ двух муниципалитетов штата Риу-Гранде-ду-Сул, южного региона страны: исследования были основаны на этимологическом анализе как имен, так и фамилий. Исследование было основано на этимологическом анализе фамилий и имен. Для последних этимология была проанализирована в связи с миграционными перемещениями из Европы (в основном Италии и Германии) в данный штат.

Таблица 2. Антропонимы немецкого и итальянского происхождения, встречающиеся в штате Риу-Гранде-ду-Сул

Антропонимы немецкого происхождения	Антропонимы итальянского происхождения
Pimentel	Bergensi
Klemtz	Bianchini
Flutt	Bernardi
Eller	Bertinato
Wehner	Bessa
Folzke	Betti

Имя	Фамилия
Hermann	Bertolazzi
Dieckmann	Carbone
Zuckermann	Capellaro
Meneghel	Cantelli
Gerloff	Capone
Archer	Cattani
Hiller	Cavalieri
Kropf	Bagattoli
Weser	Buzetto
Kurt	Balconi
Beber	Barillari
Bork	Barrichello
Dicker	Geronimi
Hummes	Minelli

Был также проведен анализ антропонимики муниципалитета Эстрела, следуя той же методологии, но с использованием телефонных справочников муниципалитета в качестве источника данных.

Профессор университета штата Парана Марсия Сейде провела сравнительный анализ антропонимов мужчин Бразилии и Литвы на основе статистических данных, доступных на веб-сайте учреждений, и с учетом лингвистических, исторических и культурных особенностей каждой страны, включая процесс миграции литовцев в Бразилию с начала до середины прошлого века. С помощью сопоставления антропонимики и миграции Сейде исследовала лингвистические характеристики имен, которые были даны потомкам литовцев в Бразилии, на основе выборки имен из закрытой группы Facebook (Meta признана экстремистской организацией, деятельность запрещена на территории РФ), которая была создана для бразильцев литовского происхождения. Встречающиеся антропонимы литовского происхождения: Ksyvickis, Korolkovas, Zehbrauskas, Andruskevicius, Siaulys, Lisauskas, Aidukaitis. В Бразилии насчитывается несколько сотен тысяч человек литовского происхождения, они компактно проживают в штатах Сан-Паулу и Парана. Отметим, что методология Сейде полезна для анализа миграционных процессов, однако ограничена выборкой из социальных сетей. Бразильские исследователи Сейде и Дик уделяют большое внимание миграционным процессам, но недостаточно анализируют исторические и политические процессы, происходившие в Бразилии (например, период военной диктатуры 1964–1985 гг.), и повлиявшие на ономастику страны [\[14, 45-62\]](#).

Социокультурные изменения в Бразилии также влияют на ономастику. Например, социальные движения и меняющиеся социально-политические условия могут приводить к изменениям в номенклатуре географических объектов или организаций. Ономастические названия в Бразилии также соответствуют языковым нормам. В основном используется португальский язык, и названия должны соответствовать правилам грамматики и правописания португальского языка [\[15, 142\]](#).

В целом, в развитии ономастики Бразилии на современном этапе проявляются многообразие и наследие множества культур, географических особенностей и социокультурных изменений. Эти факторы влияют на формирование и развитие ономастического ландшафта страны.

Один из ключевых выводов – исследования в области ономастики в Бразилии

расширяются. В крупных университетских центрах страны все больше молодых исследователей подключаются к обсуждению актуальных вопросов антропонимики, топонимики Бразилии. Среди методов исследований выделяют использование социальных сетей, телефонных справочников конкретных регионов, сопоставление антропонимов отдельных этнических групп Бразилии с антропонимами стран исхода переселенцев из Европы. Современные ученые анализируют ономастическую проблематику с междисциплинарных позиций, в данном исследовании наглядно показаны некоторые из них. Также были выявлены примеры антропонимов итальянского и немецкого происхождения, встречающиеся в южных штатах Бразилии, где сконцентрировано основное немецкое и итальянское население страны.

Рассматривая ономастику Бразилии в контексте демолингвистики, стоит подчеркнуть, что этническая диверсификация страны играет ключевую роль для исследователей-ономастов. Отдельного внимания заслуживают антропонимы японского, арабского, польского, испанского, русского происхождения, встречающиеся в Бразилии. Особый интерес представляют сравнительные исследования антропонимов, например, японского происхождения в Японии и Бразилии. Дальнейшие исследования должны уделять внимание критическому анализу методологических подходов и расширять эмпирическую базу за счет данных из открытых источников, социальных сетей.

Таким образом, ономастика Бразилии претерпела значительные изменения, приобрела более усложненный и разработанный облик со времен колониального периода до современности. Первые исследования в области ономастики в Бразилии связаны с колонизацией страны португальцами: начиная с XVI столетия на карте Бразилии появлялись топонимы португальского, а позднее (конец XIX – начало XX веков) немецкого, итальянского происхождения. Бразильские научные центры, такие как Университет Сан-Паулу, Федеральный университет Параны являются крупными центрами изучения бразильской ономастики. За последние годы, у многих ученых возник повышенный интерес к исследованиям индейского влияния на бразильскую топонимику, антропонимику, что является одной из наиболее главных черт развития бразильской ономастики сегодня.

Библиография

1. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: ЛИБРОКОМ, 2019. – С. 368.
2. Беляева М. Ю. Система и системность в ономастике: к постановке проблемы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (70). – С. 15-20.
3. Бугакова Н. Б. Аспекты изучения ономастики А. Платонова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – № 3 (42). – С. 140-146.
4. Вrubлевская О. В. Проблемы и перспективы современной ономастики: XIX Международная научная конференция "Ономастика Поволжья" // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – № 6 (165). – С. 120-125.
5. Гарагуля С. И. Антропонимия в лингвокультурном и историческом аспектах. – Ростов-н/Д: Южный федеральный университет, 2018. – С. 180.
6. Ермакова М. А., Мартыненко Ю. Б. Лингводидактический потенциал антропонимов в иностранной аудитории // Преподаватель XXI век. – 2021. – № 4, ч. 2. – С. 112-118.
7. Рылов Ю. А.; Корнева В. В.; Шеминова Н. В.; Лопатина К. В.; Варнавская Е. В. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов / под ред. Ю. А. Рылова. – М.: Юрайт, 2019. – С. 256.
8. Рылов Ю. А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская

антропонимика: курс лекций по межкультурной коммуникации. – М.: АСТ; Восток-Запад, 2006. – С. 304.

9. Терновая Л. О. Ономастика – путеводитель по международным связям // Обозреватель – Observer. – 2013. – № 5 (278). – С. 112-119.

10. Ткаченко О. А. Политическая ономастика // Verba. – 2022. – № 1. – С. 75-82.

11. Campos Junior, Heitor da Silva. A variação morfossintática do artigo definido na capital capixaba // Percursos Linguísticos. – 2012. – Vol. 3, № 7. – Р. 93-105.

12. Dick, Maria Vicentina do Amaral. Toponímia e antroponímia no Brasil. – São Paulo: Coletânea de Estudos, 1992. – Р. 210.

13. Amaral, Eduardo Tadeu Roque. Contribuição para uma tipologia de antropônimos do português brasileiro. – Curitiba: Editora da UFPR, 2011. – Р. 156.

14. Seide, Márcia Sipavicius. Trends in Onomastic Research in Brazil // Onomástica desde América Latina. – 2020. – Vol. 1, № 1. – Р. 45-62.

15. Seide, Márcia Sipavicius; Amaral, Eduardo Tadeu Roque. Personal names: an introduction to Brazilian anthroponomy. – Curitiba: Appris Editora, 2022. – Р. 142.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Ономастика Бразилии: от колониального периода до современности»

Представленная работа посвящена исследованию эволюции ономастики Бразилии – от колониального периода до современности. Автор подробно рассматривает антропонимы и топонимы как составные части ономастического фонда страны, анализирует их формирование под влиянием этнокультурных, религиозных и исторических факторов. В центре внимания – взаимодействие португальской, индейской, европейской (немецкой, итальянской, польской, литовской) и других традиций, а также влияние глобализации и миграционных процессов на современный ономастический ландшафт Бразилии.

Статья опирается на междисциплинарный подход. Автор сочетает историко-культурный, этимологический и сравнительно-лингвистический анализ. В качестве источников использованы: исторические документы, труды миссионеров и ранних исследователей (Жозе де Аншиета, Мануэл Айрес ду Казал), современные справочники и словари (Насентес, Гериос), а также данные телефонных справочников, социальных сетей, статистики по миграции. Приведённый анализ антропонимов немецкого, итальянского и литовского происхождения демонстрирует эффективность выбранной методологии, позволяющей проследить взаимосвязь между ономастикой и социокультурными процессами.

Исследование затрагивает крайне важную для современной науки тему. Ономастика Бразилии до сих пор мало изучена в отечественной лингвистике, что делает статью значимым вкладом в развитие сравнительной ономастики. Кроме того, рассмотрение взаимодействия этнических, религиозных и культурных факторов в формировании имен собственных напрямую связано с актуальными вопросами глобализации, межкультурной коммуникации и сохранения культурного наследия.

Новизна работы заключается в комплексной реконструкции развития бразильской ономастики, что ранее в отечественной литературе не предпринималось в столь широком охвате. Особый интерес представляют примеры анализа антропонимов мигрантов (немцев, итальянцев, литовцев), что позволяет показать связь между миграционными процессами и формированием ономастического фонда. Также ценно использование

современных источников — социальных сетей и справочников — как инструмента исследования ономастических данных.

Статья написана грамотным академическим языком, доступным широкому кругу специалистов. Текст отличается логичностью изложения: введение чётко формулирует цели и задачи, далее прослеживается историческая ретроспектива от колониального периода до наших дней, затем приведены конкретные примеры и таблицы, завершающие рассуждения обобщают основные тенденции. Вместе с тем, отдельные разделы перегружены фактологическим материалом, который можно было бы структурировать компактнее (например, при перечислении топонимов индейского происхождения или антропонимов мигрантов). Также стоило бы более явно выделить собственные аналитические выводы автора, отличая их от описания фактов.

Список литературы обширен и включает как отечественные, так и зарубежные исследования, в том числе работы последних лет (Seide, 2020; Seide & Amaral, 2022). Это свидетельствует о стремлении автора интегрировать российскую науку в международный контекст. Однако некоторые ссылки из основного текста требуют более точного оформления: в ряде случаев отсутствует указание года издания или страницы, что может затруднить проверку цитат. Доработки также требует оформление списка литературы (в порядке упоминания в тексте) и внутритекстовые ссылки согласно требованиям издательства, например, [1, 386] вместо [Суперанская, 386].

Автор учитывает широкий спектр исследовательских позиций: от классических трудов Суперанской до современных бразильских и международных исследователей. В то же время практически отсутствует дискуссия с альтернативными точками зрения или критическое осмысление методов зарубежных коллег. Включение элементов научной полемики усилило бы аргументацию и сделало статью более убедительной.

Работа представляет ценность для ономастов, лингвистов, этнографов, историков и культурологов. Она может быть полезна также для исследователей межкультурной коммуникации, поскольку демонстрирует, как в ономастике Бразилии отражается этнокультурное многообразие страны. Практическое значение статьи состоит в возможности применения полученных данных в преподавании курсов по ономастике, социолингвистике и культурологии.

В целом статья производит положительное впечатление: она отличается глубиной, широтой охвата и обоснованностью выводов. Однако для повышения качества публикации рекомендуется:

1. Более чётко разграничить описание фактов и собственные выводы автора.
2. Уточнить оформление библиографических ссылок и привести их в единый стандарт согласно требованиям издательства.

С учётом перечисленных замечаний статья может быть рекомендована к публикации после незначительной доработки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают особенности развития системы ономастики Бразилии. Актуальность работы не вызывает сомнения и аргументируется как особой ролью ономастики в изучении языка и культуры («анализ имен, которые применяются к людям, местам, позволяет раскрывать глубокие аспекты общества и его истории»), так и недостаточной разработанностью вопросов бразильской

ономастики в отечественной лингвистике («поэтому данное исследование направлено на расширение научного понимания российскими исследователями специфики ономастики Бразилии»). Выбор ономастики Бразилии в качестве объекта изучения обоснован тем, что «Бразилия как одна из наиболее полиглоссических стран мира представляет значительный интерес для ономастического анализа. Наследие присутствия, проживания представителей разных европейских, азиатских, африканских, индейских этносов оказало влияние как на антропонимический, так и на топонимический пласт ономастического фонда страны».

Теоретической основой научной работы являются труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные теоретическим аспектам имени собственного; проблемам и перспективам современной ономастики; антропонимии в лингвокультурном и историческом аспектах; антропонимам и топонимам Бразилии, а также тенденциям изучения ономастики в Бразилии. Библиография насчитывает 15 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Однако не совсем понятны ссылки на источники 7 и 8 в следующем контексте: «Результаты исследования могут использоваться лингвистами, этнографами, культурологами, занимающимися вопросами формирования, развития имени собственного [7-8]». В дальнейшем рекомендуем автору(ам) проводить более подробный анализ научных источников, сопровождать обзор авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, сопоставительный и сравнительно-исторический методы, социокультурный и лингвокультурологический анализ, методы антропонимического и топонимического анализа.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, рассмотрена ономастика Бразилии в контексте культурного разнообразия и языковых различий в разных регионах страны; проведен анализ влияния местных языков и диалектов на ономастику («изучение бразильского ономастикона невозможно без связи с топонимами индейского происхождения, ведь португальцы имели тесные контакты с коренным населением Бразилии»); изучены религиозные и этнические особенности в ономастике («присвоение имен в честь католических святых и португальских монархов демонстрирует тесную связь ономастики с религиозной идеологией и политической властью метрополии»); проведена оценка влияния глобализации, мировой миграции, цифровых технологий на современную ономастику Бразилии; проанализированы современные подходы к изучению ономастики в Бразилии («среди методов исследований выделяют использование социальных сетей, телефонных справочников конкретных регионов, сопоставление антропонимов отдельных этнических групп Бразилии с антропонимами стран исхода переселенцев из Европы»). В заключении сформулированы выводы, они соответствуют поставленным задачам и отражают содержание рукописи.

Теоретическая и практическая значимость работы неоспорима и обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением региональной ономастики в сравнительно-историческом аспекте и современных методов исследования ономастикона.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру; содержание рукописи соответствует названию. Стиль изложения тяготеет к научному типу. Все замечания носят рекомендательный характер. Рукопись имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и

может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Неренц Д.В. Дипфейк как одна из главных информационных угроз XXI века // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75041 EDN: TQDNWC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75041

Дипфейк как одна из главных информационных угроз XXI века

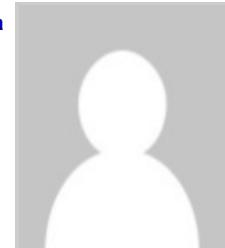
Неренц Дарья Валерьевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра журналистики, Российский государственный гуманитарный университет

125993, Россия, Московская область, г. Москва, Миусская площадь, 6, ауд. 525

✉ ya.newlevel@yandex.ru

[Статья из рубрики "Фейки"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.75041

EDN:

TQDNWC

Дата направления статьи в редакцию:

01-07-2025

Аннотация: Искусственный интеллект (ИИ) – это инструмент, который способен предоставить массу возможностей тем, кто сумеет им эффективно воспользоваться. Однако, как всегда при глобальных изменениях в жизни общества, есть и обратная сторона медали – пользоваться им учатся не только во благо, но и для реализации собственных планов и идей, которые могут наносить серьезный ущерб и отдельному человеку, и населению в целом. Дипфейк как продукт, созданный ИИ, является на сегодняшний день одной из самых серьезных информационных угроз, поскольку способен обмануть не только неискушенного пользователя, но и профессионального работника сферы ИТ. Каждый день в медиаполе появляется все больше резонансных примеров дипфейков, которые невозможно отличить от реальной аудио- или видеозаписи. Цель данной статьи – представить характерные особенности дипфейка как цифрового продукта, представить типологию таких публикаций по способу создания и целевым установкам, а также описать возможные маркеры распознавания подделок в онлайн-среде. Методология исследования основана на системно-структурном анализе медийного пространства, позволяющим типологизировать дипфейки, а также на методе

анализа контента, благодаря которому удалось выделить цели и характерные черты различных дипфейков. В работе также применен метод описания и метод обобщения. В качестве эмпирической базы выступил снегенерированный контент фото-, аудио- и видеоформата, вызвавший резонанс в обществе и публично разоблаченный либо самими создателями, либо средствами массовой информации, либо внимательными пользователями. Хронологические рамки исследования – 2020–2025 годы. Всего было проанализировано 69 дипфейков. Материал был собран методом сплошной выборки и содержал в себе публикации, упомянутые в СМИ (на телеканалах «Первый канал», НТВ и «Россия 1», платформе «Смотрим», интернет-изданиях «Лента.ру» и «Газета.ру», сайтах информационных агентств «РИА Новости» и ТАСС). Подобный подход позволил сформировать представление о тематике, цели и методах тиражирования дипфейков, а также выделить наиболее эффективные способы их распознавания. Данные маркеры являются актуальными и эффективными на современном этапе, поскольку позволяют максимально оперативно и эффективно отличить генерацию, что особенно важно в условиях постоянного совершенствования механизмов функционирования нейросетей.

Ключевые слова:

дипфейк, информационная угроза, СМИ, журналистика, фейк, искусственный интеллект, медиапространство, нейросеть, технология, видео

Разговоры об искусственном интеллекте и его возможностях сегодня не просто не прекращаются, но многократно множатся. Его обсуждают ученые, практикующие специалисты, работники IT-сферы, государственные служащие. Уже очевидно, что мы находимся в некоем переломном моменте и становимся свидетелями появления совершенно новой модели занятости, где рядом с человеком будут работать цифровые сотрудники (так называемые интеллектуальные агенты) и роботизированные системы. Автоматизация рутинных процессов, о которых уже написано и сказано множество слов, в том числе в контексте деятельности СМИ, считается безусловным преимуществом, однако в будущем может привести к снижению когнитивных процессов и уровня критического мышления, а также потери множества компетенций, которыми владеют специалисты сегодня.

Несмотря на явные преимущества, важно понимать, что ИИ кардинально меняет жизнь людей, делая одни действия проще и доступнее, а другие труднее и непонятнее. Такой скачок в развитии нейросетей (в данной статье ИИ и нейросети рассматриваются как синонимичные понятия – прим. авт.) не позволяет человечеству осознать и обдумать происходящее, заставляя осваивать и усваивать все буквально на ходу. Все это делает современного пользователя уязвимым с точки зрения медиабезопасности, ведь человеческое сознание не успевает отгородиться от всех нововведений, которыми активно пользуются манипуляторы.

ИИ способен создавать настолько качественные фейки, что они неотличимы от оригинала. На это указывает и исследователь А. К. П. Калиан, отмечая, что рост числа убедительных подделок представляет серьезную угрозу для политического устройства страны и конфиденциальности каждого человека [\[13, р. 11\]](#). Но есть и более серьезные последствия: глобальное распространение дипфейков создает большие риски для стабильности международного порядка [\[11, с. 101\]](#). И если еще в прошлом году метод анализа теней, отражения в глазах или артефакты генерации действительно позволяли

распознать подделку, то в 2025 г. многие из них уже не актуальны. Конечно, появляются новые способы: частота моргания глаз и пр., но, скорее всего, уже в следующем году и они будут неэффективны.

В научной литературе описаны характерные особенности фейкового контента в СМИ. Так, Е. И. Галяшина пишет о понятии и сущности фейка и фейкинга, отмечает причины распространения фейков [2]. С. Н. Ильченко предлагает типологию фейк-контента и предлагает маркеры распознавания фейков [4]. Способы распознавания лжи в медиатекстах также представлены в труде А. М. Шестериной и И. А. Стернина [8]. Авторы монографии «Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность» пишут о коммуникативной природе фейка, семантике фейка и формировании фейкового контента в гипертексте цифровых медиа [12]. Некоторые исследователи предлагают рассматривать искусственный интеллект не только как эффективный инструмент, но и как серьезное «информационное оружие» [9]. Историю появления и развития фейков в медиапространстве предлагает в своей статье Н. В. Манвелов [7]. В зарубежной научной среде также представлено достаточное количество трудов, посвященных проблемам фейков и дипфейков в мировом инфополе. Среди них – материал Дж. Стрея, который говорит о высоком риске столкновения с фейками в журналистских расследованиях, о галлюцинировании нейросетей и опасностях, которые могут из-за этого последовать [15]. Дж. Тандок, Р. Томас и Л. Бишоп анализируют фейковые истории на предмет их полезности и привлекательности для аудитории [16]. М. Волдроп рассматривает фейковые новости как одну из главнейших проблем современного медиапространства [17]. При этом большинство исследователей выказывают серьезные опасения касаемо постоянного совершенствования дипфейков и не видят адекватных позитивных примеров их использования в СМИ.

Логично предположить, что в будущем технологии дипфейка из-за создания ложного видеоролика или фотоизображения могут не только испортить жизнь одному человеку, но привести к массовым беспорядкам, митингам и даже военным столкновениям. Согласно исследованию о фейках АНО «Диалог Регионы», в 2024 г. уникальных дипфейков стало в 5 раз больше, чем в 2023 г. Среди самых распространенных тем – дипфейки глав регионов (35%), публикации, связанные с акцией «Солдат ребенка не обидит» (15%), дипфейки представителей Минобороны РФ (14%). (Исследование по распространению фейковой информации. Ежегодный доклад АНО «Диалог Регионы» // Диалог о фейках 2.0., https://fakes2024.dialog.info/static/files/Исследование_2024.pdf).

Само понятие «дипфейк» (deepfake) сложилось из терминов deep learning (глубокое обучение) и fake (подделка) [6, с. 41]. Данный феномен приписывают появлению новейших цифровых технологий, однако само явление «подмены визуальной реальности» восходит к попыткам подделать фотографии методами двойного экспонирования и ретуши. Так на изображении могло появится то, чего не было в оригинал. Затем появился кинематограф и были придуманы комбинированные съемки и макеты (вспомнить хотя бы нарисованные световые мечи джедаев и картонные звездолеты). Теперь благодаря компьютерам придуманное становится реальным (Иевлев П. Несобственной персоной // Цифровой океан. 2023. № 6 (20)).

Стоит также вспомнить, что даже примитивные возможности фотомонтажа позволяли представлять аудитории изображения пришельцев, НЛО или лохнесского чудовища, а также шантажировать политиков и знаменитостей с целью создания провокаций, сенсаций, давления на общественное мнение. С тех пор слово «дипфейк» имеет

негативную коннотацию, хотя может использоваться и с благими намерениями. Таким образом, дипфейк представляет собой синтетический контент, в котором фото- или видеоизображение и/или голос человека заменяется на другого. В итоге получается, что человек может оказаться где-то, где его никогда не было, говорить то, что он на самом деле никогда не говорил, вести себя так, как в реальности он бы никогда себя не повел и т. п.

Дипфейки создаются путем обучения генеративно-состязательной нейронной сети (GAN) [\[1, с. 165\]](#). Одна нейросеть (генератор) создает изображения, а другая (дискриминатор) – оценивает их. Генератор постоянно создает новые варианты изображений до тех пор, пока дискриминатор не перестанет отличать их от реального изображения. В этом случае люди также не могут увидеть подделку.

Такой подход открывает неограниченные возможности для манипуляторов, поскольку кардинально отличается от подделок прошлых поколений. Раньше для создания убедительной фотографии требовался по-настоящему профессиональный специалист, который тратил много времени и сил на подделку продукта. При этом результат все равно не мог обмануть эксперта. Сейчас генеративные сети доступны каждому, что порождает бесконечное количество дипфейков в медиасфере. В то же время сама медиасфера все больше влияет на человечество. По данным издания The Wall Street Journal количество случаев мошенничества с помощью дипфейков выросло на 700% за последний год (Емельянцева М. Мошенники стали чаще использовать дипфейки для обмана россиян: названы их самые популярные схемы // Men Today. 2024. 10 апр., <https://www.mentoday.ru/life/news/10-04-2024/moshenniki-stali-chashche-ispolzovat-dipfeiki-dlya-obmana-rossiyan-nazvanyi-samye-populyarnye-shemy/>). А в России в 2024 г. мошенники стали в семь раз чаще использовать дипфейки в финансовой сфере (Мошенники стали в семь раз чаще использовать дипфейки в секторе финансовых технологий // Искусственный интеллект Российской Федерации, <https://ai.gov.ru/mediacenter/moshenniki-stali-v-sem-raz-chashche-ispolzovat-dipfeiki-v-sektore-finansovykh-tehnologiy/>). Как справедливо пишет М. А. Савушкина, «то, что дипфейк из развлекательной технологии превратился в опасное цифровое оружие, – результат деятельности самого человека» [\[10, с. 54\]](#).

Принцип создания дипфейка уже не является ни для кого секретом. Искусственный интеллект объединяет большое количество фотоизображений и делает из них видеозапись. Программа может с высокой точностью определить, как человек будет реагировать и себя вести в определенной ситуации. Иными словами, суть технологии заключается в том, что часть алгоритма детально изучает изображение объекта и пытается его воссоздать, пока другая часть не перестает различать реальное изображение и созданное нейросетью. Дипфейки практически невозможно распознать, поскольку видео как правило отличается высокой степенью реалистичности [\[5, с. 75\]](#).

М. Б. Добробаба дает довольно исчерпывающее определение этому понятию, отмечая, что дипфейки представляют собой технологии изготовления поддельных фото- и видеоизображений, а также аудиозаписей, в основе которых лежит методика компьютерного синтеза. Другими словами, нейросеть переносит черты человека на чужое фото или видео с высокой степенью правдоподобия [\[3, с. 112\]](#), а также генерирует все голосовые записи человека и создает его монолог, который он никогда не произносил. И если в бесплатных версиях ChatGPT или Kandinsky генерацию изображений легко распознать, то в платной версии MidJourney определить фейк практически невозможно.

Нередкими становятся случаи, когда ИИ используется для модуляции голоса и создания поддельного номера телефона, что позволяет обмануть доверчивых граждан и выманивать у них большие суммы денег. Подобные примеры демонстрируют серьезные угрозы для неподготовленной аудитории со стороны ИИ. Этим «оружием» могут умело пользоваться манипуляторы и мошенники, преследующие свои цели.

Создание качественных дипфейков требует серьезных компьютерных мощностей и специальных знаний. Они могут использоваться как для создания шуточного видео или рекламного ролика, так и для манипуляции общественным мнением (в том числе через СМИ) [\[14, р. 69\]](#). Широкое распространение эта технология получила в 2017 г. в США, благодаря разработке технологии «глубокого обучения» (deep learning), в рамках которой ИИ на основе обработки больших данных учится воспроизводить определенные паттерны (модели). На современном этапе дипфейки используются во многих сферах жизнедеятельности. Например, в 2023 г. во Флориде фейковый Сальвадор Дали открыл свою выставку (Museum creates deepfake Salvador Dalí to greet visitors // YouTube, <https://www.youtube.com/watch?v=64UN-cUmQMs>). Общеизвестны случаи, когда с помощью нейросети рисуют картины, прописывают диалоги в сценариях к сериалам, создают реалистичные фотографии и даже научные тексты. В журналистике дипфейк используют, чтобы скрыть лицо источника, пожелавшего остаться анонимным, и при этом не делать изображение размытым. Однако есть и негативные примеры.

Дипфейк стали активно использовать для создания фейк-ньюс и поддельных видео. Одно из них – скандально известный видеоролик 2018 г., на котором бывший президент США Барак Обама прямо оскорбляет действующего на тот момент президента Дональда Трампа. Этим видео автор ролика, Джордан Пил, продемонстрировал реальную информационную угрозу, которая способна серьезно повлиять на общественное мнение и настроения масс. И теперь публичный деятель, чиновник, политик или представитель шоу-бизнеса может обвинить нейросеть и заявить, что его высказывания – результат работы ИИ, и он там никогда не был и никогда такого не говорил. Насколько возможно это доказать – вопрос сложный и пока только начинающий подниматься в правовом, этическом и научном поле. Однако получить поддержку аудитории таким психологическим приемом уже очевидно можно. Например, продюсер Иосиф Пригожин назвал фейком скандальную аудиозапись своего разговора с бизнесменом Фархадом Ахмедовым (Баласян Л. Иосиф Пригожин отрицает подлинность аудиозаписи беседы с миллиардером Ахмедовым с критикой власти // Коммерсантъ. 2023. 26 марта, <https://www.kommersant.ru/doc/5899921>). Однако доказательств этого никто обнаружить не смог. Интересен кейс небольшого американского издания Cody Enterprise, в котором журналист А. Пелчар опубликовал целых семь статей с полностью сгенерированной ИИ прямой речью ньюсмейкеров (Розанова А. Американского журналиста поймали на использовании ИИ и уволили // РБК. 2024. 14 авг., <https://www.rbc.ru/life/news/66bcb55f9a7947a6bd7826df>). На протяжении двух месяцев репортер придумывал цитаты, пока его не разоблачил коллега из газеты-конкурента.

Представленные выше примеры в полной мере подтверждают существование реальной угрозы для аудитории. При этом в качестве серьезных рисков позиции использования ИИ в медиа является создание дипфейков преднамеренно или по неосторожности. Социальные сети и блогерский контент является источником информации не только для молодежной аудитории, но и для многих журналистов, которые в погоне за трафиком и популярностью стремятся не столько проверить новость, сколько стать первым и опубликовать «экслюзив». Сегодня дипфейки могут обмануть даже опытных репортеров.

Другой вариант – когда сама нейросеть ошибается, неверно прочитав обозначения (например, вместо 1–7% указывая 17% или вместо 1925 г. говоря о 2025 г.). Такие фактические ошибки в рамках новостей о котировках акций или финансовых сделках могут привести к глобальным последствиям. В текстах, созданных нейросетью, может отсутствовать контекст происходящего, что также приведет читателя к неверному выводу. Только 52% респондентов исследования, проведенного в 2020 г., смогли отличить контент, сгенерированный нейросетью GPT-3, от текста, созданного человеком (Искусственный интеллект в цифрах и фактах // РБК. 2024. № 01-02 (178)).

В октябре 2023 г. по интернету распространился видеоролик, на котором известная шведская активистка Грета Тунберг рекламировала свою новую книгу «Веганские войны» на BBC (телеканал заблокирован на территории Российской Федерации). Она якобы заявила, что необходимо перейти на экологические танки и вооружение, а вместо нынешних ручных гранат использовать веганские, чтобы ни одно животное не пострадало (O'Rourke C. Greta Thunberg urged people to use "vegan grenades" because "no animals should have to give their life for all this mayhem and chaos" // PolitiFact. 2023. 25 Oct., <https://www.politifact.com/factchecks/2023/oct/25/viral-image/no-greta-thunberg-didnt-urge-people-to-use-vegan-h/>). СМИ сразу распознали фейк и указали на поддельное видео, которое было изменено. В частности, журналисты отметили, что речь активистки не соответствовала движениям ее рта, текст ее выступления был изменен. Еще один интересный пример связан с экспериментом, в ходе которого 436 зрителей смотрели дипфейки, в том числе фрагменты фильма «Сияние» с Брэдом Питом и «Капитан Марвел» с Шарлиз Терон (Оптический обман // Цифровой океан. 2023. № 5 (19)). Целью было изучение процесса ложных воспоминаний. По итогу 49% (почти половина) поверили в достоверность показанных им фрагментов.

В ходе исследования было проанализировано 69 дипфейков, появившихся в российском информационном пространстве. Материал был собран методом сплошной выборки и содержал в себе публикации, которые так или иначе были упомянуты в СМИ (на телеканалах «Первый канал», НТВ и «Россия 1», платформе «Смотрим», интернет-изданиях «Лента.ру» и «Газета.ру», сайтах информационных агентств «РИА Новости» и ТАСС), т. е. имели общественный резонанс. Хронологические рамки исследования: 2020–2025 гг.

На основе представленной выше информации и анализа собранных материалов, можно типологизировать дипфейки по разным категориям. *По формату подачи выделим:*

¾ фотодипфейки

Такие фотографии являются результатом генерации нескольких изображений, которые были загружены в память нейросети. Чем больше будет загружено изображений, например, конкретного человека, тем выше вероятность создания его фотодипфейка. Это самый старый тип подделок, который уже вряд ли может как-то убедить аудиторию. То, что фотографию можно подделать, сейчас известно любому человеку, который является пользователем интернета.

¾ видеодипфейки

Видеодипфейки распознать гораздо сложнее, чем подобный контент в формате фотографий. Такие ролики выглядят максимально реалистично (особенно, если есть синхрон речи с движением губ и имеются блики в глазах), да и аудитория на психологическом уровне гораздо больше доверяет видеоизображению, по привычке полагая, что видео является прямым и неоспоримым доказательством. Во многом из-за

этого россияне имеют высокий риск стать жертвой обмана при видеообращениях от родственников или своих руководителей.

¾ аудиодипфейки

Аудиодипфейки могут стать серьезным оружием мошенников в рамках обмана граждан и выманивания у них денежных средств. Кроме того, сейчас эта технология активно используется для озвучивания пиратских копий аудиокниг, когда диктор не получает гонорар, а его голос при этом используется для озвучивания литературного произведения. Кроме того, все чаще появляется информация о случаях, когда подделывают какие-то комментарии медиийных личностей (позже оказывается, что такого комментария никто не давал). Таким образом, становится все сложнее разобраться в потоке приходящей информации и не стать жертвой обмана.

По целевым установкам дипфейки можно разделить на:

¾ политические

Цель – дискредитация оппонента путем разрушения его репутации с помощью подделок, которые либо демонстрируют в невыгодном свете политику того или иного деятеля, либо самого этого деятеля выставляют в неприглядном свете.

Самым известным и нашумевшим примером являются фотографии и видеоролики с арестом Дональда Трампа и его выступлениями в роли заключенного в оранжевой форме. Материалы были сделаны настолько реалистично, что многие поверили и способствовали распространению этих материалов.

Рис. 1. Дипфейк Дональда Трампа (Нейросеть создала фотохронику задержания Дональда Трампа // Смотри. 2023. 21 марта, <https://smotrim.ru/article/3261001>)

В рамках предвыборной кампании 2024 г. в США команда Д. Трампа также активно использовала нейросети для дискредитации политики Д. Байдена. На YouTube активно распространялся ролик *Beat Biden*, полностью сгенерированный ИИ. В нем аудитория должна была увидеть, какие проблемы ждут США при переизбрании действующего президента на второй срок.

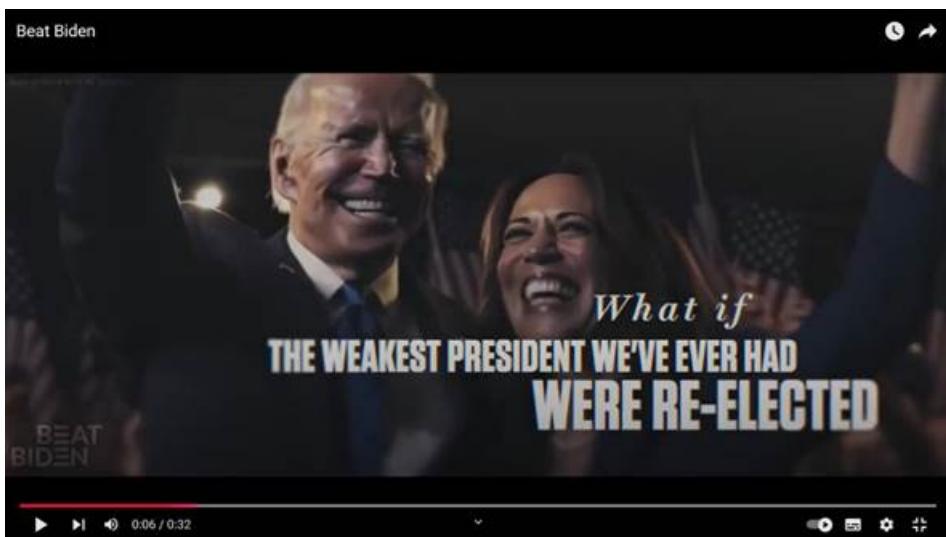

Рис. 2. Видеоролик, созданный нейросетью (Beat Biden // YouTube. 2024, <https://www.youtube.com/watch?v=kLMMxgtxQ1Y&t=6s>)

В России дипфейки с политиками появляются все чаще. Опасность в том, что пользователи могут принять их за агитационные материалы или политическую рекламу, даже не подумав проверить на предмет подлога или подделки. В августе 2021 г. в интернете появился дипфейк, который за считанные часы стал вирусным. В видеоролике С. Лавров (министр иностранных дел РФ), Д. Проценко (главврач больницы № 40 в Коммунарке) и С. Шойгу (бывший на тот момент министром обороны РФ) советуются с обычным россиянином на темы ядерной войны, вакцинации и прочих важнейших государственных вопросов (В Сети появился вирусный ролик с дипфейками Лаврова, Проценко и Шойгу. Технологию все чаще используют в рекламе и политической агитации // Moscow Daily News. 2021. 27 авг., <https://www.mn.ru/smart/v-seti-poyavilsya-virusnyj-rolik-s-dipfejkami-lavrova-procenko-i-shoigu-dipfejki-vse-chashhe-ispolzuyut-v-reklame-i-politicheskoy-agitacziy>). В конце видео главный герой (рядовой гражданин нашей страны) так напуган, что быстрее спешит на выборы, чтобы проголосовать и переложить принятие важных решений в надежные руки. Сразу после выхода ролика партия «Единая Россия» сообщила о своей непричастности к его созданию, что сразу позволило отнести данный контент к категории дипфейка.

Таким образом, политический дипфейк может создаваться не только для дискредитации конкурентов (как это показано на примере американских кейсов), но и для агитации и поддержки определенного кандидата, партии или организации. Все зависит от целей создателя.

¾ развлекательные

Такие дипфейки носят юмористический характер, а их создатели не преследуют цель обмануть доверчивых пользователей или повлиять на их мнение о чем-то. Однако здесь важно помнить о том, что даже самый безобидный на первый взгляд дипфейк может нести в себе потенциальную опасность ровно до тех пор, пока его авторы четко не обозначат, что это подделка и предлагаемый контент не соответствует действительности.

Целью подобных дипфейков может стать желание порадовать свою аудиторию, попробовать сделать что-то необычное, стремление выделиться или чем-то запомниться. Как правило, успешные развлекательные дипфейки носят вирусный характер и могут на протяжении длительного времени передаваться по каналам социальных медиа. Такой контент можно встретить в социальных сетях или на сайтах, посвященных

юмористической тематике. Один из популярных вариантов таких дипфейков – создание роликов, где лицо актеров в известных фильмах заменяют лицом других не менее знаменитых актеров. Например, в известном фильме Э. Рязанова «Ирония судьбы, или с легким паром!» лицо Барбары Брыльска заменили на лицо голливудской актрисы Марго Робби, а Андрея Мягкова – на Дэниэла Крейга (Ирония с Голливудскими актерами // Pikabu, <https://pikabu.ru/tag/Deepfake%2CЮмор>). Данный кейс вряд ли можно назвать вредоносным, поскольку в описании ролика сразу отмечено, что это технология дипфейка, да и само содержание ролика имеет исключительно развлекательный посыл.

¾ коммерческие

Цель таких дипфейков – привлечь внимание и получить прибыль. Как правило, такой контент носит рекламный характер. Одним из первых примеров стала реклама продуктов Сбера с Жоржем Милославским из фильма «Иван Васильевич меняет профессию». В ролике 2020 г. герой попадает в современную реальность и с помощью возможностей сервисов Сбера быстро получает все, что ему нужно.

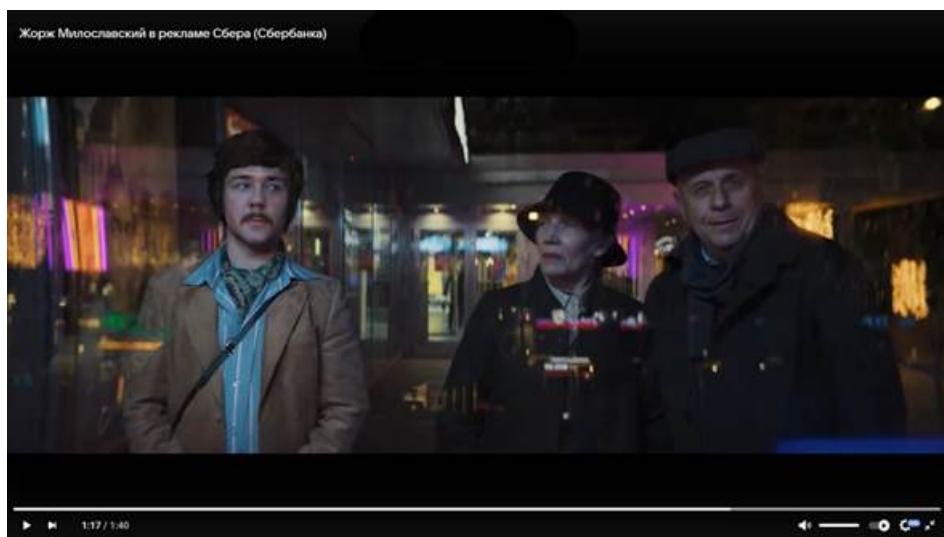

Рис. 3. Реклама Сбера с цифровым аватаром (Жорж Милославский в рекламе Сбера (Сбербанка) // VK Видео. 2021, https://vkvideo.ru/video116656652_456240165?ref_domain=yastatic.net)

Подобный материал способен значительно повысить узнаваемость бренда и обратить на себя внимание разнообразной аудитории. Такие ролики могут использовать изображение или голос знаменитости, а также быть созданы по сценарию, созданному ИИ.

¾ художественные

Возможности дипфейков в последние несколько лет стали активно использовать кинематографисты, которые могут состарить или омолодить актера, придать дублерам максимальное сходство с главным героем, синхронизировать движения губ при дубляже перевода. Более того, в рамках создания художественных или документальных картин сейчас «оживляют» давно умерших звезд и видных деятелей культуры и искусства прошлых лет и даже столетий.

В 2023 г. режиссер и продюсер А. Жигалкин анонсировал съемку фильма «Володя» о Владимире Высоцком. Главную роль, по задумке создателя, должны будут одновременно сыграть актер А. Шпагин и искусственный интеллект, который смоделирует на экране лицо певца. В том же году появилось сообщение, что ИИ воссоздаст голос Эдит Пиаф для кинокартины о жизни знаменитости. А в декабре 2023 г. ТАСС сообщил, что

нейросети синтезируют известный на весь мир голос Юрия Левитана к 110-летию его рождения. Для обучения ИИ был использован архив записей голоса диктора из Госфильмофонда. В 2024 г. в СМИ опубликовали сообщение, что «Первый канал» планирует снять проект о Штирлице по повестям Юлиана Семенова. Образ Вячеслава Тихонова будет воссоздан с помощью технологий ИИ (Мамиконян С. Первый канал воссоздаст с помощью ИИ образ Вячеслава Тихонова в роли Штирлица // Forbes. 2024. 05 нояб., <https://www.forbes.ru/forbeslife/524484-pervyj-kanal-vossozdast-s-pomos-u-ii-obraz-vaceslava-tihonova-v-roli-stirilica>). Иными словами, тренд на создание цифровых двойников известных актеров прошлого продолжает сохраняться.

Насколько такие дипфейки будут пользоваться спросом пока непонятно. Это может привлечь аудиторию эффектом новизны, но вряд ли надолго, ведь заменить реального актера (мимику, реакцию, выражение глаз и пр.) на данном этапе развития ИИ не в состоянии. Кроме того, опросы показывают, что россияне относятся к ИИ-контенту крайне скептически. А потом здесь есть риск и для живых актеров, которые теряют возможности проявить себя из-за цифровых образов давно умерших знаменитостей. Следовательно, в 2025 г. перспектива использования таких дипфейков выглядит сомнительной.

¾ манипуляционные

Самый опасный тип дипфейков, который подразумевает целенаправленный обман пользователя ради достижения своей цели. Как правило, такой контент является вредоносным, деструктивным и часто приводит к неприятным последствиям. Именно дипфейки стали причиной многочисленных обманов, из-за которых россияне теряют свои деньги, имущество и совершают противоправные действия. Контент в социальных медиа становится по-настоящему опасным, поскольку в 2025 г. уже не единичны примеры, когда мошенники подделывают голоса родственников, создают дипфейк в формате видео с родными людьми, совершают звонки с номеров родственников, тем самым очень убедительно манипулируя сознанием человека и не давая даже осознать происходящее. Как правило, злоумышленники в очень оперативном режиме вынуждают переводить на незнакомые счета все свои сбережения. Единственным способом защиты в этом случае является завершение разговора и самостоятельный звонок своему родственнику или другу.

¾ познавательные или просветительские

В целях помочи широкой аудитории разобраться, каким образом создаются дипфейки и в чем суть этой технологии, IT-специалисты и хакеры выпускают разъясняющие видеоролики, где подробно и доступно описан сам процесс создания такого материала. Например, довольно известным является видеоролик, где сам автор наглядно демонстрирует, как создает дипфейк с Морганом Фрименом (см. Рис. 4).

Рис. 4. Ролик с демонстрацией возможностей ИИ(Не все, что мы видим – реально. Дипфейк с лицом Моргана Фримена. // Одноклассники. 2022, <https://ok.ru/video/4717712050766>)

В ролике мужчина в нижней части рекламы произносит речь, которую полностью копирует Морган Фримен (вверху экрана), при этом также идентичны мимические реакции и эмоциональные выражения. Таким образом, зритель собственными глазами видит, насколько такая технология может создавать реалистичные изображения человека.

В целом, дипфейки представляют собой актуальную информационную угрозу, поскольку в отличие от фотографий, коррекция которых не является чем-то уникальным, видеозаписям пользователи склонны по-прежнему доверять. Поэтому дипфейки в видеоформате с большой долей вероятности будут восприняты как подлинные, а благодаря социальным сетям могут быть растиражированы за считанные минуты.

В 2025 г. на первый план в связи с указанными угрозами выступила безопасность детей в интернете. Эта часть аудитории является наиболее уязвимой к приемам манипуляции и психологического воздействия. В январе 2025 г. известный сервис TikTok стал блокировать так называемые фильтры красоты для аудитории младше 18 лет (Розанова А. TikTok запретит подросткам пользоваться бьюти-фильтрами. Зачем это нужно // РБК Life. 2024. 27 нояб., <https://www.rbc.ru/life/news/6746fe379a794770e0b615e8>). Подростки больше не смогут использовать маски, делающие лицо буквально совершенным. Проблема безопасности детей в интернете, особенно их психологическое состояние, которое является в юном возрасте неустойчивым, – предмет для беспокойства во всех странах мира. В 2023 г. в Великобритании появилась информация, что власти собираются запретить британцам младше 16 лет вообще использовать социальные сети (В Британии могут запретить детям до 16 лет пользоваться соцсетями // Известия. 2023. 15 дек., <https://iz.ru/1621117/2023-12-15/v-britaniyi-mogut-zapretit-detiam-do-16-let-polzovatsia-sotcsetiami>). В России 6 декабря 2023 г. Госдума приняла законопроект об ограничении использования телефонов и других цифровых гаджетов в школе (Федеральный закон от 19 декабря 2023 г. № 618-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации"» // Гарант.ру, <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408131681/>), что, по мнению законодателей, должно помочь воспитать вдумчивых людей, способных к критическому мышлению. Однако, в ситуации масштабных обманов с помощью реалистичных подделок изображений и голоса, такие ограничения имеют довольно ограниченную меру.

Вероятно, что в ближайшем будущем закон о дипфейках будет создан и поможет защитить и взрослое население, и подрастающее поколение. Но пока в 2025 г. главным оружием борьбы и самозащиты выступает только критическое мышление. Чем в большей опасности себя чувствуют люди, тем более они подвержены влиянию. Такие пользователи менее критичны, меньше сил тратят на проверку информации. Даже рациональные потребители медиаконтента могут быть введены в заблуждение, чем умело пользуются манипуляторы. В этом случае определенный алгоритм позволит убедиться в подлинности получаемых данных:

1) прочесть полностью материал (заголовок не всегда отражает содержание или суть текста);

2) определить автора и дату публикации (это крупное СМИ или чей-то авторский блог, насколько автор текста авторитетен и знает тему);

3) проверить адресную строку (это могут быть «клоны», которые копируют страницы настоящих медиа, изменяя букву или добавляя какой-то знак пунктуации, или фейковые аккаунты, которые также отличаются буквально одним символом в названии);

4) найти и изучить первоисточник информации;

5) в фейковых материалах большое количество эмоциональных высказываний, субъективных суждений, оценочных выражений (упор на сенсацию или эксклюзив). Как правило, в журналистских материалах на первое место выходит фактическая информация, а эмоциональные высказывания играют второстепенную роль.

Однако если речь идет о дипфейках, этих правил может быть недостаточно. При сгенерированном фото или видео стоит обращать внимание на качество изображения, естественность телодвижений, блики в глазах или на очках, естественность освещения и фоновых цветов и пр. Иными словами, увидеть искусственно созданные кадры может только крайняя внимательность и целенаправленный поиск.

В частности, в качестве опознавательных признаков дипфейка (которые могут стать первостепенными при определенных обстоятельствах) важно выделить:

¾ несоответствие голоса и движений губ с произносимыми словами (если слова и движения не совпадают, это может стать признаком подделки), а также монотонность произнесения речи, отсутствие логических пауз, ошибки в ударениях, использование нехарактерных для носителей языка словесных конструкций;

¾ артефакты и неестественное освещение (если есть «размытые» края объектов или свет не выглядит естественным, это может быть признаком цифровой обработки изображения);

¾ неестественные движения (резкие движения или, наоборот, замедленные реакции могут стать доказательством подделки);

¾ несоответствия и искажения (отсутствие теней, разрывы линий, явно лишние элементы, игнорирование законов физики, повторяющиеся конструкции или элементы на изображении и т. п.). Здесь имеет смысл обратить особое внимание на аксессуары и одежду как самые «слабые» стороны работы ИИ – сережка может быть только в одном ухе, непропорциональный воротник рубашки, странные пуговицы, несоответствие цветов и пр.;

¾ нереальные лица (разные глаза, количество пальцев на руках, асимметрия в деталях, нереалистичные зубы, сюрреалистический фон, самая частая ошибка нейросетей – это уши: зачастую второе ухо может вовсе исчезнуть или быть неподходящим по размеру);

¾ отсутствие физического взаимодействия (если на кадрах два объекта, которые должны реагировать друг на друга, но этого не происходит, это может стать признаком генерации видеозаписи).

Так мы возвращаемся к важнейшему правилу – проверке источника. Подобная процедура поможет узнать распространителя сомнительного контента, определить, насколько этот распространитель может считаться надежным. Для этого стоит изучить метаданные файла – узнать, где, когда и кем был создан материал.

На данный момент существуют и специальные программы, позволяющие распознать генерацию (интересный феномен: распознать ИИ способен только сам ИИ). Например, ресурс Optic AI or Not определяет, сгенерировано или нет изображение (Optic AI or Not, <https://www.aiornot.com/>). Сервис является бесплатным и интуитивно понятным. Все, что требуется от пользователя, – загрузить изображение на портал. При этом программа получила мало положительных оценок, поскольку при тестировании журналистами делала ошибки и определяла сгенерированные фотографии как реальные и наоборот. Подобные прецеденты позволяют сделать вывод, что на современном этапе подобным проектам нельзя полностью доверять, слишком велик риск ошибок.

Специально созданный для выявления подделок нейросетевой алгоритм LFCC-LCNN смог распознать 100% аудиофейков, загруженных в него (Иевлев П. Люди недостаточно хорошо различают голосовые фейки // Цифровой океан. 2023. 05 авг., <https://digitalocean.ru/n/lyudi-nedostatochno-horoshо-razlichayut-golosovye-fejki>).

Согласно проведенному британскими исследователями эксперименту, специально обученные люди смогли распознать фейки лишь чуть более чем в 70% случаев, в то время как алгоритм не сделал ни одной ошибки.

OpenAI запустила инструмент для выявления изображений, сгенерированных ее нейросетью DALL-E3. По словам самих разработчиков, система способна выявить дипфейк с точностью 98%, однако процент будет гораздо ниже, если изображение было изменено (обрезано, подвергалось изменению цвета или был загружен скриншот) (Seetharaman D. OpenAI Says It Can Now Detect Images Spawns by Its Software – Most of the Time // The Wall Street Journal. 2024. 07 May, <https://www.wsj.com/tech/ai/openai-says-it-can-now-detect-images-spawned-by-its-software-most-of-the-time-83011149>).

Данный проект появился как ответ на резкий рост различных дипфейков из-за активизации темы предвыборных кампаний 2024 г. в разных странах.

В 2022 г. компания Intel анонсировала свой продукт под названием FakeCatcher, который выявляет дипфейк на основе анализа цветовых пульсаций подкожных вен лица (Intel FakeCatcher Технология распознавания дипфейков // Tadviser, https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Intel_FakeCatcher_Технология_распознавания_дипфейков). Детектор способен фиксировать незаметные глазу изменения тона, переводить их в цветовую карту и определять, настоящий ли это человек. Однако официального внедрения данной программы на рынок пока не началось. А компания Sensity разработала онлайн-платформу для автоматической идентификации дипфейков. В основе работы программы – анализ кадров изображения на основе собственной базы, которая содержит несколько миллионов изображений, определенных как сгенерированные. Система обучена выявлять признаки генерации, которые используют

нейросети.

В НИТУ МИСИС отечественные ученые разработали нейросеть, которая представляет собой поисковик фейковых лиц на фото или видео (Бунина В. Создана нейросеть для идентификации дипфейков на фото и видео // Газета.ru. 2023. 16 окт., <https://www.gazeta.ru/tech/news/2023/10/16/21512545.shtml>). При разработке было использовано 16,5 тысяч изображений как подлинных, так и фейковых, которые стали базой для обучения нейросети.

С 2020 г. на базе Университета Лобачевского функционирует сетевой образовательный проект «#Студфактчек», который ориентирован на проверку информации в СМИ и социальных медиа (#Студфактчек, <https://studfactcheck.ru>). На сайте проекта можно прочитать подробный разбор материалов, которые члены команды фактчекеров проверяют на предмет достоверности. Это важный и интересный проект, способный сориентировать пользователя прежде всего в методологических способах проверки фактов. «#Студфактчек» по принципу работы напоминает известный портал «Лапша.медиа», где сотрудники также выявляют фейки и дипфейки и предупреждают о них интернет-пользователей.

Описанные выше примеры демонстрируют высокий запрос на создание программ, способных выявлять дипфейки и бороться с ними. Вполне возможно, что в скором будущем такие программы станут обязательными для установки на всех гаджетах, появятся специальные мобильные приложения, использование которых будет также естественно, как приложение Telegram или Wildberries. И в порядке вещей будет автоматическая проверка любого фото- и видеоконтента на предмет достоверности. Есть также вариант, что такие «распознаватели» станут обязательной частью видеоплатформ и фотобанков, и при обнаружении генерации контент будет автоматически промаркирован.

Но это только возможные перспективы. Конечно, какие-то крупные и резонансные дипфейки будут разоблачены публично, однако это лишь незначительная часть той неправды, с которой сталкивается ежедневно человек. Именно критическое осмысление получаемых данных и постоянная бдительность при потреблении медиаконтента – то, что остается самым эффективным способом самозащиты в условиях непрерывно увеличивающегося количества информационных угроз.

Библиография

1. Батоев В. Б., Пучнин А. В. Использование технологии deepfake в преступной деятельности: проблемы противодействия и пути их решения // Вестник ВИ МВД России. 2023. № 1. С. 165-169. EDN: MIUJNO.
2. Галышина Е. И. и др. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа: научно-практическое пособие. М.: Блок-Принт, 2023. EDN: NTUNGW.
3. Добробаба М. Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex Russica. 2022. № 11 (192). С. 112-119. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119. EDN: XMHEAJ.
4. Ильченко С. Н. Фейк-контроль, или Новости, которым не надо верить: как нас дурачат СМИ. Ростов н/Д: Феникс, 2021.
5. Колесникова Е. В. Технология deepfake в журналистике // Мир современных медиа: новые возможности и перспективы: сб. научных трудов / под общ. ред. Д. В. Неренц. М.: Знание-М, 2022. С. 74-77. EDN: CCYEHV.
6. Лукина Ю. В. Использование дипфейков в общественно-политической жизни // Русская политология. 2023. № 2 (27). С. 41-48. EDN: CEXDQA.
7. Манвелов Н. В. Понятие "фейк" в медиакоммуникациях – история и современные

подходы к проблеме // Коммуникация – дискурс – дискурсивные практики: Сборник научных трудов. М.: РАНХиГС, 2023. С. 148-159.

8. Маркеры фейка в медиатекстах: учебно-методическое пособие / И. А. Стернин, А. М. Шестерина, К. И. Грибанова [и др.]. Воронеж: РИТМ, 2020.

9. Неренц Д. В. Специфика применения искусственного интеллекта в современном медиапространстве // Litera. 2024. № 8. С. 186-198.

10. Савушкина М. А. Дипфейк как цифровое оружие гибридной войны // Вестник ОмГУ. 2024. № 4. С. 45-54.

11. Фалалеев М. А., Ситдикова Н. А., Нечай Е. Е. Дипфейк как феномен политической коммуникации // Вестник ЗабГУ. 2021. № 6. С. 101-106. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-6-101-106. EDN: ZBZRKO.

12. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность. Коллективная монография / С. Т. Золян, Н. А. Пробст, Ж. Р. Сладкевич, Г. Л. Тульчинский; под ред. Г. Л. Тульчинского. СПб.: Алетейя, 2021.

13. Kalyan A.K.R. A review on Ethical and Legal Challenges of Deepfake Technology // International Journal Of Scientific Research In Engineering And Management. 2025. No 09 (04). Pp. 1-9.

14. Marconi F. Newsmakers: Artificial Intelligence and the Future of Journalism. NY: Columbia University Press, 2020.

15. Stray J. Making Artificial Intelligence Work for Investigative Journalism // Digital Journalism. 2019. No 7 (8). Pp. 1076-1097.

16. Tandoc Jr. E., Thomas R., Bishop L. What Is (Fake) News? Analyzing News Values (and More) in Fake Stories // Media and Communication. 2021. Vol. 9. No 1. Pp. 112-123.

17. Waldrop M. News Feature: The genuine problem of fake news // PNAS. 2017. No 114 (48). Pp. 12631-12634.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вариант статьи представленный к публикации касается достаточно сложной, но актуальной темы, автор ориентирован на анализ проблемы «дипфейков» в информационном пространстве. Причем автор работы обозначает уже в заглавии, что это есть «угроза», которая, так или иначе, разрушает традиционное разрешение и речевых, и не речевых ситуаций. Стоит согласиться, что «разговоры об искусственном интеллекте и его возможностях сегодня не просто не прекращаются, но многократно множатся. Его обсуждают ученые, практикующие специалисты, работники IT-сфера, государственные служащие», «автоматизация рутинных процессов, о которых уже написано и сказано множество слов, в том числе в контексте деятельности СМИ, считается безусловным преимуществом, однако в будущем может привести к снижению когнитивных процессов и уровня критического мышления, а также потери множества компетенций, которыми владеют специалисты сегодня». Таким образом, верификация вопроса представлена весьма удачно, именно такой тон и характерен всему изысканию. Методология анализа, на мой взгляд, вполне актуальна, ибо автор стремится к максимальной объективации вопроса в рамках систематизации уже имеющихся данных. Считаю, что это удается сделать полновесно, целостно; цитатный фон / ссылочная база достаточны. Однако, можно было использовать традиционный вариант ссылки – «...» [1, с. 123]. Не лишена работы и эффекта возможного диалога с оппонентами, сделано это выверено, точно: например, «В научной литературе описаны характерные особенности

фейкового контента в СМИ. Так, Е. И. Галяшина пишет о понятии и сущности фейка и фейкинга, отмечает причины распространения фейков [2]. С. Н. Ильченко предлагает типологию фейк-контента и предлагает маркеры распознавания фейков [4]. Способы распознавания лжи в медиатекстах также представлены в труде А. М. Шестериной и И. А. Стернина [8]» и т.д. При этом представлен как отечественный, так и зарубежный опыт, что вполне значимо для объективации научной новизны данного труда. Стиль работы соотносится с научным типом, термины и понятия, которые используются по ходу статьи унифицированы: например, «само понятие «дипфейк» (deepfake) сложилось из терминов deep learning (глубокое обучение) и fake (подделка). Данный феномен приписывают появлению новейших цифровых технологий, однако само явление «подмены визуальной реальности» восходит к попыткам подделать фотографии методами двойного экспонирования и ретуши. Так на изображении могло появится то, чего не было в оригинале». Привлекает в исследование введение статистических данных, отсылка на открытость информации не вызывает сомнений. Укажу, что аналитическая составляющая в работе весьма умело выдержаны, аргументация – есть необходимое условие научного труда: «принцип создания дипфейка уже не является ни для кого секретом. Искусственный интеллект объединяет большое количество фотоизображений и делает из них видеозапись. Программа может с высокой точностью определить, как человек будет реагировать и себя вести в определенной ситуации. Иными словами, суть технологии заключается в том, что часть алгоритма детально изучает изображение объекта и пытается его воссоздать, пока другая часть не перестает различать реальное изображение и созданное нейросетью». Материал оригинален, интересен, думаю, что он будет вполне адекватно воспринят читателями, да и воспринимать его следует как некий импульс для формирования новых изысканий смежно-тематической направленности. Данных, которые были проанализированы, вполне достаточно; автор отмечает, что «в ходе исследования было проанализировано 69 дипфейков, появившихся в российском информационном пространстве. Материал был собран методом сплошной выборки и содержал в себе публикации, которые так или иначе были упомянуты в СМИ (на телеканалах «Первый канал», НТВ и «Россия 1», платформе «Смотрим», интернет-изданиях «Лента.ру» и «Газета.ру», сайтах информационных агентств «РИА Новости» и ТАСС), т. е. имели общественный резонанс. Хронологические рамки исследования: 2020–2025 гг.». Причем источники разные, что дает возможность полновесно оценить «угрозу от дипфейков». Выводы по тексту созвучны основной части, противоречий в этой области нет. Автор в finale тезириует, что «какие-то крупные и резонансные дипфейки будут разоблачены публично, однако это лишь незначительная часть той неправды, с которой сталкивается ежедневно человек. Именно критическое осмысление получаемых данных и постоянная бдительность при потреблении медиаконтента – то, что остается самым эффективным способом самозащиты в условиях непрерывно увеличивающегося количества информационных угроз». Считаю, что тема работы раскрыта, но исследование в указанном русле может быть продолжено. Общие требования издания учтены; фактическая правка текста излишня. Рекомендую статью «Дипфейк как одна из главных информационных угроз ХХI века» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Зиннатуллина З.Р., Сарсадских А.А. Система образов в романе Хуана Хоце Мильяса «У тебя иное имя» // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.71745 EDN: TVOJTE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71745

Система образов в романе Хуана Хоце Мильяса «У тебя иное имя»

Зиннатуллина Зульфия Рафисовна

ORCID: 0000-0003-1616-9911

кандидат филологических наук

доцент; кафедра зарубежной литературы; Казанский (Приволжский) федеральный университет
420025, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Файзи, 14, кв. 95

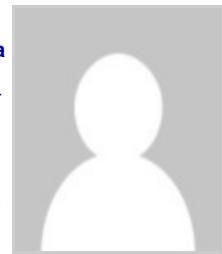
 zin-zulya@mail.ru

Сарсадских Анастасия Андреевна

магистр; кафедра зарубежной литературы; Казанский (Приволжский) федеральный университет
420025, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

 missarsada@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.71745

EDN:

TVOJTE

Дата направления статьи в редакцию:

19-09-2024

Аннотация: Предметом исследования в настоящей статье выступает система образов в романе испанского писателя Хуана Хоце Мильяса «У тебя иное имя» (*El desorden de tu nombre*). Роман написан в 1987 году, в первом десятилетии творческого пути Хуана Хоце Мильяса. Авторы статьи основывают анализ произведения Хуана Хоце Мильяса на терминологии исследователя С.Д. Кржижановского о теории героев-двойников. Он называет таких персонажей *individuum'ами*, повторяющими и дополняющими друг друга.

В романе Хуана Хосе Мильяса изображены несколько пар-двойников. Актуальность и новизна обусловлены растущим интересом у наших соотечественников как к испанской литературе в целом, так и усиленным вниманием литературоведов к новаторству Хуана Хосе Мильяса в области изучения общества с психологической точки зрения. Система образов многогранна, она включает в себя не только мотив двойничества, но и организацию самого пространства, в котором происходит действие романа, цветовую палитру и особую структуру романа – метароман. В ходе работы используются историко-литературный, социологический и формальный методы. В результате анализа, проведенного в данной статье, можно сделать следующие выводы: герои-двойники в романе Хуана Хосе Мильяса «У тебя иное имя» рассматриваются как важный элемент в системе образов, они служат более глубокому раскрытию психологизма героев. При этом образовавшийся любовный "треугольник" разрушает личности героев, лишая их своей индивидуальности. Герои не случайно страдают психическими расстройствами, это способ не решать возникающие проблемы в жизни; домашняя обстановка квартир также является действующим лицом, помогающим полнее раскрыть характеры героев. Роман построен на двусмысленности, неопределенности, множественном взгляде на реальность, на чувстве отдаленности от социума. Использование жанра метаромана, усложненной структуры дает возможность автору раскрыть сложность человеческих отношений.

Ключевые слова:

Мильяс, система образов, двойник, метароман, испанская литература, психологический портрет, психологизм, *individuum*, двойничество, пространство

Исторический фон второй половины XX в. для литературного процесса в Испании является ключевым фактором дестабилизации и гибридизации жанровых форм [1, 2]. Конец эпохи Франко и начало «Переходного периода» приносит надежду на публикацию литературных изданий, не выпущенных из-за жесткой цензуры: «Испанские литературоведы А. Л. Прьето де Паула и М. Ланга Писарро отмечают, что именно в этот период становится модным в стране экспериментальный роман – «гибрид литературных жанров, основной чертой которого выступают формальные новшества» [3, с. 272].

Хуан Хосе Мильяс (1946) – один из самых читаемых испанских авторов нашего времени, который строит свои работы на жанрово-стилевой гибридизации, что позволяет ему подвести читателя к критическому осмыслению реальности. Он сочетает принципы постмодернизма, черты французского экзистенциализма, элементы триллеров Э. По, его творчество становится предметом довольно большого количества исследователей [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]. Испанский писатель с первого произведения делает центральной тему одиночества человека в мире и поиск идентичности, используя постмодернистские установки и открытия в мнимости реальности, стирая границы между миром реальным и миром иллюзорным, демонстрируя пустоту реальности и мнимость существующих ценностей. Для более полного раскрытия этих тем в своих романах Хуан Хосе Мильяс вводит характерные образы, а также трансформирует сам способ подачи материала [11]. Согласно концепции исследователя Е.Б. Борисовой: «Образ – это, прежде всего, категория эстетики, характеризующая особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности. Образ и образность являются ключевыми понятиями для языка искусства и языка художественной литературы, в частности, однако

до сих пор нет четкого определения этих терминов. Специфика изобразительного начала в литературе во многом предопределена тем, что образность в данном случае оформлена в слове. Посредством слова можно обозначить всё, что находится в кругозоре человека» [\[12, с. 23\]](#). Так и Хуан Хосе Мильяс использует художественные образы в своих романах, которые помогают ему преобразовывать действительность и показывать ирреальные миры именно такими, какими он их себе представляет.

В своем романе «У тебя иное имя» автор выделяет три центральных персонажа, которые образуют «любовный треугольник»: Хулио Оргас, Лаура и Карлос Родо. Тут надо отметить, что роман имеет сложную композицию «роман в романе». Главный герой романа Мильяса является писателем, он создает свой роман с аналогичным сюжетом, проблематикой и названием. Название романа Хулио Оргаса совпадает с названием романа Мильяса. Смысл названия романа заключается в том, чтобы заполнить пустоту в душе главного героя другим человеком через новое имя, олицетворяющее предыдущее. «Другое имя» – это имя Тереса, которое помогает преодолеть расстояние, отделявшее его от Лауры. Тереса Сарго – бывшая возлюбленная Хулио Оргаса. Уже само название подчеркивает наличие какой-то иной ипостаси, что реализуется в романе через феномен двойничества, который довольно распространен в культуре с древнейших времен [\[13\]](#). Согласно терминологии С.Д. Кржижановского [\[14; с.80\]](#), данную пару героев-двойников – Лауру и Тересу Сарго – следует обозначить двойниками-*individuum'ами*, так как они два разных персонажа, повторяющих и дополняющих друг друга. Аналогичной парой героев-двойников *individuum'ов* являются Хулио Оргас и Карлос Родо.

С самого начала романа герои Мильяса находятся в ограниченном пространстве: все действия происходят в определенном городе, названия которого мы не знаем. Автор, описывая жизни главных персонажей в одних и тех же местах (квартира Хулио Оргаса, кабинет психоаналитика, квартира Карлоса Родо и его жены Лауры), подчеркивает замкнутость городского пространства. Главные герои не случайно оказываются «заперты». Они закрыты не только в каменных стенах, но и в своих чувствах.

Центральная любовная линия романа Лаура-Хулио Оргас – яркий пример обреченности человеческих чувств и взаимоотношений. Лаура на протяжении всего романа страдает из-за невозможности открытых отношений с любимым человеком, страха осуждения её окружением неверности перед мужем, в том числе родной матерью. Более того главная героиня питает отвращение к своему супругу, что только усугубляет её душевные страдания. Хулио Оргас, в свою очередь, постоянно вспоминает о первой любви, которая погибла при несчастном случае. Он видит в Лауре Тересу Сарго, что также вводит его в заблуждения своего сознания. Хуан Хосе Мильяс показывает неизбежность этой жертвенной страсти. В определенной степени этих героинь мы можем рассмотреть в качестве результата деятельности «расщепленного сознания» [\[15, с. 3\]](#) самого Хулио.

На передачу состояния внутреннего мира героев работает и цветовая палитра в создании городского пейзажа. При чтении романа не покидает ощущение, что весь сюжет сопровождается пасмурной погодой. Не случайно писатель использует цветовую гамму тусклых тонов, ведь такая атмосфера позволяет лучше уловить душевное состояние героев, их ощущение замкнутости чувств. Тем самым приемом психологического параллелизма позволяет автору выделить в глазах читателя этот разлад в личной жизни персонажей.

В своём романе Хуан Хосе Мильяс подробно описывает внутренний мир отдельных персонажей и показывает их взаимоотношения с другими героями, уделяет внимание

интерьеру, переживаниям персонажей, описанию их чувств и эмоций. На протяжении всего романа читатель видит Хулио Оргаса в кризисной ситуации: у него есть несбывшееся желание – стать признанным писателем, это заставляет героя обратиться за помощью к психоаналитику. При этом Х. Х. Мильяс подчеркивает эмоциональную сторону вопроса: герой охвачен волнением и тоской: «Он в испуге вскочил и хотел закричать, спросить, что происходит, но в горле словно ком застрял, и он мог произносить фразы лишь мысленно» [\[16, с.17\]](#). Данная цитата демонстрирует читателю, что Хулио Оргас психически неуравновешен, в частности, он испытывает тягу к насилию. Первой его жертвой становится канарейка, которую он убивает, потому что постоянно слышит гимн «Интернационал», исполняемый ею.

Несостоятельность Хулио как писателя реализуется и в противопоставлении с молодым писателем Орландо Аскарете. После того, как Хулио Оргас осознает превосходство молодого соперника, он задумывает «задушить» своего конкурента. Такое поведение говорит лишь о том, что герой психически слаб и не находит в себе силы работать над собой, улучшая свои навыки в писательстве, а также обладает низкой самооценкой. С другой стороны, описание канарейки введено в роман для проведения параллели с жизнью персонажей, которые тоже находятся будто в клетке. Хотя Хулио Оргас реализует свои профессиональные амбиции в издательском деле, это не приносит ему желаемого удовлетворения.

Хуан Хосе Мильяс уделяет большое внимание созданию определенной атмосферы, делает акцент на пейзаже, изображении изменений в природе, которые всегда соответствуют изменениям настроения Хулио Оргаса. Когда герой находит книгу, оставленную бывшей возлюбленной, автор акцентирует внимание на погоде: «На улице было тепло и пасмурно. Темные тучи, все плотнее затягивавшие небо, предвещали скорый дождь. Не хотелось даже смотреть в окно» [\[16, с.16\]](#). Поведение природы напрямую связано с эмоциями главного героя во время романтических отношений с Тересой Сарго. В то время счастье было смешано с печалью и болью, но название этому чувству – любовь: «Горечь, которая в начале их отношений обычно проявлялась в чистом виде, заставляла их чувствовать остree, привносила в их счастливые встречи нотку грусти, без которой не обходится ни одна история любви» [\[16, с.21\]](#). Почти все встречи Хулио Оргаса и Тересы Сарго проходят при неблагоприятных погодных условиях. Автор воплощает их отношения через гром, ураган, молнию, демонстрируя бесконечную страсть и желание героев: «Каждая частичка тела Тересы превращалась в источник наслаждения для обоих, подтверждением чего служили ее стоны и всхлипывания» [\[16, с.21\]](#).

Х. Х. Мильяс заостряет внимание на их интимной жизни, наполненной нежностью и дикой страстью, но одновременно безграничной тоской. Местами для близости тел и тайных романтических встреч служили такие места, как пошарпанные гостиницы, закусочные и кафетерии, где собираются люди преклонных лет или же просто машина Хулио, находящаяся на каком-нибудь пустынном переулке. Автор романа обращает внимание, что такие экстравагантные встречи с Тересой Сарго воодушевляли Хулио Оргаса: «И в этих барах и кафе происходили чудеса. Первое чудо заключалось в том, что Хулио вдруг становился чрезвычайно красноречивым» [\[16, с.20\]](#). Нестандартная обстановка загадочности и чего-то неизведанного пробуждали в нем вдохновение для творчества, он полностью отдавался процессу.

Двойником Тересы в романе становится Лаура, которая выступает своеобразным ее дополнением: «Философии двойников – это пазлы одной картины, на что указывают

формальные, внешние атрибуты сходства» [\[17, с. 134\]](#). Здесь Х. Х. Мильяс вводит такой приём, как портретная характеристика героев для более полного раскрытия характера действий персонажа. Для определения связи эти двух персонажей Х. Х. Мильяс использует образ дерева, называя Лауру «отростком» Тересы Сарго, тем самым сливая их образы воедино, переплетая их лица, будто они принадлежат одному человеку. Хотя Хулио часто кажется, что Лаура – это воплощение Тересы. В отличие от отношений Хулио с Лаурой, к отношениям Тересы и Хулио примешивалась горечь, которую они называли любовью, даже в минуту самого большого наслаждения он видел в её глазах ту самую тоску. Писатель довольно скрупультно описывает внешность Лауры: «У неё было самое обычное лицо и самая обычная фигура. Глаза у неё тоже были самые обыкновенные» [\[16, с.6\]](#). Заостряет внимание читателя на волосах героини: «Волосы вились на концах, словно пытались бунтовать, словно не хотели больше быть покорными и послушными» [\[16, с.6\]](#). Прическа Лауры воплощает её внутреннее неповиновение, непокорность своей судьбе, внутренний протест повседневной жизни, поглощающий её рассудок.

Переломной в жизни Лауры становится встреча с писателем Хулио Оргасом. К ней возвращается жизненная энергия, которая была утрачена за много лет брака. Хулио Оргас – родственная душа в глазах героини, их связь намного глубже, чем просто общение. Отношения Лауры с мужем и с любовником абсолютно противоположные: «Карлос превратился в гостя – чужого, неудобного человека, который, однако, спал рядом с Лаурой и был отцом ее дочери» [\[16, с.34\]](#). Мильяс использует прием «игра с романским временем», чтобы показать перемены в её восприятии семейной жизни: она больше не чуткая и заботливая мать, день рождения мужа уходит на дальний план, мечты о тайных встречах с писателем занимают центральное место в её мыслях. Лаура будто живет в ирреальном мире, забыв о заботах своей повседневной жизни, она с нетерпением ждет те сладостные минуты, которые принесут ей наслаждение с любовником. Также автор акцентирует внимание на том, что эмоциональная близость с партнером приводит к совершенно другой физической близости, контрастно показывая отношения в данном «любовном треугольнике». Ментальное состояние Лауры сопоставляется с беспорядком в шкафу, где она наводит порядок, и тем самым «убираясь» в своей голове.

Стоит отметить такую характерную особенность, как «отстранение» от обыденности, путем введения коллажа из параллельных миров, которые на какие-то мгновения пересекаются с «настоящим». Течение жизни прерывается отголосками радиопередач, разговоров в кафе или на улице, а также «уборкой в голове» героини. Для более полного раскрытия образа центральной героини Х. Х. Мильяс вводит в повествование описание взаимоотношений Лауры и её матери. Лаура, как и Хулио Оргас находится в эмоциональной зависимости от своей матери. Но ни Хулио, ни Лаура не принадлежат себе полностью. Несмотря на эмоциональную близость с матерью, женщина избегает обсуждения личных тем с матерью, упорно скрывает свои истинные переживания и эмоции. В результате можно сделать вывод о том, что неумение контролировать свои эмоции привели главную героиню к сложившейся ситуации.

Двойником же главного героя выступает муж Лауры психоаналитик Карлоса Родо. Автор составляет неприятный портрет персонажа: «Ночью ей всегда было жарко, она винила в этом своего начинающего полнеть мужа» [\[16, с.30\]](#), он также подчеркивает, что Карлос Родо является лишним в создавшемся «любовном треугольнике». Для демонстрации внутренней отреченности его от Лауры в сюжет включено употребление психоаналитиком

наркотических веществ. Амфетамины, в свою очередь, также создают для героя ирреальный мир, куда он может сбежать, ведь брак с Лаурой не приносит ему того счастья, которое испытывают семейные люди.

Таким образом, Хулио Оргас и Карлос Родо являются двойниками *individuum'ами*, дополняющими друг друга и открываящими новые стороны характера друг друга. Хотя Карлос и представлен как парадоксальный персонаж, в большей степени он является клишированным. В нем противоречиво всё: начиная с того, что будучи семейным психологом он не способен решить проблемы со своей супругой, заканчивая его реакцией на тайные отношения Лауры и Хулио. Однако появление Хулио Оргаса в его жизни помогает осознать бессмысленность своего успеха: «Зачем человеку успех, если у него при этом нет любви?» [\[16, с.73\]](#). Усиливает мотив двойничества стремление психоаналитика подражать своему пациенту, так как Хулио Оргас «открыл ему глаза» на реальность, происходящую в его семье. В текст вводятся внутренние монологи Карлоса Родо, приводящие его к решению тоже посетить своего «душевного» доктора. Так, Карлос впервые за всё повествование не оценивает свою жизнь с точки зрения психотерапевта. Карлос и Хулио извлекают взаимную выгоду из совместных сеансов: Хулио Оргас по-другому включается в творческий процесс на сеансах у Карлоса Родо, так как именно там к нему приходит вдохновение для сюжета романа; Карлос же тоже защищает собственные интересы, стараясь вернуть себе жену и прежнюю атмосферу в семью. На сеансах с Хулио Оргасом у Карлоса просыпаются уже угасшие чувства к своей жене.

Другой парой двойников-*individuum'ов* можно назвать Хулио Оргаса и Орландо Аскарете. Завидуя успеху молодого писателя, центральный персонаж копирует качества своего соперника, что подчеркивает его неполноценность и закомплексованность: «Все происходящее вокруг воспринималось его органами чувств словно магма, в которой его личное присутствие значило не больше, чем присутствие в огромном океане одного моряка, потерпевшего кораблекрушение» [\[16; с.91\]](#). Хулио доходит до таких безумных мыслей, что задумывает убить молодого писателя, чтобы присвоить авторство себе. Даже помешав триумфу Орландо Аскарете, он продолжает искать модель для подражания, придумывая сюжет для своего романа.

В результате анализа, проведенного в данной статье, можно сделать следующие выводы: в данном произведении автор использует мотив двойничества для более полного раскрытия психологического портрета действующих лиц; структура романа представляет собой метароман – роман в романе; поднимается проблема зависимости, все персонажи постоянно прибегают к эскапизму с помощью химических веществ или же своей фантазии, что делает основным движением сюжета – нарушения в человеческом сознании. Герои не случайно страдают психическими расстройствами, это способ не решать возникающие проблемы в жизни; домашняя обстановка квартир тоже является действующим лицом, помогающим полнее раскрыть характеры геров. Роман построен на двусмысленности, неопределенности, множественном взгляде на реальность, на чувстве отдаленности от социума.

Библиография

1. Valdés M.J. The Invention of Reality: Hispanic Postmodernism // Valdés M.J. // Revista Canadiense de Estudios Hispánicos. 1994. No. 18. Pp. 455-468.
2. Villar R. Patricia M. El posmodernismo en España // Departamento de Literatura Española y Teoría de la Literatura. 2014. Pp. 140-152.
3. Подольская Е.Е., Попова Е.А., Гибридизация жанров и стилей в творчестве

Х.Х.Мильяса: от экспериментального жанра к «расстатье» // Вестник Московского Государственного Лингвистического Университета. 2020. № 840. С. 271-284.

4. Хорева Л.Г. Авторский жанр «расстатья» в творчестве Х.Х.Мильяса: отличительные признаки // Автор – Текст – Читатель: теория и практика анализа. Материалы Седьмых Международных научных чтений «Калуга на литературной карте России». 2020. С. 574-579.

5. Agawu-Kakraba Y., Desire, Psychoanalysis, and Violence: Juan José Millas' «El desorden de tu nombre» // Anales de la literatura española contemporánea. 1999. Vol. 24, No. 1/2. Pp. 17-34.

6. Alberca M. ¿Este (no) soy yo? Identidad y autoficción // Revista de pensamiento contemporáneo. 2008. No. 25(08). Pp. 88-101.

7. Andrés-Suarez I. Los microrrelatos de Juan José Millás: bienvenidos a Cifralandia // Escritos disconformes: nuevosmodelos de lectura. 2004. Pp. 179-190.

8. Franz Thomas R. Envidia y existencia en Millás y Unamuno // Revista Canadiense de Estudios Hispanicos. 1996. No. 1. Pp. 131-142.

9. Morales-Rivera S. La imaginación desmadrada de Juan José Millas: humor y melancolía en «La soledad era esto» // Revista Hispanica Moderna. 2011. No. 2. Pp. 129-148.

10. Ruben Rojas Yedra Nuevos modos de comportamiento en Juan José Millas: Tecnologías audiovisuales // Literatura y cultura españolas. 2023. No. 21. Pp. 273-305.

11. Хорева Л.Г. Влияние медиатизации личности на нарративные стратегии новейшей литературы // «MEDIAОбразование: медиа как тотальная повседневность» / Под общ. Ред. А.А. Морозовой. Челяб.: Челябинский государственный университет; Издательство Челябинского государственного университета, 2020.

12. Борисова Е.А. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35(173). С. 20-26.

13. Новикова Е.В. Типология героев-двойников и структурные особенности представления двойничества в произведениях Э.Т.А. Гофмана // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 1. С. 15-20.

14. Кржижановский С.Д. Философема о театре; Комедиография Шекспира / С.Д. Кржижановский Собрание сочинений: в 5 т.; СПб.: Симпозиум, 2006.

15. Комова Т.Д. Двойники в системе персонажей художественного произведения (на материале западноевропейской и русской литературы XIX в.) / Автореф. дис. кан. фил. наук. – М.: 2013. – 24 с.

16. Мильяс Х.Х. У тебя иное имя / пер. с испанского Н.Мечтаева. М.: Иностранка, 2014.

17. Динерштейн П. Мотив двойничества в романе Дафны Дюморье «Козел отпущения» // Филология и культура. 2017. № 3(49). С. 133-138.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает система образов в романе Хуана Хосе Мильяса «У тебя иное имя», актуальность которого обусловлена прежде всего преимущественным вниманием исследователей к творчеству одного из самых читаемых испанских авторов нашего времени (Х. Х. Мильяса), который «строит свои работы на жанрово-стилевой гибридизации, что позволяет ему подвести читателя к критическому осмыслиению реальности», который «сочетает принципы постмодернизма, черты французского экзистенциализма, элементы триллеров Э. По. Как отмечает

автор(ы), «испанский писатель с первого произведения делает центральной тему одиночества человека в мире и поиск идентичности, используя постмодернистские установки и открытия в мнимости реальности, стирая границы между миром реальным и миром иллюзорным, демонстрируя пустоту реальности и мнимость существующих ценностей. Для более полного раскрытия этих тем в своих романах Хуан Хосе Мильяс вводит характерные образы, а также трансформирует сам способ подачи материала».

Теоретической основой исследования явились работы таких российских и зарубежных ученых, как С. Д. Кржижановский, Т. Д. Комова, Е. В. Новикова, Е. А. Борисова, Л. Г. Хорева, Е.Е. Подольская, Е. А. Попова, M. J. Valdés, Y. Agawu-Kakraba, I. Andrés-Suarez, S. Morales-Rivera и др. Методология проведенного исследования в работе не раскрывается, но очевиден ее традиционный характер. Методы используются с учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы: общенаучные методы анализа и синтеза описательный метод, контент-анализ материала, метод системного анализа, социокультурный и художественный анализ. Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) сделать ряд выводов о том, что в произведении используется мотив «двойничества для более полного раскрытия психологического портрета действующих лиц; структура романа представляет собой метароман – роман в романе; поднимается проблема зависимости, все персонажи постоянно прибегают к эскапизму с помощью химических веществ или же своей фантазии, что делает основным движением сюжета – нарушения в человеческом сознании». Отмечается, что «герои не случайно страдают психическими расстройствами, это способ не решать возникающие проблемы в жизни; домашняя обстановка квартир тоже является действующим лицом, помогающим полнее раскрыть характеры героев. Роман построен на двусмысленности, неопределенности, множественном взгляде на реальность, на чувстве отдаленности от социума».

Библиография статьи включает 17 источников, в том числе 8 на испанском языке. В библиографическом списке присутствуют как фундаментальные труды, так и актуальные работы, посвященные изучению латиноамериканского постмодернизма, художественного образа и образности, героев-двойников в системе персонажей художественного произведения, а также творчеству Х. Х. Мильяса, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением системы образов, которые использует Хуан Хосе Мильяс в своих романах, что «помогают ему преобразовывать действительность и показывать ирреальные миры именно такими, какими он их себе представляет».

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи традиционен – это система образов. В качестве литературной базы работы автор избирает роман Хуана Хосе Мильяса «У тебя

иное имя». Считаю, что вектор изучения достаточно конструктивен, позиция исследователя объективирована, взгляд имеет выверенный характер. Органика теоретического и практического уровней оправдана, синтезирующий предел реализован удачно. Например: «специфика изобразительного начала в литературе во многом предопределена тем, что образность в данном случае оформлена в слове. Посредством слова можно обозначить всё, что находится в кругозоре человека» [12, с. 23]. Так и Хуан Хосе Мильяс использует художественные образы в своих романах, которые помогают ему преобразовывать действительность и показывать ирреальные миры именно такими, какими он их себе представляет» и т.д. Автор верно вводит ссылки, цитации, серьезная правка излишня. Стиль работы соотносится с научным типом: «Хуан Хосе Мильяс (1946) - один из самых читаемых испанских авторов нашего времени, который строит свои работы на жанрово-стилевой гибридизации, что позволяет ему подвести читателя к критическому осмыслению реальности. Он сочетает принципы постмодернизма, черты французского экзистенциализма, элементы триллеров Э. По, его творчество становится предметом довольно большого количества исследователей...», или «С самого начала романа герои Мильяса находятся в ограниченном пространстве: все действия происходят в определенном городе, названия которого мы не знаем. Автор, описывая жизни главных персонажей в одних и тех же местах (квартира Хулио Оргаса, кабинет психоаналитика, квартира Карлоса Родо и его жены Лауры), подчеркивает замкнутость городского пространства. Главные герои не случайно оказываются «заперты». Они закрыты не только в каменных стенах, но и в своих чувствах» и т.д. Основная тема работы раскрывается планомерно, точечно. При этом автор не исключает анализ и других уровней – сюжет, композиция, язык. Считаю, что даже при тематической (название) частности в сочинении дана полновесная оценка романа Хуана Хосе Мильяса «У тебя иное имя». Например, показателен фрагмент роли пейзажа в тексте: «Хуан Хосе Мильяс уделяет большое внимание созданию определенной атмосферы, делает акцент на пейзаже, изображении изменений в природе, которые всегда соответствуют изменениям настроения Хулио Оргаса. Когда герой находит книгу, оставленную бывшей возлюбленной, автор акцентирует внимание на погоде: «На улице было тепло и пасмурно. Темные тучи, все плотнее затягивавшие небо, предвещали скорый дождь. Не хотелось даже смотреть в окно» [16, с.16] Поведение природы напрямую связано с эмоциями главного героя во время романтических отношений с Тересой Сарго». Или анализ приема «двойничества»: «двойником же главного героя выступает муж Лауры психоаналитик Карлоса Родо. Автор составляет неприятный портрет персонажа: «Ночью ей всегда было жарко, она винила в этом своего начинающего полнеть мужа» [16, с.30], он также подчеркивает, что Карлос Родо является лишним в создавшемся «любовном треугольнике». Для демонстрации внутренней отреченности его от Лауры в сюжет включено употребление психоаналитиком наркотических веществ. Амфетамины, в свою очередь, также создают для героя ирреальный мир, куда он может сбежать, ведь брак с Лаурой не приносит ему того счастья, которое испытывают семейные люди». Отмечу, что цитаций собственно художественного текста могло быть больше, это придало бы работе явную «эстетическую» весомость. В целом же тема раскрыта, цель достигнута; методы анализа не противоречат современным тенденциям. Выводы по тексту ориентированы на то, что «в данном произведении автор использует мотив двойничества для более полного раскрытия психологического портрета действующих лиц; структура романа представляет собой метароман – роман в романе; поднимается проблема зависимости, все персонажи постоянно прибегают к эскапизму с помощью химических веществ или же своей фантазии, что делает основным движением сюжета – нарушения в человеческом сознании» и т.д. Формальные требования издания учтены, список источников

достаточен. Материал может быть использован в русле изучения курсов по истории зарубежной литературы. Рекомендую статью «Система образов в романе Хуана Хосе Мильяса «У тебя иное имя» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дейкун И.Д. "Рукописность" и "черновиковость". Критический анализ розановедческих понятий // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75564 EDN: TVXNIR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75564

"Рукописность" и "черновиковость". Критический анализ розановедческих понятий

Дейкун Илья Дмитриевич

ORCID: 0009-0002-9809-1010

преподаватель; кафедра гуманитарных и естественно-научных дисциплин; Московский институт психоанализа
соискатель; кафедра "Теоретическая и историческая поэтика"; Российский Государственный
Гуманитарный Университет

125047, Россия, г. Москва, Миусская пл., 6, каб. 405

✉ iliariy@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.75564

EDN:

TVXNIR

Дата направления статьи в редакцию:

18-08-2025

Аннотация: Предметом статьи являются два смежных розановедческих понятия: "рукописность" и "черновиковость", которые применяются для обозначения специфики наиболее своеобразных в стилистическом плане текстов В.В. Розанова, "Уединенного", "Опавших листьев", "Сахарны", "Мимолетного", "Последних листьев", "Апокалипсиса нашего времени", но в большей степени первых двух. "Рукописность", заявленная самим В.В. Розановым, и развитая А.Д. Синявским, была призвана обозначить не прямой факт "написания от руки", но установку на медиальную непосредственность отображения авторского творческого акта, имитирующего незавершенность черновой рукописи. Отсюда С.Р. Федякиным в 90-е годы была выведена "черновиковость" как спецификация "рукописности", разработана целая теория черновика как среды, в которой овнешняется внутренняя речь. Черновиковость генетически следует из рукописности, но вне розановедения практически не используется. Таким образом через эти понятия изучается специфика этого литературоведческого направления. В статье используются

методологический анализ, с помощью которого возможен анализ литературоведческого подхода, включая конструируемый в его рамках теоретический объект. Анализируются ключевые посылки подхода, тестируется непротиворечивость теоретических положений. Используются также элементы методологии истории понятий для концептуализации генетического следования черновиковости из рукописности. Новизна данного исследования состоит в исчерпывающем описании функционирования понятий рукописности и черновиковости в отечественном литературоведении, включающем также определение их значения, их эвристической, теоретической ценности. Эксплицированы теоретические предпосылки, которые обеспечивают нужду в этих понятиях. Проведено последовательное сравнение теоретического смысла этих понятий в розановедении, с одной стороны, и дневникоживописи, стиховедении и смежных направлений, с другой. Проанализированы практически все тексты, в которых эти понятия используются. Выяснено, что рукописность вне розановедения склонна буквализироваться, обозначать написанное от руки, но не являющееся рукописью, а в розановедении – становиться метафорой и включаться в новые метаязыки, постструктураллистский и рецептивной эстетики. Черновиковость же используется в розановедении для обозначения авторского присутствия, парадоксальной непосредственности авторского "я" в тексте, но предполагает обязательную аксиому художественно-эстетической природы упомянутых произведений. Вне розановедения, например в дневникоживописи, черновиковость становится метафорой.

Ключевые слова:

В.В. Розанов, черновиковость, черновик, рукописность, жанр, розановедение, методологический анализ, методология литературоведения, история понятий, художественность

Введение

В русскоязычном розановедении наблюдается сложная ситуация в области определения специфики таких произведений В.В. Розанова, как "Уединенное", "Опавшие листья", "Сахарна", "Последние листья". В них идентифицируются противоположные по критерию эстетически-художественной ценности жанры, их стиль характеризуется как художественный и как религиозный, авторское "я", по мнению одних исследователей, непосредственно референтно к реальной исторической личности, по мнению других – как бы раздваивается в себе, становится автореферентным, что свойственно фикциональному и автофикациональному текстам, господствующий дискурс определяется то как лирический, то как медитативный. До сих пор нет исследовательского консенсуса, с помощью какой методологии и что должно брать объектом розановедческое исследование, например, поэтики произведения, если оно художественно, возможно ли такое исследование вообще.

Одним из основных направлений розановедения, в рамках которого проводится аргументация в пользу художественно-эстетического статуса "Уединенного" и "Опавших листьев", является их рассмотрение через призму их "рукописности", "черновиковости", которая обеспечивает как раз двойное, автореферентное и референтное выражение авторской субъектности, то есть сохраняет и эстетическую дистанцию, без которой в классической эстетике невозможен эстетический объект, и обозначает, как В.В. Розанов преодолевает ее. Это является ключевым аргументом данного направления. Понятие "черновиковости" логически следует из "рукописности", является наиболее полной

аналитической разработкой последнего.

Если “рукописность” обозначена в самохарактеризации автора “Уединенного” и “Опавших листьев”, так сам В.В. Розанов говорит, что “мое “Я” только в рукописях, да “я” и всякого писателя” [\[1, с. 9\]](#) или “таким образом, “рукописность” души, врожденная и неодолимая, отнюдь не своевольная и не приобретенная, и дала мне тон “У.” [\[1, с. 133\]](#), то “черновиковость” берет свое начало с первых научных рецепций творчества Розанова в постсоветской науке, с 90-х годов. Само хронологическое качество делает это направление исследований достаточно авторитетным. Однако, на наш взгляд, несмотря на ряд работ прямо или косвенно, развивающих это понятие в 00-х, 10-х годах XXI века, оно остается весьма туманным, если не вовсе избыточным, а ключевой аргумент, валидный только, если мы признаем “черновиковость”, не работает.

В данном исследовании мы воспользуемся рядом методологических инструментов. Во-первых, прибегнем к гуманитарному методологическому анализу, про который О. Ханзен-Лёве пишет, что “его предмет сам является теорией и методом, которые в свою очередь, располагают собственным “научным объектом” (объектом второго порядка)” [\[2, с. 5\]](#). Наше исследование также вписывается в инициированный В.В. Куриловым проект дисциплины “литературоведческого терминоведения” [\[3, 2016\]](#). Во-вторых, за стандарт мы берем трехступенчатую модель научной теории, разработанную в отечественной философии науки, которая выделяет уровень научной картины мира, теоретический уровень и эмпирический уровень знаний [\[4, с.12-13\]](#). Наконец, мы, рассматривая проблему в исторической перспективе, пользуемся инструментарием истории понятий как дисциплины “предполагающей изменения значений слов”, по которым прослеживается “трансформация культурных парадигм, дискурсов и эпистем” [\[5, с. 27\]](#), ценность которого на столь короткой временной дистанции обусловлена информационной перенасыщенностью и тем, что мы бы назвали “культурой поворотов”, а также, если можно так сказать, кризисом “метанаучной” экспертизы в рамках междисциплинарной коммуникации. Результатом подобного положения вещей становится то, что даже “в проброс” введенные или вовсе ошибочные понятия, входя в область внимания исследователей из пограничных данной дисциплине областей науки, за счет цитирования набирают авторитет и формируют традиции, зачастую уводящие в тупик. Поэтому необходимо упорядочивание дисциплинарного ландшафта, скрупулезная научная критика.

Обсуждение вопроса

Во введении мы указали на две самохарактеризации “рукописности” своего творчества, осуществленные В.В. Розановым в “Уединенном”. Этот ряд можно было бы продолжить, но для нас важнее то, какой научный объект конструируют из ряда розановских самохарактеристик литературоведы. На рукописность в одном из первых серьезных исследований, посвященных конкретно “Опавшим листьям”, обратил внимание А.Д. Синявский. Однако, говоря о “рукописности” А.Д. Синявский, переходит в литературно-критический, риторический регистр письма, передает пафос “интимности”, “мимолетности, мгновенности” [\[6, с. 115\]](#). Это не анализ, а попытка вербализовать интуицию особой значимости “рукописности” с помощью ряда синонимичных ему субстантивированных прилагательных. Синявский не предлагает ни методологии, ни метаязыка. В его работе “рукописность” не является предметом, а служит дополнительным качеством розановского письма, указывающим на его лиричность при его документальности. Синявский исходит из аксиомы нехудожественности

“Уединенного”, для него “документальность книги не вызывает ни малейших сомнений” [\[6, с. 137\]](#), но этот документ, по Синявскому, через авторское отношение к факту, индикатором которого служит как раз “интимность”, приобретает некоторое эстетическое качество: читатель улавливает восхищение автора красотой документа.

В современном литературоведении Н.К. Кашина первая усмотрела родство “рукописности” В.В. Розанова с постструктураллистской попыткой развенчать миф литературного языка [\[7, с. 207\]](#). В попытке найти методологическую рамку заключается ценность и продуктивность данного исследования. Но она ей не ограничивается. Кашина выделяет дополнительные аспекты “рукописности”. Она обращает внимание на то, что “рукописность” как понятие может “снабжать метафоричностью”, но Розанов “настаивает на буквальном прочтении” [\[7, с. 207\]](#). Далее через ссылку на Бонди, раскрывает связь “рукописности” и “черновика” как текста, являющего динамику собственного развития. Для понимания последнего сразу находится метаязык: черновик — это постструктураллистский “текст-письмо” [\[7, с. 210\]](#). В дальнейших исследованиях, например в статье “О границах и горизонтах формализма” 2010 года, Н.К. Кашина, контекстуализирует розановское творчество более точно и, исходя из его же философской работы “О понимании”, говорит о религиозном истоке розановского “отказа от художественности” [\[8, с. 81\]](#), присоединяется к ряду исследователей, говорящих не о художественной форме, а о религиозном стиле (отчасти Орлицкий, 2002, особенно В.Я. Сарычев 2017). Очевидно, что приведя розановскую рукописность в русло, образуемое постструктураллистской парадигмой, Кашина для себя и для других исследователей закрывает данную научную проблему: последующая разработка “рукописности” должна расследовать “ризоматичность”, “открытый текст”, “телесность” и другие еще фронтирные для розановедения темы. В этом ощутимый научный вклад ее исследований. Но вместе с этим “рукописность” превращается при таком подходе в метафору, а исследователям требуется для продуктивной работы с ней принять ряд предпосылок: во-первых, структураллистский тезис о функциональной природе всех элементов текста как структуры, во-вторых, постструктураллистский антитезис о подвижности и постоянной игре взаимоотношений, образующих значения и смысл этой структуры, которая объявлена “децентрированной” [\[9, с. 206\]](#), об “открытости структуры”, и тогда выйти к игре соозначений текста и контекста. Что вступает в противоречие с последующей программой исследовательницы по изучению религиозного стиля, требующей определенности и абсолютности смысла и прямого отношения текста к субъекту и реальности. А последнее отменяет постструктураллистскую идентификацию в ранней ее статье. В итоге ее розановедческая траектория разделяется на две противоречивые стадии, отменяющие одна другую. В следствие чего возникает вопрос, так ли эвристически полезна операция идентификации “рукописности” в постструктураллистском ключе. Практически все прочие исследования рукописности В.В. Розанова ограничиваются либо простым нерефлексивным упоминанием этого понятия, сводящего его до метафоры, как, например, работа Н.Л. Блища, где анализируются ориентированные на розановскую “рукописность”, “интимность мысли” произведения А. Терца [\[10, с. 10\]](#), либо рассматривают его как, опять же смутно вербализуемое, качество иных жанров, например дневника, или точнее, “дневниковой” [\[11, с. 56\]](#). Маслин прямо устанавливает тождество между рукописностью и “эпистолярностью”, которые также не подводятся ни под какую научно-аналитическую категорию (12, с. 105). В нерозановедческих исследованиях рукописность перестает быть метафорой. Так, А.А. Житенев говорит о рукописности поэтических зинов [\[13, с. 195\]](#), которые, в самом деле, написаны материальной, находящейся в действительности, рукой поэта, конкретной

исторической личности. В своей последней розановедческой статье, Е.М. Криволапова возвращается к написанию рукописности в кавычках (Криволапова, 2021), что говорит о том, что прогресса в спецификации понятия в этой словоформе не наблюдается. Вместе с этим следует обратить внимание на свежую статью И.А. Едошиной, которая напоминает розановедам, что одна из самых цитируемых ими автохарактеристик Розанова, а именно его подзаголовок к "Уединенному" "почти на правах рукописи" является, на самом деле, пометкой, которой в чиновном мире обозначивались "документы для внутреннего пользования" [14, с. 170], и что Розанову это было известно. С другой стороны, в последних исследованиях намечается поворот к интерпретации рукописности как "телесности" (Дефье, 2021, Смирнова 2024), что может быть искомым постструктуральным и, в целом, фронтальным развитием этой проблемы. Так, Н.Н. Смирнова помещает Розанова в контекст эстетических поисков философами и писателями подлинного выражения, через "персонификацию сотворенного" посредством "зримого и телесного" [15, с. 37]. Здесь можно было бы обратиться к концепту "производства присутствия" Х.У. Гумбрехта, и определить рукописность как комплекс средств, усиливающих "воздействие "присутствующих" объектов на человеческие тела" [16, с. 10] по принципу, который может быть раскрыт через внимание к однородности индексов телесности, оставляемых В.В. Розановым, например, в "Уединенном", и реальной телесности читателя. Но это лишь перспектива отдельного исследования. Рукописность же как таковая ни Смирновой, ни Дефье, ни кем бы то ни было, кроме А.Д. Синявского, Н.К. Кашиной, отчасти Е.М. Криволаповой, не становится центральной темой. В этом сказывается непродуктивность этого понятия, которое слишком быстро становится трюизмом, а в розановедении вливается в более общие темы, и не улавливает специфики розановского стиля и жанра.

Наиболее полной попыткой создать из "рукописности" В.В. Розанова интерпретативную теорию стал проект исследования "черновиковости", исходя из которой объяснялся бы художественный статус, жанр, стиль и субъектная структура "Уединенного" и других подобных произведений В.В. Розанова. Создателем этой теории и практически единственным ее активным сторонником является С.Р. Федякин. Он разрабатывал понятие "черновиковости" сперва в нерецензируемых изданиях "Независимой газеты" (1993), "Лепты" (1994) и др. Первой научной публикацией, где отчетливо развито это понятие, стала диссертация исследователя "Жанр "Уединенного" в русской литературе XX века" (1995). В ней, также отталкиваясь от интуиций А.Д. Синявского, Федякин формулирует основные теоретические принципы изучения черновиковости. Во-первых, исследователь требует принять черновик в более широком смысле как литературное явление [17, с. 53]. Этот шаг, на наш взгляд обладает эвристической ценностью, особенно проявившейся в статье того же автора 2008 года, где "черновик" и "черновиковость" призвана ухватить множество пограничных художественной литературе жанров, причем эта категория помогает выстроить определенную градацию по степени "черновиковости" как, уточнили бы мы, референции к виртуальным объектам замысла от дневника "еще не вполне черновика", до записной книжки и наброска [18, с. 60]. Отсюда и, на наш взгляд вполне продуктивная идентификация "уединенной" розановской литературы как "фрагментов", которые по критерию черновиковости являются "набросками" [19, с. 61]. О "Уединенном" и "Опавших листьях" как о фрагментах, миниатюрах до С.Р. Федякина и после него говорили очень многие исследователи, он же уточняет, что это именно наброски. Для закрытия теоретического вопроса исследователю требовалось уточнить "черновиковость" наброска и переформулировать проблему в рамках инодисциплинарного метаязыка, как это сделала Н.К. Кашина, что С.Р. Федякин и

осуществляет, предлагая второе допущение. Речь идет о усмотрении черновика как среды, в которой “внутренняя речь” может быть выражена письменно [\[17, с. 58\]](#).

Внутренняя речь — это термин Л.С. Выготского, в диссертации С.Р. Федякина дается следующий перифраз его определения: “внутренняя речь — это речь, обращенная к себе, через внутреннюю речь рождается наша мысль”, и далее: “главнейшей характеристикой этой речи будет ее краткость и сжатость” [\[17, с. 56\]](#). Здесь видно по какому критерию литературовед готовится уравнять черновик и внутреннюю речь: этот критерий синтаксической и лексической эллиптичности. Отсюда вывод, что раз в “Уединенном” мы видим обилие недоговоренностей, скобок и сокращений, это черновиковое произведение, и в нем черновиковость является “внутреннюю речь, выраженню письменно” [\[17, с. 58\]](#), то есть в типологию Выготского добавляется еще один тип. Но именно здесь становится неизвестно, каков критерий вычленения этого типа. Ведь у Выготского им был как раз способ медиации и контекста речи: мысль, знаковая система письма, звук голоса. Принцип посредования диктует принцип экономии сил. Более того, психолог уже предусмотрел вариант “внешней внутренней речи”, сказав, что “если бы она даже сделалась слышимой для постороннего человека, осталась не понятной никому, кроме самого говорящего, так как никто не знает психического поля, в котором она протекает” [\[20, с. 233\]](#). Сам С.Р. Федякин в диссертации оговаривается: “разумеется, ни одно художественное произведение, ни произведение вообще не может быть написано одними такими “загадочными формулами”. Особенности внутренней речи каждого человека, надо полагать, также неповторимы, также уникальны, как отпечатки пальцев” [\[17, с. 58\]](#). И, кажется, на этом данное допущение о выраженной “внутренней речи” должно быть отброшено как невозможное. Но исследователю оно необходимо, чтобы концептуально решить одну из ключевых проблем розановских “Уединенного”, “Опавших листьев” и других подобных произведений: проблему “образа автора”. Так как ключевой аксиомой всего федякинского проекта является художественно-эстетический статус “Уединенного” в классическом смысле эстетического объекта, то автор должен быть вненаходим, по крайней мере по М.М. Бахтину, которого исследователь цитирует: “Мы чувствуем его (автора — С.Ф.) во всем как чистое изображающее начало (изображающий субъект), а не как изображаемый (видимый) образ” (17, с. 71). В то же время это полностью противоречит проговоренной В.В. Розановым интенции выразить себя всего. Это противоречие исследователи направления, которое мы окрестили выше “теорией религиозного стиля”, решают, попросту отказываясь от аксиомы художественности “Уединенного”, относя его к религиозно-философской прозе. С.Р. Федякин же пытается сделать невозможное, вместить интенциально являющегося авторского субъекта в категорию авторской вненаходимости. Отсюда появляются интуитивные парадоксы удвоения: “сдвоенная речь” “одновременно “для себя” и “для других” [\[19, с. 61\]](#), где в референции к актам собственного сознания это сознание явлено непосредственно, как в нехудожественной прозе, но при этом коммуникативно обращено к читателю и поэтому художественно, хотя это вовсе не критерий художественности. В монографии 2014 года, основанной на диссертации, появляется упрямый оксюморон “письменная внутренняя речь” [\[19, с. 51\]](#). Здесь видится, что С.Р. Федякин в своей интуиции осуществил ценную ошибку: в категории классической эстетики, если теоретик желает видеть в “Уединенном” художественно-эстетический объект, розановская фигура автора не укладывается. К.В. Першина в статье 2016 года обратилась именно к этой проблеме, но пришла к выводу, что даже при неклассическом допущении автора и героя не как готовых и постоянных ролей в структуре произведения, а как перемежающихся нестационарных состояний, все равно “жанры, находящиеся на периферии

художественного как такового — документальные жанры дневника, воспоминаний, мемуаров, только приобретающий свой художественный статус жанр эссе проявляют способность восстановить не искусственно-игровую, а онтологическую сущность эстетического”^[21, с. 30], то есть “элемент эстетического” даже “в документальной прозе также соотносим только с возможностью и полноценностью вненаходимой позиции автора по отношению к бытию в данный конкретный момент...”^[21, с. 31]. Но, по всей видимости, требуется провести более подробную ревизию концептов неклассической эстетики, чтобы найти то, что подсказывает нам ценная интуиция С.Р. Федякина, реализованная в его теоретических построениях.

В смежных розановедению исследованиях понятие “черновиковости” используется редко и без четкого определения. В стиховедческих работах она побочная метафора, риторический прием научной прозы, в большинстве своем встречается в рецензиях или в ссылках на рецензии (Матвеева, 2018, Ямпольская, 2021, Гадзонио 2022, Павловец, 2025). Более существенную роль оно играет в исследованиях дневника, но в основном благодаря статье К.А. Зацепина, который ввел его для характеристизации “качества внутренней незавершенности, неструктурированности и “черновиковости”^[22, с. 208], причем единожды и в кавычках. Все последующие употребления этого понятия в русскоязычном дневниковедении даны с ссылкой на этого исследователя. Из очерченной картины можно сделать вывод, что “черновиковость” вне розановедения вообще непродуктивное понятие, теряющее теоретический статус и превращающееся в метафору.

Заключение

“Рукописность” и “черновиковость” являются ценными понятиями только в литературоведческом розановедении и только в рамках определенных дискурсов. Если “рукописность” смогла получить тематизацию благодаря исследовательской ситуации, в которой имело место нерефлексивное доверие к авторской самохарактеризации, и во многом опиралось на специфическую традицию эмигрантского литературоведения, то “черновиковость” явилась отечественной разработкой, правда, экспериментального типа. Судьба этих двух понятий разная. Рукописность прозы Розанова после монографии А.Д. Синявского и более поздней попытки Н.К. Кашиной описать ее в терминах постструктурализма так и осталась метафорой, а вне розановедения — метафорой или констатацией факта написанности от руки. Черновиковость же является прежде всего проектом одного конкретного исследователя С.Р. Федякина, выражает продуктивную интуицию, которую следует проверить в рамках неклассической эстетики. В теории же самого Федякина содержится фундаментальное противоречие: она является письменной внутренней речью, что в теории Л.С. Выготского, на метаязык которой Федякин опирается, оксюморон, а вне ее туманная, ничего не объясняющая метафора. Вне розановедения “черновиковость” также используется как метафора и также единственным исследователем жанра дневника К.А. Зацепиным, но полноценной теории черновиковости в дневниковедении не существует. В целом, данные два понятия ценные как след определенного гуманитарного дискурса, и как указатель на возможные ходы постструктуралистского, рецептивно-теоретического исследования жанра и стиля прозы В.В. Розанова в рамках неклассической эстетики.

Библиография

1. Розанов В.В. Собрание сочинений. Листва / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, СПб.: Росток, 2010. – 591 с.
2. Ханцен-Лёве О.А. Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на

основе принципа остранения / Пер. с нем. С.А. Ромашко. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 672 с.

3. Курилов В.В. Литературоведческое терминоведение. Stephanos. М.: МГУ, 2016. № 1 (15). С. 74-79. EDN: VMMZEP

4. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

5. Кагарлицкий Ю.В., Маслов Б.П. Между Фреге и Фуко: методологические ориентиры исторической семантики // Понятия, идеи, конструкции: очерки сравнительной исторической семантики. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 9-39.

6. Синявский А.Д. "Опавшие листья" В.В. Розанова. Париж: "Синтаксис", 1982. 340 с.

7. Кашина Н.К. "Рукописность" В. Розанова и "Воплощенная множественность" Р. Барта (диалог совпадений) // Культура и текст. 2001. № 6. С. 206-212. EDN: PJZEBZ

8. Кашина Н.К. О границах и горизонтах формализма (к проблеме восприятия розановских текстов) // Вестник КГУ. 2010. № 4. С. 79-84.

9. Ильин И.И. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. Москва: Интрада – ИНИОН, 1999. С. 204-210.

10. Блищ Н.Л. Авторская маска как проводник стилевых стратегий: от А. Ремизова к А. Синявскому (А. Терцу) / Н.Л. Блищ // Веснік БДУ. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2012. – № 1. – С. 6-11.

11. Криволапова Е.М. "Бытовой" и "литературный факт" в эстетическом сознании В.В. Розанова / Е.М. Криволапова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1(28). – С. 51-57. EDN: YPOBPA

12. Маслин М.А. Первый русский блоггер до эпохи Интернета. Еще раз о рукописности философии Василия Розанова / М.А. Маслин // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2017. – Т. 18, № 2. – С. 104-112. EDN: YTVOJR

13. Житенев А.А. "Книга поэта" как "Книга художника": "Imago" Д. Дмитриева / А.А. Житенев // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 192-203. DOI: 10.26170/FK20-02-17 EDN: HDBSNI

14. Едошина И.А. "Уединенное" Василия Розанова, или Жизнь НЕ как она есть / И.А. Едошина // Ярославский педагогический вестник. – 2022. – № 6(129). – С. 167-175. DOI: 10.20323/1813-145X-2022-6-129-167-175 EDN: AHTCZW

15. Смирнова Н.Н. Зримое и телесное как невыразимое (Федоров-Толстой-Шестов-Розанов-Шкловский) / Н.Н. Смирнова // Соловьевские исследования. – 2024. – № 2(82). – С. 35-44. DOI: 10.17588/2076-9210.2024.2.035-044 EDN: HMJJYK

16. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / Пер. с англ. С. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.

17. Федякин С.Р. Жанр "Уединенного" в русской литературе XX века: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Москва, 1995, 177 с.

18. Федякин С.Р. "Розановское наследие" и явление "парижской ноты" / С.Р. Федякин // Литературоведческий журнал. – 2008. – № 22. – С. 51-111. EDN: JJPMMH

19. Федякин С.Р. Художественная проза Василия Розанова. Жанровые особенности. Москва: Литературный институт им. А.М. Горького, 2014. 106 с.

20. Выготский Л.С. Мысление и речь. Изд. 5, испр. М.: Издательство "Лабиринт", 1999. 352 с.

21. Першина К.В. Проблема эстетической дистанции в произведении неклассического типа // Литературоведческий сборник. Вып. 55-56 : Актуальные проблемы филологии : материалы международной научной конференции, г. Донецк, 24 мая 2016 / Донецкий национальный университет. – Донецк : ДонНУ, 2016. С. 28-36. EDN: YNYOWF

22. Зацепин К.А. "Мыслить литературой" или эссе как художественный феномен / К.А. Зацепин // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. –

2007. – № 2. – С. 195-209.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена анализу розановедческих понятий «рукописность» и «черновиковость». Актуальность работы обусловлена интересом научного сообщества как к наследию Василия Васильевича Розанова, литературного критика и публициста, одного из самых противоречивых русских философов XX века («до сих пор нет исследовательского консенсуса, с помощью какой методологии и что должно брать объектом розановедческое исследование, например, поэтики произведения, если оно художественно, возможно ли такое исследование вообще»), так и к одному из основных направлений розановедения, а именно: к рассмотрению его творчества «через призму «рукописности», «черновиковости», которая обеспечивает как раз двойное, автореферентное и референтное выражение авторской субъектности, то есть сохраняет и эстетическую дистанцию, без которой в классической эстетике невозможен эстетический объект».

Теоретическую основу исследования составили труды по русскому формализму; вопросам интертекстуальности; изучению наследия Василия Розанова и др. Библиография насчитывает 22 источника, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям. Автор(ы) проводят критический анализ существующих научных трудов, сопровождая свою позицию убедительной аргументацией («На рукописность в одном из первых серьезных исследований, посвященных конкретно «Опавшим листьям», обратил внимание А.Д. Синявский. Однако, говоря о «рукописности» А.Д. Синявский, переходит в литературно-критический, риторический регистр письма, передает пафос «интимности», «мимолетности, мгновенности» [6, с. 115]. Это не анализ, а попытка вербализовать интуицию особой значимости «рукописности» с помощью ряда синонимичных ему субстантивированных прилагательных. Синявский не предлагает ни методологии, ни метаязыка»).

С учётом специфики предмета, объекта и поставленной цели применяются общенаучные методы анализа и синтеза; литературоведческий и художественный анализы, сравнительно-исторический метод, интерпретативный и текстуально-герменевтический анализы, методы дискурсивного, когнитивного, жанрового анализа и др.

В рамках исследования проведен серьезный критический анализ изучаемой проблемы, позволивший сформулировать ряд обоснованных выводов относительно изучаемых понятий, которые, по мнению автора(ов) «являются цennыми понятиями только в литературоведческом розановедении и только в рамках определенных дискурсов». Отмечено, что «рукописность» прозы Розанова после монографии А. Д. Синявского и более поздней попытки Н. К. Кашиной описать ее в терминах постструктурализма так и осталась метафорой. Черновиковость же является прежде всего проектом одного конкретного исследователя С. Р. Федякина, выражает продуктивную интуицию, которую следует проверить в рамках неклассической эстетики».

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования неоспоримы и обусловлены его вкладом в розановедение в целом и в изучение понятий «рукописность» и «черновиковость» в частности; полученные результаты могут применяться в последующих научных изысканиях и в вузовских курсах по теории

литературы; теории интертекстуальности; стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных наследию Василия Васильевича Розанова и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию.

Статья «“Рукописность” и “черновиковость”». Критический анализ розановедческих понятий» является высококачественным научным исследованием; оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Платонов Ф.Е. Скрытая антиутопия в романе Вс. Иванова "У": фоносемантика аффектированной индивидуальности vs. тотальное и радикальное "перерождение" // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75763 EDN: TTYRUY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75763

Скрытая антиутопия в романе Вс. Иванова "У": фоносемантика аффектированной индивидуальности vs. тотальное и радикальное "перерождение"

Платонов Федор Евгеньевич

ORCID: 0009-0005-5904-343X

аспирант, факультет Медиакоммуникации и журналистика; образовательное частное учреждение высшего образования "Московский университет имени А.С. Грибоедова"

109559, Россия, г. Москва, р-н Люблино, ул. Краснодарская, д. 52, кв. 8

 fedor.platonoff@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.75763

EDN:

TTYRUY

Дата направления статьи в редакцию:

04-09-2025

Аннотация: Роман Вс. Иванова «У» явился попыткой этого писателя откликнуться на поиск советским государством и обществом новых возможностей и форм пролетарской жизни. В указанном произведении Иванов намечает контуры утопического проекта, рождающегося из реальности рубежа 1920-х – 1930-х гг. Однако художественная логика текста и иррационально-ориентированный талант писателя проявили противоположную сторону этого проекта, и потенциальная техническая утопия в книге обернулась вероятной антиутопией. В качестве объекта исследования в статье выступают антиутопические мотивы романа Вс. Иванова «У», предмета исследования – причинно-следственные связи жанрового реверсирования и специфика реализации элементов антиутопического жанра. Статья концентрирует внимание на критериях, позволяющих утверждать наличие антиутопических мотивов в романе «У», – ненормальность системы ценностей, связанной с насилием и обманом; сомневающийся, «задумавшийся» герой, предстающий в образе «простака»; тотальность несвободы, планируемой героем,

проецирующим через себя государственную власть, государственное насилие, реализуемое его агентами, и проч. Используются методы жанрового, мотивного и сравнительно-сопоставительного анализа. В первом случае обозначаются составляющие антиутопии (ценности, герой, насилие, несвобода), во втором – исследуются лейтмотивные комплексы (Храм Христа Спасителя, яйцо), в последнем – рассматриваются две редакции романа – собственно "У" и "Багровый закат" – в части описания ими утопического проекта. Актуальность исследования обуславливается интересом литературоведения к рассмотрению явлений сложной жанровой природы. Роман Вс. Иванова «У», содержащий элементы утопии, анализируется в статье в качестве произведения с антиутопическими мотивами. Новизна определяется недостаточной изученностью «У» в целом и подходом к нему с точки зрения особенностей реализации в нём антиутопического жанра. В отличие от иных работ, обращающих внимание на биографические, металитературные, психологические аспекты "У", автор исследует парадоксы его жанровой природы и порождаемые ею смыслы. Вс. Иванов, намечая техническую социалистическую утопию – бесклассовое общество, одновременно силой своей писательской интуиции разоблачает методы и последствия её создания. Персонажи внешне принимают и при этом внутренне отвергают утопический проект, опираясь на свою аффектированную, но понятную человеческую природу, выраженную через фоносемантику звука «у».

Ключевые слова:

утопия, антиутопия, фоносемантика, жанр, лейтмотивный комплекс, жанровый реверс, аффекты, перерождение, саморазоблачение, интертекст

Введение

Роман «У» как непрочитанная книга

Исследователи, что занимались романом Вс. Иванова «У» (1931–1933), отмечают его сложность, его экспериментальный характер [4; 13]: «Судьба книги и её восприятие осложнены изощрённым художественным построением, "У" аллюзивен от начала до конца, и это создаёт главные трудности» [9]. Причём «всё это в объеме полномасштабного романа, внутри классических единств места, времени и действия, – с парой боковых детективных сюжетов, с ритмическими паузами, заполненными комическими драками и эротическими картинками, с кульминационным сновидением про петуха и финалом в виде карнавального шествия» [15, с. 195]. Некоторые вполне опытные читатели и исследователи и вовсе говорят про то, что это произведение они не понимают. В результате сложилась ситуация, при которой роман классика советской литературы до сего дня оказался по-настоящему не прочитан. Его сюжет непросто корректно пересказать, а его смыслы, начиная с названия и эпиграфов и заканчивая финальными строками, трудно вычленить. В этой связи «У» порождает множество интерпретаций – например, жанровых и металитературных. При этом одним из возможных прочтений романа может быть анализ антиутопических мотивов, которые в нём также обнаруживаются.

Жанр антиутопии в советской литературе 1920-х – 1930-х годов

Жанр антиутопии для литературы 1920-х – 1930-х годов – один из значимых и широко распространённых [5; 6; 10; 11; 14]. Причины этого понятны: в этот период страна

форсированно искала, создавала новый цивилизационный путь, и этот путь мог быть увиден как утопия. Но, как известно, когда обозначается возможность утопии, то по закону крайности и противоположности может проявиться путь субъективное [\[12, с. 40\]](#), но ощущение близости превращения утопии в антиутопию. И как раз творчество Вс. Иванова двадцатых готов и рубежа десятилетий богато на это ощущение [\[18\]](#). Так, например, антиутопические мотивы можно обнаружить в рассказе «Происшествие на реке Тун» (1925) и романе «Иприт» (1925).

Цель и задачи статьи

Цель статьи — проанализировать роман Вс. Иванова «У» с точки зрения реализации в нём жанра антиутопии. Выявить основные особенности сюжета, героев, мотивов, образов книги, которые позволяют отнести её к указанному жанру. Определить специфику ивановской антиутопии в названном романе на фоне второй редакции книги и советской литературы обозначенного периода.

Актуальность и научная новизна исследования

Актуальность исследования обуславливается интересом современного литературоведения к рассмотрению явлений сложной жанровой природы. Так, роман Вс. Иванова «У», являющийся романом с ключом, содержащий элементы утопии, могущий быть записан по ведомству сатиры, анализируется в представленной статье в качестве произведения с антиутопическими мотивами. Новизна определяется недостаточной изученностью «У» в целом и подходом к нему с точки зрения особенностей реализации в нём антиутопического жанра. В отличие от других литературоведческих работ, обращающих внимание на биографические, металитературные, психологические и иные аспекты «У», статья, прежде всего, анализирует парадоксы жанровой природы книги и порождаемые ею смыслы.

Методы исследования

В статье используются методы жанрового, мотивного и сравнительно-сопоставительного анализа. В первом случае обозначаются составляющие антиутопии, во втором — исследуются лейтмотивные комплексы текста, в последнем — рассматриваются две редакции романа — собственно «У» и также «Багровый закат» — в части описания ими схожего утопического проекта.

Объект и предмет исследования

В качестве объекта исследования в статье выступают антиутопические мотивы романа Вс. Иванова «У», предмета исследования — причинно-следственные связи жанрового реверсирования и специфика реализации элементов антиутопического жанра.

Основная часть

Герой романа и особенности его «негации»

Леон Ионович Черпанов, герой книги «У», не только созданный по принципу двойного портрета и имеющий, по мысли Е. В. Перемышлева, черты автора и В. Б. Шкловского [\[9\]](#), отсылает, в частности, к гоголевскому Чичикову. По сюжету он набирает в Москве «рабсили» для строительства и работы Шадринского металлургического комбината. Помимо авантюрного замысла этого предприятия и авантюрного склада характера Черпанова (который, кроме этого, промышляет о «вечном» двигателе), важной оказывается его идея о создании бесклассового общества, точнее, об интеграции в

новую, советскую жизнь людей, которые оказались за её пределами (это «мещане, мелкая буржуазия, собственники, спекулянты» [\[2, с. 104\]](#), или иначе — «чесоточные души и клоповьи души» [\[2, с. 17\]](#)): «Он привозит на Урал такую рабсилу, которая будет трудиться лучше прочих, потому что она свежа, она энергична и опытна, она рвётся до дела, она хочет проникнуть тоже в бесклассовое общество» [\[2, с. 105\]](#).

Черпанов, подобно Чичикову, пытается прибрести «мёртвые души» и, подобно Н. В. Гоголю, сделать их живыми: «...нашему комбинату поручено в виде опыта перерабатывать не только руду, но и с такой же быстротой людей, посредством ли голой индустрии, посредством ли театра или врачебной помощи — всё равно» [\[2, с. 62\]](#). Идея создания, воспитания нового человека, не раз озвученная в советской философии и литературе, осмысленная в качестве возможного и необходимого социального проекта и в том числе увиденная в качестве катастрофы (см., например, «Собачье сердце» М. А. Булгакова и др.) в этих словах, этой метафоре Черпанова звучит не только как утопия, но и как антиутопия. Вс. Иванов намечает в романе светлое техническое советское будущее: сейчас «Машина человеком притиснута вплотную к его сердцу» [\[3, с. 3\]](#); в будущем будет баня, в которой можно «выжать из человека грязь, пот и мерзость», будут дома «с газом, лифтами, разноцветными клумбами», «библиотечный зал в клубе», где «все читают, играют в шахматы», дети будут заниматься театре; «передо мной побежали чистые улицы, залитые светом, прямые голубые горы, леса вокруг, полные грибов и ягод» [\[2, с. 189\]](#). Но при этом отношение Черпанова к людям, которых он планирует привести к свету, не может не вызвать отторжения. Для него они масса (причём масса не общественном, а как будто в физическом смысле), но не личности («даже «дрянь»). Он, хотя заявляет противоположное, не учитывает их разности и сложности, и легко допускает насилие над ними: «Мы её хватаем — и в домну!», «Сади их на осёдлость, заставляй их приспособляться к жизни, дистиллируй их» [\[2, с. 63, 60\]](#). В разговоре с Жаворонковым Черпанов проговаривает также и возможность обмана своей «рабсилы»: «...берите на себя, Кузьма Георгич, добровольность, а остальным предоставьте разверстку. Шестьсот двадцать человек, конечно, трудно удержать в добром повиновении, если им все добровольно. Ну, дайте им кое-какую добровольность, мочиться там сколько они хотят в день, судачить» [\[2, с. 136\]](#).

Фоносемантика аффектированной индивидуальности: сопротивление мещанской природы

Интересно при этом, что сам роман называется «У» и что в каждом из трёх эпиграфов фиксируется фоносемантическая специфика этого звука: «у», согласно им, проявляет индивидуальность, самость человека в их аффектированном выражении. Жители дома №42 поют песню, «походящую на волчий вой»: «Лица у всех были мрачные, <...> в припеве выпадали все звуки и оставался один: "У... у..."» [\[2, с. 275-276\]](#). И хотя у этих воющих людей железные скулы (метафорическая близость к технике, к машинам), одновременно писатель отмечает звериные черты в их облике: у них «тоненькие мордочки» [\[2, с. 276\]](#). Неслучайно проект Черпанова в книге остался нереализованным: и герой и его двойники предлагают бесчеловечные способы перемен к лучшему, и сами люди по разным причинам сопротивляются скорому и насильственному своему «перерождению». В этой связи показательна сцена с походом-шествием на стадион жильцов дома №42, кандидатов на переселение на Урал. Собравшиеся начинают строиться, но варианты построения оказываются один другого абсурднее и сопровождаются поркой детей. Жильцы стремятся к упорядоченности своего шествия, но

устраивают, скорее, хаос. Их поход напоминает карнавал, но этот карнавал в своём замысле содержит попытку реализации обезличивающей интенции. Так, отмечается, что доктор Матвей Иванович Андрейшин, также промышляющий о проекте преобразования человека, «любил театральные эффекты; если б было возможно, он не прочь бы был и зажечь факелы и пустить парочку соответствующих плакатов» [\[2, с. 261\]](#).

Религиозные аспекты утопии и антиутопии романа «У»

Черпановский проект должен строиться вокруг «пролетарского ядра», но парадоксально он проявляется и как проект религиозный. Действие ивановского романа происходит в год и на фоне разрушения Храма Христа Спасителя (1931). Образ этого храма оказывается встроен в сложный лейтмотивный комплекс «У». Храм, конечно, символ христианской жизни: «Громада символизировала бога» [\[2, с. 171\]](#). И его разрушение «было для обывателя, пожалуй, пострашнее, чем октябрьский переворот» [\[2, с. 17\]](#). Уничтожение храма — это уничтожение прежней веры и, как следствие, повреждение человеческих душ. Так, Жаворонков, бывший церковный староста, стал активным безбожником: «Плюю я на Храм! — крикнул Жаворонков и как-то беспомощно покраснел. — И на чудотворные иконы плюю! Я могу любую чудотворную икону в антирелигиозный плакат превратить в два счёта!..» [\[2, с. 74\]](#). Его поведение схоже с тем, как поступают герои «Бесов» Ф. М. Достоевского. (При этом трагичность сноса Храма Христа Спасителя в «У» соединяется у Иванова с критикой церкви, которая обнаруживается в словах Егора Егоровича, секретаря «большого человека» Черпанова, но за которыми слышен голос автора: «...лежали кирпичные груды взорванной церквушки, от которой еще уцелели своды с фресками конца XIX столетия, где святые, несмотря на мантии и ризы, все же походили стрижеными бородками и упитанными лицами на чиновников времени Николая II-го» [\[2, с. 93\]](#). И одновременно разрушение храма в романе — нечто постыдное для российской жизни, подобное снятию одежды: «... вместе с храмом Христа Спасителя разрушалась и та часть одежды, которая в обыденном понимании носит название юбки, она чуть ли не до ...» [\[2, с. 132\]](#).) Уральские горы, по словам Черпанова, это пьедестал для восстановления Храма Христа Спасителя. Но Черпанов и в этом оказывается противоречивым или мимикрирующим героем. Религиозный посыл он помещает в секуляризованную, даже десакрализирующую форму: храм превращается в светское заведение — в театр или в клуб: «...мы вначале его восстановим, не так, чтобы уж сразу храм, а так вроде театра с высоконравственными и целомудренными произведениями» [\[2, с. 136\]](#). По предположению А. М. Эткинда (Министерством юстиции России внесён в список физических лиц «иностранных агентов»), эта линия сюжета идёт от «х» (икса) до «у» (игрека): «"У" — время, которое достанется на долю его сына» [\[15, с. 193\]](#), время неизвестное и тревожное. Черпанова здесь можно сравнить с Петром Верховенским, героем насмехающимся, соблазняющим, оборачивающимся диктатором. О жильцах дома №42 он говорит так: «Для них выяснилось, что они героями быть не могут и что вся теперь надежда на спасение — надежда на меня, так как они на стадион не в состоянии прийти» [\[2, с. 273\]](#). Следующая за этими словами сцена показывает, что жители дома №42 действительно едва ли не обожествляют Черпанова, несмотря на его грубость. Егор Егорович обращает внимание на то, что проект Черпанова при всей его непрограммированности, невнятности привлекал людей как будто бы своей тайной. Говоря словами Н. А. Бердяева, люди ориентировались на чудо, тайну и авторитет «великого инквизитора» [\[1, с. 76\]](#).

Егор Егорович, мнящий себя секретарём «большого человека», тот, кто задумывается в

произведении-антиутопии, замечает в Черпанове, докторе Андрейшине и других персонажах, составляющих коллективный образ создателя утопии-антиутопии, черты, не достойные большого замысла. Он слышит их «исповеди», в которых они сами себя разоблачают. Мир, который они планируют створить на Урале, в котором должно будет происходить «перерождение» людей, по сути похож на то, что начало происходить в реальности в 1920-е годы, и этот мир вызывает если не у Егора Егоровича, то у читателя естественное отторжение: «Андрейшин — это Чаадаев и Чацкий эпохи побеждающего тоталитаризма» [\[15, с. 196\]](#).

Лейтмотивный комплекс романа «У»: яйцо как символ социального пространства

Важный образ романа «У» — яйцо. Яйцо — образ, выражающий суть черпановского рода и характера: он тот, кому «доступно класть в необыкновенном количестве яйца жизни» [\[2, с. 166\]](#). Яйцо — это реализованный фразеологизм (Колумбово яйцо), символ короткой, но разрушительной дороги к преобразованию общества: «Мы разбиваем скорлупу планеты и скорлупу наших чувств» [\[2, с. 23\]](#). Яйцо — образ, позволяющий сказать о разности людей, несмотря на вроде бы схожий внешний вид: «Яйцо, более богатое желтком, например, имеет при определенных неблагоприятных обстоятельствах больше шансов дать жизнь крепкой молодой гусенице, чем яйцо, бедное желтком» [\[2, с. 162\]](#). Одновременно яйцо — это форма дома №42, в котором живёт большинство героев произведения, форма, предполагающая чаемую, но ошибочную однородность содержимого. Дом-притон, похожий на лечебницу для душевнобольных, в миниатюре обозначающий пространство страны, стремится к нивелирующему единству: «надо произвести общность имущества, надо проломать перегородки, устроить общее зало, произвести общность жен и детей, если мы буржуазия, отреченный класс, то наш переход надо показать по-подлинному, чтобы они увидали, если мы вздумаем сломать перегородки и решим устроить общую кухню, и если мы топили плиту по полену, — это уже указывает на то, что мы можем столковаться и об общей кухне и неужели не столкнемся об общей жене?» [\[2, с. 255\]](#).

А. М. Эткинд касается ещё одного аспекта идеи «преобразования» человека: «В разговоре Черпанова с бывшим церковным старостой идея перерождения раскрывается как достижение вечной молодости. Это близко обоим. Как достижение бессмертия посредством преодоления пола ("выходят их или как?") понимал ницшеанскую идею нового человека и В. Соловьев» [\[15, с. 195\]](#).

Заключение

Итак, роман «У» Вс. Иванова содержит в себе утопический проект, который при внимательном чтении обнаруживает приметы своей противоположности. Писатель говорит о нём, вероятно, исходя из необходимости шифра, намеренно непоследовательно, не вполне внятно, противоречиво. Однако основные черты антиутопии однозначно могут быть обнаружены в идеи создания бесклассового общества на Шадринском металлургическом комбинате на Урале, которая при этом мерцает религиозными проекциями — ложным восстановлением Храма Христа Спасителя среди гор.

Главный герой книги и его двойники промышляют о «перерождении» маргиналов, живущих в советском обществе. Но этот проект связан с обманом и насилием, лишением людей свободы. Каждая его составляющая, деталь оборачивается его саморазоблачением. Тем более, что «Вся власть в мире "У" полностью, totally

оккупирована политическими самозванцами» [\[15, с. 196\]](#). Герой-преобразователь предстаёт «великим инквизитором», его попытка изменить, облагородить людей, ввести их в новую, социалистическую жизнь сопровождается презрением к ним, неверием в эту возможность (к тому же, как выясняется по ходу действия, за каждую привезённую «душу» он должен получить от комбината по пятнадцати рублей). Неслучайно этот проект, его инициаторы и реализаторы соотносятся с образами и мотивами произведений Гоголя и Достоевского.

Вс. Иванов, обозначая что-то вроде технической утопии, одновременно опровергает её, показывая её безблагодатность и даже невозможность: для людей неестественно ходить строем, жить в тотальной общности, ощущать себя частью исключительно «физической массы». Обычные люди исполнены аффектов, символом которых в книге выступает звук «у», чьё фonoсемантическое истолкование восходит к теориям Ломоносова, интуициям Толстого и прозрениям Флоренского. И эти аффекты, живые, хотя и некрасивые человеческие чувства в «У» оказываются способом сопротивления опасной обезличивающей утопии/антиутопии тотального и радикального «перерождения» человека.

У романа, как известно, есть вторая, до сих пор неопубликованная редакция. Она называется «Багровый закат». В отличие от первой редакции, пародийной, критической и поневоле мрачной, Вс. Иванов попытался написать роман позитивный, в котором действительно будет показано настояще социалистическое преображение людей. В «Багровом закате» он развивает утопические мотивы, намеченные в «У» (и само «у» теперь означает первую букву от слова «ударный»), но в finale романа, согласно цитате, приведённой в статье Е. А. Папковой, всё равно появляются следующие слова: «никакого нового человечества нет. Человечество всё старое. Проходит ряд периодов, меняются лозунги, но человечество остаётся таким же...» [\[7, с. 97\]](#). Эти слова у большого художника Вс. Иванова вложены в уста отрицательного персонажа, но, по мнению исследовательницы, их разделял и сам писатель.

Библиография

1. Бердяев Н. А. Мироусерцание Достоевского. Прага: The YMCA-Press LTD, 1923. 244 с.
2. Иванов Вс. У: Роман / Всеволод Иванов; Текст подг. к печ. Ш. Бург. Lausanne: L'Age d'Homme, 1982. 303 с.
3. Иванов Вс. Человек должен жить крупно // Литературная газета. 1931. 7 ноября. С. 3.
4. Иванова Т. В. Писатель обгоняет время // Иванов Вс. Кремль. У: Романы. М.: Советский писатель, 1990. С. 512-528.
5. Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / Б. А. Ланин. М., 1993. 344 с.
6. Морщихина Л. А. Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Архангельск, 2004. 195 с.
7. Папкова Е. А. Роман Вс. Иванова "У" в общественно-политическом контексте 1930-х годов // Эпоха "Великого перелома" в истории культуры: Сборник научных статей, Саратов, 14-16 октября 2015 года. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2015. С. 91-98.
8. Папкова Е. А. Фантастическое в прозе Всеволода Иванова 1910-1930-х годов // Литература в школе. 2022. № 4. С. 27-39. DOI: 10.31862/0130-3414-2022-4-27-39.
9. Перемышлев Е. В. Двойной портрет. URL:

[https://www.opojaz.ru/shklovsky/double_portret.html#Anchor-'B-9287.](https://www.opojaz.ru/shklovsky/double_portret.html#Anchor-'B-9287)

10. Платонов Ф. Е. Утопические и антиутопические модели в послереволюционной России и их отражение в литературе 1920-х годов // Казанская наука. 2024. № 11. С. 324-327.
11. Плех З. И. Становление жанра антиутопии в русской литературе 20-х гг. XX века (на материале произведений Е. Замятин, А. Платонова, М. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.02. Бишкек, 2008. 23 с.
12. Солдатов В. Е., Тузовский И. Д. Социокультурное пространство в антиутопиях: основные черты моделируемого социума // Вестник ЧГАКИ. 2010. № 3 (23). С. 40-49.
13. Черняк М. А. Город в романе Вс. Иванова "У" // Язык, литература, культура: Традиции и инновации. М., 1993. С. 82-85.
14. Шишкина С. Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке. Иван. гос. хим.-технол. ун-т. Иваново, 2009. 230 с.
15. Эткинд А. М. "У" Всеволода Иванова: Интеллектуальный роман из жизни нэпманов, или Пародия на советский психоанализ // Звезда. 1993. № 8. С. 192-200.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Скрытая антиутопия в романе Вс. Иванова "У": фоносемантика аффектированной индивидуальности vs. тотальное и радикальное "перерождение"" представляет собой исследование в области литературоведения и фоносемантики.

Объектом исследования выступает творчество Вс. Иванова. Предметом является семантика звуком в его экспериментальное романа "У".

Работа опирается на обширную научную базу, состоящую из работ, посвященных творчеству Вс. Иванова, исследованию фоносемантики и антиутопии.

В основной части работы автор подробно описывает своеобразие выбранного материала. Автором подробно анализируются герои романа. Особое внимание автор уделяет аллюзиям и реминисценциям на произведения писателей-предшественников. Автор рассматривает проблематику романа и её воплощение в звуке "У" сквозь призму философии.

В заключении автор приходит к следующим выводам."Вс. Иванов, обозначая что-то вроде технической утопии, одновременно опровергает её, показывая её безблагодатность и даже невозможность: для людей неестественно ходить строем, жить в тотальной общности, ощущать себя частью исключительно «физической массы». Обычные люди исполнены аффектов, символом которых в книге выступает звук «у», чьё фоносемантическое истолкование восходит к теориям Ломоносова, интуициям Толстого и прозрениям Флоренского. И эти аффекты, живые, хотя и некрасивые человеческие чувства в «У» оказываются способом сопротивления опасной обезличивающей утопии/антиутопии тотального и радикального «перерождения» человека".

Данные выводы интересны, и их можно было бы признать достоверным, если бы в статье были указаны цели работы и методы исследования.

Библиография содержит необходимое количество отечественных и зарубежных актуальных источников.

Стиль статьи соответствует критериям научного.

Однако в работе есть существенные недостатки.

Главным недостатком нужно признать то, что в статье отсутствуют ключевые элементы научной статьи: не указаны актуальность и новизна исследования, не описаны цель и

задачи исследования, отсутствует описание метода исследования.

Кроме того, отсутствует минимальное формальное деление статьи на разделы - введение, основная часть, заключение.

Объем статьи также не вполне соответствует требованиям выбранного журнала.

В целом, в статье анализируется ценный научный материал, однако его презентация вкупе с отсутствием соблюдения требований к написанию научных статей заставляет прийти к выводам об отсутствии соответствия содержания статьи общепринятым критериям научности.

Таким образом, хотя статья "Скрытая антиутопия в романе Вс. Иванова "У": фоносемантика аффективированной индивидуальности vs. тотальное и радикальное "перерождение"" вносит вклад в исследование русской литературы начала XX века, на данном этапе она не может быть рекомендована к публикации в журнале "Филология: научные исследования" без устранения вышеуказанных недостатков.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье является специфика реализации элементов антиутопического жанра в романе Всеволода Иванова «У». Актуальность работы обоснованно аргументируется как интересом современного литературоведения к рассмотрению явлений сложной жанровой природы, так и недостаточной изученностью романа «У» в целом («сложилась ситуация, при которой роман классика советской литературы до сего дня оказался по-настоящему не прочитан. Его сюжет непросто корректно пересказать, а его смыслы, начиная с названия и эпиграфов и заканчивая финальными строками, трудно вычленить»).

Теоретической основой исследования выступили работы, посвященные различным вопросам русской литературной антиутопии XX века, идиостилю Всеволода Иванова, изучению романа Вс. Иванова "У" в общественно-политическом контексте 1930-х годов и др. Библиография насчитывает 15 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-сопоставительный методы (при рассмотрении двух редакций романа — собственно «У» и «Багровый закат» — в части описания ими схожего утопического проекта), текстуально-герменевтический анализ произведения, литературоведческий и художественный анализ, методы жанрового и мотивного анализа (при изучении составляющих антиутопии и лейтмотивных комплексов текста).

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи: проанализирован роман Вс. Иванова «У» с точки зрения реализации в нём жанра антиутопии; выявлены основные особенности сюжета, героев, мотивов, образов книги, которые позволяют отнести её к указанному жанру; определена авторская специфика антиутопии в названном романе на фоне второй редакции книги и советской литературы обозначенного периода. В заключении формулируются выводы о том, что «роман «У» Вс. Иванова содержит в себе утопический проект, который при внимательном чтении обнаруживает приметы своей противоположности», «основные черты антиутопии однозначно могут быть обнаружены в

идее создания бесклассового общества на Шадринском металлургическом комбинате на Урале, которая при это мерцает религиозными проекциями» и др.

Проведенное исследование имеет теоретическую значимость, которая определяется его вкладом в изучение жанра антиутопии и особенностей его реализации в произведении Всеволода Иванова «У». Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы; стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных творчеству и идиостилю Всеволода Иванова и др.

Обращаем внимание автора(ов), что в заголовке статьи пропущены закрывающие кавычки после названия романа «Скрытая антиутопия в романе Вс. Иванова "У: фоносемантика аффектированной индивидуальности vs. тотальное и радикальное "перерождение"».

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Гуань Ш. Роль мультимодальной метафоры в управлении социумом с помощью цифрово-интеллектуальных технологий — на примере рекламного ролика «Городской мозг» в Ханчжоу // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75904 EDN: TUKLMD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75904

Роль мультимодальной метафоры в управлении социумом с помощью цифрово-интеллектуальных технологий — на примере рекламного ролика «Городской мозг» в Ханчжоу**Гуань Шаоян**

ORCID: 0000-0002-0763-9726

доктор филологических наук

преподаватель; Институт русского языка; Даляньский университет иностранных языков

116046, КНР, регион Провинция Ляонинь, город Далянь, улица Люйшуньнаньлу, дом 6

guanshaoyang@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2025.9.75904

EDN:

TUKLMD

Дата направления статьи в редакцию:

16-09-2025

Аннотация: Предметом исследования является роль мультимодальной метафоры в управлении социумом с помощью цифрово-интеллектуальных технологий, в частности, на примере рекламного ролика «Городской мозг» в Ханчжоу. Объектом исследования является анализ визуальных, аудиальных и текстовых элементов рекламных материалов, которые взаимодействуют для передачи сложных концепций цифрово-интеллектуального управления. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как определение места и роли мультимодальной метафоры в контексте цифрового управления, а также её влияние на формирование общественного восприятия технологических систем. Особое внимание уделяется анализу того, как элементы цветовой гаммы, звукового сопровождения и графических образов совместно создают метафору «город как интеллектуальный организм», упрощая понимание сложных технологических процессов и формируя позитивное отношение к цифровому управлению. В качестве теоретической

основы исследования используются работы по мультимодальной метафоре, критическому дискурс-анализу и когнитивной лингвистике. Основным выводом проведенного исследования является утверждение о том, что мультимодальная метафора не только упрощает понимание сложных технологических процессов цифрово-интеллектуального управления, но и активно формирует у аудитории определенные ассоциации и эмоциональные реакции, способствуя позитивному восприятию технологических систем как живых организмов. Особым вкладом автора в исследование темы является глубокий анализ синергетического взаимодействия различных модальностей (визуальных, аудиальных, текстовых) в создании единой метафоры «город как интеллектуальный организм», а также раскрытие механизмов ее воздействия на общественное сознание. Новизна исследования заключается в применении теоретических подходов критического дискурс-анализа и когнитивной лингвистики к анализу рекламных дискурсов в сфере цифрового управления, что позволяет глубже понять роль мультимодальной метафоры в формировании общественных представлений о технологиях.

Ключевые слова:

мультимодальная метафора, цифрово-интеллектуальное управление, Городской мозг, когнитивная лингвистика, критический дискурс-анализ, цифрово-интеллектуальная технология, Ханчжоу, Китай, реклама, мультимодальный дискурс

Благодарность. 本文系辽宁省教育厅高等学校基本科研项目“数智社会治理视域下广告话语多模态隐喻批评认知研究”成果(项目编号: LJ112510172007)

Работа выполнена при финансовой поддержке Фундаментального научного проекта высших учебных заведений по теме «Критическое когнитивное исследование мультимодальной метафоры в рекламном дискурсе с позиций цифрово-интеллектуального управления обществом» при поддержке Департамента образования провинции Ляонин, номер объекта:LJ112510172007.

Acknowledgments. This paper is a research outcome of the Basic Scientific Research Project of Liaoning Provincial Department of Education " Critical Cognitive Study of Multimodal Metaphors in Advertising Discourse from the Perspective of Digital-Intelligent Social Governance" (Project No.: LJ112510172007)

1. Введение

В современном обществе, где происходит глубокая интеграция цифровых и интеллектуальных технологий, цифрово-интеллектуальное управление стало ключевой темой модернизации городов. Основной вызов для государственного управления заключается в том, как с помощью эффективных коммуникационных стратегий преобразовать сложные технологические системы управления в понятные и приемлемые для общественности когнитивные схемы.

В этом контексте мультимодальная метафора, как способ кросс-семиотического конструирования смысла, играет всё более важную роль в публичных коммуникациях. Рекламный ролик «Городской мозг» в Ханчжоу, являющийся эталонным примером цифрово-интеллектуального управления городом в Китае, использует синергию визуальных, аудиальных и других мультимодальных знаков. Это позволяет создать ключевую метафору «город — это интеллектуальный организм», которая не только формирует дружелюбный образ технологического управления, но и исподволь влияет на

восприятие и отношение общественности к цифровизации городского управления.

Таким образом, исследование роли мультимодальной метафоры в данном контексте приобретает особую актуальность.

2. Исследование мультимодальной метафоры в рекламном дискурсе

2.1 Критико-когнитивные исследования метафоры в мультимодальном дискурсе

Современные исследования мультимодальной метафоры в рамках критико-когнитивного подхода развиваются преимущественно по трем направлениям: микро-, мезо- и макроуровневому анализу.

Микроуровневые исследования концентрируются на изучении семиотических форм и структур мультимодальной метафоры. В этом русле ведутся работы по классификации метафорических типов, возникающих при кроссмодальном взаимодействии исходных и целевых доменов [\[1;2;3\]](#). Параллельно исследуются специфические особенности метафорической репрезентации в различных семиотических модальностях - визуальной, аудиальной, тактильной и других, где особое внимание уделяется механизмам функционирования изображений, звуков и жестов как носителей метафорического значения [\[4; 5; 6\]](#).

На мезоуровне научный дискурс сосредоточен на проблемах контекстуального порождения смыслов через мультимодальные взаимодействия и соответствующих теоретических моделях. Значительный пласт исследований посвящен функциональным аспектам мультимодальной метафоры [\[7; 8; 9\]](#), в частности, анализу процессов смыслопорождения в конкретных коммуникативных ситуациях и механизмов воздействия на когнитивно-аффективную сферу реципиентов. Теоретическое направление разрабатывает методологические основания для построения комплексных аналитических моделей исследования мультимодальной метафоры [\[10;11; 12\]](#).

Макроуровневые исследования охватывают дискурсивные и социокультурные аспекты функционирования мультимодальной метафоры. В этом ключе изучаются корреляции между мультимодальными метафорическими структурами и социально-культурными контекстами [\[13; 14; 15\]](#). Отдельное внимание уделяется идеологическим импликациям метафорического смыслообразования [\[16; 17; 18\]](#), а также роли мультимодальной метафоры в процессах властной дискурсивной борьбы [\[19; 20; 21\]](#).

2.2 Исследование рекламного дискурса

Исследования рекламного дискурса в отечественной и зарубежной науке в основном развиваются в **двух направлениях**: традиционное лингвистическое исследование и современное мультимодальное дискурс-исследование.

В рамках традиционного лингвистического подхода ученые исследуют рекламный дискурс с различных позиций. С функциональной точки зрения анализируется, как межличностная функция в рекламе способствует сближению психологического восприятия между рекламодателем и аудиторией [\[22;23\]](#). Прагматические исследования сосредоточены на выявлении скрытых смыслов и семантических вариаций в рекламных сообщениях, а также на анализе их прагматических особенностей, привлекающих внимание потребителей [\[24;25\]](#). Диалогический подход, основанный на теории Бахтина и концепции интертекстуальности, рассматривает механизмы взаимодействия между

рекламным текстом и аудиторией [26; 27]. Критическое направление исследований раскрывает идеологическую составляющую рекламного дискурса и его влияние на формирование представлений у целевой аудитории [28;29].

Современные отечественные и зарубежные исследования в данной области развиваются преимущественно по трем направлениям. Первое направление - это анализ рекламного дискурса с позиций системно-функциональной лингвистики и визуальной грамматики. В рамках данного подхода, опирающегося на три метафункции Хэллидея и Kress & van Leeuwen, изучается взаимодействие вербальных и визуальных модальностей в процессе конструирования смысла рекламного сообщения [30; 31]. Второе направление представляет собой критический анализ рекламного дискурса, в ходе которого исследуется взаимодействие различных модальных элементов в рекламе и их роль в процессе критической передачи информации и воздействия на аудиторию [32; 33]. Третье направление связано с когнитивным мультимодальным анализом, включающим исследование мультимодальных метафор и метонимий в рекламных сообщениях [34;35].

2.3 Тенденции данного исследования

В исследованиях мультимодальной метафоры на микроуровне основное внимание уделяется различным знаковым системам, в то время как современные исследования рекламного дискурса также подчеркивают синергетический эффект взаимодействия мультимодальных элементов. На мезоуровне исследования мультимодальной метафоры делают акцент на регулирующей роли контекста в процессе генерации смысла, тогда как рекламные исследования с критической позиции раскрывают стратегическое использование мультимодальных метафор для формирования потребительского восприятия. На макроуровне рассматривается, каким образом мультимодальные метафоры отражают социальные идеологии и властные отношения, а критические исследования рекламного дискурса параллельно выявляют лежащие в их основе механизмы культурной гегемонии.

Данное исследование фокусируется на механизмах функционирования мультимодальной метафоры в рамках концепции цифрово-интеллектуального управления обществом, используя в качестве характерного примера рекламную кампанию "Городской мозг" города Ханчжоу, что полностью соответствует современной тенденции интеграции исследований мультимодальной метафоры и рекламного дискурса.

На теоретическом уровне исследование осуществляет многоаспектный анализ. На микроуровне рассматривается кооперация визуальных (текст и изображения) и аудиальных элементов в построении ключевой метафоры "город как живой организм". На мезоуровне изучается влияние метафорических отображений на формирование когнитивных схем восприятия "умного города" с применением методов критического дискурс-анализа для выявления властных нарративов цифрово-интеллектуального управления. На макроуровне исследуется рефракция идеологии китайской модели цифрово-интеллектуального управления в рекламных метафорах и их диалог с глобальным дискурсом "умных городов".

3. Механизм синергетического конструирования мультимодальной метафоры «Городской мозг»

В современной практике цифрово-интеллектуального управления дискурс мультимодальной метафоры демонстрирует высокую степень системности и стратегической направленности. В ролике "Городской мозг" города Ханчжоу через

тщательно продуманный семиотический дизайн формируется ключевая когнитивная схема "город — это разумный живой организм". Данный процесс конструирования отражает органичную интеграцию и интертекстуальное усиление мультимодальных знаковых ресурсов.

В аспекте визуальной модальности проморолик использует классическую стратегию концептуальной интеграции. В начале ролика напрямую обозначаются типичные проблемы современных городов: дорожные пробки, сложности с медицинским обслуживанием, длинные очереди, нехватка парковочных мест. В переходном кадре (01:18-01:29) с помощью цифровой анимации создается визуальное наложение нейронной сети человеческого мозга на изображения четырех городских проблем, где дендритная структура нейронов образует пространственную композицию с городским ландшафтом (Рис. 1). Такой метафорический перенос, основанный на визуальном подобии, осуществляет когнитивную трансляцию от биологической системы к технологической.

Примечательно, что в рекламе сознательно использована холодная сине-зеленая цветовая гамма для визуализации потоков данных: это не только поддерживает техногенную эстетику, но и благодаря мягким цветовым переходам избегает механистичной холодности, достигая эстетического баланса между «признаками жизни» и «цифровыми характеристиками».

Рис. 1

В аспекте интеграции текста и визуальных элементов нарратив выстраивает иерархическую метафорическую сеть. Мультимодальная метафора «город — это мозг (интеллектуальный организм)» последовательно усиливается через визуальные образы и вербальный текст (Рис.2). Данная концепция искусно использует "мозг" в качестве ключевой метафоры, уподобляя современную систему цифрово-интеллектуального управления городом живому организму, обладающему способностью к восприятию, мышлению и принятию решений.

Рис.2

В рамках данного метафорического конструкта город перестает быть безжизненными бетонными джунглями, трансформируясь в органическую систему с нейронными сетями.

Распространенные по всему городу «парковки с бесконтактным въездом» функционируют как «автономная нервная система» городского мозга, точно воспроизводя автоматические регуляторные функции живого организма, которые осуществляются без участия сознания (Рис. 3).

Рис.3

Весь процесс демонстрирует удивительную аналогию с биологическими механизмами. При приближении автомобиля к шлагбауму камеры и индукционные петли, подобно кожным рецепторам, мгновенно улавливают сигнал, в то время как алгоритмы распознавания номеров незаметно обрабатывают данные в фоновом режиме. Облачная система проверки прав доступа и тарификации с рефлекторной скоростью принимает решение, и шлагбаум автоматически открывается, полностью исключая характерные для человеческого взаимодействия задержки.

Этот отлаженный механизм напоминает бессознательные регуляторные процессы человеческого организма — дыхание, сердцебиение или зрачковый рефлекс. Благодаря такой системе городской мозг трансформирует рутинные транспортные операции в естественные физиологические ритмы, создавая эффект «жизнеподобного» функционирования городской инфраструктуры.

«Системы оплаты по отпечатку пальца» и «оплаты по лицу» функционируют как «нервные окончания» городского мозга, органично интегрируя биометрические технологии в повседневные транзакционные сценарии и незаметно расширяя метафорические границы концепции «городского мозга».

Эти платежные механизмы действуют подобно бессознательным рефлексам мозга, осуществляя аутентификацию личности и денежные операции без человеческого вмешательства. В тот момент, когда покупатель в магазине поднимает руку для сканирования лица, камеры фиксируют его черты, преобразуя их в импульсы данных. Эти данные мгновенно передаются по оптоволоконным сетям в облачные центры обработки, где алгоритмы идентификации запускают платежную инструкцию. Весь процесс аналогичен безусловному рефлексу, когда тактильный сигнал через спинной мозг мгновенно достигает коры головного мозга (Рис. 4, Рис. 5).

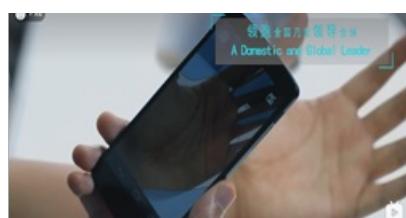

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Искусственный интеллект, осуществляющий координацию и принятие решений, действует подобно командам мозга, посыпаемым телу: он автоматически регулирует транспортные потоки через светофоры и динамически прокладывает маршруты, предотвращая пробки (Рис. 6, Рис. 7). Суперкомпьютеры дата-центров выполняют функцию коры головного мозга, обрабатывая и анализируя огромные массивы медицинской информации с высокой скоростью, что обеспечивает комфортное получение медицинской помощи (Рис. 8).

Метафора не только наглядно иллюстрирует, как технологии наделяют город «интеллектом», но и подразумевает определенное видение будущего — способность города к саморегуляции и эволюции, подобно живому организму, превращаясь из механического физического пространства в одушевленное разумное существо.

Особого внимания заслуживает использование в ролике на отметке 01:03 (Рис. 9) мета-метафорического утверждения: «Подобно человеческому мозгу, городской мозг осуществляет интеллектуальные решения через нейронные сети». Подобное применение эксплицитной метафоры (*explicit metaphor*) выполняет функцию когнитивного якоря.

Рис. 9

Аудиальная модальность в ролике представляет собой искусно выстроенную систему кросс-модальных соответствий (cross-modal correspondence). Фоновая музыка, созданная с использованием модульных электронных звуков, ритмически имитирует жизненные процессы организма: устойчивые низкочастотные импульсы (около 60 ВРМ) ассоциируются с базовым метаболизмом, тогда как периодические высокочастотные арпеджио символизируют нервную активность.

Особенно показателен эпизод о транспортном управлении (01:55), где звукорежиссеры создали уникальный синтез традиционных симфонических элементов и цифровых звуковых эффектов. Постепенно нарастающие мелодические линии струнной группы, синхронные с визуализацией данных реального трафика, формируют многомерную метафору «управленческой симфонии».

Такое органичное слияние антропогенных и технологических звуковых ландшафтов (*soundscape*) на подсознательном уровне закрепляет восприятие цифрово-интеллектуального управления как естественного, почти биологического процесса, усиливая центральную метафору «города-организма».

Глубинный механизм мультимодальной синергии проявляется в пространственно-временной интеграции знаковых систем. В пространственном измерении технология разделенного экрана сопоставляет городскую панораму (внизу) с интерфейсом данных (вверху), создавая визуальную метафору «макро-микро». Во временном измерении ускоренный монтаж в начале и конце передает мгновенность обработки данных, а акцент на «секундном реагировании» в голосовом сопровождении формирует когнитивную схему «технологической оперативности». Такое объединение пространственных и временных символов дает абстрактной управленческой эффективности конкретное воспринимаемое воплощение.

С когнитивной точки зрения такая мультимодальная синергия создает выраженный эффект усиления метафоры (metaphor reinforcement effect). Согласно теории концептуальной интеграции, когда различные модальные входные пространства (input spaces) указывают на одинаковые концептуальные отображения, возникает когнитивное синергетическое усиление.

В проморолике визуальные образы жизненных форм, органические языковые формулировки и физиологические ритмы звукового сопровождения совместно активируют ментальную схему «живого организма», придавая технологической системе управления почти интуитивную когнитивную доступность (cognitive accessibility). По своей сути, такое синергетическое построение мультимодальной метафоры представляет собой проектирование когнитивного интерфейса (cognitive interface), эффективно преодолевающего семантический разрыв между технологическими системами и общественным пониманием.

4. Логика цифрово-интеллектуального управления в построении мультимодальной метафоры

В эпоху цифровой цивилизации государственное управление сталкивается с фундаментальным парадоксом: непреодолимым разрывом между сложностью технологических систем и ограниченностью общественного восприятия. Ролик «Городской мозг» Ханчжоу через синергетическое построение мультимодальной метафоры успешно трансформирует абстрактное цифрово-интеллектуальное управление городом в конкретный жизненный опыт, осуществляя ключевой переход от технологического к когнитивному уровню. Такая метафорическая коммуникация представляет собой не просто риторическую стратегию, но глубокую трансформацию логики управления.

С точки зрения глубинной логики управления, это мультимодальное метафорическое построение реализует тройную трансформацию. Во-первых, преобразует технологическое вмешательство в естественный процесс, устранив сопротивление цифровым реформам. Во-вторых, переосмысливает роль правительства как дышащего организма, смягчая принудительный характер властного вмешательства. В-третьих, переводит гражданский опыт на уровень физиологического комфорта, пересматривая стандарты восприятия удобства. Когда городское управление успешно метафоризуется как саморегуляция организма, технологические удобства перестают быть холодным функциональным улучшением, становясь неотъемлемой «цифровой физиологической потребностью» современного человека.

По своей сути, эта метафоризованная логика управления через когнитивную реконструкцию снижает социальное трение технологического внедрения. Когда алгоритмические решения воспринимаются как «сердцебиение» города, а потоки данных переживаются как «нервные импульсы», цифрово-интеллектуальное управление завершает ключевую трансформацию из технологической системы в социальное сознание. В этом процессе рекламный ролик служит не просто средством передачи информации, но интерфейсом когнитивного преобразования — через синергию мультимодальных метафор он превращает футуристический образ цифрового города в осязаемый опыт общественного сознания.

Библиография

1. Фэн, Д. & Чжао, С. Мультимодальная метонимия и конструирование смысла образного дискурса // Журнал иностранных языков. 2017. № 6. С. 8-13. (На кит. яз.).

2. Гянь, Ш. & Сунь, Ю. Мультимодальные метафоры и метонимия в формировании образа страны (на материале политических карикатур) // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. № 2. С. 444-167.
3. Янь, С. & Чан, Ч. Исследование дискурсивного конструирования метафоры в мультимодальном контексте // *Китайские иностранные языки*. 2023. № 2. С. 25-34. (На кит. яз.).
4. Цзэн, Г. & Лян, С. Конструирование национального образа через мультимодальную метафору: на примере китайского национального имиджевого ролика "Перспектива" // Исследования в области обучения иностранным языкам. 2017. № 2. С. 1-8. (На кит. яз.).
5. Чжань, Х. Исследование способности мультимодальной метафоры к экстренному языковому реагированию // *Китайские иностранные языки*. 2022. № 2. С. 47-53. (На кит. яз.).
6. Ли, И. & Тан, Ч. Мультимодальная метафорическая конструкция выражения эмоций в музыкальных клипах: на примере черно-белых музыкальных клипов // Журнал университета Сихуа (издание по философии и социальным наукам). 2023. № 2. С. 34-41. (На кит. яз.).
7. Ма, И. & Ма, Б. Смыслоное конструирование в мультимодальных дискурсах правительственные микроблогов // *Лингвистический журнал*. 2017. № 6. С. 19-23. (На кит. яз.).
8. Чжан, Д. Комплексная система мультимодального дискурс-анализа в рамках теории системно-функциональной лингвистики // *Современные иностранные языки*. 2018. № 6. С. 731-743. (На кит. яз.).
9. Hafifah, S. & Sinar, S. A Visual Grammar Design Analysis of Channel's Spring Summer 2021 Campaign Teaser Pictures in the Pandemic Era // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2021. № 539. С. 32-37.
10. Kövecses, Z. Visual metaphor in extended conceptual metaphor theory // *Cognitive Linguistic Studies*. 2020. № 1. С. 13-30.
11. Хань, Я. Исследование способа анализа визуальной риторики в рамках визуального порога функционирования системы. Шанхай, 2022. 288 с. (На кит. яз.).
12. O'Halloran, K. L. Matter, meaning and semiotics // *Visual Communication*. 2022. № 1. С. 174-201.
13. Будаев, Э. В. & Чудинов, А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 215 с.
14. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. 193 с.
15. Ши, Ц. Исследование межкультурной адаптивности на основе мультимодальных метафор на обложках журналов // *Современная лингвистика*. 2024. № 7. С. 193-199. (На кит. яз.).
16. Крюкова, Н. Ф. Метафора как прагматическое средство при построении художественного текста дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2018. 288 с.
17. Ma, T. & Gao, Y. Построение и критический анализ мультимодальной метафоры в американских политических карикатурах: на примере торгового конфликта между Китаем и США // Исследования по иностранным языкам. 2020. № 1. С. 25-32. (На кит. яз.).
18. Таймур, М. П. Лингвокреативность в мультимодальном дискурсе (на материале английского языка). Москва: Руслайнс, 2022. 168 с.
19. Милютина, М. Г. & Сальнов, Е. А. Метафора в креолизованном публицистическом тексте (на примере статьи А. А. Проханова "храм и вертеп") // *Вестник Удмуртского университета*. 2018. № 3. С. 462-470.
20. Вайгандт, К. Э. Поликодовая метафоризация в текстах социальной рекламы // *Неофилология*. 2018. № 4. С. 25-32.

21. Чжао, С. & У, Ю. Критический анализ преднамеренной метафоры в политических карикатурах об энергетическом кризисе: на примере мультимодальной метафорической сцены "здоровье и болезнь" // Исследования по иностранным языкам. 2024. № 2. С. 1-6. (На кит. яз.).

22. Цюй, Х. & Хэ, Ц. Влияние маркетинга в социальных сетях на готовность к распространению: анализ посреднического эффекта поведенческих установок // Журнал Дунхуйского университета (естественные науки). 2019. № 5. С. 765-771. (На кит. яз.).

23. Siagian, C. B. Understanding the Meaning of an Advertisement Text through Interpersonal Function Analysis // Anglophilic Journal. 2024. № 1. С. 30-37.

24. Leech, G. N. English in Advertising. London: Longman, 1966. 198 с.

25. Чэн, С. О прагматичных пресетах в рекламном плане // Современная риторика. 1999. № 1. С. 38-39. (На кит. яз.).

26. Ван, Л. Исследование интертекстуальности в транснациональном рекламном дискурсе // Компьютеризированное обучение иностранным языкам. 2019. № 6. С. 113-120. (На кит. яз.).

27. Opran, E. Elements of intertextuality in advertising discourse // Social Sciences and Education Research Review. 2022. № 1. С. 220-224.

28. Лю, Ш. & Ли, Ч. Конструирование йога-моды: анализ критического дискурса на основе рекламы // Современная коммуникация (Журнал Коммуникационного университета Китая). 2020. № 11. С. 131-135. (На кит. яз.).

29. Сюань, Ч. & Сюй, Ц. & Е, С. Влияние вредоносной рекламы в социальных сетях на восприятие государственного управления: регулирующая роль социального класса // Вестник Аньхойского педагогического университета (социальные науки). 2025. № 2. С. 82-94. (На кит. яз.).

30. Сюй, Ч. & Лю, В. Мультимодальный дискурс-анализ телевизионной социальной рекламы // Литературное образование. 2021. № 9. С. 61-63. (На кит. яз.).

31. Гао, Я. & Ван, Д. Исследование механизма смыслопорождения западной графической рекламы наркотиков с точки зрения мультимодальной метафоры и метонимии // Изучение иностранных языков. 2025. № 1. С. 70-80. (На кит. яз.).

32. Син, Ч. & Фэн, Д. Исследование интертекстуальности мультимодального рекламного дискурса с критической точки зрения // Языковое образование. 2019. № 1. С. 74-79. (На кит. яз.).

33. Edouihri, A. The Discourse of Advertising: The Power of Language // International Journal of Research in Education Humanities and Commerce. 2024. № 5. С. 1-8.

34. Чжао, С. Конструирование женского образа в парфюмерной рекламе через мультимодальную метафору // Вестник Чжэцзянского университета иностранных языков. 2020. № 5. С. 30-39. (На кит. яз.).

35. Се, Ц. & Куан, Ф. Конструирование значения мультимодальной метафоры в новостных карикатурах о COVID-19 с точки зрения теории концептуальной интеграции // Иностранные языки и литература. 2021. № 3. С. 86-96. (На кит. яз.).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается роль мультимодальной метафоры в управлении социумом с помощью цифровых интеллектуальных технологий. Актуальность исследования обосновано аргументируется тем, что сегодня «основной вызов для государственного управления заключается в том, как с помощью эффективных

коммуникационных стратегий преобразовать сложные технологические системы управления в понятные и приемлемые для общественности когнитивные схемы», причем «в этом контексте мультимодальная метафора, как способ кросс-семиотического конструирования смысла, играет всё более важную роль в публичных коммуникациях». Теоретической основой работы выступили труды российских и зарубежных исследователей, посвященные вопросам мультимодального дискурса, различным аспектам рекламного дискурса, метафоре и метонимии в мультимодальном контексте, изучению интертекстуальности и др. Библиография состоит из 35 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Следует отметить, что список литературы представлен значительным количеством актуальной научной литературы (около 60% за последние 5 лет), что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому предмету.

Методология проведенного исследования в статье не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы используются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; когнитивный и дискурсивный анализы; методы социокультурного и интертекстуального анализа.

В ходе работы проведен анализ исследований мультимодальной метафоры в рамках критико-когнитивного подхода по микро-, мезо- и макроуровневому направлениям; рекламного дискурса в отечественной и зарубежной науке, рассмотрены тенденции данного исследования, которое «фокусируется на механизмах функционирования мультимодальной метафоры в рамках концепции цифрово-интеллектуального управления обществом, используя в качестве характерного примера рекламную кампанию «Городской мозг» города Ханчжоу, что полностью соответствует современной тенденции интеграции исследований мультимодальной метафоры и рекламного дискурса». Достаточно подробно и наглядно характеризуется механизм синергетического конструирования мультимодальной метафоры «Городской мозг». Обосновывается логика цифрово-интеллектуального управления в построении мультимодальной метафоры («в этом процессе рекламный ролик служит не просто средством передачи информации, но интерфейсом когнитивного преобразования — через синергию мультимодальных метафор он превращает футуристический образ цифрового города в осязаемый опыт общественного сознания»).

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования заключается в том, что его результаты расширяют знание в области мультимодального дискурса и мультимодальной метафоры, могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике, в вузовских курсах по теории дискурса, теории метафоры, коммуникативной лингвистике, социолингвистике, цифровым коммуникациям, а также в практике цифрового интеллектуального управления.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, хотя некоторые выражения вызывают вопросы, например, «цифрово-интеллектуальные технологии» и «цифрово-интеллектуальное управление». По мнению рецензента, их стоит заменить на «цифровые интеллектуальные технологии», «цифровое интеллектуальное управление».

Также обращаем внимание, что в тексте иногда отсутствуют пробелы между словами (см «Теоретическое направление разрабатывает методологические основания», «автономная нервная система» городского мозга», «регуляторные функции живого организма, которые осуществляются без участия сознания», «эффект

«жизнеподобного» функционирования городской инфраструктуры»).

Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кузьмина А.А. Сюжетно-композиционные особенности олонхо С. Н. Каратаева «Сююлэлджин Бootур» // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75874 EDN: TYGGZV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75874

Сюжетно-композиционные особенности олонхо С. Н. Каратаева «Сююлэлджин Бootур»

Кузьмина Айталина Ахметовна

ORCID: 0000-0001-7051-9009

кандидат филологических наук

Старший научный сотрудник; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

677027, Россия, республика Саха (якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1, оф. 414

✉ aitasakha@mail.ru

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.75874

EDN:

TYGGZV

Дата направления статьи в редакцию:

14-09-2025

Аннотация: Предметом исследования статьи является сюжетно-композиционная структура якутского героического эпоса. Объектом исследования выступает олонхо «Сююлэлджин Бootур» (1940) С. Н. Каратаева из Вилюйского района. Поэтика сюжета олонхо в целом, в частности сюжетная структура, композиция, все еще недостаточно проанализирована. Актуальность исследования определяется необходимостью в системном изучении эпического наследия сказителя С. Н. Каратаева и выявлении художественного своеобразия его олонхо, представляющего собой эталонный образец вилюйской эпической традиции. Цель работы – изучение и выявление особенностей сюжетно-композиционной организации олонхо «Сююлэлджин Бootур» в контексте эпического наследия якутов. Результаты исследования могут быть использованы в фольклористике при решении проблем поэтики эпического текста, а также при составлении учебно-методических материалов по якутскому фольклору. В работе применен метод структурного, структурно-семантического и сравнительного анализа.

Основной методологической разработкой является сюжетная модель эпоса, предложенная И. В. Ершовой. Научная новизна исследования состоит в проведении первого системного анализа поэтики олонхо «Сююлэлджин Бootур» С. Н. Карапаева и определении специфики сюжетно-композиционной организации вилюйской эпической традиции в сопоставлении с иными региональными версиями якутского эпоса. В результате исследования было установлено, что оба текста олонхо С. Н. Карапаева являются самостоятельными эпическими повествованиями. Определили, что «Сююлэлджин Бootур» представляет переходную форму эпоса – от архаических сказаний о родоначальниках к позднему эпосу о защитниках племени. В тексте сочетаются мотив героического сватовства с темой борьбы с демоническими силами, а также сохраняются архаические элементы: внутрисемейные конфликты и образ женщины-богатырки. Выявили, что зacin в олонхо играет ключевую роль, определяя дальнейшее развитие сюжета и организуя композицию эпоса. Вступительная часть олонхо «Сююлэлджин Бootур» показывает значительное сходство с зacinом сказания «Богатырь Тонг Саар» в композиции и формульности. Предложенная сюжетная модель (героическая коллизия (мотивировка выезда); сборы в богатырский поход; путь; препятствия в пути; героическое действие; последствия действия; возвращение на родину), отражающая семантику упорядочивания хаоса в космос, может быть использована для анализа других текстов олонхо.

Ключевые слова:

якутский героический эпос, олонхо, сюжет, композиция, структура, сюжетная модель, поэтика, зacin, пространственно-временная организация, вилюйская эпическая традиция

Выражаю благодарность ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН за возможность проведения исследований на научном оборудовании Центра по гранту № 13.ЦКП.21.0016.

Введение

Сюжетность рассматривается в качестве одного из базовых признаков эпического повествования [23, с. 34]; [24, с. 51–52]. Поэтика сюжета в эпосе исследована в трудах отечественных ученых А. Н. Веселовского [4], Б. Н. Путилова [20–21], В. Я. Проппа [19], Е. М. Мелетинского [14], С. Ю. Неклюдова [16], Л. А. Астафьевой [11], Н. В. Емельянова [5–8], Н. Б. Пурвеевой [23], Л. Н. Семеновой [25], Н. В. Петрова [18], И. В. Ершовой [9] и др. Как отметил Б. Н. Путилов, в отличие от литературоведов, которые противопоставляют сюжет фабуле, фольклористы рассматривают сюжет в планах содержания («внешнего и внутреннего, поверхностного и глубинного») и выражения («система построения, мотивировки, структурные особенности») [21, с. 185]. Это говорит о том, что при изучении поэтики сюжета устного эпоса есть некоторые различия, которые необходимо учитывать. Сюжеты якутского олонхо были объектом исследования ученых [17]; [26]; [22]; [8]; [25]. Однако поэтика сюжета олонхо в целом, в частности сюжетная структура, композиция, все еще недостаточно проанализирована.

Без детального анализа отдельных эпических произведений, в частности олонхо «Сююлэлджин Бootур» С. Н. Карапаева, и без глубокого погружения в его художественную структуру невозможно полноценно раскрыть все богатство поэтического языка, локальное своеобразие и уникальные черты якутского эпоса в целом. В то время

как олонхо С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар» получило достаточно широкое освещение в трудах исследователей эпоса [\[12\]](#), произведение «Сююлэлджин Бootур» остается практически не изученным и ожидает своего исследователя. Анализ этих текстов олонхо позволит выявить особенности сказительского искусства С. Н. Каратаева в условиях устного бытования эпоса.

Цель проекта — выявление особенностей сюжетно-композиционной организации олонхо «Сююлэлджин Бootур», относящегося к вилюйской эпической традиции.

Новизна исследования заключается в первом комплексном анализе поэтики олонхо «Сююлэлджин Бootур» С. Н. Каратаева и выявлении особенностей сюжетно-композиционного строения вилюйской традиции в сравнении с другими локальными версиями эпоса.

В работе будет применен метод структурного, структурно-семантического, сравнительного анализа.

Материалом исследования выступает олонхо «Сююлэлджин Бootур» С. Н. Каратаева, рассматриваемое в качестве образцового текста вилюйской эпической традиции [\[11\]](#). Для сравнения используется другой текст того же автора — «Богатырь Тонг Саар» [\[10\]](#).

Из истории записи и публикации

Семен Николаевич Каратаев, именитый сказитель, народный певец, запевала танца осуохай, сказочник, знаток старины из Кыргыдайского наслега Вилюйского (бывшего Средневилюйского) улуса. С ним работали известные собиратели якутского фольклора А. Е. Кулаковский, А. А. Саввин и П. Я. Туласынов. Ему принадлежат две записи олонхо — «Богатырь Тонг Саар» («То□ Саар бухатыыр») и «Сююлэлджин Бootур» («Сүүлэлдьин Бootур»). Первый текст олонхо был записан в 1938 г. А. А. Саввина во время Вилюйской экспедиции и издан в 2004 г. в рамках серии «Саха боотурдара». Вышли несколько научных статей, раскрывающих особенности поэтики данного олонхо. А второй текст олонхо, хотя был издан в 2011 г., все еще остается недостаточно изученным. К сожалению, до сих пор не обнаружена запись, сделанная А. Е. Кулаковским, возможно, рукопись утеряна.

Олонхо «Сююлэлджин Бootур» был записан в 1940 г. фольклористом, писателем П. Я. Туласыновым. Он сдал рукопись олонхо в Институт языка и культуры при Совнаркоме Якутской АССР 21 января 1941 г. На обложке рукописи сделана пометка: «Всего 13000 строк, оплата 2000 руб». [\[11, с. 100\]](#).

Следует кратко охарактеризовать собирательскую деятельность П. Я. Туласынова, который в 1940–1941 гг., будучи корреспондентом Института языка и культуры при Совнаркоме Якутской АССР, записал 9 текстов олонхо: «Сююлэлджин Бootур» С. Н. Каратаева из Вилюйского района (1940), «Мюгюлю Бёгё», «Дарда Буурай Тойон, Даары Дархан Хотун», «Внук восьми божеств-айыры Богатырь Албан Саар и Хара Мэкирдиэн» Г. М. Тарасова из Малтанского наслега Горного района (1941), «Богатырь Ала Туйгун» И. Я. Тарасова из Солонгонского наслега Горного района (1941), «Богатырь Кэнэли Хаалдьыт» Н. М. Захарова из Солонгонского наслега Горного района (1941), «Мюлджю Бёгё» И. А. Николаева из I Лючинского наслега Кобяйского района (1941), «Даадар Хара» Н. Яковлева из Мегино-Кангаласского улуса (1941). Известно, что в 1944–1945 гг. он работал заведующим сектором фольклора в Союзе писателей Якутии. К сожалению, в 1949 г. в возрасте 33 лет оборвалась жизнь талантливого писателя и ценителя

народного творчества.

А. А. Саввин в 1938 г. записал 16 названий олонхо из репертуара С. Н. Карапаева: «Богатырь Тонг Саар», «Внук божества Айысыт старик Ала Хара», «Внучка божества Иэйэхсит старуха Илэ Хара», «Сиэрсимэ Бэрэгэн», «Богатырка Кыччыгый Кыыс», «Джэр Уолан», «Богатырь Болуосун», «Священная Силигилээн Кую», «Элдэжигэн Бёгё», «Соргуустай Бэрэгэн», «Айаныыт Бёгё», «Бэйбэлджин Тулаайах», «Старик Улаанай», «Ого Даадар», «Айталы Кую», «Многострадальный Эр Соготох»[\[11, с. 5\]](#). Однако здесь не упоминается название олонхо «Сююлэлджин Боотур», которое появилось уже через два года. Это позволяет предположить, что эпический репертуар якутских сказителей мог меняться в течение короткого времени. Исследователь якутского фольклора Г. М. Васильев, тесно работавший с известным олонхосутом Н. А. Абрамовым-Кынат, отметил вариативный характер фольклорных олонхо: «Олонхо, сказал он, всегда можно обновлять, изменяя имена богатырей, перипетии борьбы (охсуууутун-этииитин), то есть действие и сюжетные события. Словом, этот выдающийся сказитель подтвердил истину, что настоящий олонхосут способен как угодно видоизменять, варьировать свое олонхо, то сокращая, то добавляя, то усложняя, то упрощая цепь эпических событий, мотивы борьбы и подвиги богатырей-героев. В равной мере они могут сказывать об одном поколении или о двух и трех поколениях богатырей»[\[2, с. 84\]](#)

Мать С. Н. Карапаева Екатерина (Кэчииинэ) тоже была певицей и олонхосутом. Семен Николаевич освоил мастерство матери и уже с двадцатипятилетнего возраста начал самостоятельно исполнять олонхо и песни, которые быстро стали популярными среди народа. Из 17 нам известных олонхо, он постоянно исполнял семь сказаний. Самым излюбленным эпосом был «Богатырь Тонг Саар». Эпосовед Н. В. Емельянов отметил, что С. Н. Карапаев никогда не бывал за пределами Вилюйского района, и, несмотря на это, сюжетика олонхо сильно усложнилась «в пределах одной локальной традиции»[\[5, с. 113\]](#). Тем не менее его эпосотворчество оказало влияние не только на своих земляков, но и на олонхосутов из соседних районов. Есть сведения, что народный певец, олонхосут С. А. Зверев-Кыыл Уола встретился с С. Н. Карапаевым[\[11, с. 3\]](#). Верхневилюйский олонхосут И. М. Жендринский указывал, что перенял олонхо «Богатырь Тёбё Тёрюёх» у вилюйского сказителя Сергея Попова, который, в свою очередь, был слушателем и учеником С. Н. Карапаева.

Следует отметить, что некоторые олонхо С. Н. Карапаева названы в честь других персонажей из олонхо «Богатырь Тонг Саар». Например, в данном олонхо имеется образ брата-быка по кличке Сююлэлджин Боотур, который помогает своему родному брату-человеку; имена родителей богатыря Тонг Саар стали названиями отдельных текстов олонхо: «Внук божества Айысыт старик Ала Хара» («Айыыыт сиэнэ Ала Хара олоннэйор»), «Внучка богини Иэйэхсит старуха Илэ Хара» («Иэйэхсит сиэнэ Илэ Хара эмээхсин»).

Несмотря на предположения Г. С. Васильева и Э. Я. Яковлева, участвовавших к подготовке текста олонхо «Сююлэлджин Боотур» к изданию, о том, что данное олонхо является продолжением сказания «Богатырь Тонг Саар», мы согласны с мнением профессора В. В. Илларионова, что это олонхо является отдельным, самостоятельным текстом, не имеющим отношения к продолжению «Богатырь Тонг Саар»[\[11, с. 5-6\]](#). В олонхо «Сююлэлджин Боотур» одноименный герой не является быком, сюжет построен по иным принципам и имеет совершенно иное содержание. В итоге, два текста олонхо в исполнении С. Н. Карапаева были изданы без русского перевода и остаются доступными преимущественно для якутской аудитории.

После исполнения олонхо «Богатырь Тонг Саар» и «Сююлэлджин Бootур» С. Н. Каатаев исполнял почти идентичные песнопения «Олонху кутургун салайыыта» (букв. «Направление хвоста олонху»), которые были зафиксированы А. А. Савиным, и П. Я. Туласыновым. Данное ритуальное песнопение выполняло обрядовую функцию, имело сакральное значение для исполнителя и слушателей. Это свидетельствует о строгом соблюдении С. Н. Каатаевым ритуально-исполнительских канонов, характерных для сказительской школы Вилюйского региона. В данном песнопении поется о родине и жизни сказителя С. Н. Каатаева, т. е. текст песни не связан с сюжетом олонху.

О сюжетно-композиционном построении олонхо «Сююлэлджин Бootур»

Н. В. Емельянов заметил, что «в олонху, состоящих из двух частей, в первой обычно повествуется о строительстве жизни племени айыы аймага в Среднем мире, а во второй рисуется защита племени айыы от агрессивных действий абаасы аймага» [6, с. 180]. Олонху С. Н. Каатаева «Сююлэлджин Бootур» состоит из двух частей: в первой части повествуется о героических деяниях и женитьбе богатыря Сююлэлджин Бootур, а во второй — его сестры Туналыкаан Кую. Следует отметить, что другое сказание С. Н. Каатаева «Богатырь Тонг Саар» рассказывает о героическом сватовстве богатырей двух поколений — отца и сына. Таким образом, два текста олонху вилюйского сказителя С. Н. Каатаева показывают, что сюжетные темы могут не эволюционировать в пределах одного текста олонху.

Н. В. Емельянов включил олонху «Сююлэлджин Бootур» в сюжетно-тематическую группу о родоначальниках ураангхай-саха, в подгруппу олонху с различными сюжетами [8, с. 177-182]. А В. В. Илларионов относит это олонху к сюжету олонху о защитниках племени айыы аймага [11, с. 6]. Однако такое разделение сюжетов олонху на определенные группы носит условный характер. Кроме того, существуют переходные формы сюжетно-тематических групп. Так, олонху «Юноша Одинокий Великий Нюргун», по Н. В. Емельянову, является «переходным от сказаний о родоначальниках ураангхай саха к сказаниям о защитниках племени, в которых сюжетной темой служит уже не борьба одинокого (первого) человека за создание семьи, а борьба за мирную счастливую жизнь, против зла, олицетворяемого племенем абаасы» [5, с. 169].

На наш взгляд, сюжетно-тематическая группа олонху С. Н. Каатаев «Сююлэлджин Бootур» как раз относится к такой переходной форме от сказаний о родоначальниках ураангхай-саха к эпосу о защитниках племени айыы аймага, когда героическое сватовство тесно связано с темой спасения соплеменников от злодеяний абаасы. При этом имеются сюжетные мотивы о внутрисемейных, внутриродовых конфликтах, характерные для ранних типов олонху о заселении Среднего мира (сюжеты олонху о сыне лошади Дыырае) [7, с. 9]. Агрессивное отношение брата к женихам своей сестры, независимо от их принадлежности к племенам айыы или абаасы, а также насилистственные действия (вербальные оскорблении, избиение и порабощение) в отношении родной сестры и соперничество между братом и сестрой — все это не соответствуют богатырской героике олонху о защитниках племени. Как отметил Н. В. Емельянов, в ранних типах олонху «этническое самосознание почти отсутствует, а в олонху о защитниках племени оно уже развито в значительной мере» [6, с. 6]. Вероятно, низкий уровень этнической идентификации обуславливает появление данных мотивов о внутрисемейных противостояниях.

Олонху о женщинах-богатырках характерны для всех этапов эволюции сюжетов олонху. Одним из архаичных мотивов считается «женщина-богатырка берет в плен богатыря-

абаасы и делает его своим рабом». Данный мотив в сюжете олонхо о родоначальниках превращается в мотив, когда «девушка сама «берет в мужья» чудесным образом появившегося перед ней Отважного Окуолая, а после брака Отважный Окуолай остается жить в стране жены» [5, с. 140]. В олонхо «Сююлэлджин Бootур» богатырка Туналыкаан Кую сама предлагает себя в жены прибывшему богатырю Кёмюс Эрисиэнгки с просьбой спасти его сестру от абаасы, на что богатырь айыры соглашается. Такое поведение богатырки, в отличие от обычной девушки, не считается предосудительным.

Видно, что сюжетно-тематические группы олонхо не являются изолированными конструктами. Они образуют гибкую, динамичную систему, где одна группа может выступать ядром повествования, а другие — выполнять функцию осложняющих элементов или художественного обрамления.

Роль эпического зачина в сюжетно-композиционной структуре олонхо

Эпический зчин в олонхо представляет собой масштабное описание времени действия, пространства, главного героя и его происхождения (причём последовательность этих элементов, как правило, остаётся неизменной) [15, с. 185]. Он выполняет фундаментальную роль, выступая системообразующим элементом сюжетно-композиционной структуры, который задает вектор развития всего повествования. Кроме того, вступление содержит в себе культурный код, хранящий и транслирующий архаичные пласти мифологического сознания и этические представления народа саха.

В центрально-якутской традиции олонхо вступительная часть отличается большим объёмом, насыщенностью и поэтической выразительностью по сравнению с периферийными вариантами, включая вилюйские. Вероятно, такая детализация зачина сложилась в результате длительной эволюции и совершенствования исполнительского мастерства сказителей приленско-амгинского региона. Изначально же архаический зчин олонхо, сохранившийся в вилюйских и северных традициях, был значительно короче.

Эпическое сказание «Сююлэлджин Бootур» в исполнении С. Н. Каратаева открывается канонической формулой времени, характерной для якутской традиции олонхо: «Былыргы дыыл / Быылааннаах мындаатыгар, / Урукку дыыл / Охсууулаах улханыгар, / Эргэтээ и дыыл / Этииилээх эккинигэр...» (букв. «На гребне древних веков, сопровождаемых проишествиями, Далеко за гранью канувших боевых лет, В древние дни, полные ссор») (здесь и далее перевод наш. — А. К.) [11, с. 8]. Далее изображается сотворение мира, которое передается следующими словами: «Сир ийэ / Сиэрэй тии кулгааын / Кэрэти: саа бэйэтэ / Тонус киhi туутун курдук / Дьюрулаан ухаан, / Саха киhi хайынарын курдук / Халыйан таранар» («Мать-земля, Величиной с ухо серой белки будучи, Как верша тунгуса, Вытянувшись, как лыжи якута, Расширяется-растягивается») [11, с. 8]. Следует отметить, что такой мотив сотворения мира «Мир расширился из маленькой точки» («Расширяющаяся Вселенная»), часто встречающийся в олонхо Вилюйского региона, отсутствует в другом тексте С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар», что говорит о вариативности зачина талантливого сказителя.

Вступительная часть олонхо «Сююлэлджин Бootур» имеет много сходств с текстом сказания «Богатырь Тонг Саар». Однако в данном олонхо богатырь имеет родителей и родных двух братьев и сестру. Если братья играют довольно пассивную роль, то сестра во второй части повествования будет героиней сюжета.

В композиционной структуре зачина вслед за знакомством с героями олонхо следует

новаторское, повторное описание эпического времени, включающие христианские понятия [\[11, с. 13\]](#) и топонимические обозначения российских городов. Важно отметить, что эти географические реалии не играют никакую роль в пространственной организации эпического сюжета: «Дъирбийт куорат / Тэриллэ илигинэ, / Баабырыкка / Малыччы суюн саана, / Арассыйга куорат / Ааньна ахтылла илигинэ, / Москубу куорат Болчулла илигинэ, / Бөтөрбүүр куорат / Бүтүллэнэ илигинэ, / Уркуускай куорат / Олончун була илигинэ, / Дьокуускай эбэ хотун / Долуой суюх эрдэйинэ, / Бэрдьигэстээх эбэ хотун / Букатын биллэ илигинэ...» («До того, как был образован город Ирбит, когда вообще не было фабрик, когда еще толком не вспоминали о городе Россия, до того, как был установлен город Москва, до того, как был образован город Петербург, до того, как был основан город Иркутск, когда вообще не было города Якутска, когда еще не был известен Бердигестях...») [\[11, с. 14\]](#).

В центре повествования расположено урочище-алаас Среднего мира, относящееся к категории «своего» пространства — места рождения и обитания эпического богатыря/богатырки. Как отмечает С. Ю. Неклюдов [\[16, с. 119\]](#), архаический эпос воссоздает «центробежную» мифологическую модель: герой изначально пребывает (рождается или создается) в космическом центре мира (а не географическом), а его род/племя, будучи единственным воплощением этнического, отождествляется с истинно человеческим началом, противостоящим демонизированной периферии, которую богатырь должен укротить и очистить. Якутский эпос сохраняет эту схему — движение героя направлено от центра к окраинам, что символизирует упорядочивание пространства и преобразование хаоса в космос.

В зчине олонхо «Сююлэлджин Боотур» описывается священная береза Аар Кудук Хатын, образно соединяющая три мира: её корни простираются до коновязи верховного божества Верхнего мира, а корни уходят в обитель существ Нижнего мира [\[11, с. 10-11\]](#). Следует отметить, что данное описание почти идентично с передачей образа священной березы в другом олонхо С. Н. Карапаева «Богатырь Тонг Саар» [\[10, с. 24-28\]](#). Согласно мифологическим взглядам сказителей, в этом дереве обитает дух-покровитель земли Аан Алахчын Хотун, принимающий облик старухи, которая благословляет героя и направляет его путь. В центральных вариантах эпоса вместо березы фигурируют другие сакральные деревья — Аал Луук Мас, Аар Мас или Аар Кудук Мас, тогда как в северной традиции иногда встречается образ лиственницы.

Можно предположить, что особый сакральный статус березы как мирового дерева в вилюйской эпической традиции сложился благодаря большей сохранности архаичных верований и обрядовых практик у якутов Вилюйского региона. Этот образ глубоко укоренён в местной мифологии: береза ассоциируется с духами-иччи, используется для украшения во время праздника ысыах и свадебных церемоний (уруу), её ветви применяют как родовой оберег, а из древесины изготавливают ритуальные сосуды чороон [\[3\]](#).

В эпических сказаниях Вилюйского региона образ священной изобильной березы обычно описывается довольно скрупульно. Однако в произведениях выдающихся олонхосутов, таких как С. Н. Карапаев и И. П. Кутуруков, встречаются развернутые описания этого символа, что отражает их высокое исполнительское мастерство и, вероятно, влияние центрально-якутской (приленской) эпической традиции.

В их исполнении через композиционный прием контраста раскрывается символика священной березы Аар Кудук Хатын: ее корни, уходящие в глубины Нижнего мира,

сдерживаются камланием шаманов смерти (өлөр өлүү күп ойууттара), тогда как верхние ветви, достигающие Верхнего мира, останавливаются в своем росте действиями шаманок (айыры дъаргыл удааттар). Таким образом выстраивается бинарная оппозиция, противопоставляющая Нижний и Верхний миры, «черное» и «белое» шаманство, мужское и женское начало. Этот художественный прием подчеркивает, что мировое древо объединяет и гармонизирует всю вселенную в единое целое.

В тексте применяется прием параллелизма как композиционного повтора. Например, отведав золотистого целебного сока священной березы, девяностолетний старец превращается в девятнадцатилетнего юношу, а восьмидесятилетняя старуха — в восемнадцатилетнюю девушку. Обретя молодость, они начинают вести чрезмерно активную и распущенную половую жизнь, причиняя немало беспокойств окружающим. В результате юношу принудительно отправляют на девятилетнюю работу на завод, а девушку заключают в тюрьму (*сибииркэбэ*) на семь лет. Особенно примечательно здесь авторское новаторство, проявляющееся во введении современных реалий (завод, тюрьма), незнакомых традиционной якутской культуре.

Эпические сказания вилуйских и северных якутов сохраняют отголоски традиционной охотничьей культуры. Ярким примером служит олонхо С. Н. Карапаева, где детально изображаются развернутые сцены промысловой деятельности, а также подробно описывается технология обработки пушнины и производства меховой одежды [11, с. 14-15].

Как справедливо отмечает С. Ю. Неклюдов, «чем полнее и подробнее описание изначальной гармонии, тем драматичнее вторжение. Однако в конце концов демонические силы (в более поздних формах превращающиеся во враждебных иноплеменников/иноверцев) будут подавлены богатырем, своей деятельностью как бы продолжающим процесс первотворения» [16, с. 41]. Таким образом, вступительная часть олонхо С.Н. Карапаева создает необходимую предпосылку для развития напряженного повествования.

Сюжетная модель якутского героического эпоса

Сюжетная структура олонхо, подчинённая строгим канонам, обеспечивает устойчивость традиции и одновременно позволяет импровизировать в рамках заданной модели. Основываясь на исследованиях И. В. Ершовой [9] и Б. Б. Манджиевой [13], мы представляем следующую сюжетную модель олонхо «Сююлэлджин Бootур» С. Н. Карапаева, которая состоит из следующих элементов, почти повторяющихся на второй части произведения:

- 1) героическая коллизия (мотивировка выезда);
- 2) сборы в богатырский поход;
- 3) путь;
- 4) препятствия в пути;
- 5) героическое действие;
- 6) последствия действия;
- 7) возвращение на родину.

Данная сюжетная модель может варьироваться: зачастую путь богатыря описывается кратко, буквально несколькими словами, такими как «уехал», «приехал»; после героического деяния богатырь со своей суженой может вернуться на родину без каких-либо последствий или препятствий.

Героическая коллизия (мотивировка выезда). В героической коллизии раскрывается причина, побуждающая героя к деянию [\[9, с. 52\]](#). Данный компонент имеет структурно-определяющее значение для классификации сюжетно-тематических типов эпических сказаний. В частности, в вилюйской традиции преобладают сюжеты о родоначальниках ураангхай-саха, что детерминирует специфическую мотивацию героя, связанную с созданием семьи, продолжением рода. При этом мотив героического сватовства часто синкетично сочетается с функцией защиты племени айны аймага от демонических сил (абаасы), проявляясь в таких сюжетных моделях, как освобождение похищенной девушки, спасение побежденных соплеменников. Важно отметить, что в отдельных текстах может наблюдаться несколько побудительных причин героя, обусловливающих его выезд.

Так же, как и в олонхо «Богатырь Тонг Саар», в олонхо «Сююлэлджин Боотур» прослеживается несколько мотивировок выезда богатыря. В первую очередь, главный герой Сююлэлджин Боотур желает испытать свою силу, потягаться с богатырями других стран, миров; наряду с этим он хочет найти свою суженую [\[11, с. 17-18\]](#). Согласно анализу Л. Н. Семёновой, нарушение космического порядка может быть инициировано самим эпическим героем, чья бунтарская природа приводит к дестабилизации собственного миропорядка [\[25, с. 152\]](#). В данном контексте подразумевается характерная для богатырского архетипа потребность в соревновательной практике с другими воинами, экзистенциальной проверке собственных возможностей.

Во второй части повествования олонхо героиня-богатырка Туналыкаан Кую в основном защищает интересы своего племени айны аймага. Однако мотивы, побудившие героиню к отъезду, не получают чёткого и развёрнутого объяснения. После женитьбы его брата Сююлэлджин Боотура, богатырка не только проявляет недюжинную силу, но и решает жить отдельно от него. Финальный героический поход инициирован необходимостью спасения сестры супруга главной героини, что подчеркивает интеграцию героини в патрилокальную семейную систему и соответствующее снижение её роли в эпическом действии, когда ее муж становится главным действующим лицом. По Л. Н. Семёновой, защитная функция эпического героя в отношении своего племени носит космогонический характер, поскольку направлена на восстановление изначальной гармонии мироздания, подвергшейся деструктивному воздействию со стороны хтонических существ (абаасы) [\[25, с. 152\]](#).

На наш взгляд, сказители олонхо сознательно стремились к вариативности мотивационных схем выезда героя, особенно при усложнении нарративной структуры за счет введения дополнительных персонажей и связанных с ними сюжетных линий. Повторяемость мотивов могла снизить художественную выразительность произведения, что побуждало исполнителей к созданию новых типов персонажей — в частности, образа сестры-богатырки, — что позволяло поддерживать повествовательную динамику и сохранять внимание аудитории.

Сборы в богатырский поход. Так же, как и в другом сказании С. Н. Карапаева «Богатырь Тонг Саар», в эпическом повествовании олонхо «Сююлэлджин Боотур» процесс подготовки к путешествию занимает структурно значимую позицию, а его

детализированное изображение служит маркером сюжетной важности предстоящего события. Дважды встречается мотив наездки коня, которая довольно редко описывается в других олонхо. Считается, что наездка коня интерпретируется как более поздний элемент, сформированный под влиянием скотоводческой практики и бытового опыта. В данном олонхо отсутствует образ духа-хозяйки земли Аан Алахчын, которая обычно вскармливает богатыря грудью, совершают обряд благословения, наделяет его именем, определяет маршрут пути, предсказывает судьбу и т.д. Вместо нее богатырский конь сам советует своему хозяину достать из его уха снаряжение, оружие, помыться в бане и принять алкогольный напиток. Последние два действия, вероятно, появились под влиянием русской культуры, тогда как каноническая эпическая модель предполагает использование живой воды. А во второй части повествования олонхо добавляются еще эпизоды изготовления мечи у кузнеца Кытай Махсын, благословения трех шаманок Верхнего мира и употребления желтого божественного напитка, принесенного этими шаманками.

Путь. Пространственное перемещение героя, осуществляемое посредством пути, служит важным структурным элементом развития сюжета [\[25, с. 19\]](#). Богатырь Сююлэлджин Боотур и богатырка Туналыкаан Кую совершают свои передвижения верхом на коне. В эпическом тексте описание маршрута может быть как детализированным, так и лаконичным. В олонхо С. Н. Каратаева путь богатыря почти всегда описывается подробно и поэтично, каждый раз применяется эпическая формула неопределенности времени пути «Өр илии бааттын өйдүөбэтэ» / «Өтөр илии бааттын өйдүөбэтэ» — «Не понял долго ли он ехал, Не понял коротко ли он ехал» [\[11, с. 36\]](#).

Препятствия в пути. Передвижение эпического героя в пространстве сопряжено с преодолением многочисленных препятствий. В первой части богатырь Сююлэлджин Боотур в пути три раза встречает женихов его сестры Туналыкаан Кую и вступает с ними в битву, в результате которой два богатыря абаасы (Тимир Дуулага и Уот Кулхай) погибают от его рук, а богатырь айыны Юрюнг Уолан оказывается избитым. В промежутке между описаниями этих препятствий приводится эпизод первого конфликта между главным героем и его сестрой, в котором он обижает свою сестру. Продолжая свой путь, он встречает женщину абаасы Сатыы Даодангай, возжелавшей выйти за него замуж. Победа над этой женщиной приводит к тому, что главный герой возгордился.

Героическое действие. В эпической традиции героические подвиги могут проявляться в двух основных формах: совершение богатырского сватовства и защита сородичей от нападений демонических существ (абаасы). В рассматриваемом олонхо центральным подвигом выступает спасение девушки айыны ытык ылымырдыры Кую, похищенной богатырем абаасы Таас Даадарыном. Хотя первоначально Сююлэлджин Боотур отправляется в путь, чтобы помериться силой с богатырями других стран, испытать, на что он способен, неожиданная встреча с этой девушкой в логове абаасы, пробуждает в нем желание спасти ее и жениться на ней. Битва с богатырем Таас Даадарыном сильно затягивается: они 11 раз вступают в бой в различных локациях Нижнего мира, перевоплощаясь в различных птиц, рыб, животных. Решающим моментом становится закалка богатырей у кузнеца Кытай Махсын, где Сююлэлджин Боотур оказывается сильнее и выносливее.

Во второй части богатырка Туналыкаан Кую помогает своему мужу Кёмюс Эрисиэнгки в битве с богатырем абаасы Тимир Джиппилэ, чтобы спасти сестру мужа по имени Туллуктай Бэргэн. Как замужняя женщина она несколько утрачивает свою силу и инициативу в битве. Главным действующим лицом становится ее муж, который с помощью

выстрела из лука убивает абаасы.

Следует отметить, что значительное количество антропонимов в данном олонхо совпадает с именами персонажей из другого эпического произведения С. Н. Карапаева — «Богатырь Тонг Саар». Однако функциональные роли этих одноимённых персонажей в сюжетах двух текстов кардинально различаются. Так, Сююлэлджин Боотур в первом тексте является главным героем, богатырем, а во втором — помощником сына главного героя, зооморфным персонажем (быком). Аналогичным образом Туналыкаан Кую, являющаяся в первом произведении главной героиней и сестрой Сююлэлджин Боотура, во втором олонхо приобретает иную сюжетную функцию — шаманки Верхнего мира, выполняющей роль чудесной помощницы.

Последствия деяния. Как отмечает И. В. Ершова, завершение одного героического подвига часто становится толчком к развитию нового сюжета [\[9, с. 57\]](#). В якутском эпосе таким толчком обычно служит похищение жены или невесты главного героя богатырем из племени тунгусов. Именно это и происходит в первой части олонхо «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Карапаева, где тунгусский богатырь Арджамаан-Джарджамаан крадет супругу героя. А в олонхо «Сююлэлджин Боотур» тунгусский богатырь заменен богатырем абаасы Тимир Чаалкааном, ездающим на быке с санями-нартами. Словосочетание «наарта сыар□а» больше относится к оленеводческой культуре, нежели к скотоводческой. Таким образом богатырь-абаасы, похищающий невесту героя, характеризуется как тунгусский богатырь.

Прямо перед решающей битвой с богатырем-абаасы Тимир Чаалкааном герой попадает в хитрую ловушку. Женщина-абаасы по имени Сатыы Дуодангай обманывает его: она превращается в свинью, служившую ему ездовым животным, и внезапно бросает его одного посреди огромного моря Араат. Оказавшись в безвыходной ситуации, герой чудом выживает только благодаря помощи трёх шаманок из Верхнего мира, которые прилетают к нему в облике белых стерхов.

Возвращение на родину. Первая часть повествования заканчивается возвращением Сююлэлджин Боотура вместе с женой на родину. Олонхосут красочно описывает сатирическую сцену старухи Симэхсин, которая первой увидела прибывших героев. После свадьбы богатырь Сююлэлджин Боотур утрачивает свою богатырскую силу, занимается охотой, скотоводством и коневодством, т.е. превращается в обычного человека — якута. Вместо него начинается повествование о героических деяниях его сестры-богатырки Туналыкаан Кую.

Вторая часть олонхо завершается беспрепятственным возвращением богатырки Туналыкаан Кую вместе со своим мужем и его спасенной сестрой. В заключительных строках повествуется о гармоничной семейной жизни, полной радости и изобилия.

Заключение

С. Н. Карапаев, являясь одним из наиболее выдающихся представителей вилюйской сказительской традиции, сохранил для последующих поколений два эпических текста: «Богатырь Тонг Саар» (1938) и «Сююлэлджин Боотур» (1940). Второй из названных текстов был опубликован ограниченным тиражом и остаётся малодоступным не только для широкой аудитории, но и для специалистов-исследователей, что до настоящего времени препятствовало его системному анализу. Исследование сюжетно-композиционной организации олонхо «Сююлэлджин Боотур» позволяет утверждать, что оба произведения представляют собой самостоятельные, завершённые эпические повествования, а не варианты или продолжение одного текста.

Проведенный анализ позволяет отнести сюжетно-тематическую организацию олонхо С. Н. Каратаева «Сююлэлджин Бootур» к переходной форме эпического творчества, демонстрирующей трансформацию от архаических сказаний о родоначальниках ураангхай-саха к классическому эпосу о защитниках племени айыы аймага. Особенностью данного произведения является синтез мотива героического сватовства с темой спасения соплеменников от демонических сил абаасы. Параллельно в тексте сохраняются архаические пласти, выраженные через сюжеты внутрисемейных конфликтов, образ женщины-богатырки, что соответствует поэтике ранних форм олонхо.

Зачин в олонхо является не просто вступлением, но и концептуальной основой всего произведения, программирующей его сюжетную динамику и композиционное единство. Вступительная часть олонхо «Сююлэлджин Бootур» показывает значительное сходство с зачином сказания «Богатырь Тонг Саар» в композиции и формульности. В отличие от других регионов Якутии, вилуйская традиция демонстрирует особую значимость образа берёзы как Мирового Древа, что, вероятно, связано с большей устойчивостью здесь древних верований и обрядовых форм.

На основе сюжетной модели Ершовой и Манджиевой мы рассмотрели текст олонхо «Сююлэлджин Бootур» по следующей схеме: героическая коллизия (мотивировка выезда); сборы в богатырский поход; путь; препятствия в пути; героическое деяние; последствия деяния; возвращение на родину. Эта модель в целом соответствует и второй части эпического повествования (о богатырке Туналыкаан Кую). Подобная сюжетная организация олонхо демонстрирует глубокий семантический символизм, отражающий процесс упорядочивания пространства и трансформации хаотических начал в гармоничный космос. Универсальный характер выявленной сюжетной структуры позволяет рекомендовать её использование при анализе широкого круга текстов олонхо.

Ритуальное песнопение «Оло□хо кутуругун салайыты» (букв. «Направление хвоста олонхо»), характерное для вилуйской эпической традиции, на первый взгляд не связано с текстом олонхо, однако, очевидно, что семантическая структура зеркально воспроизводит фундаментальный мифопоэтический сюжет упорядочивания пространства и трансформации хаоса в космос. Обозначенная проблематика представляет собой самостоятельное исследовательское поле и выходит за рамки настоящей статьи.

Библиография

1. Астафьев Л. А. Сюжет и стиль былин: Автореферат ... доктора филол. н. М., 1993. 34 с. EDN: ZKHTFD.
2. Васильев Г. М. Живой родник. Об устной поэзии якутов. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1973. 304 с.
3. Васильев В. Е., Варавина Г. Н. Образ дерева в мифах и ритуалах якутов и северных тунгусов // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 75-77. EDN: VSWBMP.
4. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / Ред., вступит. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. Изд. 4-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 648 с.
5. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М.: Наука, 1990. 208 с.
6. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.
7. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о защитниках племени. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2000. 192 с. EDN: YQVCNN.
8. Емельянов Н. В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. М.: Наука, 1983. 247 с. EDN: YQVDTB.

9. Ершова И. В. Сказание о Сиде в испанском эпосе и историографии средних веков. Структура и эволюция эпического сюжета: Диссертация ... доктора филол. н. М., 2018. 393 с.
10. Каратаев С. Н. Тон Саар бухатыр: Олонхо [Богатырь Тонг Саар: Олонхо]. Якутск: Бичик, 2004. 237 с. (На якут. яз.)
11. Каратаев С. Н. Сүүлэлдьин Бootур [Сююлэлджин Бootур]. Якутск: Цумори пресс, 2011. 122 с. (На якут. яз.)
12. Кузьмина А.А. Система эпических персонажей олонхо «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Каратаева // Litera. 2024. № 1. С. 269-276. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69510 EDN: AXABRQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69510
13. Манджиева Б. Б. Текстология и поэтика Малодербетовского цикла эпоса "Джангар" в контексте эпической традиции калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 416 с. EDN: TPIDJS.
14. Мелетинский Е. М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Текст и культура: Труды по знаковым системам. Вып. 16. Тарту: ТГУ, 1983. С. 115-125.
15. Неклюдов С. Ю. Морфология и семантика эпического зерна в фольклоре монгольских народов // Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература: к 75-летию акад. Б. Л. Рифтина. М.: РГГУ, 2010. С. 185-198. EDN: PVXEKW.
16. Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. 216 с. EDN: VNUZZZ.
17. Ойунский П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание (Опыт анализа якутской сказки) // Сборник трудов исследовательского общества "Саха кэскилэ" = "Saqa Keskile" диэн чинчийэр уобсастыбата үлэтин түмүүтэ. Якутск: б.и., 1927. Вып. 1 (4). С. 98-139.
18. Петров Н. В. Русский эпос: герои и сюжеты. М.: Неолит; Редкая птица, 2017. 280 с. EDN: ZVWCDL.
19. Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.
20. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетообразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти В. Я. Проппа (1895-1970) / Сост. и ред. С. Ю. Неклюдов, Е. М. Мелетинский. М.: Наука, 1975. С. 141-155.
21. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 238 с. EDN: YNUUGV.
22. Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 256 с.
23. Пюрвеева Н. Б. Поэтика героического эпоса "Джангар": Диссертация ... доктора филол. н. Элиста, 2003. 347 с. EDN: NMQYXL.
24. Санжеева Л. Ц. Поэтика фольклорного текста (на материале бурятского эпоса): Диссертация ... доктора филол. н. Улан-Удэ, 2011. 357 с. EDN: OPHVUW.
25. Семенова Л. Н. Семантика эпического пространства и ее роль в сюжетообразовании (на материале якутского эпоса олонхо): Диссертация ... кандидата культурологии. М., 2000. 160 с. EDN: QDBWEX.
26. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с. EDN: YQVRXX.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Сюжетно-композиционные особенности олонхо С. Н. Каратаева „Сююлэлджин Бootур“»

В представленной статье предметом исследования выступает сюжетно-композиционная структура одного из текстов якутского героического эпоса олонхо — произведения «Сююлэлджин Бootур» в исполнении сказителя С. Н. Каратаева, представляющего вилюйскую традицию олонхо. Анализ направлен на выявление сюжетных моделей, структуры повествования, локальных особенностей, а также на соотнесение текста с общими закономерностями и типологическими группами эпических сказаний народа саха.

Автор последовательно применяет методы структурного и структурно-семантического анализа, а также сравнительный подход — как в сопоставлении двух олонхо одного сказителя, так и в сравнении с другими региональными версиями эпоса. Значительная часть исследования посвящена интерпретации архетипических структур, символических образов (например, священного дерева), мотивов (героическое сватовство, защита племени) и композиционных элементов (эпический зacin, путешествие, возвращение и др.). Обширный корпус текстов и источников (включая неопубликованные и труднодоступные рукописи) использован как материальная база исследования.

Работа обладает высокой актуальностью, обусловленной тем, что олонхо «Сююлэлджин Бootур» С. Н. Каратаева ранее не подвергался всестороннему научному анализу несмотря на то, что сам сказитель признан одним из наиболее значимых представителей вилюйской традиции. Состояние изученности эпоса Саха демонстрирует явный перекос в сторону более известных текстов центральной традиции, тогда как локальные варианты остаются в тени. Заполнение этого пробела имеет научную и культурную значимость.

Новизна статьи заключается в первом комплексном исследовании конкретного олонхо, прежде игнорируемого академическим сообществом. Кроме того, в работе предлагается оригинальное видение сюжетной типологии — автор убедительно аргументирует переходный характер данного олонхо от архаических сказаний о родоначальниках ураангхай-саха к классическим эпосам о защитниках племени айыы аймага. Выдвинуты важные наблюдения о мотивах, сюжетных функциях персонажей, вариативности зacinа и ритуальных песнопений.

Текст статьи выдержан в строгом академическом стиле, отличается высоким уровнем научной аргументации, логической последовательностью и лексической точностью. Структура статьи включает введение, постановку цели, описание материала, аналитические разделы и заключение, что соответствует требованиям к научным публикациям. Разделы выстроены четко, каждый этап анализа логически обусловлен и завершён. Особенno положительно следует отметить объёмный и насыщенный раздел о роли зacinа и символике священного дерева — он демонстрирует глубокое проникновение в мифопоэтические слои текста.

Список использованных источников внушителен и охватывает как классические труды по фольклористике (А. Н. Веселовский, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, Е. М. Мелетинский), так и специальные исследования по олонхо (Н. В. Емельянов, И. В. Ершова, Л. Н. Семенова и др.). Указаны публикации текстов самих олонхо, включая редкие и малодоступные издания. Имеются ссылки на современные научные статьи (в т.ч. 2024 г.), что свидетельствует об актуальности подхода.

Автор корректно полемизирует с предыдущими точками зрения, в частности с гипотезой о том, что олонхо «Сююлэлджин Бootур» является продолжением другого произведения сказителя — «Богатырь Тонг Саар». Приводятся убедительные аргументы, доказывающие самостоятельность анализируемого текста, в том числе на основе структуры, образной системы и сюжета. Внимание к оппонентам свидетельствует о профессионализме автора и о стремлении встроить своё исследование в актуальный научный диалог.

В заключении подведены итоги анализа, даны методологические рекомендации по

дальнейшему изучению олонхо. Работа будет полезна не только специалистам в области фольклористики, якутоведения и эпической поэтики, но также этнографам, культурологам и исследователям традиционного искусства. Кроме того, материал может представлять интерес для педагогов и студентов гуманитарных вузов, изучающих фольклор народов России.

Реценziруемая статья представляет собой оригинальное научное исследование высокого уровня. Она основана на актуальной проблематике, опирается на глубокую теоретическую базу, отличается строгой методологией и ясной структурой и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» без критических замечаний.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чао Ч. История исследований частей речи китайского языка под влиянием Европы (по 1950-е годы) //

Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.74117 EDN: UAPWUY URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74117

История исследований частей речи китайского языка под влиянием Европы (по 1950-е годы)

Чао Чэнъяо

ORCID: 0009-0005-6581-0869

аспирант, Филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет

190000, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Чапаева, 15к1

✉ st120896@student.spbu.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.74117

EDN:

UAPWUY

Дата направления статьи в редакцию:

15-04-2025

Аннотация: Предметом исследования является история изучения частей речи китайского языка под европейским влиянием (до 1950-х гг.). Объектом исследования является эволюция теорий классификации китайских частей речи. Автор подробно рассматривает такие аспекты, как система латинской грамматики влияла на исследования китайской грамматики через работу Ма Цзяньчжуна (1898), в первой половине XX века под влиянием английских грамматических теорий Ли Цзиньси (1924) предложил принцип «предложения как основы», и фокус исследований частей речи переключился на синтаксические функции, и ключевую роль советско-китайской дискуссии 1950-х гг. Особое внимание уделяется тому, как история исследований частей речи в китайском языке (изолирующем языке) прошла путь от простого подражания до соединения с особенностями китайского языка. Историко-лингвистический и описательный анализ с применением хронологического подхода, компаративного изучения европейских и китайских грамматических моделей, анализа трудов ключевых учёных и материалов дискуссий 1950-х гг. Основными выводами проведенного исследования являются: Исследование частей речи китайского языка с самого начала находилось под сильным

влиянием европейских лингвистических парадигм. История прошла путь от простого подражания (Ма Цзяньчжун, 1898) до соединения с особенностями китайского языка. Научные дискуссии между советскими и китайскими учёными в 1950-х годах углубили теории и в итоге сформировали комплексные классификационные стандарты, объединяющие морфологические, семантические и синтаксические критерии. Автор углубил понимание типологических характеристик китайского языка и представил теорию общей лингвистики с неиндоевропейской точки зрения.

Ключевые слова:

часть речи, история, китайский язык, европейские влияния, латинская система, грамматика господина Ма, английская грамматика, предложение как основа, советско-китайские дискуссии, лексико-грамматические категории

Введение

Вопрос о частях речи всегда занимал важное место в лингвистических исследованиях. История исследований частей речи в Европе восходит к Древней Греции, откуда они распространились по всей Европе. В Китае такие исследования начались поздно, и с самого начала они находились под сильным влиянием европейской лингвистики. Классификация частей речи в китайском языке всегда привлекала большое внимание в европейском академическом сообществе. За прошедшее столетие были различные дискуссии о терминологии и даже, например, о невозможности выделения частей речи китайского языка [\[1, с. 43\]](#). В этой статье мы намерены рассмотреть историю изучения частей речи китайского языка под влиянием Европы до 1950-х годов. Объектом исследования являются концепции и эволюция теорий классификации китайских частей речи. Актуальность данного исследования заключается в понимании того, как китайская лингвистика развивалась под европейским влиянием, что важно для современной типологии и разработки критериев выделения частей речи в изолирующих языках. Новизна исследования заключается в систематизации и сравнительном анализе ключевых этапов развития данного вопроса. Работа не только постоянно углубляет понимание типологических характеристик китайского языка, но и предоставляет теорию с неиндоевропейской точки зрения для общей лингвистики.

Введение латинской системы частей речи и

формирование систематической китайской грамматики

В Древнем Китае активно развивалась и функционировала дисциплина сюньгусюе 训诂学, целью которой было комментирование древних китайских текстов. Переписчики и толкователи классических текстов объясняли значение слов, характеризовали стилистику текстов, в большей или меньшей степени учитывали грамматические характеристики слов [\[2, с. 162\]](#). Например 文言вэньянь (文言 Вэньянь — классический письменный язык, использовавшийся в Китае в основном до начала XX века. В отличие от современного китайского языка, в котором большинство слов состоит из двух иероглифов, подавляющее большинство слов в вэньянях являются односложными: один иероглиф — одно слово. Поэтому в дальнейшем тексте термины 实字 знаменательные иероглифы и 虚字 служебные иероглифы можно рассматривать как 实词 знаменательные слова и 虚词 служебные слова.) были разделены на 实字 знаменательные слова и 虚字 служебные слова, и исследователь Лу Ивэй в период правления династии Юань (1271–

1368 гг. н. э.) проанализировал некоторые служебные слова в китайском языке [\[3, с. 75\]](#). Однако филология не стала самостоятельной дисциплиной в Древнем Китае, и систематического и всестороннего изучения грамматики китайского языка в древнем Китае было мало. В связи с этим считают, что официальное, систематическое теоретическое исследование грамматики китайского языка началось с книги Ма Цзяньчжуна «Грамматика письменного языка господина Ма» [\[4\]](#).

С XVII по XIX век, ещё до публикации «Грамматики письменного языка господина Ма», многие европейские миссионеры, приезжавшие в Китай, систематически описывали части речи китайского языка на основе латинской классификации. В то время объектами их исследований были **官话язык** чиновников (官话Язык чиновников — китайский термин, используемый для обозначения официального стандартного китайского языка со времён династий Мин и Цин до раннего этапа Китайской Республики), диалекты, вэньянь и **白话** бэйхуа (白话Бэйхуа — китайский термин, означающий «разговорный, повседневный язык, противопоставляемый классическому вэньяню». Современный стандартный китайский язык (普通话путунхуа) сформировался на основе **白话байхуа**). Преимущество заключается в том, что они применяют метод описания западных языков для изучения китайской грамматики, который не только знакомит Европу с грамматическими особенностями китайского языка, но и выдвигает идеи и методы, которые открывают новые аспекты в изучении китайской грамматики [\[5, с. 135\]](#). Но недостатком является то, что, хотя некоторые учёные заметили, что китайский язык как изолирующий язык сильно отличается от европейских, большинство исследований по-прежнему слишком сильно заимствовали известную (преимущественно латинскую) систему частей речи.

Публикация книги «Грамматика письменного языка господина Ма» в 1898 году ознаменовала собой не только рождение китайской грамматики, но и отправную точку в изучении китайских частей речи. Ма Цзяньчжун (9 февраля 1845 - 14 августа 1900) с детства изучал традиционные китайские философские труды, а позже систематически изучал западный язык и культуру в школе Святого Игнация в Шанхае. Французский синолог Анри Беро считал, что труд «Записки о китайском языке», возможно, был одной из первых грамматических работ, с которыми Ма Цзяньчжун познакомился во время обучения в школе Святого Игната в Шанхае. По словам Пейраубе, известного французского синолога, «священники-иезуиты французской церковной школы в Шанхае, в то время использовали эту работу в качестве грамматического учебника» [\[6, с. 350\]](#). После более чем десяти лет напряжённой работы Ма Цзяньчжун стал ученым, который владел не только древнекитайским, но и европейскими языками, включая английский и французский, древнегреческий и латынь.

По сравнению с европейским языкознанием, Ма Цзяньчжун обнаружил недостаток в китайском грамматическом исследовании, поэтому решил «заимствовать *grammaire* (грамматику)» для написания книг по китайской грамматике, а именно «Грамматики письменного языка господина Ма» [\[4\]](#). В книге автор часто упоминал о влиянии древних латинского и греческого языков на его исследования:

«Я часто изучаю исторические источники горизонтально написанных западных языков, таких как грамматическая структура греческого и латинского. Я обнаружил, что, хотя в этих языках разные типы слов и структура предложений, существуют фиксированные правила для выражения мыслей и эмоций, а также морфологическая структура значения. Я использовал эти правила для изучения наших китайских классических произведений, таких как канонические тексты, исторические сочинения, философские труды, литературные сборники и прочих, и обнаружил, что их основные правила в целом

одинаковы. Поэтому я использовал эту общность, чтобы объединить различия между разными языками, для чего и была написана эта книга» [\[4, с. 12\]](#).

Из традиционных китайских исследований Ма Цзяньчжун унаследовал две основные группы **实字** знаменательных слов и **虚字** служебных слов, которые он интегрировал в европейскую систему слов, разделив древнекитайскую словарную систему на девять частей речи по значению [\[7, с. 114\]](#):

Все иероглифы, выражающие реальное значение, называются знаменательными иероглифами. Знаменательные иероглифы подразделяются на пять подгрупп: существительные, местоимения, глаголы, прилагательные и наречия.

Иероглифы, не выражающие реального значения, а только помогающие знаменательным иероглифам передавать грамматическое значение, называются служебными иероглифами. Служебные иероглифы включают предлоги, союзы, частицы и междометия [\[4, с. 19\]](#).

Характерной чертой слов древнекитайского языка является разнообразие и многофункциональность [\[8, с. 224\]](#). Для объяснения распространённого явления в китайском языке, что одно слово имеет разную категориальную принадлежность, Ма Цзяньчжун предложил теорию заимствования частей речи (Ма Цзяньчжун заметил, что в обычных условиях слова из категории А используются в качестве определённого компонента предложения, и когда слова из категории В используются в качестве такого компонента предложения, он определил, что это заимствование слова категории В в качестве слов категории А [\[9, с. 5\]](#)) и теорию слово не имеет фиксированной категории («Каждое слово имеет своё значение, но одно слово может иметь несколько значений... Когда значения разные, то и категории также различны... Слово не имеет чёткого значения, поэтому не имеет фиксированной категории» [\[4, с. 23-24\]](#)).

Поскольку грамматическая система «Грамматики письменного языка господина Ма» была создана по образцу древних латинского и греческого языков с богатой морфологией, в книге внимание уделялось исследованию слов (классификации частей речи, фонетическим изменениям и употреблению слов и т.д.), тогда синтаксическому анализу уделялось мало внимания.

Принцип «предложение как основа» под влиянием английского языка

В 1923 году серия по английской грамматике британского педагога Дж.К. Несфилда была переведена на китайский язык. Поскольку морфологические изменения в современном английском значительно меньше, чем в древнеанглийском, Несфилд предложил акцентировать внимание на синтаксисе при анализе английской грамматики и использовать синтаксическую функцию в качестве основного критерия классификации частей речи в своей книге «Очерк английской грамматики» [\[10, с. 5\]](#). Эта идея вдохновила китайское академическое сообщество и побудила некоторых учёных сместить акцент в исследованиях грамматики китайского языка с морфологии на синтаксис. В то же время в Китае была представлена знаковая книга американской учебной грамматики XIX века — «Высшие уроки английского языка» Алонзо Рида и Брейнерда Келлога [\[11\]](#). Предложенный в данной работе метод схемы предложения предоставил китайским исследователям методический инструментарий для синтаксического анализа.

Именно в этом контексте «Новая китайская грамматика» Ли Цзиньси была создана в 1924

году. В отличие от «Грамматики письменного языка господина Ма», в этой книге объектом исследования является 白话бэйхуа и была создана система грамматического анализа китайского языка, основанная на принципе «предложение как основа». Почему «предложение как основа» стало ключевым принципом классификации частей речи в китайском языке? Ли Циньси объясняет это в своей книге: «Части речи в национальном языке невозможно определить по самой лексической единице. Необходимо обратить внимание на её положение и функцию в предложении, чтобы определить, к какой части речи относится данное слово» [\[12, с. 6\]](#). Ли Циньси подчеркивал, что в китайском языке невозможно судить о категориальной принадлежности слова без предложения, поскольку сами по себе китайские слова не имеют много морфологических изменений и не могут формировать правила для классификации частей речи, но существует множество синтаксических особенностей только в китайском языке. Поэтому он выступал за то, что грамматические исследования должны начинаться с предложений, а затем изучать положение и значимость частей речи в предложениях и использовать способность служить компонентом предложения в качестве критерия для определения категориальной принадлежности слова. Одно и то же слово в разных предложениях может относиться к разным частям речи из-за разных позиций или функций, поэтому категориальная принадлежность не является характеристикой слова в китайском языке. Таким образом, судить о частях речи без предложения невозможно.

Поскольку грамматическая система Ли Циньси подчеркивала, что категориальная принадлежность слова может быть классифицирована только с помощью синтаксических функций и судить о частях речи без предложения невозможно, эта точка зрения заставила некоторых ученых ошибочно понимать, что он утверждал «отсутствие частей речи в китайском языке». Со временем публикации «Грамматика письменного языка господина Ма» под влиянием древней латинской грамматической системы и традиционного разделения знаменательных и служебных слов на основе их значения, у большинства китайских исследователей мнение, что части речи должны классифицироваться по внутренним характеристикам самих слов, а не следует классифицироваться их после слова войдут в предложение. Кроме того, некоторые ученые также полагают, что если слова должны быть классифицированы в предложениях, то категориальная принадлежность слов ничем не отличается от компонентов предложения, и части речи теряются необходимость в независимом существовании. Однако автор отмечает, что это происходит только потому, что критерии Ли Циньси для классификации частей речи различны. Ли Циньси не отрицал существования категорий китайских слов, а только подчеркивал, что китайские части речи должны классифицироваться через синтаксические функции. Несмотря на это, данная система классификации слов действительно в определённой степени игнорировала лексические характеристики китайских слов.

Ли Циньси выделил шесть синтаксических компонентов: подлежащее, сказуемое, «связанные компоненты» сказуемого, «объект и дополнение», «дополнительные компоненты» прилагательных и «дополнительные компоненты» наречий. В своей книге он разделил девять частей речи на пять групп по синтаксическим функциям:

1. Слова-сущности (существительные, местоимения);
2. Повествовательные слова (глаголы);
3. Слова-различительные (прилагательные, наречия);
4. Относительные слова (предлоги, союзы);

5. Модальные слова (вспомогательные слова, междометия).

Советско-китайские дискуссии в 1950-х годах

1 октября 1949 года была основана Китайская Народная Республика. Стремление китайского правительства к стандартизации китайского языка и его упор на популяризацию науки предоставили множество возможностей для изучения китайского языка. В условиях хороших отношений и частых обменов между Китаем и Советским Союзом китайское лингвистическое сообщество также начало изучать опыт Советского Союза, чтобы найти новое направление для китайского языкоznания. Дискуссия о частях речи также вызвала волну энтузиазма в ходе продолжающихся советско-китайских обменов. В течение этого периода большинство статей на данную тему было опубликовано в китайском журнале «Китайский язык» и советском журнале «Вопросы языкоznания».

В центре дискуссии находились следующие вопросы:

Есть ли в китайском языке морфология?

Существуют ли в китайском языке разные категории слов?

Если существуют классы слов, каковы критерии их разделения?

Существует ли один стандарт или два или более?

Если существует несколько стандартов, какой из них является основным?

Следует ли использовать несколько стандартов одновременно или следует использовать только один? В 1955 году редакция журнала «Китайский язык» собрала статьи о частях речи в этот период и отдельно опубликовала их в виде сборника под названием «Проблема частей речи в китайском языке».

В 1952 году советский востоковед, доктор филологических наук Н. Н. Конрад опубликовал статью «О китайском языке» в журнале «Вопросы языкоznания». В своей работе он использовал теорию языка Сталина для изучения китайского языка и предположил, что «Китайский — это не язык без морфологии», чтобы выступить против точки зрения Н. Я. Марра о том, который считал китайский язык относящимся к «языкам системы первичного периода». В статье приводилось большое количество фактов, доказывающих, что китайский язык не является односложным языком без морфологии. Конрад утверждает: «Определять принадлежность той или другой категории может и тон, получающий в этом случае морфологическое значение» [\[13, с. 75\]](#). Далее он отмечает, что китайский язык обладает богатым морфологическим изменением и сильной выразительностью и является одним из самых развитых языков в мире. После того, как в 1952 году «О китайском языке» была переведена и опубликована в журнале «Китайский язык», она привлекла большое внимание академического сообщества, поскольку полностью отличалась от мнения большинства исследователей о том, что китайский язык либо не имеет морфологии, либо почти не имеет морфологии, и также официально положила начало дискуссии о частях речи.

Китайский лингвист Гао Минкай также опубликовал статью под названием «О классификации слов в китайском языке» в журнале «Китайский язык», чтобы выступить против точки зрения Н.Н. Конрада. В своей статье «О выделении слов в китайском языке» он писал: «Поскольку части речи называются категориями, они должны представлять собой общий морфологический признак. Однако такие общие формы

отсутствуют в китайском языке, поэтому в китайском языке не существует части речи» [\[14, с. 16\]](#). Он продолжал: «Мы не можем найти в таких словах, как „山(шань)гора“, „水(шуй)вода“, „鱼(юй)рыба“, и „人(жень)человек“, какую-либо часть их морфемы, которая бы сообщала нам, что они принадлежат к группе существительных. Здесь нет формы, указывающей на существительное значение. Конечно, „山(шань)гора“, „水(шуй)вода“, „鱼(юй)рыба“, и „人(жень)человек“ имеют смысл, но этот смысл ограничивается только тем, что они обозначают „山(шань)гору“, „水(шуй)воду“, „鱼(юй)рыбу“, и „人(жень)человека“, а не указывают на то, что они являются существительными. Вы должны знать, что если вы рассматриваете эти слова как существительные, вам нужно добавить значение существительного к словам „山(шань)гора“, „水(шуй)вода“, „鱼(юй)рыба“ и „人(жень)человек“, и для того чтобы подчеркнуть, что это существительное, нужно особо указать морфологию этого значения существительного» [\[14, с. 14\]](#). Гао Минкай утверждал, что китайские слова следует делить на две категории — знаменательные и служебные. Знаменательные слова, по его мнению, не могут быть далее классифицированы, и грамматическая система китайского языка не может строиться на основе частей речи.

Спор между Конрадом и Гао Минкаем показывает, что ключевым вопросом ранней дискуссии был присутствует или отсутствие морфологических изменений в китайском языке. Оба они использовали морфологию как критерий классификации частей речи: Конрад утверждал, что в китайском языке много морфологических изменений, следовательно, существуют части речи; тогда как Гао Минкай считал, что в китайском языке отсутствуют морфологические изменения, поэтому в нем нет частей речи. Стоит отметить, что в то время в академическом сообществе существовала и третья точка зрения, согласно которой китайский язык относился к «языку, близкому к аморфному типу», то есть в нем наблюдалось небольшое количество морфологических изменений. Представительницами этой точки зрения были советские лингвисты А.С. Чикобава и П.С. Кузнецов.

А. С. Чикобава в своей работе «Введение в языкознание. Ч. 1.» написал: «Если в слове не выделяется аффикс словоизменения, слово является неизменяемым... Неизменяемые слова напоминают корни... К типу корневого языка близок китайский. Слова в нём не склоняются и не спрягаются. Однако имеются частицы с функцией вспомогательных слов и аффиксов словообразования» [\[15, с. 183\]](#).

Чикобава на примере китайского слова «好хao» показал явление, когда слова имеют разные категориальные принадлежности, но их невозможно отличить на основе морфологических признаков: «好人хao жень — хороший человек; 修好сию хao — делать добро, давать милостыню; 交好дзио хao — старая дружба; 好贵хao дагвих — очень дорогой; 人好我жень хao во — человек любит меня».

Таким образом, хao в различном положении и с различной интонацией может значить: хороший, очень, добро {милостыня}, дружба, любить, т. е. оно выступает в функции то имени прилагательного, то наречия, то имени существительного, то глагола, не являясь, конечно, морфологически ни одной из этих частей речи (в обычном понимании)» [\[15, с. 183\]](#).

П.С. Кузнецов в своей статье «Морфологическая классификация языков» также относит китайский язык (собственно древнекитайский язык классической литературы, поскольку современный китайский язык увеличил некоторые изменения в форме слов, но по сравнению с индоевропейскими языками их все еще гораздо меньше) к «языкам, достаточно близким к аморфному типу» [\[16, с. 14\]](#). Он привел предложение, состоящее из

четырех чистых корневых слов и построенное по нормам аморфного типа: «茶我不喝ча во бу хэ. По-русски оно переводится „чая я не пью“, но буквально его следовало бы перевести „чай я нет пить“, так как ча обозначает просто „чай“ и отношение к другим словам в нем никак не выражено, во обозначает „я“, бу соответствует по значению не только нашей отрицательной частице „не“, но и самостоятельному отрицанию „нет“, хэ обозначает „пить“ и здесь опять-таки нет формального указания на лицо или время» [\[16, с. 14\]](#).

Оба учёных в своих работах продемонстрировали особенность китайского языка как изолирующего — мало морфологии, и неявно отрицали возможность классификации частей речи в китайском языке по морфологическим признакам. Однако А.С. Чикобава и П.С. Кузнецов прямо не высказались о присутствии или отсутствии частей речи в китайском языке и возможных критериях для их классификации.

После того, как была опубликована статья Гао Минкяя, в которой он на основании отсутствия морфологических изменений в китайском языке выдвинул точку зрения, что в китайском языке отсутствуют частей речи, он встретил много возражений, поскольку в то время большинство китайских ученых считали, что в китайском языке существуют части речи. Его позиция была критикованна как строго следующая стандартам флексивной морфологии, который, очевидно, ограничен при изучении китайского языка.

Советский лингвист Б. Г. Мудров выдвинул возражение против идей Гао Минкяя в своей статье «В китайском языке существует разделение на части речи — несколько комментариев к статье профессора Гао Минкяя». Мудров полагал, что Гао Минкай только акцентировал внимание только на отсутствии морфологических изменений в китайском языке, игнорируя тот факт, что взаимосвязь между словами и другими частями речи в китайском языке также может использоваться в качестве критерия для классификации частей речи. Например, Гао Минкай утверждал: «Действительно, трудно найти, какая часть произношения или морфологии таких слов, как „山(шань)гора“, „水(шуй)вода“, „鱼(юй)рыба“, и „人(жень)человек“, указывает на то, что они относятся к существительным» [\[12, с. 14\]](#). Однако, по мнению Мудрова, такие слова, как «山(шань)гора», «水(шуй)вода», «鱼(юй)рыба», «人(жень)человек», могут стоять непосредственно или с помощью счетных слов после «这(чжэ)этот», но не могут стоять после «不(пу)не». А такие слова, как «走(цзоу)идти» , «想(сян)думать» , «看(кань)смотреть», могут стоять после «不(бу)не», но не после «这(чжэ)этот».

Гао Минкай также привёл пример с «来(лай)», поскольку «来(лай)» может обозначать как «приходить», так и «приход». Согласно его мнению, возможность сочетания «来(лай)» со служебным «了лэ» (по-русски «来了» переводится как «пришёл») не потому, что это слово относится к глаголам, а его семантическим значением. Однако Мудров возразил, приведя примеры таких слов, как «买卖(маймай)торговля» и «行动(синдун)действие», которые выражают определённое действие по значению, но не могут сочетаться со служебным «了». Из этого он сделал вывод, что способность сочетаться со служебным «了» также может быть использована в качестве критерия для разделения глаголов [\[17, с. 31\]](#). Мудров предложил новую идею классификации китайских слов, а именно использовать взаимосвязь между словами и другими частями речи (и лексику, и синтаксис) в качестве стандарта для классификации китайских частей речи.

В ответ на точку зрения Гао Минкяя Цао Бохань в своей статье «Проблема классификации частей речи в китайском языке» четко выразил несогласие. Основные мнения Цао Боханя заключаются в следующем:

1. «Способность сочетания слов» [\[18, с. 119\]](#) также может считаться широкой формой в морфологической категории;
2. Семантика также необходима для грамматической классификации частей речи;
3. Синтаксический функциональный критерий также может быть одним из стандартов классификации частей речи, но не единственным;
4. Стандарты классификации частей речи в китайском языке должны включать: семантическую категорию, синтаксическое распределение и морфологические характеристики.

Теория Цао Боханя не полностью отошла от «морфологического подхода». В условиях, когда в китайском языке имеет мало традиционных морфологических изменений, он предложил рассматривать «способность сочетания слов» как широкий морфологический стандарт для классификации частей речи. Необходимо подчеркнуть, что Цао Боханя объединил три аспекта — морфологический, синтаксический и семантический в комплексный критерий для выделения частей речи.

В своей книге «О некоторых принципиальных вопросах классификации слов в китайском языке» Люй Шусян четко обобщил точку зрения Гао Минкяя на классификацию слов и текущую дискуссию об этом вопросе. Впервые Люй Шусян формализовал точку зрения Гао Минкяя в виде силлогизма:

1. Основная посылка: Классификация знаменательных слов обязана основываться на морфологии;
2. Второстепенная посылка: китайские знаменательные слова не имеют морфологии;
3. Вывод: Следовательно, китайские знаменательные слова не могут быть классифицированы.

В то время аргументы сосредоточивались на возражениях второстепенной посылки теории Гао Минкяя, то хотели доказать, что китайские слова имеют морфологию. Люй Шусян отметил, что эти усложняет проблему, поскольку вполне возможно, что каждый понимает морфологию по-разному. Люй Шусян считал: «Если существует один или несколько признаков, которые можно использовать для классификации слов, даже если они не называются морфологией, какое это имеет значение?» [\[19, с. 133\]](#). Поэтому Люй Шусян предложил новое направление для исследования: «Мы можем временно отложить второстепенную посылку Гао Минкяя и попытаться поколебать его основную посылку» [\[19, с. 133\]](#) — точку зрения о том, что классификация частей речи должна опираться на морфологические изменения. Затем в своей статье Люй Шусян один за другим проверяет различные стандарты классификации, упомянутые в дискуссиях, но в конце концов он также признал, что пока не нашел универсального стандарта для классификации частей речи в китайском языке.

Юй Минь сначала в работе «Морфологические изменения и грамматическое окружение» (1954) доказал существование в китайском языке того, что Гао Минкай определил как «узкие морфологические изменения», «среди которых наиболее заметным является редупликация» [\[20, с. 113\]](#). Затем он указал, что «способность сочетания слов», которая ранее рассматривалась как «широкая морфология», по сути является «грамматическим окружением» [\[20, с. 112\]](#). Юй Минь объединил эти два аспекта, сформировав комплексный критерий классификации частей речи, основанный на морфологических изменениях и

дополненный грамматическим окружением.

Гао Минкай затем опубликовал статью «Ещё раз о выделении частей речи в китайском языке» и «Третий раз о выделении частей речи в китайском языке» в ответ на эти статьи. В своих статьях он ещё раз подробно изложил и подчеркнул свою точку зрения. Он считал, что критерии классификации частей речи должны и могут быть определены только на основе морфологических изменений слова, а не на основе способности слова сочетаться с другими словами в предложении, не на основе позиции слова или его функции в предложении. Хотя слова могут вступать в синтаксические отношения при составлении предложений, они являются строительным материалом языка и не обязательно существуют только в предложениях. Поэтому при классификации частей речи следует рассматривать слова только как независимые языковые единицы.

«Поскольку в китайском языке нет изменений формы слова, достаточных для различия частей речи, мы не можем сказать, что в китайском языке существует классификации частей речи», Гао Минкай обобщил, «В целом, согласно пониманию большинства лингвистов, классификация частей речи относится к категориям отдельных слов, поэтому мы должны определять различие частей речи в соответствии с морфологией отдельных слов, этой „материальной оболочки“. Однако в китайском языке знаменательные слова не имеют такой формы, которая была бы достаточна для различия существительные, глаголы и другие части речи. Поэтому в китайском языке нет разделения на знаменательные слова» [\[20, с. 90\]](#). Что касается того, почему Люй Шусян не смог найти универсальный критерий для классификации частей речи в китайском языке, Гао Минкай считает, что это происходит именно потому, что в китайском языке отсутствуют частей речи [\[22, с. 18\]](#).

Дискуссия о китайских частях речи в журнале «Китайский язык» пока подошла к концу. Хотя позже ещё появились некоторые статьи, большинство из них повторяли идеи, уже опубликованные в предыдущих работах [\[23, с. 7\]](#). Кроме того, в тот период много других китайских и советских ученых также исследовали вопросы о классификациях частей речи в китайском языке.

Большинство ученых считают, что в китайском языке существуют части речи. Грамматическую систему, которая классифицирует части речи по лексико-грамматическим категориям попытался создать А.А. Драгунов: «Поскольку слова в китайском языке, как правило, не имеют внешних, морфологических признаков, по которым их можно было бы отнести к той или иной части речи, постольку при распределении их по частям речи, естественно, на первый план выступают иные критерии: а) различная способность определенных разрядов слов выступать в роли того или иного члена предложения и б) различная соединимость их со словами других разрядов и с теми или иными формальными элементами [\[24, с. 7-8\]](#)», в своей работе «Исследования по грамматике современного китайского языка» он писал, «Такого рода разряды слов, каждый из которых характеризуется общностью основного значения и грамматических особенностей (в китайском языке в первую очередь синтаксических, реже — морфологических и фонетических), мы и называем лексико-грамматическими разрядами, или лексико-грамматическими категориями... Общие лексико-грамматические категории представляют собой части речи» [\[24, с. 9\]](#).

В своей работе «Исследования по грамматике современного китайского языка» Драгунов назвал китайские знаменательные слова «часть речи» и подробно описал и обсудил их грамматические характеристики и внутренней классификации. Служебные слова,

называемые «частицы речи», образуют отдельную систему и не обсуждаются в первой части книги (автор планировал обсудить их в последующих частях книги, но, к сожалению, Драгунов умер в 1955 году, и работа не была завершена, как план). Согласно его точке зрения, отнесенность слова к части речи может быть определена, с одной стороны, по способности данного слова выступать в роли того или иного члена предложения, и с другой стороны, по его лексико-грамматической сочетаемости [\[25, с. 3\]](#). На основании данных критериев, предложенная классификация «частей речи» включает две основные категории:

Категория А:

1. Имя — слова, отсутствие самостоятельной предикативности как отличительная черта, включая существительные и числительные.
2. Предикатив — слова, способные самостоятельно выражать сказуемое без помощи союза как основная черта, включая прилагательные и глаголы.

Слова-заместители пересекаются с категориями имя и предикатив, но из-за своих уникальных грамматических характеристик Драгунов выделяет их в отдельную категорию.

Категория В:

Только наречия относятся к этой группе, которые в рамках синтаксического анализа только могут использоваться как обстоятельства в предложениях.

Китайский лингвист Ван Ли (также известный как Ван Ляои) тоже внимательно следил за этой дискуссией о частей речи и значительно изменил свои взгляды на классификацию китайских частей речи до и после этой дискуссии. В 1940-х годах Ван Ли опубликовал три работы по китайской грамматике: «Современный китайский язык» в 1943 году, «Теория китайской грамматики» в 1944 году и «Очерк китайской грамматики» в 1946 году. В этот период его взгляды находились под сильным влиянием теории О. Есперсена о «трёх рангов». Данная теория предлагала выделить слова на три ранга в зависимости от их позиционных отношений в словосочетании или предложении: первичные, вторичные и третичные. Ван Ли считал, что когда изучать языка с малым количеством морфологических изменений, таких как китайский язык, можно классифицировать части речи исключительно по значению, и ранг может помочь определить их классификацию. Он особенно подчеркивал, что поскольку служебные слова являются лишь грамматическими инструментами, а не выражают конкретных понятий, служебные слова не имеют ранга. Только знаменательные слова имеют ранг, а наречия являются полузнаменательными словами с характеристиками знаменательных слов, поэтому они также имеют ранг.

Согласно своим тогдашним взглядам, Ван Ли разделил китайские слова на две группы и девять подгрупп:

1. **实词** Знаменательные слова — слова, которые могут выражать понятие сами по себе. Поскольку знаменательные слова могут выражать конкретные понятия, они были разделены Ван Ли на существительные, числительные, прилагательные и глаголы (включая вспомогательные глаголы) по значению.

Существительные и местоимения обычно выступают в роли первичного ранга, глаголы, числительные и прилагательные — вторичного. Существительные, глаголы, прилагательные и местоимения могут быть использованы как любой из трёх рангов,

числительные в современном китайском языке могут быть только вторичного или первичного ранга.

2. **虚词** Служебные слова — слова, которые не могут выражать понятие сами по себе, но являются инструментом грамматической структуры. Служебные слова были классифицированы по их грамматическим функциям в предложении:

Полузнаменательные слова — наречия, наречия только могут быть использованы как третичный ранг; Полуслужебные слова — местоимения и связки; Чисто служебные слова — союзы и частицы [\[26, с. 17-18\]](#).

Однако, поскольку большинство знаменательных слов в китайском языке могут быть использованы как любого из трёх рангов, введение понятия рангов слов не может эффективно помочь в разделении частей речи в китайском языке, а только усложнит исследование. После ознакомления с работами Ван Ли, А. А. Драгунов также критиковал его классификацию частей речи в это время: «Ван Ли оказалась нужной только постольку, поскольку без частей речи применить к китайскому языку теорию *the three ranks* Есперсена было бы невозможно» [\[24, с. 20\]](#). Ван Ли принял критику Драгунова и удалил части, связанные с теорией «трёх рангов» в своей переизданной работе по грамматике.

В 1952 году Ван Ли опубликовал свои новые взгляды на категории китайских слов в журнале «Изучение китайского языка». На этот раз он представил исследование китайских частей речи через 对联дуйлянь (Китайские парные стихи — это уникальная форма искусства Китая, которая требует, чтобы обе строки имели одинаковую структуру, соответствовали правилам тональной гармонии и были связаны по смыслу.), поскольку в большинстве случаев слова, стоящие в относительных местах парных стихах, принадлежат к одной и той же части речи. Его точка зрения снова была подвергнута критике со стороны А. А. Драгунова.

Прежде всего Драгунов подтвердил, что Ван Ли сделал заметный прогресс, совершенно отказавшись от «трёх рангов» Есперсена и оставаясь при изложении грамматики в пределах частей речи и членов предложения. Но в то время Драгунов указал на большие проблемы в критериях классификации, предложенных Ван Ли. По мнению Драгунова, хотя Ван Ли подчёркивал, что категории частей речи органически присущи китайскому языку и не являются простым заимствованием иностранных моделей, однако он не рассматривал эти категории в соображениях грамматического порядка, а в стилистических, лексических и в отдельных фактах истории языка. Как отмечал Драгунов, Ван Ли сам пришёл к выводу, что в конечном счете части речи нужны лишь для удобства изложения китайской грамматики, поскольку он тоже прекрасно понимал, что его новые критерии вряд ли для всех будут убедительными. Драгунов считал, что в некоторых случаях Ван Ли действительно использовал подлинно грамматические критерии, которых было бы достаточно как для общих лексико-грамматических категорий (частей речи), так и для их частных подразделений внутри последних, но Ван Ли не распространил этот методологический подход на всю систему частей речи. В заключение Драгунов изложил свою позицию на классификацию китайских слов: «Ведь все дело в том, что только в грамматике могут реализоваться свойства изменяемости и сочетаемости, заложенные в словах как строительном материале, и, следовательно, только на лексико-грамматической основе возможна классификация слов по частям речи, ибо, словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слов,

правила соединения слов в предложения и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер» [\[27, с. X\]](#).

Ван Ли снова согласился с критикой профессора Драгунова: «Я думаю, что критика профессора А. А. Драгунова в мой адрес абсолютно справедлива. „Парные строки“ на самом деле основаны на соответствии значений слов, а не на категории слов. Хотя значения слов и части речи тесно связаны, это не одно и то же» [\[28, с. 135\]](#). К 1955 году в своей новой статье «О проблеме наличия или отсутствия частей речи в китайском языке» Ван Ли согласился с лексико-грамматической категорической системой Драгунова и изучил взгляды многих лингвистов, чтобы получить комплексный метод классификации частей речи в китайском языке:

1. Значение слова может играть определённую роль в классификации китайских частей речи. Необходимо обращать внимание на единство основного значения слов с их морфологией и синтаксисом;
2. Морфологический критерий (если существует морфология) должен применяться в первую очередь. Здесь морфологии включают формообразующие и словообразовательные;
3. Синтаксические черты (включают сочетания слов) должна быть самым важным критерием. В таких случаях, где морфологические критерии не могут быть использованы, синтаксический критерий играет решающую роль [\[28, с. 146\]](#).

Ван Ли подчеркнул, что классификация частей речи в китайском языке не может основываться на едином стандарте, а требует комплексного использования этих трёх стандартов, причём все эти стандарты должны соблюдаться одновременно. Его метод классификации также является комплексным критерием, который включает в себе морфологические, лексические и синтаксические критерии.

М. В. Солнцев также уделял значительное внимание дискуссиям о китайском частях речи между Китаем и Советским Союзом. В 1955 и 1956 годах он опубликовал две статьи в журнале «Вопросы языкоznания»: «Проблема частей речи в китайском языке в работах лингвистов Китая» и «Проблема частей речи в китайском языке».

Первая статья, «Проблема частей речи в китайском языке в работах лингвистов Китая» [\[29\]](#), в основном представила советским ученым краткий обзор истории изучения частей речи в китайском языке до середины XX века. В ней систематически разбирал взгляды многих известных учёных на проблему классификации частей речи китайского языка и обобщал актуальные вопросы на тот момент дискуссий по этому вопросу.

Во второй статье, «Проблема частей речи в китайском языке», М. В. Солнцев изложил свои собственные взгляды на эту тему. Он рассмотрел небольшое количество морфологических изменений, существующих в китайском языке, и подробно описал их. Например, суффикс «过(го)» обычно используется после глаголов для выражения прошедшего времени. Однако из-за небольшого количества таких изменений, Солнцев считал, что при классификации китайских частей речи нельзя полагаться исключительно на них [\[30, с. 27\]](#). В своей статье он разделил существительные, глаголы и прилагательные в китайском языке по значению и грамматическим признакам.

Заключение

История исследования частей речи китайского языка вплоть до 1950-х годов

демонстрирует сложный процесс взаимодействия между родным китайским языком и зарубежными европейскими лингвистическими теориями. Традиционное китайское разделение на **实字/虚字** знаменательные/служебные слова, основанное на семантических принципах, и латинская система частей речи, привезенная в Китай миссионерами в XVII–XIX веках, отражают традиционные китайские и европейские языковые исследования. В книге Ма Цзяньчжуна «Грамматика письменного языка господина Ма» (1898), первой систематической грамматике китайского языка, была предпринята попытка синтезировать эти характерные черты. Однако автору не удалось разрешить противоречие между зарубежной системой и уникальными грамматическими особенностями китайского языка как языка изолирующего типа.

К началу XX века под влиянием английской грамматики (Несфилд, Алонзо Ридом и Брейнердом Келлогом) Ли Цзиньси предложил принцип «предложение как основа» (1924), представив исследованиям возможность использования синтаксической функции в качестве критерия классификации частей речи в Китае.

Дискуссия между китайскими и советскими учеными в 1950-х годах значительно углубила изучение частей речи китайского языка. Ключевыми вопросами этой дискуссии являются:

1. Существуют ли морфология и части речи в китайском языке?

Н.Н. Конрад утверждал, что китайский язык обладает богатыми морфологическими изменениями и выступал за существование частей речи;

Гао Минкай отрицал возможность классификации китайских частей речи на том основании, что китайские слова не имеют морфологии. Его идеи вызвали возражения со стороны Б.Г. Мудрова, Цао Боханя, Люй Шусяна и других;

Большинство учёных (например, А. С. Чикобава, П. С. Кузнецов и М. В. Солнцев) считали, что в современном китайском языке существуют ограниченные морфологические изменения.

2. Критерии классификации частей речи.

Гао Минкай настаивал на классификации по морфологическому критерию;

Люй Шусян предположил, что части речи могут быть разделены на основе других критериев, а не морфологии. Большинство учёных (такие как Цао Бохань, Юй Минь, А.А. Драгунов, Ван Ли, М.В. Солнцев) создали комплексные критерии для классификации, включающие морфологические, лексические и синтаксические критерии.

История исследования частей речи в китайском языке развивалась от первоначального подражания индоевропейским теориям (латинской и английской) до середины XX века, после китайско-советской дискуссии, сформировался комплексный метод исследования, который более соответствует особенностям китайского языка как изолирующего. Эти дискуссии не только постоянно углубили понимание типологических характеристик китайского языка, но и предоставили теорию с неиндоевропейской точки зрения для общей лингвистики.

Библиография

- Лебедева, А. В. Выделение частей речи китайского языка в грамматиках русских миссионеров XIX века // Иностранные языки в высшей школе. 2023. №. 3(66), С. 42-46. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.005 EDN: AVSKWV.

2. Волошина, О. А., Куан Ш. Принципы выделения частей речи в русской и китайской лингвистике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. №. 6, С. 159-168. DOI: 10.52452/19931778_2023_6_159 EDN: LIGISM.
3. Цзяцзя, Л. Сопоставление терминов, обозначающих части речи, в английском, русском и китайском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. №. 3, С. 73-81. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-73-81 EDN: HVGUJE.
4. Ма Цзяньчжун. Маши вэньтун (Грамматика письменного языка господина Ма). Пекин: Коммерческая пресса, 2007. 447 с.
5. Чэн Цзиньцю. Фагуо ханьсюэцзя Лэй Муша ханьюй цэйлэй яньцзю цзи ци сюэшуши ии (Исследование французского синолога Ремуза о частях речи китайского языка и его значение в истории науки) // Вестник Хубэйского университета. 2024. №. 5, С. 125-135.
6. Пейраубе. Исследование грамматики китайского языка в Европе до XX века // Китайский язык. Пекин: Академия общественных наук Китая, 1989. №. 5, С. 346-352.
7. Ли Цзяньцзюнь. Таньтань ханьюй цэйлэй хуафэнь гуннэн бяочжунь дэ синчэн гоучэн (К вопросу о процессе формирования функциональных критериев классификации частей речи в китайском языке) // Китайские истории. 2024. №. 2, С. 114-118.
8. Чжан Цзюань. Гудай ханьюй цэйлэй хоюн вэнти таньцзю (Исследование проблемы гибкого использования частей речи в древнекитайском языке) // Китайский национальный обзор. 2024. №. 12, С. 225-227.
9. Лу Шусян, Ван Хайфэн. Маши вэньтун дубэнь (Книга для чтения "Грамматика письменного языка"). Шанхай: Издательство Шанхайского образовательного университета, 2004. 592 с.
10. Nesfiel, J. C. Outline of English grammar: in 5 parts (Очерк английской грамматики: в 5 частях). – Macmillan and Co., Limited, 1908. 168 с.
11. Alonzo Reed, Brainerd Kellogg. Higher Lessons in English (Высшие уроки английского языка). – Clark & Maynard, 1877. 282 с.
12. Ли Цзиньси. Синь чжу гоюй вэньфа (Новая китайская грамматика). Пекин: Коммерческая пресса, 1924. 396 с.
13. Конрад, Н.Н. О китайском языке // Вопросы языкоznания. 1952. №. 3, С. 45-78.
14. Гао Минкай. Гуаньюй ханьюй дэ цылэй фэнъбе (О выделении частей речи в китайском языке) // Китайский язык. 1953. №. 4, С. 14-16.
15. Чикобава, А.С. Введение в языкоznание, ч. 1. М.: Учпедгиз, 1953. 291 с.
16. Кузнецов, П.С. Морфологическая классификация языков. М.: Издательство Московского университета, 1954. 35 с. 17.
17. Мудров, Б.Г. Китайский язык имеет различия в частях речи // Китайский язык. 1954. №. 6, С. 30-32. 18.
18. Цао Бохань. Ханьюй дэ цылэй фэнъбе вэнти (Проблема классификации частей речи в китайском языке) // Проблема частей речи в китайском языке, том 1. 1955, С. 118-130.
19. Люй Шусян. Гуаньюй ханьюй цылэй дэ исе юаньцэсин вэнти (О некоторых принципиальных вопросах классификации слов в китайском языке) // Проблема частей речи в китайском языке, том 1. 1955, С. 131-174.
20. Юй Минь. Синтай бяньхуа хэ юйфа хуаньцзин (Морфологические изменения и грамматическое окружение) // Проблема частей речи в китайском языке, том 1. 1955, С. 110-117.
21. Гао Минкай. Цзай лунь ханьюй дэ цылэй фэнъбе (Ещё раз о выделении частей речи в китайском языке) // Проблема частей речи в китайском языке, том 1. 1955, С. 89-99.
22. Гао Минкай. Сань лунь ханьюй дэ цылэй фэнъбе (Третий раз о выделении частей речи в китайском языке) // Проблема частей речи в китайском языке, том 2. 1956, С. 8-21.

23. Лу Цзяньмин. Гуаньюй ханьюй цылай вэньти дэ лянцы да таолунь (О двух больших дискуссиях по вопросу частей речи в китайском языке) // Исследования китайского языка. 2022. No. 4, С. 1-8.
24. Драгунов, А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 232 с.
25. Акимова, И. И. Типология китайского языка как фактор лингвистического барьера: проблема выделения частей речи в китайском языке // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. No. 8(122), С. 1-6.
26. Ван Ли. Чжунго щианде ханьюй (Современный китайский язык). Пекин: Коммерческая пресса, 1985. 402 с.
27. Ван Ляои. Основы китайской грамматики [Текст] / Пер. с кит. Г. Н. Райской; Под ред. и с примечаниями А.А. Драгунова. Москва: Издательство иностранной литературы, 1954. 261 с.
28. Ван Ли. Гуаньюй ханьюй юу цылэй дэ вэньти (О проблеме наличия или отсутствия частей речи в китайском языке) // Пекинский университетский журнал (гуманитарные науки). 1955. No. 2, С. 128-150.
29. Солнцев, М.В. Проблема частей речи в китайском языке в работах лингвистов Китая // Вопросы языкоznания. 1955. No. 6, С. 105-116.
30. Солнцев, М.В. Проблема частей речи в китайском языке // Вопросы языкоznания. 1956. No. 5, С. 22-37.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Научная статья посвящена анализу влияния европейской лингвистики на исследования частей речи в китайском языке до 1950-х годов. Автор научной работы подробно рассматривает, как европейские теории и подходы изменили восприятие, а также классификацию частей речи в китайском языке. Рассматривает как данные подходы и теории повлияли на дальнейшие исследования.

Актуальность исследования очевидна в контексте глобализации и растущего интереса к сравнительно-сопоставительной лингвистике. Понимание влияния европейских теорий на китайскую лингвистику может способствовать глубокому осмыслению современных подходов к изучению иностранных языков, в том числе и расширять горизонты межкультурной коммуникации.

Методы исследования. В научной работе автор использует сравнительный метод, а также анализирует различные европейские лингвистические теории и применение данных теорий к китайскому языку. В научной работе применяются историко-аналитические подходы, которые изучают изменения в лингвистической практике и теории, рассматривая первоисточники и научные работы известных лингвистов.

Научная новизна. Научная новизна работы состоит в том, что автор исследования впервые систематизирует и анализирует влияние европейских лингвистических традиций на китайскую грамматику в контексте исторического развития. Научная работа предоставляет новые интерпретации, которые могут быть полезны не только для специалистов в области китайской лингвистики, но и для учёных, занимающихся сравнительной грамматикой.

Стиль, структура, содержание. Научная статья написана в научном стиле и состоит из Введения, раздела Методы и принципы исследования, раздела Обсуждение и Основные результаты, Заключения (выводы и рекомендации) и Списка источников с текущими

исследованиями в рассматриваемой области.

Заключение подводит итоги проведённого исследования, в том числе, формулируя рекомендации для перспективы дальнейших исследований.

Библиография научной статьи включает различные источники, как например, научные публикации, по теме:

1. Ван Ли. Чжунго щианде ханьюй (Современный китайский язык). Пекин: Коммерческая пресса, 1985. 402 с.

2. Ван Ляои. Основы китайской грамматики [Текст] / Пер. с кит. Г. Н. Райской; Под ред. и с примечаниями А.А. Драгунова. Москва: Издательство иностранной литературы, 1954. 261 с.

Замечания к статье:

1. В разделе Введение не прописана актуальность, объект и новизна исследования, не соответствует требованиям оформления.

2. В Список источников рекомендуется добавить публикации за последние пять лет.

3. В научной работе много грамматических и орфографических ошибок, требуется дополнительная вычитка работы.

В соответствии с вышеизложенным целесообразно отклонить представленный материал с правом повторного представления в журнал только при условии учёта автором всех замечаний рецензента.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью: «История исследований частей речи китайского языка под влиянием Европы (по 1950-е годы)»

Рецензируемая статья посвящена комплексному анализу истории формирования и развития теории частей речи в китайском языкознании под влиянием европейских лингвистических традиций в период с XVII века по 1950-е годы. Исследуется эволюция подходов к классификации слов – от первых опытов европейских миссионеров и грамматики Ма Цзяньчжуна до масштабных советско-китайских дискуссий середины XX века.

Автор применяет историко-лингвистический и сравнительно-сопоставительный методы. Работа построена на последовательном хронологическом анализе ключевых трудов и научных дискуссий. Методология включает:

- анализ первоисточников (труды Ма Цзяньчжуна, Ли Цзиньси, Гао Минкяя, Драгунова и др.);
- сравнительный анализ европейских (латинской, английской) и традиционных китайских подходов;
- систематизацию и обобщение различных лингвистических позиций в рамках советско-китайских дискуссий 1950-х гг.

Тема исследования обладает высокой актуальностью в свете возрастающего интереса к типологии изолирующих языков и кросс-культурного влияния в лингвистике. Понимание того, как китайская грамматическая мысль формировалась под внешним влиянием, но вырабатывала собственные критерии, важно для общей теории языкоznания и современных исследований в области китаистики.

Новизна работы заключается в комплексном и систематизированном охвате исторического периода, который ранее в русскоязычной литературе не был представлен столь подробно. Автор не просто пересказывает позиции разных ученых, но выстраивает

их в единую логическую цепь, демонстрируя преемственность идей и методологическую эволюцию – от слепого копирования индоевропейских моделей к выработке синтетических критериев, учитывающих специфику китайского языка.

Статья написана научным, но при этом ясным и доступным стилем. Структура логична: введение, три основных хронологических раздела и заключение с подведением итогов.

- Содержание насыщенно и информативно. Особую ценность представляет детальный разбор советско-китайской дискуссии, который является наиболее сильной частью статьи.

Список литературы впечатляет своей полнотой и включает как классические труды (Ма Цзяньчжуна, Ли Цзиньси), так и современные российские и китайские исследования. Это свидетельствует о глубокой проработке темы. Однако в оформлении есть недочеты:

- не для всех источников указаны полные выходные данные (например, для источника [11] нет года и места издания).

Автор успешно апеллирует к основным оппонентам в рамках дискуссии – прежде всего, к Гао Минкаю, последовательно излагая его позицию и контраргументы его критиков (Мудрова, Цао Боханя, Люй Шусяна). Показана неоднородность лагеря советских лингвистов, что добавляет работе объективности и глубины.

Выводы статьи являются логичным завершением исследования и четко отвечают на поставленные во введении вопросы. Они подчеркивают переход от имитации индоевропейских моделей к синтезу и выработке комплексных критериев, а также значение этого процесса для мировой лингвистики.

Статья будет чрезвычайно полезна и интересна для широкого круга читателей: китаистов, типологов, историков лингвистики, а также студентов-филологов.

Представленная статья является серьезным, хорошо проработанным научным исследованием, вносящим значительный вклад в изучение истории китайской лингвистики. Глубина анализа, привлечение широкого круга источников и четкая аргументация не оставляют сомнений в ее высокой научной ценности. Полагаем, что рецензируемый труд может быть рекомендован к публикации без существенных замечаний.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "История исследований частей речи китайского языка под влиянием Европы (по 1950-е годы)" представляет собой обзорное исследование в области теории языка.

Объектом исследования выступает описание концепции и эволюции грамматики китайского языка. Предметом являются исследования частей речи, выделяемые в китайском языке лингвистами по влиянию европейских лингвистических учений 50-х годов.

Цель работы – рассмотреть историю изучения частей речи китайского языка под влиянием Европы до 1950-х годов.

Актуальность данного исследования заключается в понимании того, как китайская лингвистика развивалась под европейским влиянием, что важно для современной типологии и разработки критериев выделения частей речи в изолирующих языках.

Новизна исследования заключается в систематизации и сравнительном анализе ключевых этапов развития данного вопроса.

Работа опирается на обширную научную базу, состоящую из работ, посвященных исследованию особенностей системы китайского языка, а также истории лингвистических учений.

Работа хорошо структурирована и состоит из введения, основной части, заключения и библиографии.

В основной части работы автор подробно описывает попытки описания грамматики китайского языка с опорой на латинскую, английскую и советскую традиции. Большая часть работы уделена трудам отечественных лингвистов и их интерпретации частей речи в контексте изолирующего неиндоевропейского языка.

Автор представляет разные точки зрения на принципиальный вопрос - существование деления на части речи в изолированном неиндоевропейском языке. Так, автор пишет, что с точки зрения советских лингвистов, в частности, Солнцева, можно выделить в китайском существительные, прилагательные и глаголы. С точки зрения китайских лингвистов-современников выделение частей речи в китайском нецелесообразно. Показывая данное противоречие, автор демонстрирует, каким образом складывается эволюция лингвистического описания китайского языка.

В заключении автор подчёркивает сложность составления классификации по частям речи и приходит к следующим выводам: "история исследования частей речи в китайском языке развивалась от первоначального подражания индоевропейским теориям (латинской и английской) до середины XX века, после китайско-советской дискуссии, сформировался комплексный метод исследования, который более соответствует особенностям китайского языка как изолирующего. Эти дискуссии не только постоянно углубили понимание типологических характеристик китайского языка, но и предоставили теорию с неиндоевропейской точки зрения для общей лингвистики".

Данные выводы интересны, и их можно признать достоверным.

Библиография содержит необходимое количество отечественных и зарубежных актуальных источников.

Стиль статьи соответствует критериям научного.

Таким образом, статья "История исследований частей речи китайского языка под влиянием Европы (по 1950-е годы)" вносит вклад в исследование грамматических учений и китайского языка и может быть рекомендована к публикации в журнале "Филология: научные исследования".

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Цуй В. Лексема "ИНТЕРЕСНО" в современном русском языке: морфологический статус и прагматика // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75961 EDN: TMCWKK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75961

Лексема "ИНТЕРЕСНО" в современном русском языке: морфологический статус и прагматика

Цуй Вэнъжуй

ORCID: 0009-0004-1565-6966

независимый исследователь

620083, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, каб. 312

✉ 912172383@qq.com

[Статья из рубрики "Языкоизнание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.75961

EDN:

TMCWKK

Дата направления статьи в редакцию:

22-09-2025

Аннотация: Предметом исследования является лексема «интересно» в современном русском языке, которая демонстрирует сложный путь семантической и прагматической эволюции. В работе подробно описывается её движение от краткой формы прилагательного и наречия со значением «занимательно, любопытно» к единице, обладающей собственными коммуникативными характеристиками. Особое внимание уделяется процессам десемантизации, грамматикализации и прагматикализации, сопровождающим утрату исходного референтного содержания и формирование субъективно-модальной окраски. Рассматриваются типовые синтаксические конструкции (интересно знать, интересно, что...), где проявляется ослабление пропозициональной семантики и возникновение модальной рамки. Показано расширение сфер употребления: от книжных стилей к устной диалогической речи, электронным сообщениям и публицистике. Отмечается переход лексемы в разряд вводных слов и коммуникативов, что позволяет квалифицировать её как дискурсивный маркер с широким спектром прагматических функций. Методологической основой исследования является анализ примеров из Национального корпуса русского языка в сочетании с

материалами художественной и публицистической литературы, а также образцами спонтанной устной речи, что обеспечивает комплексное описание функционирования лексемы. Основными выводами исследования являются следующие. В современной речи лексема «интересно» закрепилась как важный дискурсивный инструмент, обслуживающий задачи организации общения. Она способна выполнять функции установления и поддержания контакта, маркирования обратной связи, выражения сомнения или иронии, смягчения коммуникативного напряжения и вежливой реактивности. Новизна работы заключается в комплексном рассмотрении «интересно» как коммуникатива и дискурсивного маркера с выделением диагностических признаков: десемантизации, дискурсивной предопределенности, экспрессивности и непереводимости в косвенную речь. Дополнительно уточняются границы между предикативным, модально-рамочным и вводным употреблением, а также специфика функционирования в диалогах. Автор показывает, что лексема демонстрирует явные тенденции к субъективации и метакоммуникативному переосмыслению, что позволяет по-новому характеризовать её место в системе средств современного русского дискурса.

Ключевые слова:

грамматикализация, прагматикализация, дискурсивный маркер, коммуникатив, десемантизация, субъективация, маркер обратной связи, устная спонтанная речь, прагматический маркер, интересно

Введение

Лексема *интересно* демонстрирует высокую частотность употребления, особенно в устной спонтанной речи и в контексте повседневной коммуникации. По данным *Частотного словаря современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка* [1], её частотность составляет 318,8 вхождений на миллион словоупотреблений, что существенно превосходит показатель, зафиксированный в публицистическом подкорпусе Национального корпуса русского языка (92,2 на миллион). Это количественное различие свидетельствует о жанрово-регистровой маркированности данной единицы и позволяет предположить её особенно активное функционирование в рамках неформального, диалогического общения.

В современном русском языке слово *интересно* имеет несколько зафиксированных словарём значений, принадлежащих к разным морфологическим классам. Согласно толковым словарям, *интересно* выступает:

(1) наречием к прилагательному *интересный* («возбуждающий интерес; занимательный, любопытный»):

*А в рубрике «Наблюдатель» **интересно** рецензируется книга Немзера «Памятные даты» (Журналы и поклонники // «Октябрь», 2003);*

(2) в роли краткого прилагательного среднего рода:

*Дмитрий Лызлов: Только когда шоу идет, надо говорить как здорово, какое прекрасное шоу и как оно **интересно** (Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011));*

3) в значении сказуемого («о возникающем у кого-л. внимании, любопытстве,

заинтересованности»):

Наоборот, мне интересно все то, чего не знаю (Горянка (Нальчик); 18.01.2006).

Помимо этих лексико-семантических вариантов, в речи встречаются и другие грамматические омонимы лексемы *интересно* – в функции вводного (модального) слова.

Чем, интересно, на самом деле был этот чудо-передатчик? – подумала вдруг она (Максим Милованов. Кафе «Зоопарк» (2000)).

Во вводно-модальном употреблении *интересно* служит маркером субъективной модальности высказывания, выражая позицию говорящего по отношению к сообщаемому.

Цель работы – описать прагматический статус слова *интересно*, проследив развитие его функций от полнозначного лексического значения до многогранного дискурсивного маркера.

Обсуждение

Основной акцент сделан на явлении прагматикации [\[2, с. 79\]](#) – развитии у *интересно* дискурсивных функций, превращающих его в средство организации коммуникации. В соответствии с этой целью работа структурирована следующим образом: во введении обоснована актуальность темы и сформулированы задачи; в разделе «Теоретический обзор» изложены ключевые понятия и теоретические подходы; описаны функционально-дискурсивные роли *интересно* с примерами из корпуса; в заключении подведены итоги исследования. Такой подход позволяет комплексно оценить статус *интересно* в языке – как с формально-грамматической, так и с коммуникативно-прагматической точек зрения.

Изменение морфологического статуса лексемы *интересно* связано с процессом прагматикации, который включает несколько стадий.

1. Краткая форма прилагательного (исходная стадия).

Дмитрий Лызлов: *Только когда шоу идет, надо говорить как здорово, какое прекрасное шоу и как оно интересно* (Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)).

2. Наречие (дериват от прилагательного *интересный*).

*Твоя как фамилия? **Интересно** он разговаривает. Но я не могу спросить его, как он здесь очутился* (Фокс Малдер похож на свинью (2001)).

3. Предикатив

Лексема *интересно* в этой функции употребляется в составе безличного предложения:

И мне интересно было это писать. (Вопросы литературы; 15.01.1999).

Согласно наблюдениям П.А. Леканта, модально-оценочные предикативы обычно употребляются в составе аналитической предикативной конструкции с инфинитивом [\[3, с. 25\]](#). Предикативы данного разряда не являются самостоятельным сказуемым, они «входят в состав предикатива» [\[4, с. 277\]](#). «Их семантика грамматизирована, они составляют группы с типовыми модальными значениями» [\[3, с. 25\]](#). Конструкция *интересно знать* представляет собой один из таких случаев и реализует модальное значение

желательности (желательно знать, хотелось бы).

*И режиссеру и зрителям **интересно знать**, как они живут, — не тусуются, а именно живут* (Анна Новикова. «Анна» forever. Почему главный фильм русского рока до сих пор актуален и любим (2019.03));

*А кому **интересно знать**, что свою жену бьет шофер или плотник?* (Александр Хавчин. «У поэтов есть такой обычай...» // «Ковчег»; 2014).

А в следующих примерах наблюдается прагматикализация конструкции: её значение ослабевает, и она выполняет функцию выражения субъективного отношения: ирония, удивление, раздражение, безразличие и др.:

*А потом хмыкал ехидно и спрашивал: «И кого же ты, **интересно знать**, хочешь надуть?»* (Второй выстрел (2000));

Интересно знать, по какому номеру вы собираетесь звонить? (Катер (2002-2003)).

Лексема **интересно** употребляется в сложноподчинённом предложении нерасчленённой структуры, где **интересно** является контактным словом в главной части, придаточные изъяснительные присоединяются союзами или союзными словами что, когда, если, чтобы, как и др. В конструкции «Интересно, (Р)» лексема **интересно** подвергается процессу грамматикализации с одновременной прагматикализацией, что проявляется в ослаблении исходного лексического значения и приобретении функций модального оператора [\[5, с. 77\]](#), выражающего субъективную установку говорящего и выполняющего функции регулятора речевого взаимодействия.

В конструкциях типа **интересно, что/как...** само слово **интересно** выступает в качестве модальной рамки, тогда как придаточная часть содержит собственно сообщение, пропозицию. Модальная рамка являются синтаксическим воплощением субъективации [\[6\]](#), т.е. процессом, когда, по мнению Э. Трауготт, значение постепенно смещается в сторону выражения веры, оценки и установки говорящего [\[6\]](#). Важным представляется введённое Э. Трауготт понятие «грамматика дискурса», включающее в себя такие синтаксические средства организации информации, которые обеспечивают переход от пропозиционального содержания к коммуникативным и прагматическим функциям.

Интересно, что в эти времена уже можно было купить красиво украшенную елку — но только... в кондитерских («Первое сентября», 2023).

4. Модальное слово в функции вводного слова.

Однако на этом эволюция единицы **интересно** не заканчивается. Дальнейшее усиление субъективно-оценочного компонента и эллипсис подчинительного союза приводят к окончательному разрыву синтаксических связей и прагматикализации высказывания. Модальное слово **интересно**, которое функционирует как вводное слово, более не является членом предложения и выполняет исключительно прагматические функции: выражение эмоции говорящего, привлечение внимания собеседника или структурирование дискурса.

Вопрос: *Как/ **интересно** / платить честному предпринимателю 48 процентов от своих доходов / и то же самое делать людям / которые у него работают?* (Беседа на телевидении С. Шустера и С. Борисова, НТВ, «Герой дня» (2002));

*А как же иначе, недоумевают женщины, ну кто, **интересно**, и с какой стати будет мыть*

полы на нашей лестничной клетке? («Молодежная газета» (Уфа); 10.11.2013).

Семантика вводных слов и оборотов рассматривается в современной лингвистике в связи с их метатекстовыми и субъективно-модальными функциями [\[7\]](#),[\[8\]](#). Некоторые авторы склонны видеть в их образовании процесс прагматикализации [\[9\]](#), [\[10\]](#),[\[11\]](#).

В научной литературе для обозначения подобных единиц используется различная терминология. Так, встречаются термины «дискурсивные слова» [\[12\]](#),[\[13\]](#), «дискурсивные маркеры» [\[14\]](#),[\[15\]](#), «прагматические маркеры» [\[16\]](#),[\[17\]](#) и др. В данной статье мы будем употреблять термин «дискурсивный маркер» (далее – ДМ) применительно к лексеме *интересно* в её функционально-прагматических употреблениях. Под «дискурсивным маркером» мы понимаем единицы, выполняющие тексто- и интеракционно-организующие функции. Эти единицы находятся в фокусе внимания современной лингвистики, как отечественной, так и зарубежной, что стимулирует изучение их природы и развития.

Прагматикализация *интересно*

Параллельно с грамматическими изменениями *интересно* претерпело и функционально-семантический сдвиг, приведший к появлению у него новых прагматических функций. Прагматикализация данной единицы проявляется в следующем:

- Утрата исходного референтного значения. Лексема перестаёт обозначать «интересность» как объективное свойство предмета или действия. В контексте живого общения говорящий, употребляя *интересно*, чаще не характеризует что-то как интересное, а выражает свою реакцию или отношение.
- Субъективно-модальная окраска. *Интересно* начинает передавать субъективное отношение говорящего – любопытство, сомнение, неожиданность, намерение привлечь внимание собеседника и т. п.. Иначе говоря, значение становится метакоммуникативным: лексема сигнализирует, что высказывание связано с внутренним состоянием или оценкой говорящего.
- Дискурсивно-организующая роль. *Интересно* начинает употребляться для структурирования диалога и поддержания коммуникации. Вводное «*Интересно,...*» может предварять высказывание при смене темы либо выражать ответную реакцию, не прерывая нити разговора. На этом этапе *интересно* фактически выполняет функции дискурсивного маркера связности: помогает связать высказывания, управлять вниманием собеседника, сигнализировать переходы в дискурсе [\[18\]](#),[\[19\]](#).
- Автономность в реплике. Прагматикализированное *интересно* может функционировать вне синтаксической структуры предложения, самостоятельно, как отдельная реплика или вставка в диалоге. В ответной реплике *интересно* не несёт собственного пропозиционального содержания (не сообщает факт), а выступает сигналом реакции – показателем того, что говорящий заинтригован или отмечает услышанную информацию.

На основе корпусных данных, преимущественно из спонтанной устной речи, можно выделить несколько основных функций, которые выполняет *интересно* как дискурсивный маркер.

1. Контактоустанавливающая функция

Интересно / я когда говорил "воронежский обком" / в этот момент за кулисами ревел лев / такая укатайка в зале была (Беседа на радио с М. Задорновым (2001));

Марутян: *А интересно / ведь / я думаю / он же не придумал...* (Москва, (1983));

В начале высказывания слово *интересно* способно выполнять функцию установления или привлечения внимания собеседника. В этой позиции оно по значению и прагматическому эффекту близко к вводным клише типа «*обратите внимание*», «*надо сказать*», «*заметим*». Показательно определение, приведённое в «*Словаре вводных слов, сочетаний и предложений*» О. А. Остроумовой и О. Д. Фрамполь: «*Интересно — предикатив. Употребляется в функции вводного слова с целью привлечь внимание к сообщаемому*» [20, с. 140]. Таким образом, когда говорящий начинает фразу с «*Интересно,...*», он тем самым сигнализирует собеседнику, что последующая информация заслуживает внимания или представляет особый интерес. Лексема выходит за рамки своего исходного лексического значения («*занимательно*») и приобретает прагматический статус дискурсивного элемента, ориентированного на инициацию или поддержание речевого контакта. Можно сказать, что здесь реализуется фатическая функция — поддержание коммуникации через установление канала связи с адресатом.

2. Хезитативная функция (заполнение пауз)

Ещё одно проявление дискурсивной роли *интересно* — использование его для заполнения пауз в речи, связанных с затруднением или поиском подходящего выражения. В таких случаях *интересно* выступает как своеобразный вербальный хезитатив, сходный с междометиями э..., ну..., значит... и т. п., которые заполняют паузу и дают говорящему дополнительное время для планирования высказывания. Например, в следующем фрагменте из фильма (реплика стилизована под спонтанную речь персонажа):

Анна Сергеевна: Э... ну/ просто... э... интересно. Намного ли она ошиблась/ а? И какой... номер та... там у вас... Тринадцать/ семьдесят семь... один? (Настройщик, к/ф (2004)).

В приведённом примере *интересно* вставлено в середину высказывания после серии пауз и неплавных фрагментов. Речь персонажа характеризуется выраженной нефлюентностью: присутствуют заполнители пауз («э... ну... просто... э...»), обрывы слов («*номер та... там...*»), повторения и т.д. Все эти черты указывают на то, что говорящая испытывает затруднение в формулировке мысли и пытается выиграть время. В этой ситуации *интересно* не несёт своего прямого значения «*любопытно*» — его семантика стерта; оно использовано как заполнение паузы и одновременно как сигнал, удерживающий внимание собеседника. По сути, *интересно* функционирует здесь как дискурсивный маркер хезитации, главная задача которого — не дать коммуникации прерваться из-за паузы, показать, что говорящий продолжает мыслительный процесс и намерен продолжить речь.

Таким образом, *интересно* в данном контексте выступает индикатором *когнитивной нагрузки* (поиска нужной информации или слова) и средством поддержания речевого канала. Согласно наблюдениям Clark и Fox Tree, заполненные паузы — это не просто проявление речевой дисфлюентности, но и коммуникативный сигнал: они служат «*сигналами сотрудничества*» (*collaborative signals*), указывая слушающему на возникшую заминку в речи (вызванную, например, планированием следующей фразы), и одновременно сигнализируя, что говорящий не закончил и продолжит высказывание. Тем самым подобные единицы способствуют сохранению связности и непрерывности коммуникации [21]. Лексема *интересно* может брать на себя эту функцию, показывая, что пауза — не конец речи, а лишь поиск мыслей, при этом слово заполняет тишину и удерживает внимание собеседника.

Когда мы говорили с Вайдой и дошли до военного положения, он сказал: об этом я не хочу говорить, это слишком сложно... Интересно — а есть ли, ну не знаю, романы о военном положении? ("Вестник Европы"; 15.04.2015).

В данном примере *интересно* одновременно выполняет функцию кратковременной паузы в речи и дискурсивного маркера, способствующего тематическому переходу и обеспечивающего плавность диалога. Конструкция начинается с *интересно*, перед которым стоит многоточие, что указывает на возможную когнитивную задержку в речи, сопровождающуюся процессом осмысления. Фраза *ну не знаю* дополнительно усиливает эффект паузы, функционирует как типичный заполнитель, способствующий организации спонтанного высказывания. Таким образом, *интересно* в данном контексте предоставляет говорящему кратковременный интервал для структурирования мысли перед формулировкой вопроса.

3. Коммуникатив

Анализ употреблений лексемы *интересно* в функции дискурсивного маркера показывает её многоплановую прагматическую роль в организации диалога. Однако потенциал этой единицы не исчерпывается рамками дискурсивного функционирования. В реальной устной речи *интересно* нередко выступает в позиции самостоятельной реплики, приобретая статус слова-предложения и реализуя функции коммуникатива. Именно в этой сфере наиболее ярко проявляется процесс десемантизации и смещения от номинативного значения к коммуникативному: *интересно* становится реактивным ответом, выражющим типовые эмоциональные или ментальные реакции говорящего.

В лингвистической традиции для обозначения подобных единиц диалога использовались разные термины. В частности, их описывали как междометия [22], частицы и междометия [23], модальные частицы и междометия [24], слова-предложения [25], модальные слова [25], релятивы [26], иллокутивы [27], а также как собственно коммуникативы [8], [28], [29]. Как отмечает Е. В. Какорина, в силу противоречивой природы таких слов отсутствует единый подход к их грамматическому статусу [29]. Таким образом, исследование лексемы *интересно* должно основываться на условиях её употребления и коммуникативных характеристиках, а не только на её лексическом происхождении. Согласно определению Е. В. Какориной, коммуникативы – это «слова-предложения, реплики диалога, представляющие стереотипные ментальные или эмоциональные реакции говорящего на сказанное ранее, экспрессивную оценку действий собеседника или ситуации» [29, с. 78]. И. А. Шаронов отмечает, что основные особенности коммуникативов определяются доминированием коммуникативного значения над номинативным. Результатом такого доминирования является их постепенная десемантизация, дискурсивная предопределённость и имманентная экспрессивность, проявляющаяся в регулярной жестово-мимической поддержке [30, с. 227].

Функции коммуникатива *интересно*:

1. Выражение размышления над предположением собеседника и частичного согласия, но с оттенком сомнения или неопределённости.

Вайс: Генерал был арестован в тридцать седьмом. Ольга осталась без отца. Её в свою семью взял полковой комиссар некий Александров.

Эльза-Николь: **Интересно!** А вы не боитесь/ что это ловушка?

Вайс: *Пропросите проверить всё/ и как можно скорее.*

Эльза-Николь: *Хорошо. Зубов устроился (Щит и меч, к/ф (1968)).*

Здесь *Интересно!* не выражает истинного любопытства, а служит средством оценки: говорящий принимает услышанное как возможное, но тут же высказывает сомнение, переводя реакцию в плоскость осторожности и критического анализа.

2. Выражение удивления или реакции на новизну.

*Ужасно **интересно!** — сказала Тося, **не** поняв ни слова и поражаясь тому, какой Алик умный* (Тройка с минусом или происшествие в 5 «А» (1982)).

3. Выражение недоверия или иронии посредством ударения, интонации либо жестово-мимических средств.

Как отмечает Е. В. Какорина, типичными особенностями многих коммуникативов являются немотивированность значения, зависимость от контекста, отсутствие «видимых» формальных признаков (грамматических показателей) слова, ирония и энантиосемия [\[29, с. 95–96\]](#).

Король: *Понимаешь/ королевство у нас маленькое. Толковых людей не найдёшь. Вот так и мучаюсь/ всё сам да сам.*

Солдат: *Интересно! Мож/ ты ещё и палач?*

Король: *Нет/ эт нет. Палач у нас есть настоящий. И/ между прочим/ очень хороший. Я вас потом познакомлю* (Старая, старая сказка, к/ф (1968)).

В данном употреблении *интересно* приобретает ироническую окраску. Оно не выражает интерес, служит средством критического дистанцирования, демонстрации недоверия или насмешки над репликой собеседника.

Особенно очевидно ироническое значение в тех случаях, когда реплика *Интересно* сопровождается авторской ремаркой с насмешливой семантикой, описывающей жесты или интонацию говорящего:

Интересно, — усмехнулся он, — как не про меня (Московская правда / Столичный криминал N 17; 28.08.2008);

Интересно, — усмехнулся Гефестион, — что знает он о нашем царе? (Дружба народов; 15.01.2021);

Интересно, интересно, — презрительно **фыркнул** депутат, подразумевая, что ему это совершенно неинтересно (Знамя ; 15.08.2013).

Словарные данные подтверждают подобную прагматическую интерпретацию: «усмехнуться: слегка засмеяться (обычно с насмешкой, недоверчиво)» [\[31, с. 1035\]](#), «фыркнуть: перен. сердиться, брюзжать, выражая недовольство чем-н. (разг.)» [\[31, с. 1059\]](#). Эти характеристики прямо указывают на насмешливо-ироническую природу контекстов с коммуникативом *интересно*.

Как отмечает И. А. Шаронов, одним из ключевых свойств коммуникативов является их непереводимость в косвенную речь: при переходе в нарратив коммуникатив исчезает и заменяется предикатом, обозначающим интенцию говорящего или его эмоциональное

состояние [\[32, с. 544\]](#). В рассматриваемых примерах (*Интересно, – усмехнулся он; Интересно, – презрительно фыркнул депутат*) именно такая замена и необходима: он усомнился, он выразил иронию, он проявил недоверие. Это подтверждает, что употребление *интересно* в подобных контекстах связано с насмешливо-ироническим оттенком и реализует диагностические признаки коммуникатива.

4. Средство речевого этикета при фактическом несогласии.

Интересно может выполнять роль вежливого реактивного хода, служащего стратегическим средством поддержания общения и соблюдения речевого этикета. В некоторых ситуациях говорящий употребляет *интересно* не столько для выражения собственного искреннего интереса, сколько для демонстрации внимания и участия – то есть как речевой маркер вежливости. Это своего рода фасилитативная, или фатическая стратегия: подтвердить, что информация принята к сведению, и тем самым не прерывать контакт, даже если на самом деле говорящему не очень интересно. Подобное употребление часто имеет оттенок риторичности или даже лёгкой иронии.

Рассмотрим пример из художественного текста:

Ну что ж, наследный принц, раздевайся, проходи — посмотрим, конечно. Так-та-ак, интересно... По его лицу Кешке показалось, что не так-то ему и интересно (Нина Дашевская. Скрипка неизвестного мастера (2015)).

Здесь персонаж произносит *интересно* в ситуационной роли отклика на то, что должен сделать другой персонаж. Интонация («*так-та-ак, интересно...*») и последующий комментарий повествователя («*не так-то ему и интересно*») указывают, что это *интересно* носит скорее формально-вежливый или, возможно, иронический характер. Персонаж использует его как речевой приём, чтобы не проявить безразличие или грубость, хотя в действительности не испытывает никакого удивления или интереса к происходящему. Таким образом, *интересно* выступает как этикетный маркер: оно поддерживает видимость заинтересованности, смягчает возможную резкость реакции и способствует сохранению благоприятного тона общения. В коммуникации подобные ходы помогают сохранить лицо собеседников, избежать неловкой тишины или очевидного выражения скуки. Можно сказать, что *интересно* в такой функции ближе к нейтральным репликам вежливости (типа «*понятно*», «*ясно*», «*вот как*»), которые говорящие вставляют, чтобы отреагировать на сообщение и тем самым проявить участие, даже если само сообщение для них не представляет особого интереса.

В данном исследовании мы проанализировали употребление *интересно* в функции реактивного маркера и выявили, что в ряде контекстов оно способно передавать оттенок формальности, уклончивости или даже отсутствия подлинного интереса.

5) Маркер обратной связи.

В диалогической речи *интересно* нередко выступает как реактивный маркер, сигнализирующий понимание или внимание со стороны слушающего, аналогично междометным откликам типа *угу, ага, да, понятно*. Мы опираемся на определение маркеров обратной связи, предложенное в [\[33, с. 291\]](#): «*Маркеры обратной связи — это короткие вербальные или невербальные ответные реакции, которые используются слушающим для выражения позитивного внимания к говорящему без попытки смены ролей*». В неофициальной устной коммуникации *интересно* в ряде случаев демонстрирует типичные признаки таких маркеров, сближаясь по функции с указанными выше традиционными средствами. Ключевые характеристики здесь следующие: отсутствие

собственного пропозиционального содержания, структурная независимость (реплика *Интересно* не присоединена синтаксически к предыдущему высказыванию), реактивность по отношению к реплике собеседника и поддержание непрерывности диалога.

Рассмотрим пример из устного диалога (телефонный разговор друзей):

Люда: *Ага.*

Зоя: *Ну я же в ээ работаю в программе.*

Люда: *Да/ да.*

Зоя: *Это вот обсуждали.*

Люда: ***Интересно.***

Зоя: *Вот/ и они хотят/ да/ сблизиться с клиентами.*

Люда: *Угу.*

Зоя: *Аа особенно с агентствами/ у которых много клиентов/ аа которым уже/ считай/ им деньги платим/ Гуг-Гуглу / за то/ что люди там кликают.*

Люда: *Угу (Телефонный разговор подруг о съемках фильма (2015)).*

Здесь реплика *Интересно*, произнесённая Людой, служит именно маркером обратной связи: она сигнализирует восприятие и понимание высказывания Зои, выражает заинтересованность, побуждая собеседницу продолжать рассказ. Это *интересно* не вводит новую информацию, не связано синтаксически с соседними репликами и не инициирует смену ролей в разговоре. Его использование прагматически мотивировано задачей поддержания диалога и поощрения собеседника продолжать говорить. Фактически, в данном контексте *интересно* эквивалентно минимальным вербальным откликам типа *угу, да, ясно*, подтверждающим услышанное и демонстрирующим внимание. Можно заключить, что на данном материале *интересно* функционирует как субъективированный маркер отклика, т. е. выражает личную реакцию говорящего на информацию без её оценивания по шкале «интересно/неинтересно» в прямом смысле.

Павел: *Пожалуйста.*

Гадалка: *Эй/ слушай! Тебя же в жизни перемены ожидают.*

Марина: ***Какие/ интересно?***

Вторая сотрудница: *Повышение оклада.*

Семукова: *Новое штатное расписание.*

Третья сотрудница: *Патент на дифференциальный переключатель.*

Гадалка: *Такие вещи/ девочки/ вы на своих машинах гадайте. А я про жизнь говорю (Где находится нофелет?, к/ф (1987));*

В реплике *Какие, интересно?* лексема *интересно* функционирует как маркер обратной связи, выражающий одновременно восприятие и побуждение к продолжению высказывания – запрос информации.

В реплике лексема *интересно* функционирует как метакоммуникативный маркер обратной

связи. Она сигнализирует, что говорящий (Марина) слышит и воспринимает предшествующее высказывание гадалки, вступая в диалог в формате лёгкой иронии. Формально оформленное как вопрос, это высказывание не предполагает получения ответа — напротив, *интересно* здесь выполняет функцию поддержания речевого контакта и активизации дальнейших реплик, что проявляется в последующих шуточных ответах коллег. Таким образом, *интересно* в данном контексте реализует обратную связь и способствует сохранению коммуникативной динамики в групповой ситуации.

Чарышев: *Для простого обывателя слово имеет лишь одну внешнюю сторону/ звуковую... Вот. ...когда он его слышит... Во.*

Вербицкая: ***Интересно.***

Чарышев *Да. Или графическую/ если он его видит. Ну а для профессионала слово скрывает своё истинное/ а порой даже скрытое содержание.*

Вербицкая *Это замечательно* (Любовник, к/ф (2002)).

В данном фрагменте лексема *интересно* используется как краткая реактивная реплика, не несущая пропозициональной нагрузки, а лишь маркирующая внимание и заинтересованность собеседника. Она выполняет функцию лёгкого согласия-поддержки, обеспечивая поддержание речевого взаимодействия.

Заключение

Исследование показало, что лексема *интересно* в современном русском языке претерпела значительные функционально-семантические изменения и приобрела новые прагматические функции. Она утратила исходное референтное значение и закрепилась в роли дискурсивного маркера, характерного для неформальной устной речи, и коммуникатива, обслуживающего задачи организации общения. Морфолого-синтаксический статус можно определить как «вводное слово / модальная единица», а прагматический – как многофункциональный маркер, выражающий субъективное отношение и организующий диалог.

Основные характеристики её функционирования таковы:

- десемантизация и переход к выражению субъективной реакции говорящего;
- функциональная полисемия, позволяющая реализовывать сценарии от модальной рамки до самостоятельной реплики;
- дискурсивная предопределённость, ограничивающая употребление преимущественно диалогическим контекстом;
- имманентная экспрессивность, проявляющаяся в интонации, паузах и жестово-мимическом сопровождении.

Таким образом, *интересно* выступает многоплановым прагматическим инструментом: оно может сигнализировать внимание и заинтересованность, выполнять хезитативную и фатическую функции, а также служить вежливым реактивным средством. Всё это делает данную единицу важным элементом коммуникативного репертуара современного русского языка.

Библиография

1. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка на

материалах Национального корпуса русского языка. М.: Азбуковник, 2009.

2. Erman B., Kotsinas U.-B. Pragmaticalization: The case of *ba'* and *you know* // *Studier i modern språkvetenskap*. 1993. No. 10. Pp. 76-93.

3. Лекант П.А. Аналитическая часть речи предикатив в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Филология. 2011. № 2. С. 20-27.

4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.

5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

6. Traugott E.C. Subjectification in grammaticalisation // *Subjectivity and Subjectivisation: Linguistic Perspectives* / Eds. D. Stein, S. Wright. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. Pp. 31-54.

7. Апресян Ю.Д. Свойства прагматической информации. Прагматическая информация для толкового словаря // Избранные труды. Т. 2. М.: Школа "Языки русской культуры", 1995. С. 135-155.

8. Шаронов И.А. Вводные слова как маркеры и модификаторы речевых актов: бытовые признания // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. № 20. С. 309-323.

9. Aijmer K. I think – an English modal particle // *Modality in Germanic Languages: Historical and Comparative Perspectives* / Eds. T. Swan, O. Jansen-Westvik. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. Pp. 1-47.

10. Frank-Job B. A dynamic-interactional approach to discourse markers // *Approaches to Discourse Particles* / Ed. K. Fischer. Amsterdam: Elsevier, 2006. Pp. 359-374.

11. Виноградова Е.Н. Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация (на материале конструкций, включающих предлог ПО) // Вопросы языкоznания. 2023. № 1. С. 54-87.

12. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Поморский и партнёры, 1993.

13. Киселева К.Л., Пайар Ж. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. М.: Азбуковник, 2003.

14. Fraser B. Towards a theory of discourse markers // *Approaches to Discourse Particles* / Ed. K. Fischer. Amsterdam: Elsevier, 2005. Pp. 189-204.

15. Когут С.В. Дискурсивные маркеры как отражение своеобразия естественнонаучной и научно-гуманитарной картин мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10 (40), ч. I. С. 101-106.

16. Aijmer K. Understanding pragmatic markers: a variational pragmatic approach. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013.

17. Богданова-Бегларян Н.В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и авт. предисл. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5-52.

18. Fraser B. What are discourse markers? // *Journal of Pragmatics*. 1999. Vol. 31, No. 7-8. Pp. 931-952.

19. Aijmer K. English discourse particles: evidence from a corpus. *Studies in Corpus Linguistics*, vol. 10. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002.

20. Остроумова О.А., Фрамполь О.Д. Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений: опыт словаря-справочника. М.: Изд-во СГУ, 2009.

21. Clark H.H., Fox Tree J.E. Using *uh* and *um* in spontaneous speaking // *Cognition*. 2002. Vol. 84, No. 1. Pp. 73-111.

22. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947.

23. Очерки по синтаксису русской разговорной речи = Синтаксис русской разговорной

речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

24. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 898 с.

25. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: учебник / Под ред. Н.С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2002.

26. Земская Е.А. Морфология // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. С. 80-118.

27. Кустова Г.И. Об иллокутивной фразеологии // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. М., 2012. С. 349-366.

28. Шаронов И.А. Коммуникативы в естественных и в художественных диалогах // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3. С. 114-127.

29. Какорина Е.В. Проблемы фиксации и лексикографического описания коммуникативов (на материале работы над "Толковым словарём русской разговорной речи" (ТСРР1)) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. № 2. С. 76-101.

30. Шаронов И.А. Коммуникативная функция языка и коммуникативы // Русистика и компаративистика. Сер. "Научное издание". М.: Книгодел, 2020. С. 217-231.

31. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011.

32. Шаронов И.А. Коммуникативы и методы их описания // Материалы международной конференции "Диалог 2009". Вып. 8(15). М., 2009. С. 543-547.

33. Кобозева И.М., Иванова О.О., Захаров Л.М. К мультимодальному моделированию верификативных дискурсивных маркеров в русском диалоге // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. Т. 21. С. 284-299.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает морфологический статус и прагматика лексемы «интересно» в современном русском языке, актуальность которого обусловлена повышенным вниманием лингвистов к лексеме «интересно», которая, как отмечается в работе, «демонстрирует высокую частотность употребления, особенно в устной спонтанной речи и в контексте повседневной коммуникации», а также к явлению прагматикализации «интересно», при котором данная лексема приобретает дискурсивные функции, превращающие ее в средство организации коммуникации.

Теоретической базой исследования выступили труды как отечественных, так и зарубежных ученых, посвящённые вопросам грамматикализации, лексикализации и прагматикализации; коммуникативной функции языка и коммуникативам; дискурсивной лексике русского языка; прагматическим маркерам русской повседневной речи и т. п. Библиография составляет 33 источника, в том числе лексикографические (Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова; Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений: опыт словаря-справочника О. А. Остроумовой и О. Д. Фрамполь; Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов Н. Ю. Шведовой), представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) практически не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3

года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; дефиниционно-компонентный анализ; контекстуальный и дискурсивный анализы; методы и приемы семантического и дистрибутивного анализа.

В ходе исследования достигнута цель работы: описано изменение морфологического статуса лексемы «интересно» в связи с процессом прагматикализации; рассмотрено развитие ее функций от полнозначного лексического значения до многогранного дискурсивного маркера; выявлены основные характеристики её функционирования (десемантизация и переход к выражению субъективной реакции говорящего; функциональная полисемия; дискурсивная предопределённость, ограничивающая употребление преимущественно диалогическим контекстом; имманентная экспрессивность, проявляющаяся в интонации, паузах и жестово-мимическом сопровождении). В заключении сформулирован вывод о том, что «интересно» выступает многограновым прагматическим инструментом: оно может сигнализировать внимание и заинтересованность, выполнять хезитативную и фатическую функции, а также служить вежливым реактивным средством.

Теоретическая значимость представленного исследования связана с его вкладом в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика, прагматика; в изучение процесса прагматикализации лексемы «интересно». Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов в вузовских курсах по когнитивной лингвистике, языкоznанию, стилистике, лексикологии и лексикографии.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется доступностью и логичностью.

Обращаем внимание автора(ов), что в рукописи встречаются языковые недочеты: см «Модальная рамка являются синтаксическим воплощением субъективации», «Функции коммуникатива интересно».

Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Тюрин П.М., Бородина О.П. Сочетание «бессспорно... но» как средство экспликации внутритекстовых связей // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75847 EDN: UAELD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75847

Сочетание «бессспорно... но» как средство экспликации внутритекстовых связей

Тюрин Павел Михайлович

ORCID: 0000-0001-5000-9757

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русского языка и литературы; федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет»

690022, Россия, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

✉ turin2010@mail.ru

Бородина Ольга Павловна

учитель русского языка и литературы; Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа №74 с углубленным изучением предметов эстетического цикла г. Владивостока»

690012, Россия, Приморский край, г. Владивосток, Первомайский р-н, ул. Калинина, д. 57, кв. 12

✉ prosto-olga@list.ru

[Статья из рубрики "Синтаксис"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.75847

EDN:

UAELD

Дата направления статьи в редакцию:

11-09-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу употреблений сочетания «бессспорно... но» в текстах различных функциональных стилей и жанров в качестве текстовой скрепы со сравнением её функционирования в тексте и в предложении. Целью работы стало выявление специфики данной единицы, её семантических характеристик, механизма формирования и характера эксплицируемых отношений между частями текста. Уделено внимание механизму формирования данной текстовой скрепы, её семантике и

отношениям между частями текста, в выстраивании которого принимает участие скрепа. Кроме того, рассматривается явление грамматикализации в контексте анализа этимологии текстовой скрепы «бессспорно...но» и выявляются особенности, которые позволяют говорить о необходимости пересмотра подходов к явлению грамматикализации, что связано с включением в состав скрепы слов не только знаменательных частей речи, но и служебных, а также вводно-модальных слов. При анализе данных особенностей текстовой скрепы «бессспорно... но» применены следующие методы исследования: традиционный описательный метод, включающий приёмы наблюдения, обобщения и систематизации языковых явлений, и методика контекстного анализа. Методологической базой исследования послужили труды, посвящённые грамматикализации и текстовым скрепам, в т.ч. работы представителей дальневосточной синтаксической школы в области служебных слов. Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые проводится детальный анализ особенностей функционирования оборота «бессспорно...но» как текстовой скрепы в современных текстах разных функциональных стилей и жанров. Установлено, что текстовая скрепа «бессспорно... но» имеет двухэлементную морфологическую структуру, сформировавшуюся на базе слова «бессспорно» (в разных контекстах может являться прилагательным в краткой форме, наречием и вводно-модальным словом) и союза «но», что определило функциональные возможности скрепы. В тексте она используется для противопоставления ситуаций, при котором суждения говорящего им самим частично опровергаются, дополняются, раскрываются в ином ракурсе, при этом ограничивается однозначность положительной или отрицательной оценки этих ситуаций или явлений. Это связано с реализацией определённой коммуникативной стратегии говорящего. Результаты данного исследования должны стать базой для дальнейших изысканий в области текстовых скреп и явления грамматикализации, а также могут быть представлены в виде словарной статьи для «Словаря служебных слов русского языка».

Ключевые слова:

лингвистика текста, связность текста, грамматикализация, служебное слово, текстовая скрепа, скрепа-фраза, средство связи, бессспорно но, синтаксическая конструкция, семантика служебного слова

Текст можно считать объектом пристального внимания современной лингвистики, и одним из ключевых направлений его анализа стало изучение внутритестовых связей и средств их выражения. Эти средства достаточно разнообразны, а к одним из основных относятся текстовые скрепы — особые единицы, способные оформлять разнообразные отношения между отдельными высказываниями и частями текста. Изучение данных единиц характеризуется рядом трудностей, которые обусловлены полифункциональностью и наличием контекстных функционально-семантических трансформаций. Особую сложность представляет определение категориального статуса текстовых скреп, т.к. к их числу относятся образования, возникшие в результате грамматикализации самых разнообразных языковых единиц.

Описание текстовых скреп и явления грамматикализации в русистике

Текстовые скрепы можно считать ярким представителем класса служебных слов, однако несмотря на пристальное внимание лингвистов к данным единицам пока они изучены далеко не в полной мере. Вопросы сохраняются даже в области терминологии. Так, А. Ф. Прияткиной [1, с. 334-344] использует принятый нами как наиболее удачный термин

«текстовая скрепа», однако в работе О. И. Филимонова для обозначения того же явления используется термин «скрепа-фраза» [2, с. 44-45]). Способность большого количества текстовых скреп функционировать не только в тексте, но и в предложении даёт исследователям возможность объединять слова, с юнкционными функциями на уровне предложения и текста в общий класс служебных слов, которые М. В. Ляпон назвала релятивами [3]. В то же время М. И. Черемисина и Т. А. Колосова сузили понятие скрепы до единицы, выражающей связи между частями сложного предложения [4, с. 179]. В зарубежных работах и опирающихся на них отечественных исследованиях могут использоваться термины «коннектор» [5, с. 125] и «дискурсивные слова» [6]. Кроме того, для обозначения единиц, выполняющих юнкционные функции, может использоваться термин «слова-гибриды», подчёркивающий сложную грамматическую природу данного явления [7, с. 287-355].

При анализе функционирования текстовой скрепы «бесспорно... но» особое внимание следует уделить механизмам её формирования и входящим в её состав элементам. Очень часто появление у тех или иных языковых единиц служебных функций вообще и функций текстовой скрепы в частности связано с явлением грамматикализации.

Традиционно под грамматикализацией понимают «процесс, при котором лексические единицы и конструкции начинают в определённом лингвистическом контексте выполнять грамматические функции, развиваются новые, более грамматические» [8]. Подобный подход отражён в достаточно большом количестве работ, например, в статье Е. С. Зарубиной, которая под грамматикализацией понимает переход единиц из самостоятельных частей речи в служебные [9]. К. Ю. Овсянниковой, рассматривающей грамматикализацию как историческую категорию, находящуюся в непрерывном развитии и основывающуюся на превращении неграмматической единицы языка в грамматическую или появлении у неграмматической единицы некоторых грамматических свойств [10, с. 87]. Более детальное описание грамматикализации можно увидеть в работе С. В. Соколовой. Она рассматривает грамматикализацию как отражение общих когнитивных процессов и считает, что она представляет собой постепенный переход языковых единиц из разряда не грамматических в грамматические с уменьшением их автономности и наделением их большим числом грамматических свойств [11, с. 74]. А. Г. Мажарова, анализируя употребление так называемых межфразовых скреп союзного типа (в целом данное понятие соответствует понятию текстовой скрепы), говорит о том, что такую функцию выполняют грамматикализованные средства, т.е. прошедшие процесс, связанный с регулярным использованием отдельных лексических единиц для выражения грамматических значений, в том числе и для связи фрагментов текста [12, с. 8-9].

М. В. Артёменко, обобщая ряд исследований, посвящённых переходу знаменательных частей речи в служебные, называет несколько путей грамматикализации знаменательных единиц. Это изменение смысла единицы, её выпадение из морфологической парадигмы, разрушение синтагматических связей, определённая степень фразеологизации единицы, метафоризация значения базового имени, развитие двустороннего характера синтаксических связей и др. [13, с. 408].

Таким образом, грамматикализация в существующих трудах понимается как развитие служебных функций у слов знаменательных частей речи. Термин «грамматикализация» может применяться и при описании механизмов формирования текстовых скреп, однако природа некоторых текстовых скреп сложнее, чем у других служебных слов, и их

происхождение невозможно связать лишь с явлением грамматикализации в традиционном понимании. В частности, текстовая скрепа «бессспорно... но» включает в себя союз «но», который, как известно, является служебной частью речи. Более того, элемент «бессспорно», как показывает анализ употреблений текстовой скрепы «бессспорно... но» тоже не всегда относится к знаменательным частям речи. Эти особенности ставят ряд проблем, связанных с определением природы текстовых скреп и границ явления грамматикализации.

Функционально-семантические особенности оборота «бессспорно... но»

Сочетание «бессспорно... но» является ярким примером текстовой скрепы, отражающим все названные выше особенности, характерные для данного класса языковых единиц. Его роль в экспликации внутритекстовых связей хорошо видна в следующем примере:

Бессспорно, я люблю своего брата и легко говорю с ним по душам... **Но** не на такие же темы! [Диана Комарова. Playthings].

В данном случае «бессспорно... но» выражает связи между двумя высказываниями. В первом из них адресант утверждает, что любит своего брата и говорит с ним по душам, причём это утверждение неопровергимо. Во втором же высказывании данное утверждение всё-таки частично опровергается, но не оспаривается полностью и даже не ставится под сомнение, а определённым образом ограничивается, т.е. из неопровергимого суждения делается исключение (адресант разговаривает с братом по душам, но не на любые темы).

Приведённый выше пример показывает, что «бессспорно... но» в тексте является важным юнкциональным элементом, передающим логику рассуждений адресанта, отражённую в его высказываниях. Такая роль в тексте связана со значением оборота «бессспорно... но». Это значение можно вывести из значений входящих в состав «бессспорно... но» компонентов. Слово «бессспорно» в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяется как вводное (отметим, что обнаруженные нами примеры говорят и об употреблении в качестве наречия), имеющее значение «вне всякого сомнения» [\[14, с. 46\]](#). Союз «но», по данным того же словаря, соединяет предложения или члены предложения, выражая противопоставление, ограничение [\[14, с. 419\]](#). Таким образом, общее значение скрепы «бессспорно... но» можно сформулировать как противопоставление с опровержением, оспариванием или ограничением того, о чём говорилось раньше. Иными словами, адресант с помощью данной скрепы ставит под сомнение свои суждения или выражает сомнение в однозначности описываемой им ситуации.

Отражение такой семантики можно видеть в следующем примере: *Нет, она, бессспорно, была благодарна племени за то, что они подобрали и вырастили её. Но* чем взрослеет она становилась, тем сложнее становилось принимать жизненную позицию экоплемени [Анастасия Лик. Во власти притяжения]. Здесь в первом высказывании говорится о том, что героиня благодарна племени, и этот факт под сомнение не ставится, о чём говорит слово «бессспорно», а во втором высказывании речь идёт о том, что этой же героине трудно принять жизненную позицию данного племени, т.е. прямого опровержения во втором высказывании не содержится, но в дальнейшем, возможно, отношение к племени изменится и благодарность уже не будет такой абсолютной. В этом случае можно говорить о том, что противопоставление двух ситуаций, выраженное с помощью «бессспорно... но», может говорить о скрытом или возможном в будущем опровержении первого суждения.

Таким образом, примеры употребления текстовой скрепы «бессспорно... но» демонстрируют её возможность эксплицировать сложные логические отношения, что связано с особенностями семантики этой скрепы и составляющих её элементов. Однако функциональные возможности «бессспорно... но» шире, что характерно для многих текстовых скреп. Так, были обнаружены достаточно многочисленные примеры использования данной единицы в пределах одного высказывания.

*С одной стороны, оно [украшение], **бессспорно**, было просто чудесным, **но** с другой стороны, я не хотела теряться на фоне всей этой красоты... [Мария Кухта. Меня не колышет твоё мнение].*

В приведённом примере «бессспорно... но» эксплицирует отношения между частями сложносочинённого предложения, причём можно говорить о том, что здесь обычные противительные отношения, выражаемые союзом «но» трансформируются под влиянием слова «бессспорно» и дополняются частичным опровержением факта или ситуации, отражённых в первой части предложения. Т.е. в целом формируемые между частями предложения отношения тождественны тем, которые возникают в рассмотренных выше примерах между частями текста. Подобные случаи говорят о том, что «бессспорно... но» является полифункциональной единицей, которая может функционировать не только на уровне текста, но и на уровне высказывания.

Ещё одной важной особенностью «бессспорно... но» является то, что в её состав могут входить разные по своей грамматической природе элементы. Это видно уже из интонационного и пунктуационного оформления слова «бессспорно», входящего в скрепу. В приведённых выше случаях «бессспорно» является вводно-модальным словом, о чём свидетельствует наличие достаточно длинных пауз и соответствующее выделение запятыми. Однако достаточно часто в состав скрепы входит омонимичное наречие или краткое прилагательное.

*И здесь он [футуризм] сыграл **бессспорно** революционную роль, дав почувствовать передовой части российского общества саму возможность иного, свободного социального бытия на фоне многовековой картины насилия и эксплуатации человека человеком. **Но** если раньше кубофутуристы, заумники и беспредметники демонстрировали в своих работах что-то вроде отчуждения предметного и человеческого мира в условиях капитализма, то в первые годы социалистического строительства творчество большинства из них претерпело радикальное, но логичное превращение в производственное искусство и литературу факта [НКРЯ].*

В данном примере «бессспорно» является наречием и вместе с союзом «но» формирует в тексте противительные отношения, при которых сначала говорится о революционной роли футуризма, а далее – о её трансформации со временем, т.е. прямого опровержения суждения после «но» не содержится, но об определённом переосмыслении или даже дополнении начального тезиса говорить можно.

Гораздо чаще входящее в состав текстовой скрепы слово «бессспорно» является прилагательным в краткой форме (выступает в роли сказуемого):

*Рагон твой, это **бессспорно**. **Но** то, что ты тут видишь, прошло, и ревновать к нему глупо, тем более его высочество, хотя и окружает себя любовницами, как и любой истинный дэфари моногамен [Анастасия Лик. Во власти притяжения].*

В связи с этим встаёт вопрос о том, можно ли считать текстовую скрепу «бессспорно... но» возникшей в результате грамматикализации, ведь под грамматикализацией, как

отмечалось выше, традиционно понимается приобретение служебных функций словами знаменательных частей речи. Из этого следует, что с грамматикализацией в традиционном понимании мы в какой-то мере имеем дело лишь в том случае, когда в состав текстовой скрепы включается прилагательное в краткой форме или наречие «бесспорно», однако и здесь о полноценной грамматикализации говорить трудно, т.к. в предложении это слово сохраняет соответствующую самостоятельной части речи синтаксическую функцию. Кроме того, вторым компонентом скрепы является союз «но», а включение служебного слова в состав новой служебной единицы грамматикализацией с учётом имеющихся подходов к определению данного понятия считать нельзя. Таким образом, объяснение механизма формирования текстовой скрепы и её аналога, способного функционировать на уровне высказывания, сталкивается с определёнными трудностями, и в этом случае нужно либо признавать наличие особых путей возникновения текстовых скреп, либо говорить о расширении понятия грамматикализации с включением в него случаев образования служебных единиц на базе не только самостоятельных частей речи, но и служебных и вводно-модальных слов.

Роль «бессспорно... но» в организации текста

Как уже было отмечено выше, текстовая скрепа «бессспорно... но» обычно позволяет говорящему ставить под сомнение свои суждения или выражать сомнение в однозначности описываемой им ситуации. Это связано с двухкомпонентным составом «бессспорно... но». При этом можно говорить о том, что первый компонент данной единицы обладает высокой степенью самостоятельности в плане формирования внутритекстовых связей и может участвовать в реализации двух коммуникативных стратегий. Первая стратегия предполагает противопоставление ситуаций, явлений, действий и т.д.

*Не оглянись она вовремя, получила бы удар ножом, и на этом, пожалуй, её эпопея и закончилась бы. Это — **бессспорно. Но** вопрос, однако, состоял в том, отчего она вдруг насторожилась? [Макс. Госпожа адмирал (Авиатор 4)].*

Реализация этой стратегии предполагает устойчивую структуру текстовой скрепы «бессспорно... но» с контактным, как в приведённом выше примере, или дистантным расположением элементов. Дистантное расположение элементов тоже является достаточно распространённым.

*Это был портрет молодой женщины, изображенной по пояс. Голову её покрывала серая ткань с тонкой вышивкой, и верхний край чуть нависал над лицом, бросая тень на большие, выразительные тёмно-серые глаза. Бледный овал лица, чувственные алые губы, плечи скрыты складками ткани. **Бессспорно** красивая женщина. Она сидела на стуле с высокой спинкой, на колени ей положил передние лапы крупный зверь с рыжевато-песочной шерстью. Если бы он не был размером с пони, Ева решила бы, что это рысь — из-за характерных кисточек на ушах.*

***Но** что важнее для девушки, под этой картиной, на узорчатом ковре, лежали двое: Исаия и Илия. И они не двигались [Синчан. Паутина Белого Паука].*

В приведённом примере второй компонент («но») появляется только через 2 предложения, причём начинает новый абзац, однако такая структура текста не препятствует реализации противопоставления двух ситуаций: с одной стороны, говорится о том, что на картине изображена красивая женщина, а с другой — изображение не столь важно с учётом того, что под этой картиной кто-то лежит.

Вторая стратегия, напротив, предполагает усиление наивысшей степени уверенности, выраженной словом «бессспорно».

То, что Ольга Седакова наиболее вдохновенный поэт нашего времени — совершенно бессспорно. И можно быть уверенным — что точность попадания у неё самая сильная, только надо учиться слушать всем своим существом, не оставляя про запас те части, которые, как ты думаешь, не имеют к искусству никакого отношения, или — если ты более политкорректен — то ты считаешь, что их у тебя никто требовать не может [НКРЯ].

Однако реализация этой стратегии не предполагает устойчивого состава текстовой скрепы, и говорить можно только о своего рода контекстной рода контекстной грамматикализации. В данном случае в качестве текстовой скрепы используется оборот «бессспорно... И можно быть уверенным», но состав второго компонента может быть фактически любым, т.е. говорить о полноценной текстовой скрепе в подобных случаях невозможно. А при реализации первой стратегии можно говорить о достаточно устойчивой текстовой скрепе «бессспорно... но».

Устойчивость состава текстовой скрепы «бессспорно... но» позволяет ей иметь достаточно широкую сферу действия. Так, объём контекста, между частями которого скрепа формирует связи, может сильно варьироваться. Это могут быть и 2 следующих непосредственно друг за другом предложения, и даже разные смысловые блоки текста, отражённые в разных абзацах (пример такой структуры приводился выше, однако подобные случаи единичны).

Контактное расположение связываемый текстовой скрепой предложений можно видеть в следующем примере: **Бессспорно**, шутка со студентом Колосовым удалась — лорд Шаред лично показал запись вашего сражения и его итог деканам других факультетов. **Но** ты понимаешь, что если бы устроил что-то подобное на реальном деле, вылетел бы из инквизиции быстрее, чем произнёс: «Я просто пошутил!» [Ольга Болдырева. Белая кровь].

Здесь снова заметны характерные для «бессспорно... но» отношения между высказываниями: в первом предложении говорится о том, что шутка удалась, а во втором — о том, что она могла иметь плохие последствия, т.е. при однозначном положительной оценке есть и явный отрицательный аспект.

Довольно часто встречаются случаи с дистантным расположением связываемых скрепой предложений. Разделять их может одно предложение или несколько.

Ленку он любил... это было бессспорно... Себя он видел только рядом с ней, и ни одна женщина на свете не смогла бы занять её место. Но Настя... [Эвелина Пиженко. Ты услышишь мой голос — 2].

В приведённом примере безусловная любовь к одному человеку противопоставляется наличию чувств к другому, т.е. ситуации лишь отчасти противопоставляются, но в большей мере дополняют друг друга.

Более отдалённое расположение связываемых скрепой предложений представлено далее:

Денег у них в доме, бессспорно, прибавилось. За последнее время Ирина купила приглянувшийся ей в мебельном магазине диванчик, поменяла напольные ковры (старые без всякого сожаления отправив в мусорный бак), заказала новый холодильник с большой морозильной камерой, подумав, на досуге взяла и приобрела давно уж

приглянувшуюся осеннюю кожаную курточку, заменила пылесос, предыдущий отправив врайцентр мужниным родителям. И на этом слегка успокоилась. **Но** финансовое благосостояние не принесло ожидаемого счастья [Анатолий Гончаров. Обыкновенная жизнь].

Здесь за предложением, содержащим элемент «бессспорно» следует ещё несколько предложений, в которых детализируется, освещается с новой стороны информация, содержащаяся в данном предложении. Последнее предложение, включающее элемент «но», содержит информацию о том, что описанная в первом предложении как однозначно положительная ситуация положительна не в полной мере, если посмотреть под другим углом, т.е. имеет место частичное опровержение того, о чём говорилось в самом начале.

Таким образом, текстовая скрепа «бессспорно... но» участвует в реализации определённой коммуникативной стратегии говорящего, когда он стремится частично опровергнуть или дополнить собственные суждения, раскрыть их в ином ракурсе, ограничив однозначность положительной или отрицательной оценки. При этом контекст, формируемый скрепой, может быть достаточно объёмным и далеко не всегда предполагает контактное расположение связываемых высказываний.

Заключение

Текстовые скрепы являются достаточно сложным и пока слабо изученным в современной лингвистике явлением, между тем это достаточно обширный класс языковых единиц. Определение категориального статуса текстовых скреп и их грамматической природы представляет особую трудность, т.к. они не объединяются в грамматический класс, а их происхождение невозможно объяснить только явлением грамматикализации в традиционном её понимании. И в случае с текстовой скрепой «бессспорно... но» это проявляется очень отчётливо. Очевидно, что на сегодняшний день её можно считать сформировавшейся, т.к. она имеет достаточно устойчивую структуру и выражает определённые отношения между разными по объёму частями текста — противопоставление ситуаций, при котором суждения говорящего им самим частично опровергаются, дополняются, раскрываются в ином ракурсе, ограничивается однозначность положительной или отрицательной оценки этих ситуаций или явлений. Способность выражать такие отношения связана с семантикой «бессспорно... но», сформировавшейся на базе семантики входящих в неё слова «бессспорно» (в разных контекстах может являться прилагательным в краткой форме, наречием и вводно-модальным словом) и союза «но». Ещё одним признаком устойчивости оборота «бессспорно... но» можно считать его способность функционировать в пределах одного высказывания, причём выражаемые в таких случаях отношения между компонентами высказывания тождественны тем, которые можно наблюдать на уровне текста.

Функционирование данной единицы открывает перед исследователями ряд вопросов, которые связаны в первую очередь с определением грамматической природы подобных образований и возможностью их полноценного включения в состав служебных слов русского языка. Кроме того, внимания заслуживает явление грамматикализации в целом, т.к. существующие подходы к её определению не в полной мере учитывают механизмы формирования текстовых скреп, что отчётливо видно на примере рассмотренной единицы.

Библиография

1. Прияткина А. Ф. Текстовые "скрепы" и "скрепы-фразы" (о расширении категории

служебных единиц русского языка) // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. С. 334-344.

2. Филимонов О. И. Скрепа-фраза как средство выражения синтаксических связей между предикативными единицами в тексте. Ставрополь: Изд-во Ставропольск. ун-та, 2003. 191 с.

3. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с. EDN: RSVMXD.

4. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987. 205 с. EDN: SHLOOZ.

5. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М.: Прогресс, 1978. С. 111-137.

6. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998. 448 с.

7. Словарь служебных слов русского языка / отв. ред. А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова. Владивосток: Изд-во ГУП «Примполиграфкомбинат», 2001. 363 с.

8. Hopper P., Traugott E. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 276 р.

9. Зарубина Е.С. Сочетаемость отглагольного релятива «исходя из»: левый и правый компоненты // Litera. 2023. № 5. С. 277-291. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40692 EDN: GRWYKC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40692

10. Овсянникова К. Ю. Диахронический подход к изучению теории грамматикализации // Світова література на перехресті культур і цивілізацій: зб. наук. пр. / Ред. В. П. Казарін. Вип. 6. Ч. 2. Сімферополь, 2012. С. 87-92.

11. Соколова С. В. Грамматикализация в системе местоименных слов современного русского языка как отражение общих когнитивных процессов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 2 (011). С. 74-80. EDN: IIQXYF.

12. Мажарова А. Г. Грамматикализация слов и словосочетаний как тенденция в текстообразовании (межфразовые скрепы градационной семантики в русских и немецких текстах): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1992. 23 с. EDN: LWINYH.

13. Артёменко М. В. Пути грамматикализации отымённого релятива "по принципу" // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 407-409. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00595. EDN: VCUFXM.

14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ЛД ИНВЕСТ: Азбуковник, 2003. 939 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ на статью

«Сочетание "бессспорно... но" как средство экспликации внутритекстовых связей»

Представленная статья посвящена анализу текстовой скрепы «бессспорно... но» как одной из языковых единиц, эксплицирующих внутритекстовые связи. Автор рассматривает данное сочетание как проявление сложной языковой структуры, в которой соединяются семантика вводно-модального компонента и противительного союза. Центральным предметом исследования является попытка описать происхождение,

грамматическую природу и функционально-семантические особенности указанной скрепы, а также её место в системе служебных слов русского языка.

Исследование носит комплексный характер, сочетающий элементы семантического, синтаксического, прагматического и когнитивного анализа. Автор последовательно использует методы лингвистического описания, контекстного анализа, обращения к корпусным данным (в том числе к Национальному корпусу русского языка), а также опирается на достижения теории грамматикализации. Особое внимание уделено функционированию скрепы в реальных текстах — как художественных, так и публицистических — с подробной интерпретацией контекстов.

Рецензируемая работа представляется актуальной по нескольким причинам. Во-первых, тема текстовых скреп — сравнительно новая и ещё не получившая должного освещения в рамках русистики. Во-вторых, наблюдается явный интерес к синтаксическим и дискурсивным средствам текстообразования, что связано с развитием прагматической лингвистики и теории текста. В-третьих, автор поднимает значимую проблему пересмотра традиционного понимания грамматикализации, что важно для теории грамматической эволюции языка. Таким образом, исследование отвечает на вызовы современного языковедения.

Новизна статьи заключается в целенаправленном рассмотрении конкретной скрепы «бесспорно... но», ранее не подвергавшейся столь детальному и многоаспектному анализу. Впервые выявлены различные типы контекстов, в которых функционирует данная конструкция, предложена классификация семантических оттенков и степеней грамматикализации, обозначены пути возможной реинтерпретации понятия грамматикализации применительно к сложным текстовым скрепам. Автор делает важное методологическое замечание о том, что сочетание «бесспорно... но» функционирует не только на уровне текста, но и на уровне высказывания, что свидетельствует о его полифункциональности.

Текст написан ясным, научным языком с соблюдением академических норм. Автор демонстрирует хорошую лингвистическую эрудицию, аккуратно вводит термины, аргументирует свои выводы, иллюстрирует их аутентичными примерами. Структура статьи логична: после теоретического введения о текстовых скрепах и грамматикализации следует основная часть, в которой разбираются семантические и функциональные свойства рассматриваемой конструкции, а затем подводятся итоги и обозначаются перспективы дальнейшего анализа. Несмотря на насыщенность материала, изложение остаётся стройным и доступным.

Список литературы достаточно объемен, включает как классические труды по теории текста (Прияткина, Ляпон, Филимонов), так и современные исследования (Зарубина, Овсянникова), в том числе англоязычные источники (Hopper & Traugott). Корректно использованы электронные идентификаторы (DOI, EDN, URL). Все основные упоминаемые в тексте работы отражены в списке литературы. Библиография демонстрирует широкий кругозор автора и знакомство с актуальным состоянием теории. Автор осторожно, но последовательно отстаивает собственный подход, обращаясь к разным трактовкам скреп в научной литературе. Вместе с тем он не игнорирует альтернативные точки зрения и стремится к диалогу. В частности, критикуется ограниченность классического подхода к грамматикализации, однако это делается аргументированно и с опорой на примеры. Таким образом, автор демонстрирует корректную научную полемику.

Выводы обобщают основные положения статьи, логически вытекают из анализа. Особое внимание уделено проблеме пересмотра границ грамматикализации, что может заинтересовать широкий круг лингвистов: специалистов по синтаксису, дискурс-анализу, когнитивной лингвистике. Текст будет интересен не только теоретикам, но и

преподавателям лингвистических дисциплин, а также студентам-филологам, работающим с категорией модальности и текстовыми связями.

Рецензируемая статья отличается высоким уровнем научной аргументации, оригинальностью постановки вопроса, актуальностью, чёткой структурой и соответствует паспорту научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России, и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Власова В.В. Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: топосы // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75316 EDN: TDZALH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75316

Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: топосы

Власова Влада Владимировна

ORCID: 0000-0002-3339-0063

аспирант; кафедра теории и практики иностранных языков; Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1142230126@pfur.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.75316

EDN:

TDZALH

Дата направления статьи в редакцию:

27-07-2025

Аннотация: Британская национальная идентичность находится в зоне постоянного изучения ученых уже долгий период времени, но после Брексита интерес к этой теме существенно увеличился. Британская нация, особенно та ее часть, которая была на стороне евросkeptиков, после Брексита была нацелена на усиление британской идентичности и полного уничтожения какого бы то ни было влияния глобализации на внутреннее мироощущение британской нации. Но, несмотря на ожидание британцев, многие ученые сходятся во мнении, что национальная британская идентичность все же находится в кризисе. Таким образом, объектом данного исследования являются топосы англоязычного политического дискурса онлайн средств массовой информации (журналы, газеты), а целью представляется выявление актуального состояния британской национальной идентичности посредством анализа топосов политического дискурса современной Великобритании. Актуальные труды (большинство не старше пяти лет) отечественных и зарубежных учёных в области политического дискурса и национальной, в том числе британской, идентичности составляют методологическую базу исследования.

Научная новизна исследования заключается в том, что состояние национальной британской идентичности впервые рассматривается с помощью анализа дискурсивных топосов актуальных публикаций британских онлайн-изданий. Анализ топосов англоязычного политического дискурса осуществляется на основе текстов онлайн-медиа за период январь – август 2025 г., что делает исследование новаторским и отражающим тенденции современной лингвистической науки. В результате проведенного исследования было установлено, что британская национальная идентичность выражается такими топосами, как топосы монархии, культуры и истории, цифр, финансов, справедливости и законопослушности, толерантности, иммиграции, угрозы. Самыми частотными топосами дискурсивного формирования национальной идентичности Великобритании стали топосы монархии, толерантности, иммиграции и угрозы, подтверждающие кризис национальной британской идентичности. Перспективой исследования является изучение интертекстуальности и интердискурсивности как способа конструирования дискурсивного выражения британской национальной идентичности, а также pragматического аспекта дискурсивного формирования национальной британской идентичности.

Ключевые слова:

дискурс, национальная идентичность, английский язык, британская национальная идентичность, онлайн-издание, англицизм, политический дискурс, топос, Брексит, медиа

Говоря о современных исследованиях национальной британской идентичности, необходимо отметить, что такого рода исследования характерны для разных областей гуманитарного знания. В данном исследовании представлено изучение топосов дискурсивного формирования национальной британской идентичности.

В научной области назрела необходимость изучения дискурсивного выражения национальной идентичности. Поскольку в современной лингвистике активно ведутся дискурсивные исследования, то изучения национальной, в том числе британской, идентичности с помощью дискурсивных практик, например, дискурс-анализа, позволит раскрыть те средства, которые влияют на формирование и выражение национальной британской идентичности в англоязычных онлайн-изданиях. Это и определяет **актуальность исследования**.

Цель исследования – выявление актуального состояния британской национальной идентичности посредством анализа топосов формирования политического дискурса английских онлайн-изданий.

Задачи исследования определены следующим образом: описать аспекты национальной идентичности современного британского социума и ее функционирования в политическом дискурсе; провести выборку часто встречающихся топосов в текстах британских онлайн-изданий за период январь – август 2025 г. и осуществить их описание; провести анализ результатов исследования.

Материалом исследования являются статьи онлайн-изданий «Daily Mail» (URL: <https://www.dailymail.co.uk>) и «The Guardian» (URL: <https://www.theguardian.com>) за период с января по август 2025 года, охватывающие тематический блок, посвященный политике.

Теоретическая база исследования строится на основе дискурсивных исследований Е.

Е. Шеховцовой, С. Абрахамяна, М. Банщиковой, В. В. Катерминой, Н. Б. Шершневой, И. В. Савельевой, А. А. Маленковой, М. В. Мельничук, Е. А. Стародубцевой, Е. Ю. Алешиной, Д. Д. Головой, Т. Г. Поповой, С. В. Лоскутовой. Также происходит рассмотрение различных аспектов национальной британской идентичности в теоретической части исследования с помощью трудов Б. Трантера, Дж. Донога, О. Ю. Корниенко, Р. Т. Эшкрофта, М. Бевира, Е. А. Атапина, Ф. Эдвертона, О. Рекорда, И. В. Казакова, С. Г. Малкина, В. Хонейманн, Е. С. Игнатовой, К. Паинтера. Аспект исследования, посвященный топосам, описывается с помощью трудов М. С. Матыциной, И. А. Бубновой, М. Киенпоинтера, С. Тулмина, Р. Водак.

Методы и приемы исследования, использованные для достижения поставленных задач: теоретический анализ и синтез при сборе материала и его последующей обработке; метод сплошной выборки, позволяющий подобрать среди многообразия материала подходящие примеры для их анализа в практической части исследования; дискурсивный анализ, изучение словарных определений и структурный метод в процессе анализа и описания топосов.

Научная новизна исследования заключается в том, что дискурсивное формирование британской национальной идентичности впервые рассмотрено с точки зрения использования топосов; применен подход критического дискурс-анализа для исследования дискурсивного формирования национальной британской идентичности; выявлено влияние топосов на построение дискурсивных стратегий национальной британской идентичности.

Практическая значимость данной работы может включать в себя ее применение на занятиях по дисциплинам лингвистического цикла, посвященным дискурсу, а также практическому курсу английского языка, стилистике и прагматике английского языка.

Говоря о феномене национальной идентичности, невозможно дать ей единственное верное определение. Как отмечает И. В. Казаков, национальная идентичность опирается на идеи и концепции, общие для коллектива, который данную идентичность разделяет. Национальная идентичность акцентирует различия определенной нации от других наций и подчеркивает однородность нации, при этом игнорируя различия между группами внутри нации [\[1\]](#).

О. Ю. Корниенко отмечает такие характерные черты британской национальной идентичности, как суверенитет королевской власти, свобода слова, патриотизм, британская история и культура и др. [\[2\]](#). Акторы формируют разнообразные представления о британской национальной идентичности, которые могут иной раз противоречить друг другу [\[3\]](#).

Как отечественные, так и зарубежные ученые, например Е. А. Атапин, Е. С. Игнатова, С. Г. Малкин, К. Паинтер и В. Хонейманн, отмечают в своих исследованиях такую черту национальной британской идентичности, как противопоставление себя остальному миру, в том числе европейским державам [\[4, 5, 6, 7, 8\]](#). К интересному выводу, исследуя национальную британскую идентичность, пришли ученые Б. Трантер и Дж. Доног. Они провели опрос британского населения и выявили, что англичане, описывая символы нации, обращаются не к «классическим» древним героям, а к относительно недавним национальным лидерам. Таким образом, британцы выделили в качестве символов нации Уинстона Черчилля, Маргарет Тэтчер и королеву Елизавету II (исследование проводилось в 2017 году) [\[9\]](#).

Из недавних исторических событий на формирование национальной идентичности Великобритании наибольшее влияние оказал Брексит [\[10\]](#). Ф. Эдвертон и О. Рекорд в своем исследовании британской национальной идентичности приходят к выводу, что кампания по Пробрекситу настраивала население на тот факт, что они радикально отличаются от жителей стран Евросоюза, что в итоге стало одним из факторов осуществления Брексита [\[11\]](#). Современные исследования состояния британской национальной идентичности показали, что она находится в кризисном состоянии, несмотря на ожидания кампании по Пробрекситу [\[12, 13\]](#).

Национальная идентичность формируется и трансформируется преимущественно дискурсивно [\[14\]](#). Современные дискурсивные исследования рассматривают дискурс с точки зрения культуроцентричности [\[15\]](#). Господствующий дискурс является оным из-за победы над другими, иной раз противоречащими по смыслу, дискурсами [\[16\]](#). Британский политический дискурс считается скучным на эмоции, но политики все же иногда прибегают и к эмоциональным ценностным аргументам. Таким образом, Т. Мэй обосновала необходимость сохранения единства страны с «чувством долга перед порастающим поколением» [\[17\]](#).

Актуальным направлением изучения англоязычного дискурса является изучение его лексической составляющей. Лексическая единица представляет собой хранилище культурной семантики, поэтому является постоянным объектом изучения исследователей [\[18\]](#). Например, Е. Е. Шеховцова, В. В. Катермина, Н. Б. Шершнева описывают в своих трудах неологизмы англоязычного дискурса с латинскими и греческими префиксами и «классические» латинские выражения. Ученые приходят к выводу, что данные лексемы распространены в современном британском дискурсе разных типов [\[19, 20\]](#).

В данном исследовании рассматриваются топосы дискурсивного формирования национальной идентичности Великобритании.

Топос, по определению австрийского ученого М. Киенпоинтера, представляет собой «рассуждение здравого смысла, типичное для определенных вопросов и служащее тактическим средством реализации дискурсивной стратегии» [\[21\]](#). Топос способен определять степень удачности дискурсивной стратегии того или иного типа, являясь чем-то широко известным и часто используемым [\[22\]](#).

С. Тулмин в своей работе «Использование аргументации» утверждает, что топос является тем самым гипотетическим утверждением, которое выступает в роли связующего звена между данными и сделанными на их основании выводами. Тулмин в своем исследовании также выделяет каждый аргумент как структуру, содержащую утверждение (claim), основание данного вывода (data, ground), а также топос (по терминологии Тулмина «warrant» т.е. общее заключение, разделяемое большинством), устанавливающий причинно-следственную связь между начальным и конечным элементами [\[23\]](#).

Рут Водак выделяет примерный перечень топосов, при этом подчеркивая, что он может пополняться новыми топосами в ходе исследования объектов или процессов: топос пользы, топос вреда, топос опасности, топос справедливости, топос ответственности, топос экономических проблем, топос цифр, топос авторитетности, топос истории, топос культуры, топос неправомерности и т.д. [\[24\]](#).

И. А. Бубнова, исследуя состояние современной западной дипломатии, выделяет топос угрозы и топос спасителя как самые распространенные для дипломатического дискурса европейских стран [\[25\]](#).

Данная работа представляет топосы дискурсивного выражения национальной британской идентичности. В практической части исследования анализировались публикации британских онлайн изданий «Daily Mail» (URL: <https://www.dailymail.co.uk>) и «The Guardian» (URL: <https://www.theguardian.com>) за период январь-август 2025 г.: статьи тематического блока «Политика». Всего проанализировано 40 статей (по 20 статей в онлайн-изданиях «The Guardian» и «Daily Mail» соответственно) тематического блока «Политика».

Выделены следующие топосы дискурсивного формирования национальной идентичности, характерные для британских изданий:

Топос монархии

Топос можно сформулировать следующим образом: «Если выбирать символ британской нации, то им без сомнения будет семья монархов – живое воплощение английской исключительности».

Члены королевской семьи представляются СМИ идеальными и безмерно любимыми жителями Туманного Альбиона. Такими же недосягаемыми, как герой сказок.

Пример 1.

«It was an emotional event as the Duke of Edinburgh bowed out of public life to cheers and a rousing rendition of For “He’s a Jolly Good Fellow” played by the band of the Royal Marines» [\[26\]](#).

«Это было эмоциональное событие, когда герцог Эдинбургский поклонился публике под одобрительные возгласы и зажигательное исполнение «For He's a Jolly Good Fellow» в исполнении оркестра Королевской морской пехоты»

Пример 2.

«Once upon a time Philip and Elizabeth were seen as characters from a fairy tale» [\[26\]](#).

«Когда-то давным-давно Филипп и Элизабет казались персонажами волшебной сказки»

Также следует отметить, что СМИ стараются удерживать образ идеальной королевской семьи любимыми способами, обеляя все возможные недостатки монаршей четы, в том числе конфликты между ее членами.

Пример 3.

«A spokesman for the Duke of Sussex told the Daily Mail: 'I can confirm Prince Harry and Prince Andrew have never had a physical fight, nor did Prince Andrew ever make the comments he is alleged to have made about the Duchess of Sussex to Prince Harry» [\[27\]](#).

«Представитель герцога Сассекского сообщил «Daily Mail»: «Я могу подтвердить, что между принцем Гарри и принцем Эндрю никогда не было физической драки, и принц Эндрю никогда не делал замечаний, которые, как утверждается, он сделал о герцогине Сассекской принцу Гарри»

Топос культуры и истории

Культурные и исторические события упоминаются в политических статьях зачастую в контексте королевской семьи и связанных с ней событий, подчеркивая важность института монархии для нации.

Пример 4.

«The Christening for Prince William took place at 11am in the Music Room of Buckingham Palace, a traditional setting for royal Christenings since the birth of Queen Victoria's children, on August 4, 1982 – the same day as the Queen Mother's 82nd birthday» [\[28\]](#).

«Крестины принца Уильяма состоялись в 11 утра в Музыкальной комнате Букингемского дворца, традиционном месте для королевских крестин с момента рождения детей королевы Виктории, 4 августа 1982 года – в тот же день, когда королеве-матери исполнилось 82 года»

Пример 5.

«Another famous trip taken to the Med by Charles and Diana was their holiday to Italy in 1991» [\[29\]](#).

«Другой известной поездкой Чарльза и Дианы на Средиземное море был их отпуск в Италии в 1991 году»

Топос цифр

Цифрами СМИ лаконично рассказывают об определенных событиях, подводя тем самым читателя к выводам, которые он должен сделать. Онлайн-издания прямо не описывают те умозаключения, которые подразумеваются в тексте, оставляя тем самым простор для размышления читателю.

Пример 6.

«Figures released last week showed more than 25,000 people had arrived in the UK via small boats in 2025 so far, a record for this point in the year» [\[30\]](#).

«Данные, опубликованные на прошлой неделе, показали, что в 2025 году в Великобританию на небольших судах прибыло более 25 000 человек, что является рекордом на данный момент.»

Пример 7.

«Collisions along roads that have changed from 30mph to 20mph decreased by 19% in 2024 compared with 2023, and 100 fewer people a year have been killed or badly hurt in road traffic accidents, according to Welsh government figures» [\[31\]](#).

«По данным правительства Уэльса, в 2024 году количество столкновений на дорогах со скоростью движения от 30 миль в час до 20 миль в час сократилось на 19% по сравнению с 2023 годом, и в результате дорожно-транспортных происшествий ежегодно гибнет или получает тяжелые травмы на 100 человек меньше»

Пример 8.

«9 out of 10 nurses have rejected a 3.6% pay award for this year and warned they could

strike later this year unless their salaries are improved» [\[32\]](#).

«9 из 10 медсестер отказались от повышения зарплаты на 3,6% в этом году и предупредили, что могут объявить забастовку позже в этом году, если их зарплата не будет повышена.»

Топос финансов

Топос финансов действует по тому же принципу, как и топос цифр.

Пример 9.

«He lives in 30-bedroom Royal Lodge in Windsor Great Park, on which he spent £7.5 million refurbishing, painting it white from pink and adding a swimming pool, driving range and golf course, and which has annual running costs of £250,000» [\[33\]](#).

«Он живет в «Royal Lodge» с 30 спальнями в Виндзорском Грейт-парке, на ремонт которого он потратил 7,5 миллионов фунтов стерлингов, сменив цвет с розового на белый и добавив бассейн, тренировочное поле и поле для гольфа, и ежегодные эксплуатационные расходы которого составляют 250 000 фунтов стерлингов»

Иной раз он указывает на проблему, которую нужно решить. Например, на остановку чрезмерной инфляции в стране.

Пример 10.

«According to the latest shop price monitor from the British Retail Consortium, food prices rose by 4% in July from a year earlier, up from 3.7% in June and above the three-month average of 3.5%» [\[34\]](#).

«Согласно последнему мониторингу цен в магазинах от Британского консорциума розничной торговли, цены на продукты питания в июле выросли на 4% по сравнению с предыдущим годом, по сравнению с 3,7% в июне и превысили средний показатель за три месяца в 3,5%»

Топос справедливости и законопослушности

Данный топос подчеркивает приверженность британскому законодательству органов исполнительной власти, тем самым они воплощают традиционную британскую ценность, связанную с законопослушностью.

Пример 11.

«Warwickshire Police said in their statement: 'We work to hold offenders to account and will always do everything in our power to present a robust case to the courts and protect the integrity of court proceedings» [\[35\]](#).

«Полиция Уорикшира заявила в своем заявлении: «Мы работаем над привлечением правонарушителей к ответственности и всегда будем делать все, что в наших силах, чтобы представить убедительные доводы в суды и защитить честность судебного разбирательства»

Пример 12.

«We will continue to work closely with the Kenyan authorities for the justice the family deserves. In order to protect the integrity of the Kenyan investigation and in the interests

of justice for Agnes Wanjiru's family, we are unable to comment further» [\[36\]](#).

«Мы продолжим тесно сотрудничать с кенийскими властями во имя правосудия, которого заслуживает семья. В целях обеспечения объективности кенийского расследования и в интересах правосудия в отношении семьи Агнес Ванджиру мы не можем давать дальнейших комментариев»

Пример 13.

«In a recent speech Kemi said: 'From now on, we are going to be telling the British people the truth even when it is difficult to hear» [\[37\]](#).

«В своей недавней речи Кеми сказал: «Отныне мы будем говорить британскому народу правду, даже если ее трудно услышать»

Пример 14.

«In a statement after the charges, Warwickshire police said: "Once someone is charged with an offence, we follow national guidance. This guidance does not include sharing ethnicity or immigration status» [\[38\]](#).

«В заявлении полиции графства Уорикшир, опубликованном после предъявления обвинений, говорится: «Как только кому-либо предъявляется обвинение в совершении преступления, мы следуем национальным рекомендациям. Эти рекомендации не включают информацию об этнической принадлежности или иммиграционном статусе»

Топос толерантности

Также основан на одноименной традиционной британской ценности. Его можно сформулировать следующим образом: «Если действия или решения направлены на то, чтобы предотвратить тяготы людей, они должны быть реализованы» [\[22\]](#).

Пример 15.

«Our top priority remains the safety and wellbeing of everyone in the community and we believe the current measures strike a reasonable balance between protecting the public and supporting the needs of individuals» [\[39\]](#).

«Нашим главным приоритетом остается безопасность и благополучие каждого члена сообщества, и мы считаем, что нынешние меры обеспечивают разумный баланс между защитой общества и удовлетворением потребностей отдельных лиц»

На сегодняшний день данный топос больше всего выражается через желание помочь мирным жителями, пострадавшим во время конфликта Израиля и Палестины.

Пример 16.

«We do indeed want to see a ceasefire – we believe that this is the right way to move forward towards the liberation of the hostages and the end of the suffering in Palestine» [\[40\]](#).

«Мы действительно хотим прекращения огня – мы считаем, что это правильный путь для продвижения вперед к освобождению заложников и прекращению страданий в Палестине»

Пример 17.

«If we don't free everyone now, they will not survive for much longer» [\[41\]](#).

«Если мы не освободим всех сейчас, они долго не протянут»

Пример 18.

«We need the sustainable entry of humanitarian aid to flood Gaza with aid for a relatively long period of time. Patients and hospitals need more food than usual to contribute to their recovery,» said Hisham Mhanna, a spokesperson for the ICRC in Gaza» [\[42\]](#).

«Нам нужен постоянный приток гуманитарной помощи, чтобы обеспечить ее поступление в Газу на относительно длительный период времени. Пациентам и больницам требуется больше продовольствия, чем обычно, чтобы способствовать их выздоровлению», – сказал Хишам Мханна, представитель МККК в Газе.»

Топос иммиграции

Иммиграционный англоязычный дискурс подробно описывала в своей диссертации на соискание степени доктора филологических наук М. С. Матыцина. Она пришла к выводу, что образ иммигранта в политическом англоязычном дискурсе преимущественно негативный. Иммигрант воспринимается как угроза национальной идентичности и гражданскому обществу в целом [\[22\]](#).

Пример 19.

«Almost half of voters either strongly or somewhat support admitting no more new migrants and requiring large numbers who came in recent years to leave» [\[43\]](#).

«Почти половина избирателей либо решительно, либо в какой-то степени поддерживают идею больше не принимать новых мигрантов и требовать, чтобы большое число прибывших за последние годы уезжало.»

Пример 20.

«Afghans and Eritrean nationals are 20 times more likely to be convicted of a sexual crime than a British national» [\[44\]](#).

«У граждан Афганистана и Эритреи вероятность быть осужденными за сексуальные преступления в 20 раз выше, чем у граждан Великобритании»

Пример 21.

«Almost half of Britons – 47% – think there are more migrants staying in the UK illegally rather than legally, including about a third who believe it is much higher» [\[45\]](#).

«Почти половина британцев – 47% – считают, что нелегально в Великобритании находится больше мигрантов, чем легально, в том числе около трети считают, что этот показатель намного выше»

Пример 22.

«The real problem isn't the number of small boats, but the growing number of Britons who see all migration as a threat to identity and safety» [\[46\]](#).

«Настоящая проблема заключается не в количестве маленьких лодок, а в растущем числе британцев, которые рассматривают любую миграцию как угрозу идентичности и безопасности»

В онлайн издании «The Guardian» было опубликовано послание одного из иммигрантов-беженцев британцам, где он рассказывает о том, что стереотипное представление о них как об угрозе английскому обществу ошибочно.

Пример 23.

«I am writing to you from a deeply human perspective, hoping to share a point of view that is often overlooked in public discourse and media coverage about refugees. We, as refugees, are frequently labeled with harmful stereotypes – that we came only for benefits, that we live off taxpayers, or that we are uneducated or disrespectful. These assumptions hurt us, hinder our integration, and most importantly, do not reflect the truth...» [\[47\]](#).

«Я обращаюсь к вам с чисто человеческой стороны, надеясь поделиться точкой зрения, которая часто упускается из виду в публичных выступлениях и освещении событий в средствах массовой информации о беженцах. На нас, беженцев, часто навешивают ужасные стереотипы – что мы приехали только ради льгот, что мы живем за счет налогоплательщиков, что мы необразованные или непочтительные люди. Эти предположения причиняют нам боль, препятствуют нашей интеграции и, самое главное, не соответствуют действительности...»

Топос угрозы

Рут Водак описывает топос угрозы следующим образом: «Поскольку существует опасность, то необходимо предпринять действия, направленные на ее устранение» [\[24\]](#). В дискурсивном формировании национальной британской идентичности угрозами служат, например, чрезмерная иммиграция и недооценка криптовалюты как возможности расширить экономические возможности.

Пример 24.

«Legal and illegal migration is spiralling out of control. Failure to stop the small boats is one thing but much public anger is reserved for the scandalous gravy train of outsourcing companies and middlemen making a small fortune from a broken system» [\[48\]](#).

«Легальная и нелегальная миграция выходит из-под контроля. Одно дело – неспособность остановить «маломерные суда», но большой общественный гнев вызывает скандальная деятельность аутсорсинговых компаний и посредников, сколачивающих небольшие состояния на неработающей системе.»

Пример 25.

«Ex-chancellor criticises hesitant approach to crypto and warns country in danger of missing next surge in market» [\[49\]](#).

«Экс-канцлер критикует нерешительный подход к криптовалютам и предупреждает, что страна рискует пропустить следующий всплеск рынка»

Самыми частотными в своем выражении топосами дискурсивного выражения национальной британской идентичности в анализируемых изданиях стали топосы монархии (20 % – «The Guardian», 26% – «Daily Mail»), иммиграции (15 – «The

«Guardian», 17 % — «Daily Mail»), толерантности (15 % — «The Guardian», 14% — «Daily Mail») и угрозы (17 % — «The Guardian», 12 % — «Daily Mail»).

Соотношение использования топосов подчеркивает неоднозначную ситуацию, в которой находится дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании, и подтверждают вывод о том, что национальная британская идентичность находится в кризисе.

Исходя из результатов исследования можно сделать следующие **выводы**:

В процессе исследования рассматривались теоретические аспекты национальной британской идентичности, были описаны ее характерные черты и функционирование в статьях онлайн-изданий Великобритании. Анализ данного материала позволил создать теоретическую базу работы, выявить основные особенности дискурсивного функционирования национальной британской идентичности на данном этапе развития общества Великобритании. Большая часть ученых сходится во мнении, что британская национальная идентичность находится в кризисном состоянии, несмотря на старания кампаний по Пробрекситу. Также описывались традиционные для дискурс-анализа и современные исследования топосов, позволяющие создать необходимую базу для практической части работы.

В практической части исследования анализировались статьи онлайн-изданий Великобританий для установления топосов дискурсивного формирования британской национальной идентичности (январь – август 2025 г.), что позволило сделать выборку примеров реализации топосов в дискурсе современных англоязычных медиа, описав их в практической части исследования.

Таким образом были выявлены следующие топосы – монархии, культуры и истории, цифр, финансов, справедливости и законопослушности, толерантности, иммиграции, угрозы. Самыми частотными в своем выражении топосами дискурсивного выражения национальной британской идентичности в анализируемых изданиях стали топосы монархии (20 % — «The Guardian», 26% — «Daily Mail»), иммиграции (15 — «The Guardian», 17 % — «Daily Mail»), толерантности (15 % — «The Guardian», 14% — «Daily Mail») и угрозы (17 % — «The Guardian», 12 % — «Daily Mail»), подтверждающие кризис национальной британской идентичности.

Перспективой исследования является изучение интертекстуальности и интердискурсивности как способа конструирования дискурсивного выражения британской национальной идентичности.

Библиография

1. Казаков И. В. Конструирование британской национальной идентичности в контексте Брекзита: эволюция дискурса премьер-министров Великобритании // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2021. Т. 15. № 1. С. 109-118. – DOI: 10.17072/2218-1067-2021-1-109-118. EDN: OSWWCK
2. Корниенко О. Ю. Базовые ценности Великобритании вчера и сегодня // Ценности и смыслы. 2020. № 5. С. 60-73. – DOI: 10.24411/2071-6427-2020-10045. EDN: GXTVYZ
3. Ashcroft R. T., Bevir M. Brexit and the Myth of British National Identity // British Politics. 2021. № 16. Р. 117-132. – DOI: 10.1057/s41293-021-00167-7. EDN: NCUUBK
4. Атапин Е. А. Влияние партии независимости Соединенного Королевства на английскую национальную идентичность на современном этапе // Вестник НВГУ. 2022. № 2. С. 4-9. – DOI: 10.36906/2311-4444/22-2/01. EDN: YPSXME

5. Игнатова Е. С. Языковая ситуация в Великобритании как отражение национального самосознания // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 2. С. 12-17. – DOI: 10.17516/2311-3499-053. EDN: FAOAIZ
6. Малкин С. Г. Образовательная политика и формирование британской идентичности на национальных окраинах // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021. № 4. С. 66-71. – DOI: 0.37313/2658-4816-2021-3-4-66-71. EDN: YHHWAP
7. Painter C. Reconstructing British identity: Formula One, Michael Schumacher and the British Press at the turn of the century // Language and Intercultural Communication. 2024. № 2. Р. 77-89. – DOI: 10.1080/14708477.2023.2250751
8. Honeyman V. The Johnson factor: British national identity and Boris Johnson // British Politics. 2023. № 18. Р. 40-59. – DOI: 10.1057/s41293-022-00211-0. EDN: TSWNBY
9. Tranter B., Donoghue J. Embodying Britishness: National identity in the United Kingdom. Nations and Nationalism. 2021. Р. 992-1008. – DOI: 10.1111/nana.12730. EDN: GXHQNO
10. Гарсия-Каселес К., Маленкова А. А. Лексико-когнитивные особенности концепта Brexit / Брексит в контексте современного английского и Европейского политдискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 9. С. 203-207. – DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.37. EDN: LXEZVY
11. Record O., Edverton F. British nationalism in the era of integration // International Tax and Public Finance. 2022. № 1. Р. 139-145.
12. Власова В. В. Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: семантико-риторический аспект // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 1. С. 254-259. – DOI: 10.30853/phil20250038. EDN: AGPKZV
13. Власова В.В. Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: лексический аспект // Филология: научные исследования. 2024. № 4. С. 57-72. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70508 EDN: PYQYHY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70508
14. Савельева И. В. Непрофессиональный политический дискурс: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты. Монография. СПб: Наукоемкие технологии, 2021. 139 с. EDN: NRPILL
15. Алёшина Е. Ю., Голова Д. Д. Британская политическая риторика в ракурсе культуроspecificности // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. № 4. С. 160-180. – DOI: 10.46539/gmd.v5i4.426. EDN: EWXUAQ
16. Мельничук М. В., Стародубцева Е. А. Использование языка как инструмента управления обществом (опыт зарубежных стран) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 6. С. 63-71. – DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-63-71. EDN: KCYOYN
17. Abrahamyan S., Banshchikova M. Peculiarities of Argumentative Strategies of Modern English Political Discourse // Functional Approach to Professional Discourse Exploration in Linguistics / E. Malyuga. Singapore: Springer, 2020. Рр. 165-198.
18. Попова Т. Г., Лоскутова С. В. Актуализация значений лексической единицы в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2022. № 4. С. 90-94. – URL: <https://politlinguistika.ru/archive/2022/4-2022/aktualizatsiya-znachenij-leksicheskoy-edinitsty-v-politicheskem-diskurse>. EDN: RJBYOU
19. Шеховцова Е. Е. Латинские выражения в дискурсе политиков Великобритании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 1. С. 120-126. EDN: PXSUVL
20. Катермина В. В., Шершнева Н. Б. Префиксы латино-греческого происхождения в англоязычном неологическом дискурсе // Вестник Марийского государственного

университета. 2022. Т. 16. № 4. С. 542-547. – DOI: 10.30914/2072-6783-2022-16-4-542-547. EDN: UTOEXV

21. Kienpointner M. Alltagslogik: Struktur und Funktion von Argumentationsmustern. Stuttgart, Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog Verlag, 1992. 447 p. (In German).

22. Матыцина М. С. Динамика развития англоязычного иммиграционного дискурса: дис. док. филолог. наук / М. С. Матыцина. – Белгород, 2020. – 340 с. EDN: WULTDR

23. Tulmin S. The Uses of Argument. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 247 p.

24. Wodak R. The Discourse of Politics in Action. Politics as Usual. London: Palgrave Macmillan, 2011. 252 p. – DOI: 10.1057/9780230316539.

25. Бубнова И. А. Топосы современной публичной западной дипломатии в контексте глобализации: специфика и цели // Политическая лингвистика. 2023. № 6 (102). С. 12-19. EDN: RXVDMN

26. Stelling M. The extraordinary advice Prince Philip gave 'level-headed' Kate Middleton that she still keeps to today, according to royal author // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/royals/article-14937189/advice-Prince-Philip-Kate-Middleton.html>

27. Lawton K. Sussexes hit back at claim that Harry and Prince Andrew had a fight in sensational royal book serialised in the Mail // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-14966239/sussexes-denry-claim-harry-prince-andrew-fight.html>

28. Stelling M. Behind the scenes of Prince William's Christening that caused Diana agony: The Queen Mother turned 82 on the same day while Charles and Diana clashed // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/royals/article-14935653/Prince-William-christening-Princess-Diana-Queen-Mother.html>

29. Holt E. How the Royal Family's summer excursions to the Mediterranean have noticeably changed: From Prince Charles' iconic windsurfing trip to Gary Goldsmith's Ibiza cocaine scandal as William and Kate are spotted on a £40million yacht in Greece // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/royals/article-14968425/Royal-Family-summer-excursions-Mediterranean-William-Kate-spotted-40million-yacht-Greece.html>

30. Rajeev S. Ministers to spend extra £100m on stopping small boat crossings to UK // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2025/aug/03/uk-ministers-to-spend-extra-100m-stopping-small-boat-crossings>

31. McKernan B. Journey times up, deaths down: Welsh 20mph speed limit still divisive two years on // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2025/aug/03/welsh-20mph-speed-limit-divisive-journey-times-deaths>

32. Campbell D. Nine out of 10 nurses in England, Wales and Northern Ireland reject pay award // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/society/2025/jul/31/nine-out-of-10-nurses-in-england-wales-and-northern-ireland-reject-pay-award>

33. Lownie A. Revealed: How Andrew acquired his secret millions. 'His Buffoon Highness' used his Foreign Office role to cosy up to corrupt leaders and gun smugglers and boost his own wealth – with trips all funded by the taxpayer // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/royals/article-14966969/How-Prince-Andrew-acquired-secret-millions.html>

34. Wood Z. UK food inflation: why your barbecue meat is becoming more expensive // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/business/2025/aug/02/uk-food-inflation-barbecue-meat-burgers-sausages-chicken>

35. Taher A., Challand Ch. Two Afghan asylum seekers have been charged over the alleged rape of a 12-year-old girl in quiet Warwickshire town // Daily Mail. 2025. – URL:

<https://www.dailymail.co.uk/news/article-14965559/Afghan-asylum-seekers-charged-alleged-rape-girl-Warwickshire-town.html>

36. Al-Othman A. Family of Kenyan woman allegedly murdered by UK soldiers criticise defence secretary // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/aug/03/family-of-kenyan-woman-agnes-wanjiru-allegedly-murdered-by-british-soldiers-decry-uk-investigation>

37. Rawlinson K. Truss accuses Badenoch of not telling truth about Tory failures // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2025/aug/04/liz-truss-accuses-kemi-badenoch-of-not-telling-truth-about-tory-failures>

38. Elgot J. Guidance on police disclosing suspects' ethnicity should change, Cooper says // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2025/aug/05/guidance-police-suspects-ethnicity-immigration-status-yvette-cooper>

39. Gecsoyler S. 'A sign of how we live now': friction in Notting Hill over counter-terrorism barriers // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2025/aug/02/notting-hill-portobello-road-counter-terrorism-barriers-erected>

40. Hodges D. DAN HODGES: I thought Starmer was just weak. But after what ministers told me this week, I've had a chilling revelation about our manipulative Prime Minister // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/debate/article-14965123/Starmer-betray-families-killed-Hamas-hostage.html>

41. Penty S. Hamas claims it will not disarm unless an independent Palestinian state is established in fresh rebuke to Israel // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-14965571/Hamas-disarm-independent-Palestinian-state-established-Israel.html>

42. Christou W. Israeli forces kill at least 27 at food site while minister's al-Aqsa visit causes outrage // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/aug/03/israeli-shootings-ghf-food-site-gaza-ben-gvir-al-aqsa>

43. Sparrow A. Support for hardline anti-immigration policies linked to ignorance about migration figures, poll suggests – as it happened // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/live/2025/aug/05/yvette-cooper-small-boats-migrants-uk-france-home-office-uk-politics-live>

44. Courea E., Bychawski A., Elgot J. Disputed or debunked claims about migration and crime in the UK // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2025/aug/05/disputed-or-debunked-claims-about-migration-and-crime-uk>

45. Courea E., Dodd V., Elgot J. Tory and Reform politicians endanger trials with immigration 'hysteria', say former ministers // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2025/aug/05/tory-reform-politicians-endanger-trials-immigration-hysteria-former-ministers-contempt-court>

46. The Guardian view on asylum myths: when truth loses, scapegoating takes over Britain's migrant debate // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/aug/05/the-guardian-view-on-asylum-myths-when-truth-loses-scapegoating-takes-over-britains-migrant-debate>

47. Quinn B. Every human being deserves dignity': asylum seeker in Essex hotel calls for understanding // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2025/jul/28/essex-hotel-asylum-seeker-letter>

48. Gallagher I. Embarrassment for Keir Starmer's top aide who told PM he had to smash smuggling gangs as it is revealed his father's firm was handed £6m to house asylum seekers // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-14965707/Keir-Starmer-aide-smuggling-gangs-asylum-seekers.html>

49. Milmo D. George Osborne says UK has been left behind in cryptocurrency boom // The

Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2025/aug/04/george-osborne-uk-cryptocurrency-boom-left-behind>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: топосы" представляет собой исследование в области языковой картины мира, риторики и медиадискурса.

В статье автор рассматривает лингвистический аспект формирования национальной идентичности современного британского общества, отраженной в английских средствах массовой информации.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения национальной, в том числе британской, идентичности с помощью дискурсивных практик, например, дискурс-анализа, что позволяет выявить те средства, которые влияют на формирование и выражение национальной британской идентичности в англоязычных онлайн-изданиях.

В задачи исследования входит описание аспектов национальной идентичности современного британского социума и ее функционирования в политическом дискурсе, а также проведение выборки часто встречающихся топосов в текстах британских онлайн-изданий за период январь – август 2025 г., осуществление их описания с последующим анализом результатов исследования.

Материалом исследования послужили статьи онлайн-изданий «Daily Mail» (URL: <https://www.dailymail.co.uk>) и «The Guardian» (URL: <https://www.theguardian.com>) за период с января по август 2025 года, охватывающие тематический блок, посвященный политике.гг.

Методами исследования выступали теоретический анализ и синтез при сборе материала и его последующей обработке, метод сплошной выборки, позволяющий подобрать среди многообразия материала подходящие примеры для их анализа в практической части исследования, а также дискурсивный анализ, изучение словарных определений и структурный метод в процессе анализа и описания топосов.

Этапы исследования состоят из теоретической и практической частей, в которых автор анализирует основные, по его мнению, топосы британской национальной идентичности, и приводит примеры.

В заключении автор делает вывод о том, что "были выявлены следующие топосы – монархии, культуры и истории, цифр, финансов, справедливости и законопослушности, толерантности, иммиграции, угрозы, подтверждающие кризис национальной британской идентичности".

К сожалению, данный вывод не позволяет судить о значении данных топосов для всей британской культуры, так как автор не представил количественные характеристики выборки. В любом случае, вывод представляется слишком общим и, кажется, не может быть распространен на все британское языковое сообщество.

Стиль статьи соответствует критериям научного.

Библиография содержит необходимое количество отечественных и зарубежных актуальных источников.

Кроме того, автор недостаточно ясно обосновывает новизну исследования. В работе также не указана цель исследования, а также количество статей и общий объем проанализированного материала.

Таким образом, представлена статья на данном этапе не может быть рекомендована к

публикации в журнале "Филология: научные исследования" без доработки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: топосы», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, так как автор рассматривает особенности формирования идентичности нации через различные дискурсивные практики. В настоящее время многие ученые уделяют внимание изучению дискурса в различных его аспектах. В рецензируемой работе автор фокусируется на изучении национальной, в том числе британской, идентичности с помощью дискурсивных практик, например, дискурс-анализа, позволяет раскрыть те средства, которые влияют на формирование и выражение национальной британской идентичности в англоязычных онлайн-изданиях. Данный факт позволяет судить о междисциплинарности выбранного исследовательского направления, работа выполнена на стыке лингвистики и лингвокультурологии, что также подтверждает актуальность представленного материала. В данном исследовании представлено изучение топосов дискурсивного формирования национальной британской идентичности.

Практическим материалом исследования явились статьи онлайн-изданий «Daily Mail» (URL: <https://www.dailymail.co.uk>) и «The Guardian» (URL: <https://www.theguardian.com>) за период с января по август 2025 года, охватывающие тематический блок, посвященный политике.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Методологией исследования является теоретический анализ и синтез при сборе материала и его последующей обработке; метод сплошной выборки, позволяющий подобрать среди многообразия материала подходящие примеры для их анализа в практической части исследования; дискурсивный анализ, изучение словарных определений и структурный метод в процессе анализа и описания топосов.

В своем исследовании автор прибегает к научному обобщению литературы по избранной теме и анализу фактических данных. Особый интерес представляют примеры на английском языке, которые анализирует автор.

Отметим, что в исследовании автор рассматривает как теоретическую основу затрагиваемого проблемного поля, так и практическую проблематику. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Пунктуационные и орфографические ошибки, существенно затрудняющие понимание текста, не обнаружены. Библиография статьи насчитывает 49 источников, в которые включены как отечественные, так и зарубежные труды. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, культурологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Практическая значимость данной работы может включать в себя ее применение на занятиях по дисциплинам лингвистического цикла, посвященным

дискурсу, а также практическому курсу английского языка, стилистике и прагматике английского языка. В статье намечена перспектива дальнейшего исследования. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: топосы» положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пак Л.Е. Лингвоаксиосфера российского спортивного дискурса: социальный и личностный аспекты // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75504 EDN: SOOPOC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75504

Лингвоаксиосфера российского спортивного дискурса: социальный и личностный аспекты

Пак Леонид Евгеньевич

ORCID: 0000-0003-2181-0259

кандидат филологических наук

доцент, кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения; Владивостокский государственный университет

690002, Россия, Приморский край, г. Владивосток, пр-т Гоголя, 41, ауд. 5517

leonid.pak@vvsu.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.75504

EDN:

SOOPOC

Дата направления статьи в редакцию:

13-08-2025

Аннотация: настоящее исследование посвящено изучению лингвоаксиосферы общества и личности в российском спортивном дискурсе. Цель исследования заключается в выявлении специфики структурных компонентов социальной лингвоаксиосферы (на примере спортивного дискурса) при помощи анализа параметров индивидуальных лингвоаксиологических траекторий российских спортивных комментаторов. Объектом исследования в данной работе является российский дискурс спортивного комментария. Предмет исследования социальный и личностный аспект лингвоаксиосферы, фрагмент которой представлен в дискурсе спортивного комментария России. Актуальность настоящей работы связана с изучением индивидуальных аксиологических траекторий и их языковой реализации в виде оценочных высказываний, что предоставляет важную информацию о состоянии и динамике аксиологической системы российского общества.. Кроме того, важно обращение к дискурсу спортивного комментария, в рамках которого интегрируются персональность и институциональность, транслируются коллективные и

личностные ценности. Лингвоаксиологический анализ данного феномена позволяет выявить прагматическую направленность оценок и специфику ценностной репрезентации в массовой коммуникации. В качестве основного метода настоящей статьи выбрано междисциплинарное сочетание метода лингвоаксиологической интерпретации и дискурс-анализа. Также используются методы статической обработки данных. Новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается системное описание ценностного компонента российского спортивного дискурса как фрагмента целостной лингвоаксиосферы. Выводы: в результате проведенного исследования выявлены структурно-содержательные особенности лингвоаксиосферы личности и социума в российском спортивном дискурсе. Определен фрагмент актуальной лингвоаксиосферы российского социума. Выделены ядерная, приядерная и периферийная зоны. Ядерная зона фрагмента актуализирует ценности национальной идентичности и достижения успеха. Спортивный дискурс в России выполняет репрезентативно-идеологическую функцию – спорт рассматривается как инструмент демонстрации силы, единства и статуса страны. Приядерная зона высвечивает актуальность морально-этического и исторического контекста в российской лингвокультуре. Существует потребность восприятия коммуникации в сфере спорта (и в других сферах) не только как соревнования, но и как пространства моральных норм и культурной памяти, в котором важна связь с прошлым. Периферия репрезентирует второстепенность развлекательно-медийного аспекта.

Ключевые слова:

ценности, лингвоаксиология, аксиосфера, лингвоаксиосфера социума, индивидуальная лингвоаксиосфера, ценностная доминанта, аксиологическая траектория, оценочный вектор, оценочное высказывание, спортивный дискурс

Настоящее исследование посвящено изучению лингвоаксиосферы общества и личности в российском спортивном дискурсе.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых по вопросам научного осмыслиения лингвоаксиологического направления в языкоznании, а также по проблеме изучения спортивного дискурса. Лингвоаксиология сегодня пребывает в состоянии активного становления, характеризуется мультидисциплинарностью, что определяет ее как перспективное направление языкоznания, которое направлено на изучение разнообразных вариантов лингвистического выражения аксиосферы. Вслед за Ю. С. Старостиной, лингвоаксиосферу будем определять как вертикально организованную систему ценностных ориентиров, отраженную в языке и воплощенную в рамках дискурса [1].

Обзор литературы по проблематике исследования мы начнем с работ, посвященных личностной и социальной иерархии ценностей. Ряд работ современных зарубежных ученых посвящен данному вопросу. В исследовании Г. Л. Х. Коэльо, М. К. Йохансена и др. о структуре человеческих ценностей через призму концептуальных репрезентаций эмпирически сопоставляются смысловые представления о ценностях с проверкой их структуры, что важно для понимания типов аксиологической иерархии [2]. Другая работа названных выше авторов посвящена сравнению конкурирующих моделей ценностей, высвечивает типы ценностей и их эмпирическую применимость, выявляет функциональные различия аксиологических моделей [3]. Систематический обзор

эмпирических исследований об изменении личных ценностей проводится в статье С. Руссо [4]. Автор описывает функциональные особенности аксиологической системы и аксиоматических постулатов личности, а также механизмы их трансформации. Исследователь Д. А. Юдкин изучает два типа моральных ценностей «binding» (обязательные, связывающие людей внутри социума – здесь и далее перевод наш Л. Е.) и «individualizing» (индивидуализирующие), выявляет основные роли данных ценностей в контексте социально-функциональной специфики [5]. Изучение социальных и личностных ценностей в рамках лингвоаксиосферы находится в фокусе внимания и отечественных лингвистов. Исследуются политические ценности в современном российском массовом сознании [6], иерархия материального и духовного в аксиологической системе российской молодежи [7], иерархия ценностных ориентаций у студентов на примере социологического исследования [8].

Ряд работ в рамках выбранной проблематики посвящен культурно-обусловленной репрезентации ценностей. Анализируются лингвокультурные ценности в нарративном измерении [9]. Проводится сопоставительное изучение способов репрезентации и вербализации профессионально-культурных ценностей на примере кинодиалогов, сравниваются российская и зарубежная аксиологические системы [10]. В работе О. В. Казаченко исследуются механизмы конструирования и трансляции традиционных и личностных ценностей в российской культуре [11]. Отражение материальных ценностей английской и русской лингвокультурах в парадигматическом аспекте представлено в статье А. А. Карамовой и Т. А. Чиглинцевой [12]. Исследование О. В. Николаевой посвящено глубинной семантике полинезийских этнических паремий, определяет культурно-исторические факторы формирования паремиологического фонда полинезийских языков [13].

Следующий уровень аксиологических исследований сфокусирован на семантической структуре и специфике функционирования лингвистических средств выражения оценки (т.е. затрагивает уровень языковой реализации лингвоаксиосферы). Оценка может фиксироваться внутренней структуре языковой единицы, что предоставляет возможность говорить о языке, ориентированном на ценностные смыслы. Научные работы в данном русле ориентированы на детальную классификацию оценочных маркеров и их семантических доминант, предоставляя функционально-семантический и прагматический разбор оценочных средств [14]; проводят корпусное исследование лексико-грамматических и синтаксических средств выражения оценки в рамках дискурса [15]; исследуют аксиологический и прагматический аспекты семантики эмоционально-оценочной лексики различных языках на разных стилистических уровнях [16].

Таким образом, анализ теоретических работ, посвященных лингвоаксиологической проблематике позволяет сделать вывод об обусловленности лингвистической репрезентации оценочного отношения ценностями социума и личности, что говорит о важном взаимодействии всех уровней иерархии лингвоаксиосферы.

Российский спортивный дискурс, а именно дискурс спортивного комментария, как значимая его часть, является площадкой для настоящего лингвоаксиологического исследования. Данный тип, совмещающий персональные (личностные) и институциональные (социальные) характеристики представляется интересным дискурсивным феноменом, о чём свидетельствует ряд работ ученых-лингвистов.

Изучаются когнитивно-лингвистические особенности метафорических моделей и разбираются фреймы в массмедиийном спортивном пространстве [17]. Работа Т. Ю. Ма и Д. С. Михеева посвящена выявлению системообразующих параметров спортивного дискурса (цели, ценности, хронотоп, участники, жанры), а также сопоставлению коммуникативных особенностей британских и российских жанров спортивного комментария [18]. Корпусные исследования лингвистических особенностей спортивного дискурса с выявлением семантических полей лексических единиц и их номинационной специфики находятся в фокусе современных ученых-лингвистов [19]. По мнению Н. Н. Бобыревой морфологическая и ономасиологическая классификация наименований и выявление лексико-семантических маркеров научного спортивного текста представляется весьма актуальным для современной науки о языке [20]. Таким образом, научные направления, которые составляют методологию исследований спортивного дискурса включают лингвопрагматику, лингвокультурологию и когнитивно-дискурсивную лингвистику, на мультидисциплинарном сочетании данных подходов основываются и лингвоаксиологические исследования. При этом язык дискурса спортивного комментария, который является репликами спортивных комментаторов, озвучиваемых поочередно (при доминировании парного или группового комментария), достаточно близок к языку повседневного общения. Такое понимание устной речи в ходе трансляций дает возможность проследить как в современном дискурсе спортивного комментария высвечиваются структурные и содержательные особенности личностных аксиологических траекторий спортивных комментаторов и далее, фрагмент социальной лингвоаксиосферы в спортивном дискурсивном пространстве.

Актуальность настоящей работы обусловлена несколькими причинами. Во-первых, изучение индивидуальных аксиологических траекторий и их языковой реализации в виде оценочных высказываний предоставляет важную информацию о состоянии и динамике аксиологической системы российского общества, расширяет возможности современной лингвистики для научного осмысления корреляции между языком и ценностными ориентирами членов социума, и кроме того, позволяет фиксировать социально-культурные изменения. Во-вторых, важно обращение к самому спортивному дискурсу как полю для исследования. Дискурс спортивного комментария, как особый тип дискурса, в рамках которого интегрируются персональность и институциональность, является изменчивой коммуникативной средой, где транслируются коллективные и личностные ценности. Лингвоаксиологический анализ данного феномена позволяет выявить прагматическую направленность оценок и специфику ценностной презентации в массовой коммуникации. В-третьих, лингвистическая аксиология, которая находится на стадии активного становления, характеризуется лакунарностью, недостаточным пока числом прикладных исследований, связанных с отдельными дискурсами. Настоящая работа вносит определенный вклад в комплексное рассмотрение социального и личностного аспектов лингвоаксиосферы.

Новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается системное описание ценностного компонента российского спортивного дискурса как фрагмента целостной лингвоаксиосферы. Проводится анализ ценностей на двух уровнях личностном и социальном, что позволяет проследить динамику их взаимодействия в пространстве медиатекста.

Цель исследования заключается в выявлении специфики структурных компонентов социальной лингвоаксиосферы (на примере спортивного дискурса) при помощи анализа параметров индивидуальных лингвоаксиологических траекторий российских спортивных комментаторов.

Материалом для исследования послужили тексты 16 спортивных трансляций телеканала «Матч!» [\[21\]](#) по хоккею с комментариями Сергея Огнева, Романа Скворцова, Сергея Гимаева, Антона Васятина, Александра Галамова, Андрея Юртаева, Артема Божко, Олега Мосалева, Владимира Гучека, Леонида Васина, Артема Батрака, Кирилла Корнилова, а также тексты 26 трансляций по автогонкам формулы 1 группы «Гаснут огни» [\[22\]](#) социальной сети вконтакте с комментариями Алексея Попова и Натальи Фабричновой.

Объектом исследования в данной работе является российский дискурс спортивного комментария.

Предмет исследования социальный и личностный аспект лингвоаксиосферы, фрагмент которой представлен в дискурсе спортивного комментария России.

В качестве основного метода настоящей статьи выбрано междисциплинарное сочетание метода лингвоаксиологической интерпретации и дискурс-анализа, что позволяет определить структуру лингвоаксиосферы и выявляет экстралингвистические факторы, которые оказывают воздействие на динамику личностных аксиологических траекторий. Также используются методы статической обработки данных.

Результаты исследования. В рамках процедуры исследования сначала проводится анализ уровня лингвистической репрезентации ценностных ориентиров (на примере оценочных высказываний спортивных комментаторов). Далее определяется содержательное наполнение индивидуальных аксиологических траекторий, которое представлено оценочными векторами. На их основе выстраивается фрагмент российской социальной лингвоаксиосферы, который актуализирован в спортивном дискурсе.

Изучение 14 индивидуальных лингвоаксиосфер спортивных комментаторов выявило явные сходства ценностных ориентиров на уровне лингвистической репрезентации. Различные части речи, содержащие оценку, в высказываниях комментаторов употребляются с одинаковой частотой. Наибольший удельный вес занимают оценочные прилагательные, далее существительные, глаголы и оценочные наречия. С точки зрения лингвоаксиологии доминирование оценочных прилагательных в речи спортивных комментаторов объясняется несколькими причинами. Во-первых, использование прилагательного – это наиболее «экономичный» способ вплести оценку в высказывание, его можно добавлять к любому объекту оценки без усложнения синтаксиса, что позволяет создать окрашенное описание, не теряя темпа прямого эфира. Во-вторых, визуально-аудиальная синхронность – прилагательное эмоционально маркирует воспринимаемое, усиливая эффект восприятия, не объясняя или описывая его заново. В-третьих, в речевой традиции в России прилагательные часто используются для экспрессивной характеристики объектов, являясь стабильным элементом медийного стиля, который свойственен комментаторам как носителям российской лингвокультуры. Таким образом, прилагательные доминируют, потому что они способствуют экономии речевых средств, являясь привычным и культурно-закрепленным инструментом передачи оценки, органично вписывающимся в ритм комментария в прямом эфире.

Следует отметить, что в лингвистическом выражении оценочных ориентиров в разных индивидуальных лингвоаксиосферах спортивных комментаторов полного единобразия не наблюдается. Оценочные высказывания в текстах, продуцируемых комментаторами характеризуются некоторыми различиями с точки зрения стилистических коннотаций, от строго официальных до жаргонно-разговорных.

В ходе дальнейшего исследования мы определили содержательное наполнение индивидуальных аксиологических траекторий, представленное оценочными векторами, которые выступают в качестве фундамента для конструирования индивидуальных ценностных ориентиров. Количество данных ориентиров невелико в абсолютных величинах, от 8 до 10 в рамках каждой индивидуальной аксиологической траектории. Наиболее значимые элементы (ценостные доминанты) лингвоаксиосферы социума, которые отразились посредством оценочных высказываний в индивидуальных аксиологических траекториях спортивных комментаторов это «соревновательный результат», «победа», «историческая значимость/преемственность», «традиции», «борьба», «конкурентоспособность», «национальная гордость», «престиж страны», «справедливость». К менее важным аксиологическим доминантам можно отнести «развлечение/зрелищность», «личностные качества», «популярность/медийность», «культурная идентичность», «атмосфера спортивного состязания», «гуманность». Следует отметить, что в иерархии индивидуальных лингвоаксиосфер каждого спортивного комментатора данные ценности занимают разные позиции относительно степени значимости, однако их активное функционирование в рамках всех индивидуальных аксиологических траекторий свидетельствует о том, что они важны в том фрагменте лингвоаксиосферы современного российского общества, который актуализирован в российском дискурсе спортивного комментария.

Рассмотрим, в качестве примера, структурно-содержательные компоненты индивидуальной лингвоаксиосферы спортивного комментатора Формулы 1 Алексея Попова. Его ценностные ориентиры наглядно прослеживаются в его оценочных высказываниях. Всего в результате анализа фрагментов 26 трансляций спортивных комментариев по Формуле 1 было выявлено 1321 оценочное высказывание, из которых 55% оценочные прилагательные; 25% существительные, выражающие оценочное отношение; 10% глаголы; 7% наречия. Перечисленные особенности могут объясняться жанровой функцией спортивного комментария, который призван не только информировать, но и создавать эмоциональный настрой у зрителей, активизировать их внимание, поддерживать интерес и приглашать к соразмыщлению. Оценочные прилагательные, как наиболее частотно встречающееся средство передачи оценочного смысла ярко выражают эмоциональную характеристику спортсменов, событий и атмосферы спортивного состязания, позволяя точно и лаконично передать субъективное отношение комментатора. Стилистически оценочные высказывания варьируются от официального («Оба **хорошо проехали** первый сегмент» [\[22\]](#)) до неофициального стиля («Знаете, вот такие **борзые** на дороге, да, мы их все время видим» [\[22\]](#)). Варьирование стилистических коннотаций позволяет разнообразить подачу информации: официальные формулировки создают атмосферу серьезности, в то время как разговорные (жаргон, профессионализмы, сленг) делают комментарий живом и узнаваемым, формируя эмоциональный контакт со зрителем.

В результате лингвоаксиологической интерпретации речи Алексея Попова были выделены определенные ценностные доминанты (ценности, которые актуализируются через оценочные высказывания): «соревновательный результат», «борьба и конкурентоспособность», «национальная гордость и престиж страны», «стратегия и тактика», «дисциплина и спортивная этика», «техническое совершенство», «зрелищность», «личностные качества», «историческая преемственность». Рассмотрим наиболее и наименее важные из них в пределах его личностной лингвоаксиосферы.

Главным ценностным ориентиром является аксиологическая доминанта «соревновательный результат», которая конкретизируется через оценочный вектор

«мастерство/эффективность пилота»:

«Второй раз подряд в Канаде Рассел собрал **мегакруг**, «**Абсолютно лучший первый сектор** у Шарля. Три года он не проходил в третий сегмент, **для мастера квалификаций**, это какой-то афонт» – [\[22\]](#).

В речи спортивного комментатора оценочные высказывания сфокусированы на времени на круге, секторе, квалификационном и гоночном темпе, умениях того или иного пилота. Высокая частотность упоминаний, плотность и значимость средств языковой реализации данного ценностного ориентира для хода повествования в рамках спортивного комментария маркируют его как ключевой в рассматриваемой индивидуальной лингвоаксиосфере.

Следующим по значимости ценностным ориентиром является «борьба и конкурентоспособность», которая реализуется через оценочный вектор «интенсивность противостояния»:

«Вот они после клетчатого флага: сейчас **пан или пропал! Пан** – Албон, и **пропал** Сайнс. Таким образом, вот у нас пятерочка и определилась», «Норрис активизировался! **Атака, атака, атака!**», «Это будет **мегабитва**. Очень высокая плотность результатов в лидирующей группе» – [\[22\]](#).

В примерах подчеркивается эмоциональная насыщенность соревновательной ситуации, ее напряженность, логика комментирования выстроена вокруг драматизации борьбы, ценность высвечивается не только в победе, но и в самом процессе соперничества.

Интересно отметить, что в индивидуальной лингвоаксиосфере комментатора Натальи Фабричновой ценностный ориентир «борьба и конкурентоспособность» актуализируется через оценочный вектор «честная борьба»:

«Ну, нет, мне не кажется, что здесь цель была пнуть партнера...» (оценка честности в отношениях партнеров по команде) – [\[22\]](#).

«Мудро поступил, что не стал атаковать сразу. Он мог бы его и развернуть, за что получил бы штраф, и это было бы глупо» (отрицательная оценка действий [нарушающих правила], которые могли бы повредить другим участникам спортивного соревнования) – [\[22\]](#).

Из анализа данных примеров видно, что честная борьба как часть идеального спортивного поведения высоко стоит в иерархии ценностей спортивного комментатора.

Третьей важной аксиологической доминантой личностной лингвоаксиосферы Алексея Попова является «национальная гордость и престиж страны», которая выражена контрастивным национально-ориентированным оценочным вектором «свой/чужой»:

«За городом я видел, как водитель самосвала остановился и даже мигал фарами встречным машинам, среди которых был я. И я увидел, что он пропускает перед своей кабиной маму-утку и маленьких утят – штук пять, и, представляете, есть еще хорошие люди в наше время! И они все ушли на обочину и остались живы-здоровы. Так что видите, Хэмилтон сбил сурка, а русский водитель самосвала пожалел маленьких утят» – [\[22\]](#).

В приведенном примере, социально-одобряемое действие приписывается некоему русскому человеку (водителю самосвала), в то время как осуждаемое – британскому

гонщику, участнику спортивного состязания. Данная дилемма усиливает эмоциональную поляризацию. Комментатор активно транслирует важность гуманизма, встраивая его в национально-ориентированный оценочный вектор.

Лингвоаксиологическая интерпретация текстов трансляций спортивного комментария с участием Алексея Попова выявила, что аксиологическая доминанта «зрелищность» является одной из менее значимых:

«Бок о бок, какое **классное** сражение» – [\[22\]](#).

Данная доминанта актуализируется через оценочный вектор «высокая динамика – положительная реакция», оценка передается через экспрессивные маркеры, сосредоточена на динамике момента. Объяснение того факта, что зрелищность менее значима в комментариях Алексея Попова может заключаться в ценностной иерархии (важнее подчеркнуть соревновательный результат, важность борьбы, национальный аспект, чем констатировать эффектный момент гонки), а также в жанровой специфике трансляций (большую часть времени занимает аналитическое или иное повествование, а не комментирование зрелищных ситуаций, например, обгонов, которые достаточно редки относительно общей протяженности гонки).

На периферии индивидуальной лингвоаксиосферы Алексея Попова оказывается ценностная доминанта «историческая преемственность»:

«Это абсолютный tandem – Льюис и Сильверстоун – это абсолютные рекордсмены в истории» – [\[22\]](#).

«Добро пожаловать в Сильверстоун, 75 лет назад здесь прошел первый официальный этап первого официального чемпионата мира. Понятно, что это было не первое гран-при Европы, не первое гран-при Великобритании, не даже первая гонка на этом бывшем аэродроме, но тем не менее, самый первый официальный этап прошел здесь 75 лет назад в 50ом году» – [\[22\]](#).

Оценочный вектор, который связан с данной ценностной доминантой можно определить как «сохранение памяти о легендах спорта». В приведенных примерах при помощи оценочных высказываний актуализируется уважительное отношение к истории и стремление интегрировать ее в рассказ о текущих событиях. При этом ценностная доминанта «историческая преемственность» находится на периферии индивидуальной лингвоаксиосферы спортивного комментатора, что проявляется в эпизодичности и фрагментарности подобных высказываний – они дополняют основной нарратив, но не становятся ключевым содержательным акцентом трансляций.

Оценочные векторы, которые прослеживаются в индивидуальных лингвоаксиосферах спортивных комментаторов, помогают выстроить ценностные доминанты фрагмента лингвоаксиосферы российского социума, представленного в рамках дискурса спортивного комментария. Учитывая результаты сопоставительного анализа 14 личностных аксиологических траекторий в рамках данного исследования и выделив основные ценностные ориентиры лингвоаксиосфер современного российского лингвокультурного сообщества («соревновательный результат», «победа», «историческая значимость/преемственность», «традиции», «борьба», «конкурентоспособность», «национальная гордость», «престиж страны», «справедливость», «развлечение/зрелищность», «личностные качества», «популярность/медиинность», «культурная идентичность», «атмосфера спортивного

состязания», «гуманность»), представим визуализацию фрагмента лингвоаксиосферы российского социума (рис. 1). В данном фрагменте в ядерную зону входят аксиологические доминанты, лингвистические оценочные средства актуализации которых наиболее частотны в речи спортивных комментаторов. Приядерную зону составляют те ценностные доминанты, которые выражаются оценочными средствами регулярно, но реже, чем основные. В открытую периферию входят аксиологические доминанты, средства вербализации которых используются эпизодически.

Рис. 1. Фрагмент лингвоаксиосферы российского социума, представленный в дискурсе спортивного комментария

Заключение.

В результате проведенного исследования выявлены структурно-содержательные особенности лингвоаксиосферы личности и социума в российском спортивном дискурсе.

Существует два взаимонаправленных и взаимовлияющих процесса. С одной стороны, лингвоаксиосфера современного российского лингвокультурного сообщества формируется из индивидуальных лингвоаксиосфер его представителей. С другой, общая аксиологическая система социума оказывает сильное влияние на личностную аксиосферу, потому, что каждый индивид выстраивает свои ценностные координаты в соответствии с доминирующими ценностными ориентирами лингвокультурного сообщества. Личностная лингвоаксиосфера находит свое отражение в оценочных высказываниях индивида, давая представление о его ценностной траектории.

Изучив 14 индивидуальных лингвоаксиосфер спортивных комментаторов, мы определили фрагмент актуальной лингвоаксиосферы российского социума, выделив ценностные доминанты на ядерном («соревновательный результат», «традиции», «борьба», «конкурентоспособность», «национальная гордость», «престиж страны»), приядерном («справедливость», «победа», «историческая значимость/преемственность» «личностные

качества») и периферийном уровнях («развлечение/зрелищность», «популярность/медийность», «культурная идентичность», «атмосфера спортивного состязания», «гуманность»).

Ядерная зона фрагмента актуализирует ценности национальной идентичности и достижения успеха. Данный тезис отражает, что спортивный дискурс в России выполняет репрезентативно-идеологическую функцию – спорт рассматривается как инструмент демонстрации силы, единства и статуса страны.

Приядерная зона высвечивает актуальность морально-этического и исторического контекста в российской лингвокультуре. Данное положение говорит о потребности восприятия коммуникации в сфере спорта (и в других сферах) не только как соревнования, но и как пространства моральных норм и культурной памяти, в котором важна связь с прошлым.

Периферия репрезентирует второстепенность развлекательно-медийного аспекта, данная функция воспринимается как опциональная, а не основная цель в отличие от западных медиа, в которых развлекательный компонент зачатую выходит на первый план.

Таким образом, проведенное исследование обозначило перспективу дальнейших научных изысканий в рамках данной проблематики. Во-первых, с точки зрения изучения современного спортивного нарратива как уникального и разнообразного дискурсивного образования. Во-вторых, точки зрения анализа лингвоаксиосфер личности и социума в других лингвокультурных сообществах.

Библиография

1. Старостина, Ю. С. К вопросу о категориальном аппарате лингвоаксиологического исследования дискурса / Ю. С. Старостина // *Russian Linguistic Bulletin.* – 2021. – № 2 (26). – С. 64-70. DOI: 10.18454/RULB.2021.26.2.24 EDN: FMKKNZ.
2. Coelho, G. L. H., Hanel, P. H. P., Johansen, M. K., Maio, G. R. Mapping the structure of human values through conceptual representations / G. L. H. Coelho, P. H. P. Hanel, M. K. Johansen, G. R. Maio // *European Journal of Personality.* – 2019. – Vol. 33, № 1. – P. 34-51. DOI: 10.1002/peri.2170 EDN: LLQRJT.
3. Coelho, G. L. D. H., Hanel, P. H. P., Johansen, M., & Maio, G. R. An Empirical Comparison of Human Value Models / G. L. H. Coelho, P. H. P. Hanel, M. K. Johansen, G. R. Maio // *Frontiers in Psychology.* – 2018. – Vol. 9. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2018.01643/full> (accessed on: 21.06.2025).
4. Russo, C., Danioni, F. Changing Personal Values through Value-Manipulation Tasks: A Systematic Literature Review Based on Schwartz's Theory of Basic Human Values / C. Russo, F. Danioni // *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education.* – 2022. – Vol. 7. – № 12. – P. 692-715. DOI: 10.3390/ejihpe12070052 EDN: OHPRGB.
5. Yudkin, D. A., Gantman, A. P., Hofmann, W., Quoidbach, J. Binding moral values gain importance in the presence of close others / D. A. Yudkin, A. P. Gantman, W. Hofmann, J. Quoidbach // *Nature Communications.* – 2021. – Vol. 12. – P. 1-12. DOI: 10.1038/s41467-021-22566-6 EDN: PRFHCE.
6. Селезнева, А. В. Политические ценности в современном российском массовом сознании: психологический анализ / А. В. Селезнева // Южно-российский журнал социальных наук. – 2014. – № 2. – С. 6-18. EDN: SHDFPL.
7. Котлярова, В. В., Макушенко, С. А., Родионова, В. И. Исследование и анализ соотношения материального и духовного в ценностной иерархии современной

российской молодёжи / В. В. Котлярова, С. А. Макушенко, В. И. Родионова // Молодой учёный. – 2017. – № 11 (145). – С. 408-411. EDN: YHDDQV.

8. Кравец, А. В. Иерархия ценностных ориентаций у студентов (на примере проведенного социологического исследования студентов Новосибирского государственного университета экономики и управления) / А. В. Кравец // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – № 2 (13). – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/45SCSK222.pdf> (дата обращения: 10.08.2025).

9. Карасик, В. И. Нarrативное измерение лингвокультурных ценностей / В. И. Карасик // Язык и культура. – 2019. – № 47. – С. 59-75. DOI: 10.17223/19996195/47/4 EDN: CHVBYR.

10. Ефименко, Т. Н., Иванова, Ю. Е. Репрезентация ценностей делового лингвокультурного сообщества в кинодиалоге (на материале художественных фильмов) / Т. Н. Ефименко, Ю. Е. Иванова // Вестник МГПУ. Серия "Филология. Теория языка. Языковое образование". – 2020. – № 38 (2). – С. 56-64. DOI: 10.25688/2076-913X.2020.38.2.06 EDN: RQDNXN.

11. Казаченко, О. В. Репрезентация ценностей в социальной рекламе / О. В. Казаченко // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2024. – № 1 (16). – С. 37-49. DOI: 10.17072/2073-6681-2024-1-37-49 EDN: LFADUQ.

12. Карамова, А. А., Чиглинцева, Т. А. Репрезентация материальных ценностей в русской и английской лингвокультурах в парадигматическом аспекте (на материале публицистических текстов начала XXI века) / А. А. Карамова, Т. А. Чиглинцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – № 8. – С. 2794–2804. DOI: 10.30853/phil20240399 EDN: BQCAUE.

13. Николаева, О. В. Аксиологические аспекты семантики полинезийских этнических паремий / О. В. Николаева // Дальневосточный филологический журнал. – 2023. – № 1 (1). – С. 3-12. DOI: 10.24866/2949-2580/2023-1/3-12 EDN: EOMBSCM.

14. Ковыршина, Е. О., Кукшинова, Е. Н. Репрезентация положительной оценки в интернет- отзывах студентов о британских университетах / Е. О. Ковыршина, Е. Н. Кукшинова // Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания. – 2025. – № 44 (1). – С. 169-183. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-1-169-183 EDN: NHCSLB.

15. Фаломкина, И. П. Средства выражения отрицательной оценки в интернет- отзывах посетителей ресторанов / И. П. Фаломкина // СибСкрипт. Дискурсивная лингвистика. – 2025. – № 1 (27). – С. 12-20.

16. Zaynuldinov, A., Quero-Gervilla, E. F. Lexicographic description of emotional and evaluative vocabulary in Russian and Spanish / A. Zaynuldinov, E. F. Quero-Gervilla // Вопросы языкоznания / Voprosy Jazykoznaniya. – 2019. – № 2. – С. 96-110.

17. Сергеев, С. А., Бондарева, Е. П., Чистякова, Г. В. Виды и жанры зрелищных представлений спортивного дискурса / С. А. Сергеев, Е. П. Бондарева, Г. В. Чистякова // Политическая лингвистика. – 2023. – № 4 (100). – С. 172-183. EDN: QPINYF.

18. Ma, T. Ю., Михеев, Д. С. Лингвокультурная специфика британского спортивного дискурса / Т. Ю. Ma, Д. С. Михеев // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2022. – № 2 (8). – С. 90-101. DOI: 10.22250/24107190_2022_8_2_90 EDN: DRYCDW.

19. Кандрашкина, О. О. Структурно-семантические характеристики идиом в англоязычном спортивном дискурсе (на материале спортивных репортажей по регби) / О. О. Кандрашкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – № 8 (17). – С. 2901-2907. DOI: 10.30853/phil20240413 EDN: ULJZMI.

20. Бобырева, Н. Н. Лексические маркеры научного спортивного дискурса (на материале издания *Science of Gymnastics Journal*) / Н. Н. Бобырева // Казанский лингвистический журнал. – 2021. – № 4 (3). – С. 366-379. DOI: 10.26907/2658-3321.2021.4.3.366-379 EDN: UZFHYM.

21. Матч! URL: https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Hokkej/world_championship/stats

(дата обращения: 03.05.2025).

22. Гаснут огни. URL: <https://m.vk.com/gasnutognif1?from=groups> (дата обращения: 03.05.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию социального и личностного аспектов лингвоаксиосферы российского спортивного дискурса. Актуальность работы обоснованно аргументируется как важностью изучения «индивидуальных аксиологических траекторий и их языковой реализации в виде оценочных высказываний», так и «недостаточным числом прикладных исследований в области лингвистической аксиологии, связанных с отдельными дискурсами». Выбор спортивного дискурса в качестве объекта исследования определяется его спецификой («особый тип дискурса, в рамках которого интегрируются персональность и институциональность, является изменчивой коммуникативной средой, где транслируются коллективные и личностные ценности») и возможностью посредством его лингвоаксиологического анализа выявить прагматическую направленность оценок и специфику ценностной репрезентации в массовой коммуникации.

Теоретической основой работы явились труды по лингвоаксиологии, лингвокультурным ценностям, вопросам дискурса, спортивному дискурсу, лингвоаксиологическому исследованию дискурса и др. Библиография составляет 22 источника, в том числе электронные ресурсы, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Следует отметить высокую актуальность использованных источников, что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому вопросу.

Методология исследования определена поставленной целью («при помощи анализа параметров индивидуальных лингвоаксиологических траекторий российских спортивных комментаторов выявить специфику структурных компонентов социальной лингвоаксиосферы (на примере спортивного дискурса)») и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; общелингвистические методы наблюдения и описания, количественный анализ, а также метод лингвоаксиологической интерпретации, методы когнитивного и дискурсивного анализа. Эмпирическую базу составили тексты 16 спортивных трансляций телеканала «Матч!» по хоккею и тексты 26 трансляций по автогонкам формулы 1 группы «Гаснут огни» социальной сети ВКонтакте.

В ходе исследования проанализированы теоретические работы, посвященные лингвоаксиологической проблематике (анализ «позволяет сделать вывод об обусловленности лингвистической репрезентации оценочного отношения ценностями социума и личности, что говорит о важном взаимодействии всех уровней иерархии лингвоаксиосферы»), проведен качественный, количественный и критический анализ лингвистической репрезентации ценностных ориентиров на примере оценочных высказываний спортивных комментаторов; выявлены структурно-содержательные особенности лингвоаксиосферы личности и социума в российском спортивном дискурсе; выделены ценностные доминанты на ядерном, приядерном и периферийном уровнях; в качестве примера рассмотрены структурно-содержательные компоненты индивидуальной лингвоаксиосферы спортивного комментатора Формулы 1 Алексея Попова; сформулированы соответствующие выводы. Обозначена перспектива дальнейших

научных изысканий в рамках данной проблематики: изучение современного спортивного нарратива как уникального и разнообразного дискурсивного образования и анализ лингвоаксиосфер личности и социума в других лингвокультурных сообществах.

Результаты, полученные в ходе исследования, однозначно имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в такие разделы знания, как лингвоаксиология, лингвопрагматика и когнитивно-дискурсивная лингвистика, могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и при разработке курсов по теории языка, теории дискурса, стилистике и лингвокультурологии.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Работа выполнена в русле современных научных подходов. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Васильев Е.В. Специфика фантастического пространства в романе П. Фехервари "Каста огня" // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.74064 EDN: TBPMFE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74064

Специфика фантастического пространства в романе П. Фехервари "Каста огня"

Васильев Евгений Вадимович

ассистент; Административно-хозяйственная часть; Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова преподаватель; кафедра русской и зарубежной филологии; Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

603137, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Проспект Гагарина, 218, кв. 71

 GodofPlague@yandex.ru

[Статья из рубрики "Массовая литература"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.74064

EDN:

TBPMFE

Дата направления статьи в редакцию:

11-04-2025

Аннотация: Предмет исследования – средства и образы, с помощью которых создается фантастическое пространство в романе П. Фехервари "Каста Огня". Данный текст является частью художественной вселенной Warhammer 40.000, что делает его изучение более актуальным и придает ему новизны. Цель исследования – проанализировать, какими средствами и образами создается пространство в романе П. Фехервари «Каста огня». Созданное в романе "Каста Огня" фантастическое пространство сочетает в себе как архетипические образы, так и уникальные, представленные только на страницах этого произведения. Так, образ далекой планеты, охваченной войной, хоть и типичен для вселенной Warhammer, в тексте романа наполняется уникальными чертами: сложная структура, нарушенная связь со временем, мотивы вины и искупления и т.п. Основные методы исследования – методы компаративистики и герменевтики. Методологической основой стали труды Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина, В. Н. Топорова и других исследователей. В ходе исследования показано, что планета Федра сочетает в себе черты многих мифологических образов:

опасное и непознанное пространство лесов; река-лабиринт, воплощающая и образ реки мертвых; Федра одновременно является адом и чистилищем для разных героев. Ключевыми характеристиками пространства можно назвать алогичность, опасность и непознаваемость. Эти мотивы усиливаются нарушением связи между пространством и временем: долгое странствие по запутанным джунглям на деле занимает меньше года, а один из героев оказывается принадлежащим одновременно всем временным планам. Кроме того, пространство планеты «выворачивает наизнанку» многие мифологические мотивы. Так, культурный герой, прошедший испытания и вернувшийся к людям, приносит им не блага и знания, а слепую веру и страдания. Таким образом, пространство в романе соединяет в себе черты и особенности различных фантастических и мифологических пространств, вместе с тем создающим новые уникальные черты. Это позволяет взглянуть на привычные мотивы и образы в новом ключе с точки зрения их ценностного наполнения.

Ключевые слова:

время, пространство, фантастика, миф, художественная вселенная, роман, мотив, культурный герой, сюжет, переосмысление

Пространство является предметом изучения филологических дисциплин уже много лет. Исследования, связанные с рассмотрением художественного пространства, чаще всего посвящены следующим аспектам:

- 1) Соотношение понятий «время» и «пространство».
- 2) Способы создания и организации пространства в литературе.
- 3) Виды художественного пространства.

Первый аспект детально рассмотрел М. М. Бахтин. Он первым применил понятие «хронотоп» (время-пространство) по отношению к литературе. Автор указывал на неразрывность понятий времени и пространства, но, вместе с тем, отмечал, что «ведущим началом хронотопа является время» [\[1, с. 235\]](#).

В. Н. Топоров и И. Пете, соглашаясь с неразрывностью понятий «время» и «пространство», отмечают, что мифологическая организация мира может вносить серьезные изменения в эту систему, делая время частью пространства [\[14\], \[18\]](#). Эту идею развивает Д. С. Лихачев, отмечая, что специфика жанра может сказываться на соотношении времени и пространства в тексте. В качестве примера автор приводит сказочные тексты, где пространство не является преградой для героев [\[8, с. 386\]](#). В современной литературе такой подход к организации пространства наиболее ярко проявляется в жанре фэнтези, создающем вымышленные, вторичные миры, где законы времени и пространства могут меняться по воле автора или магических сил, действующих в описываемом мире. Вместе с тем, нельзя не отметить, что подход к организации системы "время-пространство" не всегда четко определяется жанром.

Так, по мнению И. Б. Роднянской, в современной литературе не существует единого подхода к организации времени и пространства: они могут быть как оторваны от реальности, тяготея к жанру притч, так и быть домументально точными. Вместе с тем, Роднянская отмечает такие приемы как удвоение (близкое к романтическому двоемирию), монтаж (позволяющий показывать разные места действий), частое

обращение к "внутреннему" пространству героя (сознание, память и т.п.) [\[15\]](#).

Рассмотрение способов создания и организации пространства предполагает, как правило, изучение лексических единиц художественных текстов [\[5\]](#), [\[6\]](#), [\[7\]](#), [\[13\]](#), [\[20\]](#). Во всех работах прослеживается мысль о том, что фантастическое и мифологическое пространство строится на антитезах: «верх-низ», «свое-чужое» и т.п. Реализация этих антитез может варьироваться в разных текстах. Например, Ю. М. Лотман выделяет замкнутое (родное и безопасное) и разомкнутое (чуждое и холодное) пространство [\[10, с. 138\]](#). В. Руднев выделяет категории «здесь» и «там» и, исходя из них, выстраивает систему координат, возможных в художественном тексте [\[16\]](#). Однако стержневой смысл, заложенный в указанных ранее оппозициях, сохраняется: «свое» кажется близким и понятным, «чужое» - непознанным и пугающим. Однако, стоит отметить, что в литературе границы между этими понятиями могут размываться и усложняться (например, в военной литературе, или в научной фантастике, где заселенная людьми планета может оказаться домом и для иной цивилизации).

Классификация видов пространства может основываться на разных критериях. Так, А. Б. Есин анализирует особенности построения времени и пространства в разных родах литературы. На основании проведенного анализа исследователь делит художественное пространство на абстрактное (не имеет выраженной характерности) и конкретное (привязано к конкретному городу или топографическому объекту) [\[4\]](#).

В. Н. Топоров делит пространство на научное и мифологическое, последнее из которых он подразделяет на «сакральное» и «профаническое» [\[17, с. 14\]](#). Ю. М. Лотман утверждает, что пространство может быть линеарным, точечным, плоскостным и объемным [\[9\]](#). В. Г. Гак классифицирует пространство с точки зрения пространственных характеристик: открытое/закрытое, вертикальное/горизонтальное и т. д. [\[2, с. 127\]](#). А. Ф. Папина [\[12\]](#), анализируя художественное пространство как текстовую категорию, выделяет два основных типа (реальное и ирреальное пространства), которые формируют следующую классификацию:

1. Реальное.

1.1 Объективное (открытое — линейное / горизонтальная ориентация / круговая перспектива / перекрёстная перспектива / секторная перспектива, закрытое).

1.2. Субъективное (концептуальное) — характеризует внутренний мир человека и внешний вещный мир

2. Ирреальное — создаёт различного рода границы между «верхом — низом», «здесь — там», лес — дом», «свое — чужое», живое — неодушевленное» и т.д.

2.1. Астральное и инфернальное пространства.

2.2. Волшебное и Фантастическое пространства.

2.3. Зазеркалье.

В рамках этой классификации наибольший интерес вызывает ирреальное фантастическое пространство. Обусловлено это тем, что, создавая такой тип пространства, автор ограничен лишь рамками своей фантазии и может изобразить любой мир. Кроме того, фантастическое пространство нередко отражает видение возможного будущего. Отметим

также, что и в других классификациях, представленных в этой статье, можно найти определения, близкие к понятию фантастического: абстрактное (то есть, по мысли Есина, всеобщее, не имеющее конкретной привязки к реальности), мифологическое (что в целом тесно связано с фантастикой), ирреальное. И даже оппозиции, представленные в классификации Гак соотносятся с мифологическим пространством, как отмечалось выше. Таким образом, можно утверждать, что в большинстве классификаций так или иначе отражено фантастическое пространство, что говорит о его популярности в литературе.

В свою очередь, фантастический хронотоп тоже может быть классифицирован по-разному. Так, О. А. Чигинская говорит о том, что фантастический хронотоп повествует о времени и пространстве, которых нет. На основании этого исследователь выделяет утопию (невозможное место), ухронию (невозможное время) и ускэвию (невозможная вещь в подчеркнутом реальном хронотопе) [\[21\]](#). О. С. Наумчик выделяет пять вариантов организации пространства и времени в фантастике и фэнтези: мир с одним пространственно-временным центром, отделенный от нашей вселенной; два противопоставленных мира, связанных временем и пространством; два перетекающих друг в друга пространства; модель со множеством миров и пространств; условное множество миров, обусловленных путешествиями во времени [\[11, с. 361-362\]](#). Как уже отмечалось, построение фантастического пространства ограничено лишь авторской фантазией, что и обуславливает столь разные подходы к классификации.

Образы фантастического пространства создавались многими авторами: А. Азимовым, Ф. Гербертом, Ф. Диком, Р. Брэдбери, У. Гибсоном П. Уоттсом и многими другими. И создание пространства в разных произведениях преследовало разные цели. Так, в романах А. Азимова, Ф. Дика и У. Гибсона пространство призвано показать научный прогресс общества и новые технические достижения (как, например, в романах «Я, робот», «Мечтают ли андроиды об электроовцах» и «Нейромант»). Р. Брэдбери и П. Уоттс нередко используют пространственные образы как предупреждение о возможном будущем человечества (рассказ «Будет ласковый дождь» и роман «Водоворот»). Пространство Ф. Герберта (роман «Дюна») вдохновлено мифологией и отражает путь мифологического героя, а значит, одна из важнейших характеристик этого пространства – враждебность и опасность, через которые и должен пройти герой на своем пути. Как отмечает А. И. Дзюбенко, «пространство художественного текста метафорически выражает модель мира автора на языке его пространственного восприятия» [\[3, с. 143\]](#). Таким образом, можно говорить о связи образа пространства с художественным замыслом автора.

Пространство в романе П. Фехервари «Каста огня» (*«Fire caste»*) тоже во многом следует мифологическим традициям, представляя прямую опасность для окружающих. Однако создается этот образ совершенно с иными целями.

Действие «Касты огня» происходит на планете Федра (*Phaedrus*), классифицируемой как мир смерти (*death world*). Планета представляет собой густые джунгли, населенные опасными организмами и растениями. Это вызывает явные параллели с мифологией, ведь нередко в мифах чуждым и населенным опасностями пространством является именно лес.

За планету долгие годы идет постоянная война между человечеством и т’ау (*t’au*). Причины столь затяжного конфликта не ясны для большинства участников, однако сразу отмечается, что ситуация на планете осложняется многими факторами: среди людей нередко возникают группы предателей, уходящих на сторону т’ау, действия командиров

обеих сторон жестко ограничиваются вышестоящим руководством. Кроме того, на планете распространен странный вирус, меняющий физическую форму носителя, медленно превращая его в своего рода растение. Это становится причиной создания в стане людей Культа Страданий, который призывает к просветлению и воссоединению с Богом через причинение себе боли. Все это приводит к выводу: ни для одной из сторон конфликта пространство Федры не является родным и безопасным, для всех участников войны планета представляет прямую угрозу. Это подчеркивается и тем фактом, что обе стороны конфликта не являются коренными обитателями планеты, война ведется за право обладания этим миром, то есть и люди, и т'ау на момент действия романа являются захватчиками с точки зрения самой Федры.

Такая формулировка не случайна, поскольку у планеты есть еще одна важная особенность – самосознание. В науке существует концепция планетарного сознания, под которым, как правило, понимается приоритет общечеловеческих и глобальных ценностей над личными ценностями отдельных индивидов (своего рода «глобализация» сознания). Но у термина «планетарное сознание» есть и другая трактовка, относящаяся скорее к области псевдонауки. В таком случае, считается, что природные катастрофы и катализмы неслучайны и вызваны самой планетой (ее сознанием). Безусловно, вторая трактовка намного больше походит на упомянутое ранее «самосознание». Герои «Касты огня» нередко приходят к мысли, что планета словно специально создает на их пути новые преграды и опасности. И опасности эти обусловлены не только, и не столько агрессивной фауной. Так, на поверхности планеты существуют странные сооружения, оставленные неизвестной расой. С этими постройками связано загадочное явление: «их окружала бесплодная земля, сдерживающая джунгли на расстоянии примерно десяти метров» [\[19, с. 13\]](#). Причины этого феномена в тексте так и не раскрываются, но это поначалу наводит на мысль о том, что руины могут не принадлежать Федре и быть столь же чужеродным элементом, как и сами люди и т'ау. Вместе с тем, постройки представляют непосредственную угрозу. Оказавшиеся рядом с этими сооружениями люди словно попадают под гипноз и идут вглубь руин: «Эмброуз слышал, как призрачные развалины снова взывают к нему, шепчут о скрытых дорогах среди звезд» [\[19, с. 156\]](#). Однако никто из вошедших туда не вернулся обратно. Вместе с тем, нужно заметить, что под влияние построек попадают далеко не все персонажи. Туда уходят лишь те, кто подвержен местной лихорадке. То есть голоса, доносящиеся из руин, можно расценить как галлюцинации. С другой стороны, здесь явно прослеживается мотив искушения: люди жаждут узнать, что скрывается в этих загадочных постройках, раскрыть их секреты и стать первыми, кто принесет это знание соплеменникам. То есть вход в руины является своеобразным актом «вкушения запретного плода» и герои, вошедшие внутрь, не проходят свое испытание. И с этой точки зрения, постройки видятся тесно связанными с Федрой. Получается, что планета символически «поглощает» (ведь руины ведут вниз, вглубь планеты) слабых духом. Подобную трактовку дают и герои романа: «Федра одинаково ненавидит всех нас. Люди и т'ау для Нее просто захватчики. Всего лишь плоть, которую можно разложить, пожрать, обратить» [\[19, 277\]](#).

Кроме того, отмечается, что время «...странно текло в том серо-зеленом чистилище» [\[19, с. 168\]](#). Так, лейтенант Гурджеф, заблудившийся в джунглях Федры, думал, что провел там долгие годы. За это время он встречал множество опасностей и удивительных существ: «он исследовал заброшенные долины, в которых обитали гигантские первобытные звери» [\[19, с. 169\]](#). Когда Гурджеф вышел к людям, оказалось, что его не было меньше года. Это напоминает мифологические и сказочные сюжеты об островах, где время течет иначе, чем в реальном мире. С этой точки зрения еще интереснее

выглядит тот факт, что действие романа разворачивается на окруженному океанской гладью острове. После возвращения из джунглей лейтенант получил «просветление» и стал фанатичным проповедником. Именно он в дальнейшем основал Культ Страданий, который теперь проповедуют практически все войска людей на Федре. Это неслучайно, ведь именно Гуржиеф принес с собой грибковую инфекцию, заразившую многих людей, чьи мучения и послужили основой Культа. Характерно, что в тексте романа вера и болезнь ставятся в один ряд: «...он принес семена откровения вместе с иными, более странными семенами» [\[19, с. 170\]](#). Сам по себе этот Культ Страдания очень напоминает средневековых флагеллотов, проповедовавших самобичевание как средство искупления грехов перед Богом. Подобные идеи высказывает и Гуржиеф: «и достичь искупления можно лишь путем священных страданий во имя Бога-Императора» [\[19, с. 170\]](#). Впрочем, флагелланты устраивали акты самобичевания в качестве избавления от чумы. Культ Страданий напротив принимает болезнь как высшую форму божественной воли. В конечном итоге, Культ оказывается фанатичной организацией, готовой на все ради исполнения указаний своего духовного лидера – Гуржиефа. Можно сказать, что исповедник прошел путь мифологического героя, но выйдя из чуждого пространства он принес людям не новые блага и знания, а слепую веру и воплощенную смерть (новую неизлечимую болезнь), приведшую к гибели огромного количества людей в будущем. Можно сделать вывод, что пространство Федры не несет новых знаний и благ, вместо этого оно сводит с ума и превращает людей в чудовищ. Это перекликается с упомянутыми ранее постройками и их призрачным зовом. Выходит, опасность на планете представляют все ее элементы, как природные, так и созданные руками неизвестных творцов.

В странствиях Гуржиефа обращает на себя внимание эпизод встречи исповедника с воином т'ау, так же потерявшимся в джунглях Федры. Внешность чужака показывает, что он долгое время находится в этих лесах. Вместе с тем, расцветка боескафандра чужака говорит Гуржиефу о том, что этот воин не принадлежит к армии т'ау, расквартированной на поверхности Федры. Это наводит на мысль о том, что на планете могли действовать другие воинские подразделения инопланетян, расквартированные здесь еще до прибытия нынешних сил и командиров. Данную мысль усиливает то, что воин туманно намекает на предательство со стороны «дикарей, поглощающих плоть». Вместе с т'ау нередко действуют наемники расы крутов (kroot), чьи традиции предполагают пожирание плоти поверженных врагов после победы. Позднее в тексте люди столкнутся с одичавшими крутами, поддавшимися безумию Федры и действующими независимо от основных сил т'ау. Значит, предатели есть не только среди человечества, но и среди чужаков. И, вместе с тем, планета сводит с ума в одинаковой степени и людей, и иные расы, не делая между ними различий.

Но образ чужака можно трактовать и с другой точки зрения. Говоря Гуржиефу о том, что он выжил, «ксенос выглядел неуверенным» [\[19, с. 169\]](#). Позднее он говорит, что принадлежит к касте Дыма, хотя его броня и оружие говорят о принадлежности к воинской касте Огня. Кроме того, у т'ау не существует касты Дыма. Но эти слова можно расценить как намек на то, что он – лишь призрак (дым, оставшийся от огня). И образы призраков еще не раз будут возникать в тексте. Так, капитана Вендрейка преследует призрак его возлюбленной, погибшей на Федре по его вине. Символично, что ее позывным был *Belle du Mort* (Смертельная красотка). Другого командира, Мэйхена, будет преследовать видение его друга, Темплтона, которого он прогнал, когда тому была нужна помощь. После этого Темплтон бесследно исчезает в руинах, оставив после себя лишь записную книжку. Это напоминает «гостей» из романа С. Лема «Солярис», но

призраки Федры имеют совершенно иную функцию. С помощью «гостей» планета пытается установить контакт с людьми, призраки же словно являются «овеществленной» совестью людей, заставляя их раз за разом переживать потерю близкого или неверно принятого решение. То есть их основная функция - причинять боль и страдания тем, кто их видит. Важно отметить, что в тексте романа призраки нередко связаны с мотивом болезни или безумия. Так, в образах Вендрейка и Мэйхена будут подчеркиваться мечущийся взгляд, лихорадочные мысли, разговоры с самим собой и тому подобное. И, как уже отмечалось, схожие мотивы связаны и с теми, кто поддался влиянию Федры. Так, Темплтон, слышавший голоса руин, находился в состоянии лихорадки. Таким образом, автор играет с читателем, позволяя расценить неупокоенных как игру больного воображения героев.

Одними из центральных героев повествования оказываются Арканские Конфедераты. Этот полк прибывает на Федру в самом начале романа. На войну за эту планету их отправили после событий в поселке Троица (Trinity), где полк был вынужден вырезать все население, поддавшееся влиянию демонов. Сами по себе события на Троице постоянно преследуют героев: кто-то то и дело слышит отдаленный звон колокола, а кто-то вспоминает искаженные лица одержимых жителей. При этом в полку нет единого мнения об этих событиях. Так, по словам капитана Вендрейка, «когда полк приковылял туда, мы все страдали от голода и замерзли до полусмерти» [\[19, с. 50\]](#) и списывает увиденное там на галлюцинации. Впрочем, официальный отчет высшего командования не оставляет сомнений: желая скрыть страшную правду о Троице, Конфедератов отправляют на Федру.

Упомянутый ранее колокольный звон тоже неслучαιен. Еще на подступах к поселку разведчики обнаруживают зловещее пророчество, написанное кровью на стене: «Колокол зайдется – мир развернется» [\[19, с. 386\]](#). В конце битвы с одержимыми, под замогильный звон, командир полка встречается с загадочным существом, которое называет себя «просто человеком, отыскавшим путь домой» [\[19, с. 386\]](#). И внешность существа полковник позднее узнает в комиссаре Хольте, что создает определенный сюжетный парадокс. Из дневников самого комиссара становится известно, что тот уже долгое время служит на Федре, а значит находился на этой планете и во ходе событий в Троице. В концовке романа Хольт попадает в Варп, обитель демонов, но вместо гибели «Где-то в необозримом лабиринте времени и пространства он услышал звон колокола и подумал о доме» [\[19, с. 444\]](#). Тот же звон колокола слышали и Конфедераты во время зачистки Троицы, но им он казался замогильным и пугающим (особенно с учетом найденного ранее пророчества). Для Хольта этот звук становится своего рода путеводной звездой, помогающей найти дорогу домой. Это символично, ведь Хольт – арканец по происхождению, хотя большую часть жизни провел вне родной планеты. Именно поэтому при встрече с полковником в Троице он называет себя тем, кто нашел путь домой, спустя долгие годы службы на различных фронтах Галактики. Получается, что один и тот же звук воспринимается разными героями романа по-разному: кто-то слышит в нем предвестника грядущей гибели (в конце романа весь полк Конфедератов погибает), а для кого-то он кажется звуком родного дома. Это может иметь и еще одно прочтение. Варп так же известен как Море Душ, то есть может трактоваться как своеобразный загробный мир. Поэтому попавшему в него комиссару замогильный звон и кажется родным. Можно сказать, что он символически умирает как человек, но его миссия на этом не заканчивается, превращая Хольта в призрака Троицы, призванного напоминать всему полку Конфедератов о пережитых событиях, что выглядит довольно символично в контексте событий на Федре.

Помимо этого, важно отметить, что как комиссар Хольт не раз был вынужден казнить трусов и предателей, и сама мысль о смерти стала ему привычна. Наконец, попав в Варп, он, судя по всему, подвергся определенным изменениям и мутациям, превратившись в демоническую сущность (по крайней мере, именно в таком виде он явился Конфедератам). Эту догадку подкрепляют инфернальные мотивы, окружающие образ комиссара с самого начала романа: индиговые отблески в глазах, пугающие шрамы на лице и тому подобное. А для демонов не существует такого понятия, как смерть – они вечны, являя собой лишь олицетворение людских пороков. Таким образом, получается, что комиссар одновременно присутствует во всех временных планах: в прошлом в Троице (и именно его приход на планету и вызвал демоническую активность), в настоящем на Федре и в будущем на просторах Варпа. С этой точки зрения символичным выглядит тот факт, что каждая глава романа начинается с отрывка из дневника комиссара, где он описывает события прошлого или настоящего (словно погружая читателя в разные временные планы). Выходит, что Федра находится словно вне времени во всех смыслах: попавшие туда солдаты не возвращаются обратно, а заблудившиеся в джунглях люди и т'ау нередко не находят пути домой.

С пространством Федры в этом смысле логически связан и образ лабиринта. Он воплощается в реке, протекающей через весь материк. Начинаясь как единый мощный поток, она позднее разделяется на десятки небольших речушек и ручейков, ведущих во все части континента. Хольт, решивший странствовать по реке, лишь случайно находит цель своего плавания. Отчасти в этом плавании Хольт повторяет путь Гуржиефа, преодолевая те же самые джунгли, но по воде. И, как и Гуржиеф, он встречает немало опасностей и странных созданий. Символично, что столь тесно связанный со смертью персонаж преодолевает путь именно по реке, что напоминает о реке Стикс. На эту же мысль наводит и то, что именно во время плавания к Хольту возвращаются призраки казненных им ранее людей, преследовавшие его ранее. Эта деталь очень важна: образы призраков преследовали комиссара еще до событий на Федре. Это важно потому, что все остальные герои, видящие призраков, в конечном итоге погибают или исчезают. Хольт остается в боеспособном состоянии до самого конца книги, что вновь подчеркивает его тесную связь с миром мертвых.

Однако Федра находится и вне пространства. Как уже отмечалось, на планете действует сразу несколько группировок т'ау (вероятно, одна прибыла раньше действующих в настоящее время сил). Но это касается не только пришельцев. Люди представлены как минимум тремя разными полками: Арканскими Конфедератами, Летийскими Покаянниками и Верзантскими Конкистадорами. Конкистадоры, как следует из названия, очень похожи на испанцев: они эмоциональны, импульсивны, да и их культура и имена живо напоминают об Испании (сенатор Кристобаль, сенатор Рикардо и т.д.). Имена Летийцев похожи на славянские, несколько искаженные на западный манер: Вёдор, Земён и т.д. Но сама культура полка давно потерялась за Культом Страданий и уже невозможно установить изначальные традиции жителей их родного мира. Можно сказать, что это пример людей, полностью поддавшихся влиянию Федры и ее безумию. Арканцы своими именами явно намекают на связь с Великобританией. Даже более того: имена многих из них явно отсылают к известным английским писателям и литературным персонажам: Джон Мильтон, Оди Джойс, Уиллис Колхун и так далее. Но, вместе с тем, в их культуре явно видно влияние скандинавской традиции: северные племена носят характерные имена (например, к полку прикомандирована ведьма Скъельдис), а сами Конфедераты верят, что после смерти попадут в Грозовой Край – своеобразную Вальхаллу. Стоит упомянуть и культуру пришельцев, т'ау, имеющую много общего с восточными культурами: кастовая система (как в Индии), ритуальные мечи,

напоминающие японские катаны, и т.п. Таким образом, Федра собирает на своей поверхности огромное количество различных культур, некоторые из которых ломаются под давлением испытаний, пройденных на планете (как случилось с Летицами). Таким образом, Федра превращается в своего рода Ноев Ковчег, собравший представителей различных культур и рас. С этой точки зрения, хронотоп Федры с одной стороны представляет собой множество пространств (т.к. объединяет множество культур), а с другой – это множество во многом условно (часть культур уже утеряна, и сами герои нередко попадают в своего рода «карманные пространства» из-за временных аномалий).

Наконец, к концу романа выясняется, что вся война на Федре – это фикция. Руководство людей и т'ау давно заключило договор никогда не прекращать боевые действия на поверхности планеты, отправляя на нее всех неугодных. Таким образом они хотели сдержать развитие конфликта в секторе и не дать ему перерости в полномасштабную войну. Получается, что Федра – это своего рода ад, куда ссылаются грешники, обреченные страдать за свои прежние деяния. Вместе с тем, своими страданиями они дают остальным соплеменникам право на дальнейшую мирную жизнь. Можно сказать, что этот рукотворный ад создан с благой целью. Это подчеркивается образами всех войск на планете: терзаемые вирусом Летицы, мучимые совестью и памятью о прошлых грехах Конфедераты, талантливый командир т'ау, обреченный вечно руководить пустыми стычками без всякой цели. Впрочем, важнее всех в этом ряду, как уже отмечалось, Конфедераты и говоря о них, вновь хочется вспомнить о пути культурного героя. Отправной точкой их странствия становится неподчинение приказам планетарного генерала, путь странствий – их блуждания в джунглях с целью узнать истину о событиях на Федре. Помощником в этом пути выступает нашедший их Хольт, знающий больше об обстановке на планете и реальном раскладе сил. И, наконец, итог пути – открытие истины и «награда»: смерть в конце романа. Смерть не случайно трактуется здесь как награда за пройденные испытания. Конфедераты часто говорят о Грозовом Крае, что ждет их после смерти. Кроме того, автором подчеркивается, что именно на пороге смерти всех Конфедератов покидают преследовавшие их призраки. Можно сказать, таким образом герои получают свое желанное искупление и символически вырываются из ада Федры (а концовка романа происходит на борту космического корабля). Символичными в этом ключе выглядят названия частей романа: Падение (начало пути), Клубок (путь испытаний), Вознесение (награда).

В каком-то смысле, схожий путь проходит и Хольт. Для него странствие начинается с желания найти представителей родного мира, Конфедератов, и присоединится к ним в их борьбе. Важно отметить, что официально командование посыпает Хольта не помогать мятежникам, а казнить их, как и велит долг комиссара. Странствие Хольта – путь по реке через джунгли. Наконец, награда – буквальное перерождение в царстве Варпа и возвращение домой, о котором он мечтал долгие годы. Система получается очень символичной. Как уже отмечалось, Федру можно считать рукотворным адом. Выходит, что свой персональный ад создают и Конфедераты, ведь их путь заканчивается в том числе перерождением Хольта, которое, в свою очередь, приводит к событиям в Троице, ставшим причиной ссылки солдат на Федру. Выстраивается зацикленная система: грех-его искупление-создание источника греха. Пройдя ад и безумие в Троице, Конфедераты попадают в еще более безумный мир Федры, из которого «возносятся» в царство демонов – Варп, буквальный образ ада. В этой системе нет выхода, поскольку грех и его искупление оказываются теснейшим образом переплетены. Итог пути комиссара в большей мере похож на награду, но тоже достаточно ироничную: своим перерождением он «наказывает» полк, то есть выполняет изначальный приказ.

Таким образом, Федра – это странный мир, находящийся вне времени и являющий собой воплощение угрозы и смерти. Во многом этот мир представляет ад, куда попадают те, кто согрешил в своей прежней жизни. Однако вместе с тем, этот Федра является и чистилищем для грешных душ, давая им право очистить свои тело и разум. К этой мысли приводит постоянно возникающий в тексте мотив испытания, которое одни персонажи преодолевают, а другие – нет. Например, Гуржиеф свое испытание не прошел: он стал слепым фанатиком и не смог увидеть истинную картину вещей. Не проходят его и те, кто поддаются влиянию руин или теряют себя в джунглях, поддаваясь безумию окружающего мира.

Здесь стоит отметить, что герои романа воспринимают Федру как некую богиню (об этом, в частности, говорит написание местоимения Она, обращенного к планете, с заглавной буквы). В этом смысле, в контексте всего ранее приведенного анализа, Федра однозначно трактуется как богиня смерти и подземного мира. Это объясняет постоянно возникающий мотив испытания – планета дает грешникам второй шанс. Все выпадающие им испытания – это путь к спасению. Это объясняет и зов, слышимый многими героями рядом с руинами, ведущими в недра планеты. Это выглядит как символический спуск в подземный мир в поисках истины. И возможно, это и есть путь к истинному спасению: отказ от фиктивной войны и дальнейших мучений. Образ Гуржиефа в этом ключе тоже выглядит несколько иначе: он не сошел с ума, а обрел нового бога в лице Федры, ведь превозносимые им страдания тесно связаны с упомянутой грибковой инфекцией, превращающей людей в некое подобие растений, то есть делающих их частью планеты.

Если продолжить трактовку Федры как богини, интересную трактовку получает и бесконечный конфликт на ее поверхности. Можно сказать, что отправляемые туда солдаты – это своего рода жертвоприношение ради покоя в близлежащих системах. Страдания мучимых Федрой живых существ дают право на мирную жизнь миллионам других людей и т’ау. Получается, что эту планету нельзя трактовать как образ исключительно отрицательный, скорее этот мир воплощает собой идею «зла во благо», особенно с учетом того, что попавшим на ее поверхность грешникам Федра дает второй шанс.

Таким образом, система "пространство-время" в романе "Каста огня" оказывается очень сложной и многогранной. Федра сочетает в себе черты множества мифологических образов, трактовка которых оказывается неоднозначной. Планета словно превращается в находящийся вне времени и пространства перекресток культур и эпох, что создает интересную игру с читателем. Вместе с тем, Федра наделяется разумом и, в этом ключе, словно сама ведет свою игру уже с героями романа, что дополнительно усложняет трактовку представленных образов, многие из которых оказываются на грани реальности и безумия. Вместе с тем, несомненным остается тот факт, что в центре внимания П. Фехервари находятся темы сознания, чувства вины, прошлого и т.п. Это и обуславливает иррациональный и гротескный мир Федры, представленный на страницах романа.

Библиография

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с. EDN: WTJALN.
2. Гак В. Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 127-134.
3. Дзюбенко А. И. Лингвокогнитивный аспект вымысла в художественном пространстве // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 1 (36). С. 141-148. DOI: 10.20323/2499_9679_2024_1_36_141. EDN: CKFSWL.

4. Есин А. Б. Время и пространство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prowriterslab.com/blog/2009-03-08-293/> (дата обращения: 10.11.2020).
5. Женетт Ж. Фигуры, т. 1. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 470 с.
6. Кобозева И. М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. 162 с.
7. Кунижев М. А. Категория "пространство": ее статус и средства вербализации: на материале современного английского языка. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. 221 с.
8. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 413 с.
9. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек-текст семиосфера-история. М.: Языки русской культуры, 1996. 447 с.
10. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: "Искусство – СПБ", 1998. С. 14-285.
11. Наумчик О. С. Пространственно-временные модели фэнтези // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX-XX вв. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2019. С. 356-363. EDN: YZLXXF.
12. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М.: УРСС, 2002. 367 с.
13. Певзнер А. П. Категория пространства как средство выражения подтекстовой информации: дис. Ростов-на-Дону, 2007. 161 с. EDN: NOUDOZ.
14. Пете И. Пространственность, предлоги, локальные отношения, картины мира и явления ассиметричности // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2005. № 1. С. 61-74.
15. Роднянская И. Б. Художественное время и художественное пространство // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. Стлб. 772-780.
16. Руднев В. П. Прочь от реальности. М.: Аграф, 2000. 428 с.
17. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М.: Прогресс, 1995. 621 с.
18. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227-284. EDN: TZOXML.
19. Фехервари П. Каста огня: Роман / Пер. с англ. Ю. Войтко. СПб.: Издательство Фантастика Книжный Клуб, 2016. 448 с.
20. Хорошевская Ю. П. Ландшафт как другой в постколониальной научной фантастике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. № 11. С. 4087-4092. DOI: 10.30853/phil20240577. EDN: DVMIWX.
21. Чигиринская О. А. Фантастика: выбор жанра, выбор хронотопа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rusf.ru/star/doklad/2008/chigr.htm (дата обращения: 13.11.2020).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье является фантастическое пространство в романе «Каста огня» («Fire Caste») П. Фехервари (Peter Fehervari). Актуальность работы не вызывает сомнения: пространство, будучи важнейшим элементом в сознании национальной или индивидуально-авторской картины мира, фиксируется различными видами знаний и является вместе с категорией времени фундаментальным элементом текстовой организации. Как отмечается, «наибольший интерес вызывает ирреальное фантастическое пространство», что обусловлено тем, что, «создавая такой тип пространства, автор ограничен лишь рамками своей фантазии и может изобразить любой мир», кроме того, «фантастическое пространство нередко

отражает видение возможного будущего».

Теоретической основой исследования выступили труды, посвященные тексту, его единицам и глобальным категориям; категориям «пространство» и «время» в художественном преломлении; грамматике описания пространства; фантастике; пространственно-временным моделям фэнтези и др. Библиография составляет 19 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако автору(ам) необходимо внимательно изучить требования редакции в части оформления ссылок на библиографический список и привести их в соответствие («ссылки приводятся в квадратных скобках в тексте и оформляются по следующему образцу: [4, с. 121]»): см «В. Н. Топоров делит пространство на научное и мифологическое, последнее из которых он подразделяет на «сакральное» и «профаническое» [16: 14]» и т. д. Также автор(ы) не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе.

Методология исследования определена поставленной целью и задачам и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, научный поиск, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию материала, методы социокультурного и интертекстуального анализа; герменевтический анализ художественного текста и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, проведен качественный и критический анализ изучаемой проблемы, сформулированы обоснованные выводы относительно особенностей исследуемого фантастического пространства («Пространство в романе П. Фехервари «Каста огня» («Fire Caste») тоже во многом следует мифологическим традициям, представляя прямую опасность для окружающих. Однако создается этот образ совершенно с иными целями», «ни для одной из сторон конфликта пространство Федры не является родным и безопасным, для всех участников войны планета представляет прямую угрозу», «хронотоп Федры с одной стороны представляет собой множество пространств (т.к. объединяет множество культур), а с другой – это множество во многом условно (часть культур уже утеряна, и сами герои нередко попадают в своего рода «карманные пространства» из-за временных аномалий)» и т. д.

Теоретическая значимость исследования обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением категории пространства в художественном тексте, а также индивидуально-авторской картины мира британского писателя-фантаста Петера Фехервари. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по теории литературы, теории дискурса, стилистике, анализу и интерпретации художественного текста.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Рукопись имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после внесения соответствующих правок.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляется собой компилятивно-сложенный текст, как вариант теоретически обоснованный, но практически ориентированный. Основной предмет исследования – анализ фантастического пространства в романе П. Фехервари «Каста огня». Думаю, что тематический выбор вполне конструктивен, ибо данная категория полновесна и значима для оценки художественных произведений. Неплохо скомпилирован в начале работы материал, связанный с трактовкой различных видов и типов пространств в литературе, но серьезной критической оценки в этой части нет, автор мог усилить / усложнить эту позицию, т.к. конструктивный диалог с оппонентами все же нужен (м.б. в режиме доработки стоит это скорректировать). Необходимые имена при раскрытии сути организации художественного пространства введены – М.М. Бахтин, В.Н. Топоров, Д.С. Лихачев и т.д. Далее собственно сам анализ романа П. Фехервари «Каста огня» в рамках пространственно-временной организации сделан филологически верно, вектор аналитики имеет место быть. Не исключает и т.н. литературный контекст, что также необходимо в рамках исследований литературоведческого плана: «образы фантастического пространства создавались многими авторами: А. Азимовым, Ф. Гербертом, Ф. Диком, Р. Брэдбери, У. Гибсоном П. Уоттсом и многими другими. И создание пространства в разных произведениях преследовало разные цели. Так, в романах А. Азимова, Ф. Дика и У. Гибсона пространство призвано показать научный прогресс общества и новые технические достижения (как, например, в романах «Я, робот», «Мечтают ли андроиды об электроовцах» и «Нейромант»). Р. Брэдбери и П. Уоттс нередко используют пространственные образы как предупреждение о возможном будущем человечества (рассказ «Будет ласковый дождь» и роман «Водоворот»)» и т.д. Считаю, что в целом автором достигается поставленная цель, решаются и задачи исследования, но работу следует «поправить». В статье встречаются несоответствия – «цитата – источник»: в данном случае нужна правка. Например, «И.Б. Роднянская отмечает, что в литературе XX-XXI века время и пространство зачастую независимы друг от друга. Пространства могут существовать вне времени, быть реальностью лишь в сознании героя или вовсе оказываются вымышленными топографическими местами [15, с. 890]» и т.д. Текст статьи желательно вычитать, устраниТЬ стилистические неточности: например, «кроме того, отмечается, что время на планете течет иначе, чем должно в реальном мире: «время странно текло в том серо-зеленом чистилище» и т.д. Следует также привести написание имен героев, образов к унифицированному типу: например, «наконец, к концу романа выясняется, что вся война на Федре – это фикция. Руководство людей и т'ау давно заключило договор никогда не прекращать этот конфликт, отправляя на планету всех неугодных. Таким образом они хотели сдержать развитие конфликта в секторе и не дать ему перерости в полномасштабную войну» и т.д. На мой взгляд, автору стоит усложнить выводы, прописать их в соответствии с темой исследования. После внесения правки статья «Специфика фантастического пространства в романе П. Фехервари "Каста огня"» может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Специфика фантастического пространства в романе П. Фехервари "Каста огня"», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к вопросам изучения творчества современного нам британского писателя, а именно теоретическим вопросам

моделирования фантастического пространства в произведении вышеназванного прозаика.

В исследовании автор ставит цель изучить один из вариантов художественного пространства в общепринятой классификации - ирреальное фантастическое пространство, что несомненно вносит определенный вклад как в теорию литературы, так и в изучение творчества писателя.

Автор приходит к выводу, что пространство в романе П. Фехервари «Каста огня» («Fire caste») во многом следует мифологическим традициям, представляя прямую опасность для окружающих. Однако создается этот образ совершенно с иными целями.

В статье автор подробно рассматривает те части сюжета, которые способствуют миромоделированию, а именно созданию мифологического пространства и приводит отрывки из произведения.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общенаучные методы наблюдения и описания, а также методы литературоведения. Основными методами явились культурно-исторический, культурно-социальный и нарративный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Как и любая работа, данная статья не лишена некоторых недостатков. Отметим, что в вводной части слишком скучно представлен обзор разработанности проблематики в науке, а именно в области изучения творчества рассматриваемого писателя.

Кроме того, заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Однако, это не умаляет общего положительного впечатления от рецензируемой работы. Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых теоретические работы представлены как отечественных ученых, так и зарубежных исследователей.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях в области современной англоязычной литературы. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Специфика фантастического пространства в романе П. Фехервари "Каста огня"» может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Англоязычные метаданные

Who are you, Dr. Yanovsky? (about the attribution of "A Romance with Cocaine")

Zav'yalov Viktor Nikolaevich

Doctor of Philology

Professor; Higher School of Russian Philology, Pacific State University

136 Pacific Street, Khabarovsk, Khabarovsk Territory, 680035, Russia

✉ victorzoff@list.ru

Tyurin Pavel Mihailovich

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian Language and Literature; Far Eastern Federal University

690922, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russian island, Ajax settlement, 10.

✉ tyurin.pm@dvfu.ru

Abstract. The subject of this article is one of the most mysterious works of Russian literature from the Paris emigration period – "The Novel with Cocaine," while the subject is the problem of the attribution of this work. The relevance of the article is due to the fact that none of the versions of the authorship of the novel is indisputable today, which necessitates further research in this direction. The aim of the article is to formulate and justify the hypothesis of the possible involvement of Vasily Yanovsky – a representative of the so-called "unnoticed generation" of the Paris emigration – in the creation of "The Novel with Cocaine." To achieve this goal, the article examines the main versions of the authorship of "The Novel with Cocaine," which are analyzed and compared with each other. The literary and historical context during which this work was created is taken into account. The article employs descriptive, comparative, and analytical methods, which provide the opportunity to view the subject of research from various angles as well as in their entirety. The scientific novelty of the research lies in the fact that such an approach to solving the problem of attribution of "The Novel with Cocaine" is undertaken for the first time. The proposed authorship of V. Yanovsky is established through an analytical search for the reasons for the mystification and is substantiated through a textual analysis of "The Novel with Cocaine" as well as a number of works by V. Yanovsky. It has been established that there is a certain structural, plot, ideological-thematic, and lexical-syntactic unity between them and "The Novel with Cocaine." One of the main reasons for the creation of this mystification may be the creative conflict between V. Yanovsky and V. Nabokov, which is generally conditioned by the relationships between the writers of the "unnoticed generation" and the "higher echelon" emigrant writers. The results of the research provide an opportunity for further investigation of the stated problem and also contribute to the study of the phenomenon of mystification in Russian classical literature.

Keywords: syntax, speech studies, novel, hypothesis, textology, plot, structure, mystification, attribution, stylistics

References (transliterated)

1. Ageev M. Roman s kokainom. Moskva: TERRA, 1990. 176 s. ISBN 5-85255-002-7.

2. Annenskii L. A. Roman bez kokaina // Ageev M. Roman s kokainom. Moskva: Soglasie, 1999. S. 5-16.
3. Ar'ev A. Yu., Yanovskii V. S. Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi: bio-bibl. slovar': v 3 t. / pod red. N. N. Skatova. Moskva: OLMA-PRESS Invest, 2005. T. 3. S. 810-811.
4. Bazhanova R. K. Mistifikatsiya v kontekste kul'tury: vidy i funktsii // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2014. № 4-2. S. 21-28. EDN: TRRDMV.
5. Varshavskii V. S. Nezamechennoe pokolenie. Moskva: Russkii put', 2010. 542 s. ISBN 978-5-98854-024-3. EDN: QPTCVL.
6. Vinogradov V. V. Problema avtorstva i teoriya stilei. Moskva: Goslitizdat, 1961. 614 s.
7. Volchek D. Zagadochnyi gospodin Ageev // Ageev M. Roman s kokainom. Moskva: TERRA, 1990. S. 3-10.
8. Dimitriev V. M. "Meditina, nauka i zhizn" v literaturnom proekte V. S. Yanovskogo // Russkaya literatura. 2022. № 3. S. 63-73. DOI 10.31860/0131-6095-2022-3-63-73. EDN: LYXWXZ.
9. Dokument i "dokumental'noe" v slavyanskikh kul'turakh: mezhdu podlinnym i mnimym / otv. redaktor N. M. Kurennaya. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 2018. 384 s. ISBN 978-5-7576-0402-2.
10. Zenkov A. V. Novyi statisticheskii metod stilemetrii // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2017. № 3-1. S. 62-71. EDN: YHRFKL.
11. Zlydneva N. V. Predislovie // Mistifikatsiya v slavyanskoi kul'ture: poetika i praktiki / otv. red. N. V. Zlydneva. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 2023. S. 6-10. ISBN 978-5-7576-0480-0.
12. Klimova T. M. Literaturnaya ideologiya Georgiya Ivanova i mladoemigrantov // Vestnik Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo. 2015. № 3. S. 25-32. EDN: YOIONN.
13. Kochetova S. A. Vasilii Shishkov: ot imeni literaturnogo geroya do psevdonima (na materiale tvorchestva V. Nabokova) // Vostochnoslavyanskaya filologiya. Literaturovedenie. 2018. № 7 (31). S. 10-1. EDN: HSBSZU.
14. Kul'tura skvoz' prizmu identichnosti / otv. red. L. A. Sofronova, N. M. Filatova. Moskva: Indrik, 2006. 423 s. ISBN 5-85759-387-5.
15. Malikova M. E. Fantomnyi parizhskii poet Vasilii Shishkov // Russkaya literatura. 2013. № 1. S. 191-210. EDN: PUWXJP.
16. Mamedov A. I. Sovpadenie v Make // Novyi mir. 2021. № 4. S. 60-69.
17. Mel'nikov N. G. Nezamechennyi pisatel' // Yanovskii V. S. Polya eliseiskie. Moskva: AST, 2012. S. 5-25.
18. Mistifikatsiya v slavyanskoi kul'ture: poetika i praktiki: sb. nauch. trudov / otv. red. N. V. Zlydneva. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 2023. 420 s. ISBN 978-5-7576-0480-0.
19. Nabokov V. V. Vasilii Shishkov. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://lib.ru/NABOKOW/fial10.txt> (data obrashcheniya 25.07.2025).
20. Nabokov V. V. Volk, Volk! // "Nash vek", 31.01.1932 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/volk-volk.htm> (data obrashcheniya 21.07.2025).
21. Perepiska Gor'kogo s V. S. Yanovskim // Gor'kii i ego korrespondenty (M. Gor'kii. Materialy i issledovaniya. Vyp. 7). Moskva, 2005. S. 493-500.
22. Ravdin B. N. Ob avtore "Romana s kokainom" // Ageev M. Roman s kokainom. Moskva:

Soglasie, 1999. S. 292-298.

23. Rubins M. O. Sdelat' byvshee nebyvshim: (anti)utopicheskie romany Vasiliya Yanovskogo // Yanovskii V. S. Portativnoe bessmertie: romany. Moskva: Astrel', 2012. S. 5-31.

24. Rubins M. O. Strannyi pisatel' russkogo zarubezh'ya // Yanovskii V. S. Lyubov' vtoraya: Izbrannaya proza. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. S. 5-48.

25. Serkov A. I. "Sorbonnisty" i "arkhivisty", ili Eshche raz ob avtorstve "Romana s kokainom" // Ageev M. Roman s kokainom. Moskva: Soglasie, 1999. S. 299-311.

26. Sigal K. Ya. Sintaksis i rechevedenie. Moskva; Yaroslavl': Kantsler, 2023. 194 s. ISBN 978-5-907590-36-6. EDN: DQPGBJ.

27. Sineleva A. V. Atributsiya "Romana s kokainom": lingvostatisticheskoe issledovanie: dis. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg: SPbGU, 2001. 330 s. EDN: QDKTAV.

28. Stroev A. F. Zhanr poddel'nykh politicheskikh zaveshchanii: ot Petra I do Stalina // Mistifikatsiya v slavyanskoi kul'ture: poetika i praktiki / otv. red. N. V. Zlydneva. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 2023. S. 217-263. DOI 10.31168/7576-0480-0.13. EDN: BOXHUUH.

29. Struve N. A. Eshche ob avtorstve "Romana s kokainom" / N. A. Struve // Struve N. A. Pravoslavie i kul'tura. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: Russkii put', 2000. S. 461-464.

30. Struve N. A. Roman-zagadka // Struve N. A. Pravoslavie i kul'tura. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: Russkii put', 2000. S. 436-461.

31. Superfin G. G., Sorokina M. Yu. "Tovarishch Levi": Postskriptum // Ageev M. Roman s kokainom. Moskva: Soglasie, 1999. S. 313-317.

32. Superfin G. G., Sorokina M. Yu. Byl takoi pisatel' Ageev... // Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. 16. Moskva; Sankt-Peterburg: Atheneum; Feniks, 2000. S. 265-285.

33. Tolstoi I. Ageev M. // Russkaya literatura XX veka: prozaiki, poety, dramaturgi: v 3-kh t. / pod red. N. N. Skatova. Moskva: OLMA-Press Invest, 2005. T. 1. S. 13-15.

34. Urban T. "Roman s kokainom" protokol poiska sledov // Urban T. Nabokov v Berline. Moskva: Agraf, 2004. S. 152-177.

35. Tselkova L. N. Ageev M. // Russkie pisateli 20 veka: Biograficheskii slovar' / gl. red. i sost. P. A. Nikolaev. Moskva: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2000. S. 911.

36. Shekhovtsova O. N. Iстория одног критического батальи вокруг Владимира Набокова и ее преоломление в его художественных произведениях // Vestnik Moskovskogo universiteta. Серия 10: Zhurnalistika. 2005. № 1. S. 112-120. EDN: JXDHEX.

37. Yanovskii V. S. Lyubov' vtoraya: Izbrannaya proza. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 608 s. ISBN 978-5-4448-0164-2.

38. Yanovskii V. S. Mir: roman. Berlin: Parabola, 1931. 285 s. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://vtoraya-literatura.com/publ-699> (data obrashcheniya 21.07.2025).

39. Yanovskii V. S. Polya eliseiskie. Moskva: AST, 2012. 480 s. ISBN 978-5-271-37337-4.

40. Yanovskii V. S. Portativnoe bessmertie: romany. Moskva: Astrel', 2012. 604 s. ISBN 978-5-271-44152-3.

The indefinite article in Spanish phraseology: a functional-stylistic analysis

Postgraduate student; Department of Foreign Languages; Herzen Russian State Pedagogical University

194354, Russia, St. Petersburg, Vyborg district, Siqueiros St., 12 letter B

✉ vovkluch@yandex.ru

Abstract. This study examines the functioning of the Spanish indefinite article (un, una, unos, unas) within phraseological units as a grammatical device of determination that provides referential characterization of nouns and events. The research focuses on how the choice of article form relates to the parameters of individualization (reference to a concrete instance), particularization (one of many), typification (establishing a model for comparison), and the representation of processual meaning as a single event in verb-noun constructions. Special attention is given to idiomatic patterns where the article marks minimal quantity (ni un...) or distribution of a set (unos... otros...), with comparisons to cases where the forms function as a numeral or an indefinite pronoun.

The methodology combines a functional-stylistic approach in line with Guillaume's psychomechanics, corpus analysis (CORDE/CREA), distributional-contextual study of fixed models, diagnostic tests of form status and lexicographic verification.

The novelty of the study lies in interpreting the indefinite article as a means of referential characterization in phraseological models. It is shown that the forms un, una, unos, unas define the parameters of individualization, particularization, typification, the presentation of events as single, and the indication of minimal quantity and distribution. A working classification is proposed (predicative-evaluative, comparative, verb-noun, and negative-distributive constructions), together with a set of diagnostic tests for determining form status. The findings clarify the conditions under which these forms function as an article, a numeral, or an indefinite pronoun, refining the traditional view of complete grammaticalization in phraseology. Results demonstrate that the article systematically regulates the degree of generality versus specificity and the intensity of evaluative meaning, with contrasts shifting the interpretation from general to individualized and from neutral to emphatically evaluative. The conclusions have practical value for lexicographic description of idioms and translation, ensuring accurate equivalence and preservation of stylistic effect.

Keywords: verb-noun constructions, typification, particularization, individualization, referential characterization, determination, Spanish phraseology, predicative-evaluative constructions, indefinite article, negative-distributive constructions

References (transliterated)

1. Klyuchevskii V. M. Iстория изучения неопределенного артикля в испанской грамматике // Филология: научные исследования. 2025. № 6. С. 55-68. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.75012 EDN: KSRZXH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75012
2. Kashkin V. B. Funktsional'naya tipologiya (neopredelennyi artikl'). – Voronezh: VGTU, 2001. – S. 255. EDN: QCPMNL.
3. Yakovleva E. V. Mekhanizm referentsii. Tendentsii izucheniya // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya. – 2010. – № 18 (89).
4. Giom G. Printsipy teoreticheskoi lingvistiki / per. s fr.; obshch. red. L.M. Skrelinoi. – M.: Progress, 1992. – S. 224.
5. Skrelina L. M. Shkola Giom: psikhosistematika. – M.: Vysshaya shkola, 2009. – S.

425. EDN: QUDVHH.

6. Pozas-Loio Kh. El artículo indefinido: origen y gramaticalización. – México: El Colegio de México (Centro de Estudios Lingüísticos y Literarios), 2016. – P. 304.
7. Alarkos L'orak E. Gramática de la lengua española. – Madrid: Espasa-Calpe, 1994. – P. 583.
8. Popova, N. I. Grammatika istorijskogo yazyka: uchebnik dlya vuzov. – M.: Filologiya, 2019. – S. 480.
9. Korolevskaya akademiya istorijskogo yazyka (RAE); Assotsiatsiya akademii istorijskogo yazyka (ASALE). Novaya grammatika istorijskogo yazyka. – Madrid: Espasa, 2009. – 2 t.
10. Levintova E. I., Vol'f E. M., Movshovich N. A., Budnitskaya I. A. Ispansko-russkii frazeologicheskii slovar'. – M.: Russkii yazyk, 1985. – S. 1080.
11. Pawlik, J. Determinación nominal y adjetivos identificadores en el español peninsular: datos del CORPES XXI // Roczniki Humanistyczne. – 2023. – T. 71, № 5. – P. 131-148.
12. Filippova V. A. 1500 russkikh i 1500 istorijskikh idiom, frazeologizmov i ustochiviykh slovosochetanii. – M.: Zhivoi yazyk, 2012. – S. 192.
13. Popova, V. B. "Dikhotosiya "variativnoe/tipichnoe" kak deikticheskii potentsial neopredelennogo artiklya" // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. 2021. № 3. S. 21-29.
14. Khokins Dzh. A. Definiteness and Indefiniteness: A Study in Reference and Grammaticality Prediction. – L.: Croom Helm, 1978. – P. 316.
15. Korpas Pastor G. Manual de fraseología española. – Madrid: Gredos, 1996. – P. 376.
16. Givon T. Syntax: A Functional-Typological Introduction. Vol. I. – Amsterdam: John Benjamins, 1984. – P. 408.
17. Skrelina L. M., Stanovaya L. A. Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka. Ch. 1. – SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2012. – S. 386. EDN: RYWCNL.
18. Afanas'eva, A. A. Mezhdometnye frazeologicheskie edinitsy istorijskogo yazyka: otsenochnaya semantika i ekspressiya // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. – 2024. – T. 10, № 1. – S. 20-32. EDN: NPODLU.
19. García Fajardo, J. Los determinantes indefinidos plurales del español con lecturas colectivas // Anuario de Letras. Lingüística y Filología. – 2025. – T. 13, № 1. – P. 5-26.
20. Tieperman, R.; Regan, B. Definite article with proper names in Chilean Spanish: a variationist corpus study // Isogloss. – 2023. – T. 9, № 1. – P. 1-27.
21. Pato, E. Formas ningunos/ningunas en la historia y el español actual // Diálogo de la Lengua. – 2024. – № 16. – P. 1-17.
22. Gulevets, N. A.; Nekrasova, M. Yu. Pole "um – glupost'/bezumie" v istorijskoi frazeologii: strukturno-semanticheskie modeli // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2024. – T. 17, № 4. – C. 1175-1186.
23. Yurina Yu. A. Artikl' kak sredstvo determinatsii // Fundamental'nye issledovaniya. – 2006. – № 8. – S. 75-78. EDN: IPVJHJ.

Buryat genealogical nickname-formulas

Debenova Zinaida Antsiferovna

Junior Researcher; Laboratory 'Center for Translations from Oriental Languages'; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

670004, Russia, Rep. Buryatia, Ulan-Ude, Sovetsky district, Khrustalnaya str., 6, sq. 6

 debenova@gmail.com

Senior Researcher; Center for Oriental Manuscripts and Xylographs; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS. Senior Lecturer; Faculty of Oriental Studies, Department of Philology of Central Asia; Buryat State University named after Dorzhii Banzarov

670000, Russia, Rep. 24a Smolina Street, Sovetsky district, Ulan-Ude, Buryatia

✉ dardash3@gmail.com

Abstract. Nicknames-formulas represent a little-studied layer of Buryat folklore and function as stable verbal formulas that establish the characteristics of particular ethnic groups based on various traits. This study focuses on genealogical nicknames-formulas—expressions closely linked to legends about the origin of Buryat tribes and clans. Their content reflects key motifs of the narrative genealogical tradition, such as miraculous births, foreign origins, and migration. The structure of genealogical proverbs is characterized by strict grammatical organization, based on repetitive syntactic patterns, as well as active use of phonetic techniques (alliteration and assonance), which give them formulaic stability and facilitate the oral reproduction of traditions. The research aims to identify the structural and semantic features of the examined formulas, determine their functions as carriers of collective memory and means of fixing ethnic identity, and analyze the specifics of their existence in narrative, ritual, and genealogical contexts. The methodological basis of the study relies on an interdisciplinary approach that combines principles of folklore studies, linguistic analysis, and memory research. Comparative-typological and structural-semiotic methods are employed to identify stable grammatical patterns and functional characteristics of the formulas. This comprehensive approach allows for their interpretation as mnemonic formulas of collective memory that ensure the preservation and transmission of ethnocultural information. The scientific novelty of the research lies in the complex description of Buryat genealogical proverbs within the context of memory studies. It is demonstrated that these formulas are not only an element of artistic folklore but also a significant mechanism for preserving and transmitting ethnic identity. It has been established that they possess a grammatical structure based on repetitive patterns, demonstrate intertextual connections with origin legends, and perform a distinct mnemonic function. The results obtained allow genealogical formulas to be regarded as a key component of oral tradition, linking genealogical plots with the narrative practices of ethnic groups. The findings of the study can be applied in future research in folklore studies, ethnology, cultural anthropology, as well as in projects aimed at preserving intangible cultural heritage.

Keywords: structural-semiotic analysis, narrative practices, mnemonic formulas, memory studies, collective memory, ethnic identity, nickname formulas, oral tradition, genealogical formulas, Buryat folklore

References (transliterated)

1. Dampilova L. S. Bazovye etnicheskie modeli v formul'nykh vyrazheniyakh buryat // Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri. 2024. № 2 (vyp. 50). S. 100-108. DOI: 10.25205/2312-6337-2024-2-100-108. EDN: KNUFVK.
2. Sodnompilova M. M. Etnoterritorial'nye gruppy buryat v brachnykh predpochteniyakh: obraz "drugogo" // Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN. 2018. № 2 (36). S. 79-87. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-36-2-79-87. EDN: XYKGZF.
3. Sadalova T. M. Fol'klornye interpretatsii temy altaiskikh rodov: zhanrovaya klassifikatsiya, tematika syuzhetov // Izvestiya UFITs RAN Seriya: Istorya. Filologiya.

Kul'tura. 2025. T. 2, № 1. S. 59-66. DOI: 10.31833/sifk/2025.2.1.07. EDN: PIPTVK.

4. Basangova T. G. Prozvishchnyi fol'klor kalmykov // Novye issledovaniya Tuvy. 2012. № 3. S. 101-109. EDN: PIQNMP.
5. Vorontsova Yu. B. Slovar' kollektivnykh prozvishch. M.: Astpress kniga, 2011. 448 s.
6. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda. M., 1957. 992 s.
7. Kartasheva I. Yu. Prozvishcha-prislov'ya v russkom fol'klore // Fol'klor Urala. Sverdlovsk: Ural. gos. un-t, 1984. Vyp. 8: Sovremennyi fol'klor starykh zavodov. S. 140-153.
8. Baldaev S. P. Rodoslovnye predaniya i legendy buryat / otv. red. A. I. Ulanov. Ch. I. 2-e izd. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009. 376 s. EDN: QPOQAN.
9. Khangalov M. N. Sobranie sochinenii: v 3 t. T. III / pod red. G. N. Rumyantseva. Ulan-Ude: OAO "Respublikanskaya tipografiya", 2004. 312 s.
10. Dameev D. D. Rodoslovnaya Sharanutskogo roda // Buryatovedcheskii sbornik. 1927. № III-IV. S. 57-58.
11. Ong, W. J. Orality and Literacy. New York; London: Routledge, 2002. 204 p.
12. Vansina, J. Oral Tradition: A Study in Historical Methodology. Chicago: Aldine, 2006. 226 p.

News internet meme as a form of compressed media text

Scherbak Tat'yana Igorevna

Postgraduate student; Department of English (primary); Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

14 Bolshaya Sadovaya str., Moscow, 123001, Russia

 sherbak91@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the phenomenon of news internet memes as an innovative form of media communication in the context of the digital transformation of the modern information space. The subject of the study is the linguistic, semiotic, and pragmatic aspects of language compression in Internet news memes, which are considered a hybrid form of media text that combines the informational function of traditional journalism with the playful mechanisms of Internet culture. The aim of the work is to describe the specifics of linguistic compression in news internet memes as a form of compressed media text and to identify the patterns of their functioning in the digital media space. Language compression in news memes enables the creation of semantically rich texts of minimal length that meet the requirements of modern digital communication, while decoding the compressed meaning requires background knowledge and cultural competence from recipients. The study uses methods of structural-semantic analysis, content analysis, and pragmatic analysis. The material consists of 100 news internet memes posted on the English-language social network Reddit and devoted to current socio-political events. The study identified the main types of news memes (graphic, video, and text memes) and determined the key means of linguistic compression operating at the morphological, lexical, syntactic, and semantic levels: abbreviations and acronyms of the Internet environment, compressed lexical units, intentional spelling errors, elliptical constructions, linguistic play with phraseological units, allusions to precedent phenomena. Language compression leads to a partial implication of the meaning of memes, the understanding of which requires background knowledge and reference to precedent phenomena in the linguistic and cultural community. The results of the study can be applied in the fields of media linguistics, mass communication theory, the study of Internet

discourse, and digital journalism. The study shows that linguistic compression in news memes allows for the creation of semantically rich texts of minimal length that meet the requirements of modern digital communication, while decoding the compressed meaning requires background knowledge and cultural competence from the recipients.

Keywords: media linguistics, language play, digital communication, precedent phenomena, semantic compression, linguistic compression, meme, news meme, mediadiscourse, mediateext

References (transliterated)

1. Li S. Issledovanie sliyaniya i konflikta yazykov internet-memov i traditsionnogo novostnogo diskursa // Chelovek. Sotsium. Obshchestvo. 2025. № S9. S. 154-159. EDN: GHTUND.
2. Ryzhkov K.L. Internet-memy kak novoe sotsial'no-kul'turnoe yavlenie // Chelovek i kul'tura. 2021. № 4. S. 143-150. DOI: 10.25136/2409-8744.2021.4.36432 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36432
3. Rodríguez-Ferrández R., Sánchez-Olmos C., Hidalgo-Marí T. For the sake of sharing: Fake news as memes // Information disorder. Routledge, 2023. P. 46-68.
4. Kanashina S. V. Angloyazychnyi internet-mem v sovremennom kommunikativnom prostranstve. Moskva: Obshchestvo s ogranicennoi otvetstvennost'yu "Rusains", 2023. 160 s. EDN: IGEFQC.
5. Peters C., Allan S. Weaponizing memes: The journalistic mediation of visual politicization // Digital Journalism. 2022. Vol. 10. № 2. P. 217-229. DOI: 10.1080/21670811.2021.1903958. EDN: CNLKAS.
6. Vergara A. et al. The mechanisms of "incidental news consumption": An eye tracking study of news interaction on Facebook // Digital Journalism in Latin America. Routledge, 2023. P. 86-105.
7. Srikandi M. B. et al. From Joke To Journalism: The Evolution Of Memes In Mass Communication // al-Balagh: Jurnal Dakwah dan Komunikasi. 2024. Vol. 9. № 2. P. 191-230.
8. Golubeva A. R., Semilet T. A. Mem kak fenomen kul'tury // Kul'tura i tekst. 2017. № 3 (30). S. 193-205. EDN: ZOFQQD.
9. Hagedoorn B., Costa E., Esteve-del-Valle M. Photographs, visual memes, and viral videos: Visual phatic news sharing on WhatsApp during the COVID-19 Pandemic in Spain, Italy, and The Netherlands // Digital Journalism. 2024. Vol. 12. № 5. P. 656-679.
10. Kotova V. S. Optyt sozdaniya memov pri pomoshchi neiroseti Me In Comics (different Dimension Me) // Mediasreda. 2023. № 1. S. 53-60. DOI: 10.47475/2070-0717-2023-10111. EDN: OMIQRW.
11. Petrova V. A., Stepanova S. E. Memy kak novyi sposob peredachi informatsii i privlecheniya vnimaniya chitatelei k novostnomu kontentu // Novye vyzovy obshchestvennogo razvitiya: regional'nyi aspekt: Sbornik nauchnykh statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Cheboksary, 27 marta 2025 goda. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. I. Ya. Yakovleva, 2025. S. 221-227. EDN: XQXTBG.
12. Mihăilescu M. G. Never Mess With the "Memers": How Meme Creators Are Redefining Contemporary Politics // Social Media+ Society. 2024. Vol. 10. № 4.
13. Xie L. et al. Visual memes in social media: tracking real-world news in youtube videos

// Proceedings of the 19th ACM international conference on Multimedia. 2011. P. 53-62.

14. Shcherbak T. I. Mekhanizmy yazykovoi kompressii v novostnykh tekstakh v seti internet // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2019. № 5. S. 198-208. EDN: RDAFTW.

15. Gailit M. V., Utsiev A. A. Slovoobrazovanie i neologizmy v angloyazychnoi yazykovoi srede sotsial'nykh setei // Global'nyi nauchnyi potentsial. 2025. № 3-1(168). S. 188-190. EDN: CZGILI.

16. Di Marco N. et al. Patterns of linguistic simplification on social media platforms over time // Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A. 2024. № 121 (50).

17. Shiryaeva T. A., Avakova M. L. Leksicheskie osobennosti antiyazyka v angloyazychnom al'ternativnom rechevom povedenii (na materiale internet-memov) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2019. № 2. S. 137-143. DOI: 10.29025/2079-6021-2019-2-137-143. EDN: ZXW MYJ.

18. Cannizzaro S. Internet memes as internet signs: A semiotic view of digital culture // Sign Systems Studies. 2016. № 44 (4). S. 562.

19. Lupanova E. V., Shcherbak T. I. Frazeologiya kak sredstvo yazykovoi kompressii v sovremenном mediadiskurse // Vestnik Moskovskogo informatsionno-tehnologicheskogo universiteta-Moskovskogo arkhitekturno-stroitel'nogo instituta. 2022. № 3. S. 47-51. DOI: 10.52470/2619046X_2022_3_47. EDN: PKGPTH.

20. Gridina T. A. Yazykovaya igra v khudozhestvennom tekste. Ekaterinburg: UrGPU, 2008. 165 s. EDN: QUTBDD.

21. Kanashina S. V. Kognitivnyi mekhanizm kompressii v internet-memakh // Filologicheskie nauki v MGIMO. 2015. № 1 (1). S. 30-39. EDN: VCVAGT.

22. Lukh'enbrurs D. Diskursivnyi analiz i skhematiceskaya struktura // Voprosy yazykoznaniya. 1996. № 2. S. 141-155.

23. Kanashina S. V. Lingvokreativnye transformatsii pretdedentnykh imen v angloyazychnykh internet-memakh // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Iстoriya i filologiya. 2024. T. 34, № 4. S. 829-836. DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-4-829-836. EDN: CIKQZN.

Functional features of phytonyms in English linguoculture

Leonovich Evgeniya Olegovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Theory and Practice of Translation; Pyatigorsk State University

357532, Russia, Stavropol Territory, Pyatigorsk, Panagyurishte str., 6, sq. 103

 Leonovitch2003@yahoo.com

Lyashenko Igor' Vladimirovich

PhD in Philology

Associate Professor, Department of English Philology and Cross-cultural Communication, Belgorod State National Research University,

308004, Russia, Belgorod region, Belgorod, Yesenina str., 8, sq. 91

 rattle-snake@mail.ru

Drygina Yuliya Anatol'evna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of English Philology and Intercultural Communication; Belgorod State National Research University

Abstract. The object of this study is phytonyms in British linguoculture. Phytonyms in this work mean all names of plants and their parts. When classifying phytonyms, the authors rely on a naive picture of the world and divide phytonyms into dendronyms (names of trees and bushes), floronyms (names of flowers) and herbonyms (names of herbs). The subject of the study is the peculiarities of the functioning of phytonyms. Since phytonyms cover a significant layer of vocabulary, the authors consider phytonyms in detail in a number of semantic areas – in anthroponyms and toponyms, heraldry, names of holidays, idioms. The purpose of this study is to consider the problem of using phytonymic vocabulary and the peculiarities of the existence of forms of its representation in the above-mentioned spheres of folk culture of the English-speaking community of Britain from the standpoint of everyday linguistics. The work uses a comprehensive methodology based on the methods of history, cultural studies and linguistics, including a systematic approach, a semiotic approach and an anthropological approach. The novelty of the research is determined, first of all, by the consideration of phytonyms in a number of areas of British linguistic culture from the standpoint of everyday linguistics. It complements the linguistic picture of the world, the modeling of which is gaining popularity in modern language science. In linguistics of recent decades, there has been an obvious trend towards shifting the emphasis to everyday life and everyday human consciousness. Phytonyms have previously been widely studied, but within the framework of other linguistic paradigms. As a result of the study, the functional features of phytonyms in anthroponyms and toponyms, heraldry, holiday names, idioms were considered, which allowed us to draw the following conclusions. The main function of phytonyms is nominative, which is complemented and clarified by characterizing, symbolic, evaluative, cognitive and expressive. In anthroponyms and toponyms, phytonyms have a characterizing function; in heraldry, phytonyms, in addition to nominative, perform a symbolic function. In idioms and proverbs, phytonyms implement characterizing, evaluative functions, as well as cognitive ones related to the accumulation, preservation and transmission of information.

Keywords: toponym, onomastics, linguocultural studies, Linguistics of everyday life, dendronym, heraldry, British linguoculture, anthroponym, phytonym, floronym

References (transliterated)

1. Anan'eva N.E. Fitonomiy i nekotorye mikrotoponimy okrestnosti Vidz // Isledovaniya po slavyanskoi dialektologii. Vypusk 23. Pamyati Lyudmily Eduardovny Kalnyn', Moskva. Institut slavyanovedeniya RAN 2021. S. 115-120.
2. Smirnov A. V. Kontseptualizatsiya povsednevnosti: istoricheskii i metodologicheskii aspekty: dissertatsiya ... doktora filosofskikh nauk: 24.00.01 Sankt-Peterburg, 2013. 365 s.
3. Berger P. Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znanija. Moskva: Mosk. filos. fond, 1995. 322 s.
4. Knabe G. S. Drevnii Rim-istoriya i povsednevnost': Ocherki. Moskva: Iskusstvo, 1986. 206 s.
5. Glagoleva E. V. Povsednevnaya zhizn' evropeiskikh studentov ot Srednevekov'ya do epokhi Prosvetshcheniya. Moskva: Molodaya gvardiya, 2014. 318 s.
6. Tulina E. V., Koz'ko N. A. Lingvistika povsednevnosti skvoz' prizmu pretdentnosti //

Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 3 (45): v 3-kh ch. Ch. II. C. 196-199.

7. Koz'ko N. A., Tulina E. V. Lingvokul'turnyi analiz sostavlyayushchikh lingvistiki povsednevnosti; M-vo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii, FGBOU VPO "Magnitogorskii gos. un-t". Magnitogorsk : Izd-vo Magnitogorskogo gos. un-ta, 2011. 190 s.
8. Chulkina N. L. Mir povsednevnosti v yazykovom soznanii russkikh: lingvokul'turologicheskoe opisanie. Moskva: Izd-vo Ros. un-ta druzhby narodov, 2004. 256 s.
9. Kolmogorova A. V. Argumentatsiya v rechevoi povsednevnosti. Moskva: Flinta: Nauka, 2009. 148 s.
10. Zavalishina Yu. G. Zoonimy i fitonimy v russkoi i angliiskoi paremiologii v aspekte etnicheskogo mentaliteta: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01. Kursk, 1998. 220 s.
11. Sivakova N. A. Leksikograficheskoe opisanie angliiskikh i russkikh fitonimov v elektronnom glossarii: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.21. Tyumen', 2004. 165 s.
12. Israfilova D. Sh. Kontsept "Tree/derevo/Agach" kak sredstvo vyrazheniya yazykovoi deistvitel'nosti v angliiskom, russkom i tatarskom yazykakh: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.20. Kazan', 2012. 157 s.
13. Dement'eva A. G. Kognitivnye osnovy formirovaniya perenosnykh znachenii fitonimov: na materiale angliiskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02. Tambov, 2012. 185 s.
14. Kotova N. S. Lingvokul'turologicheskii analiz kontseptosfery «tsvety»: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19 Chelyabinsk, 2007. 168 s.
15. The Oxford Dictionary of Phrase and Fable. Edited by Elizabeth Knowles. Oxford University Press. 2016. 816 p.
16. Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (Accessed 23 November 2023)
17. Collins Dictionary URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (Accessed 23 November 2023) ColD
18. DICTIONARY.COM URL: <https://www.dictionary.com/> DICT (Accessed 23 November 2023)
19. Longman Dictionary of Contemporary English Online URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/LDOCE> (Accessed 23 November 2023)
20. Macmillan Dictionary URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/> (Accessed 23 November 2023) MD
21. Merriam Webster URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (accessed 23 November 2023) MW
22. Oxford Learner's Dictionaries URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (Accessed 23 November 2023) OLD
23. Urban Dictionary URL: <https://www.urbandictionary.com/> (Accessed 23 November 2023) UD
24. Kunin A. V. Bol'shoi anglo-russkii frazeologicheskii slovar' = Comprehensive English-Russian Phraseological Dictionary: okolo 20 000 frazeologicheskikh edinits. 5-e izd., ster. Moskva: Prosveshchenie, 2021. 1210 s.

25. Top Names Over the Last 100 Years / Social Security. An official website of the United States government. <https://www.ssa.gov/oact/babynames/decades/century.html> (accessed 18 October 2023)
26. Most Popular Baby Names. Cosmopolitan. <https://www.cosmopolitan.com/uk/body/a26971152/most-popular-baby-names/> (accessed 18 October 2023)
27. Chaucer. The legend of good women / Edited by the Rev. Walter W. Skeat. Clarendon Press, 1889. 229 p. (Clarendon Press Series). <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004487748?page=28&rotate=0&theme=white> (accessed 18 October 2023)
28. Juniper. Baby name DNA. <https://nameberry.com/babyname/juniper> (accessed 11 June 2023)
29. Floral Emblems of Australia. Australian national herbarium <https://www.anbg.gov.au/emblems/> (accessed 18 October 2023)
30. What is My State Flower? Teleflora. <https://www.teleflora.com/floral-facts/what-is-my-state-flower> (accessed 11 June 2023)
31. Floral Emblems in Canada. Botanica. <https://www.botanicadirect.com/en/flower-facts/floral-emblems-in-canada/index.html> (accessed 18 October 2023)
32. Daffodillies yellow / Daffodilly down came to town <https://www.youtube.com/watch?v=4jNiEQjW6Yk> (accessed 11 June 2023)
33. Find Out the Special Meanings Behind 17 Traditional Christmas Symbols, Including Bells, Holly, Ornaments and More! Parade. <https://parade.com/living/christmas-symbols-meaning> (accessed 18 October 2023)
34. Royal Oak Day. Out & About ... <http://www.fhithich.uk/?p=23071> (accessed 11 June 2023)
35. Oranges And Lemons Day March 21, 2024. National Today. <https://nationaltoday.com/oranges-and-lemons-day/> (accessed 18 October 2023)
36. Alchin, L. K. The Secret History of Nursery Rhymes: Colour Edition. Nielsen 2013 96 p.
37. The Ceremony of the Lilies & Roses at the Tower of London. Spitalfields Life <https://spitalfieldslife.com/2011/05/24/the-ceremony-of-the-lilies-the-roses-at-the-tower-of-london/> (accessed 18 October 2023)
38. Makkrei D. V polyakh Flandrii. Sankt-Peterburg: Skifiya, 2016. 88 s.
39. Flower Meanings: The Language of Flowers. Almanac. Yankee Publishing, Inc. <https://www.almanac.com/flower-meanings-language-flowers> (accessed 11 June 2023)
40. Smit L. P. Frazeologiya angliiskogo yazyka. Moskva: Uchpedgiz, 1959. 208 s.

American English and its position in the world in the context of American linguistic imperialism

Atak'yan Gayane Samvelovna

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Philology at the Anapa Branch of Moscow State Pedagogical University

353440, Russia, Krasnodar Territory, Anapa district, Anapa, Astrakhan str., 88

✉ ms.atakyan-gayana@mail.ru

Nescheretova Tamara Teuchezhevna

PhD in Philology

Associate Professor, Head of the Department of Arabic and Second Foreign Languages at Adyghe State University

208 Pervomayskaya str., Maykop, Republic of Adygea, 385000, Russia

✉ neschet@bk.ru

Chalabaeva Lyudmila Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor at the Branch of the Russian State Social University in Anapa

261 Turgenev Street, Anapa, Anapa, 353440, Russia, Krasnodar Territory

✉ cha-ludmila@yandex.ru

Abstract. The present article is devoted to a comprehensive analysis of the position of American-English language in the global international context, with a focus on the linguistic imperialism policy of the United States. The work examines historical and contemporary aspects of the spread of American-English as a global means of communication, as well as its influence on other languages and cultures. Special attention is given to the strategies employed by the U.S. to promote its linguistic and cultural influence, including educational policy, media, and international relations. The research draws on methods of sociolinguistics and a theoretical-methodological foundation, represented not only by the classical works of R. Phillipson and M.A. Marusenko, but also by numerous scientific developments carried out by Russian researchers within the framework of the Petersburg school of studying the linguistic dimension of world politics (V.S. Yagya, N.V. Kovalevskaya, Y.N. Shevchenko), which allows for a comparatively in-depth analysis of the processes related to the spread of American-English globally. The article also considers the consequences of this process for linguistic diversity and the cultural sovereignty of other countries. It explores issues of resistance and adaptation to linguistic imperialism and proposes approaches to preserving linguistic and cultural pluralism in the context of global interaction. The authors conclude that the consistent implementation of multiculturalism policies can not only distract energy from addressing the most pressing social problems related to racism and class inequality but also hinders ethnolinguistic minorities from realizing the real root causes of their plight. The work emphasizes the importance of reflecting on the policy of linguistic imperialism in the context of contemporary political-linguistic relations between nations in the struggle for power and peace.

Keywords: glottopolitics, political sociology of language, macrolinguopolitical science, multiculturalism, hegemony of the English language, cultural and linguistic globalization, Robert Phillipson, linguistic imperialism, American English, geopolitics of language

References (transliterated)

1. Gutorov V. A. Evropeiskii soyuz na lingvopoliticheskem perekrestke: sovremennye kollizii i dilemmy // Politicheskaya nauka. 2017. № 2. S. 200-214. EDN ZAFKYF.
2. Marusenko M. A. Evolyutsiya mirovoi sistemy yazykov v epokhu postmodernizma: yazykovye posledstviya globalizatsii. M.: VKN, 2015. 494 s. ISBN 978-5-9906061-5-9. EDN YKUHCP.
3. Marusenko M. A., Marusenko N. M. Angliiskii yazyk v ES: do i posle Breksita // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2024. T. 21, № 4. S. 641-657. DOI 10.22363/2618-897X-2024-21-4-641-657. EDN DEW VEG.
4. Marusenko M. A., Marusenko N. M. Institutsiyalizatsiya gegemonii angliiskogo yazyka

v SShA // SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. 2024. № 4. S. 35-51. DOI 10.31857/S2686673024040032. EDN SBOFWL.

5. Marusenko M. A., Marusenko N. M. Kanadskaya yazykovaya ideologiya kak ona otrazhena v perepisyakh naseleniya: luchshaya al'ternativa amerikanskim perepisym // SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. 2019. T. 49, № 7. S. 62-77. DOI 10.31857/S032120680005616-1. EDN IKQYYD.
6. Marusenko M. A., Marusenko N. M. Obrazovatel'naya yazykovaya politika v sovremenном mire: v 2 tomakh. M.: Nauchno-izdatel'skii tsentr INFRA-M, 2024. 387 s. ISBN 978-5-16-018263-6. DOI 10.12737/1946228. EDN YJWTF.
7. Marusenko M. A., Marusenko N. M. Svyaz' rasovoi identichnosti i yazyka v amerikanskoi ideologii // SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. 2021. № 12. S. 61-75. DOI 10.31857/S268667300017541-5. EDN IWKSMJ.
8. Marusenko M. A., Marusenko N. M. Yazykovye ideologii i amerikanskii yazykovoi imperializm: monogr. M.: Nauchno-izdatel'skii tsentr Infra-M, 2025. 240 s. ISBN 978-5-16-020391-1. DOI 10.12737/2171043. EDN JRKIQY.
9. Fillipson R. Vvedenie v kontseptsiyu yazykovogo imperializma // Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. 2021. № 4(450). S. 143-151. DOI 10.47475/1994-2796-2021-10420. EDN XSNLCE.
10. Khilkhanova E. V. Novye tendentsii po otnosheniyu k mnogoyazychiyu i minoritarnym yazykam v global'nom masshtabe // Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2020. T. 19, № 4. S. 64-75. DOI 10.15688/jvolsu2.2020.4.6. EDN RQIZTC.
11. Shevchenko Ya. N. Vneshnyaya yazykovaya politika Rossii v usloviyakh tsifrovizatsii mezhdunarodnykh otnoshenii: institutsional'nyi aspekt // Yazykovoe obrazovanie v menyayushchemsya mire. Krasnodar: Izdatel'skii dom-Yug, 2023. S. 44-46. EDN VEYBPB.
12. Shevchenko Ya. N. Vneshnyaya yazykovaya politika Rossiiskoi Federatsii na sovremenном etape (na primere deyatel'nosti Instituta Pushkina) // Vestnik molodykh uchenykh-mezhdunarodnikov. 2019. № 2(8). S. 117-125. EDN NORBQP.
13. Shevchenko Ya. N. Geopolitika yazyka Zhana Laponsa: ochen' kratkoe vvedenie // Obrazovanie. Nauka. Kul'tura: traditsii i sovremennost'. Krasnodar: Izdatel'skii dom-Yug, 2023. S. 140-143. EDN HFELOK.
14. Shevchenko Ya. N. Zakony Laponsa i vneshnyaya yazykovaya politika Rossii i Yaponii // Mezhkul'turnyi dialog v sovremennom mire. SPb.: Skifiya-print, 2019. S. 124-130. EDN KTEWTQ.
15. Shevchenko Ya. N. Institut Pushkina kak osnovnoi provodnik myagkoi sily Rossiiskoi Federatsii // Obshchestvennaya diplomatiya glazami studenta-mezhdunarodnika. SPb.: Skifiya-print, 2019. S. 78-83. EDN ZBHGYH.
16. Shevchenko Ya. N. Programma "Posly russkogo yazyka v mire" – intellektual'noe volontersstvo v aspekte glottopolitiki // Rossiya v global'nom mire: novye vyzovy i vozmozhnosti. SPb.: Skifiya-print, 2019. S. 248-257. EDN CKPWDI.
17. Shevchenko Ya. N. Programma "Posly russkogo yazyka v mire" i vneshnyaya yazykovaya politika Rossiiskoi Federatsii // Azimut nauchnykh issledovanii: ekonomika i upravlenie. 2019. T. 8, № 1(26). S. 58-61. DOI 10.26140/anie-2019-0801-0010. EDN ZBIYEP.
18. Shevchenko Ya. N., Liberio K. R., Olyanin E. E. Lingvofonii Evrazii v institutsional'nom aspekte: ot Mezhdunarodnoi organizatsii Frankofonii k Mezhdunarodnoi organizatsii po russkomu yazyku // Obrazovanie. Nauka. Kul'tura: traditsii i sovremennost'. Krasnodar:

Izdatel'skii dom-Yug, 2024. S. 138-141. EDN OBEVCT.

19. Yag'ya V. S., Blinova N. V. Angliiskii yazyk kak faktor mirovoi politiki // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psichologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya. 2007. № 4. S. 102-108. EDN IIVJNP.

20. Arakelyan N. P., Shevchenko Ya. N. Russophobia: An Old Ideological Myth in a New Geostrategic Context // Education. Science. Culture: Traditions and Modernity. Krasnodar: Publishing House – South, 2024. P. 159-161. EDN KOTJND.

21. Danilov V. D., Shevchenko Ya. N. Russian Language in the Post-Soviet Space Through the Eyes of Young Researchers from Russia and Kyrgyzstan: Apology for Pragmatism and New Opportunities for the Dialogue of Cultures // International Relations. 2020. No. 3. P. 54-66. DOI 10.7256/2454-0641.2020.3.30020. EDN YJEW SM.

22. Gudalov N. N. How Many Linguistic Turns Has the International Relations Thought Seen? // Science SPbSU 2021. St.-Petersburg: St.-Petersburg State University, 2022. P. 775-776. EDN IACFFR.

23. Gudalov N. Thomas Hobbes and the Linguistic Construction of the International Political Space // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. St.-Petersburg: Springer Nature Switzerland AG, 2023. P. 171-185. EDN MYXJQA.

24. Histoire sociolinguistique des États-Unis. La superpuissance et l'expansion de l'anglais. URL: <http://www.axl.cefam.ulaval.ca/amnord/usa6-8histoire.htm> (accessed: 10.09.2025).

25. Kazakov V. D., Shevchenko Ya. N. Lingvodidactic Prospects of Using American Superhero Comics as a Means of Improving Foreign Language Communicative Competence Among High School Students // Vectors of Education: From Tradition to Innovation. Krasnodar: Publishing House – South, 2023. P. 141-143. EDN EAAODL.

26. Kovalevskaia N. V., Tikhotskaia M. A., Shevchenko Ya. N. "Digital Geopolitics" in the Regional Context: Challenges and Prospects of the European Union on Its Way towards Information Sovereignty // World Politics. 2021. No. 4. P. 52-65. DOI 10.25136/2409-8671.2021.4.36957. EDN FILSXX.

27. Kovalevskaia N. V. Linguistic Dimension of International Relations: Course Syllabus: For international non-degree students. Berlin: Golden Mile GmbH, 2014. 30 p. ISBN 978-3-944611-05-1. EDN ULIPTB.

28. Mukhamadeev D. V., Shevchenko Ya. N. Trade, Economic and Sanctions Wars: An Attempt to Theoretically Differentiate the Ideas in the Context of the International Relations Science // World Politics. 2020. No. 1. P. 12-22. DOI 10.25136/2409-8671.2020.1.29072. EDN NEMOED.

29. Phillipson R. Linguistic Imperialism Continued. New York; London: Routledge, 2009. 289 p. EDN QWEASD.

30. Shevchenko Ya. N. Inventing the "Australian School" in International Relations Theory (Key and Significant Figures) // Education. Science. Culture: Traditions and Modernity. Krasnodar: Publishing House – South, 2024. P. 179-181. EDN KBQMRP.

The Onomastics of Brazil: from the Colonial Period to the Present Day

Rovenskikh Georgii Vital'evich

Postgraduate student; Institute of Foreign Languages; Peoples' Friendship University of Russia
Specialist in educational and methodological work; Institute of Foreign Languages; Peoples' Friendship University of Russia

Abstract. The subject of the study is the evolution of the system of proper names (anthroponyms and toponyms) in Brazil, starting from the colonial period to the present day. Special attention is paid to the formation of the country's onomasticon under the influence of the complex interplay of factors: Portuguese colonization, interaction with indigenous peoples, waves of migration from Europe in the 19th and 20th centuries, and the process of globalization in the contemporary stage. The distinct nature of the Brazilian onomastic tradition is emphasized, reflecting the polyethnic character of the country. The study illustrates how the system of proper names reveals various levels of the historical and cultural heritage of the country. Thus, the subject of the research goes beyond traditional linguistics and encompasses cultural and sociolinguistic aspects, which gives it an interdisciplinary nature and provides understanding of the mechanisms of formation of the system of proper names in Brazil. Research methods include historical-descriptive, comparative-contrasting, and etymological analysis, as well as the analysis of open social media data, which has expanded the empirical basis of the research. As a result, key stages in the formation of Brazilian onomastics have been highlighted: from the first recorded Portuguese toponyms and anthroponyms in the colonial era to contemporary trends related to globalization, migration, and digital technologies. Examples of the influence of migration processes on the anthroponomy of specific regions of the country have also been systematized. Special attention has been given to the influence of indigenous, European, and other ethnocultural components on the formation of the country's onomastic fund. The conclusions of the study indicate that the onomastic system of Brazil has been shaped by multi-layered historical and cultural processes, and contemporary Brazilian onomastics demonstrates an expansion of themes and methods of analysis, including the use of digital resources. The obtained results can be applied in linguistics, ethnography, and cultural studies in the examination of the processes of formation and functioning of proper names.

Keywords: Portuguese language, proper name, migration, anthroponomy, toponymy, Indigenous peoples, colonization, Brazil, onomastics, Brazilians

References (transliterated)

1. Superanskaya A. V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. – M.: LIBROKOM, 2019. – S. 368.
2. Belyaeva M. Yu. Sistema i sistemnost' v onomastike: k postanovke problemy // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2009. – № 2 (70). – S. 15-20.
3. Bugakova N. B. Aspekty izucheniya onomastiki A. Platonova // Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki. – 2021. – № 3 (42). – S. 140-146.
4. Vrublevskaya O. V. Problemy i perspektivy sovremennoi onomastiki: XIX Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Onomastika Povolzh'ya" // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2022. – № 6 (165). – S. 120-125.
5. Garagulya S. I. Antroponimiya v lingvokul'turnom i istoricheskem aspektakh. – Rostov-n/D: Yuzhnyi federal'nyi universitet, 2018. – S. 180.
6. Ermakova M. A., Martynenko Yu. B. Lingvodidakticheskii potentsial antroponimov v inostrannoj auditorii // Prepodavatel' XXI vek. – 2021. – № 4, ch. 2. – S. 112-118.

7. Rylov Yu. A.; Korneva V. V.; Sheminova N. V.; Lopatina K. V.; Varnavskaya E. V. *Sistemnye i diskursivnye svoistva istorijskikh antroponomov* / pod red. Yu. A. Rylova. – M.: Yurait, 2019. – S. 256.
8. Rylov Yu. A. *Imena sobstvennye v evropeiskikh yazykakh. Romanskaya i russkaya antroponomika: kurs lektsii po mezhkul'turnoi kommunikatsii.* – M.: AST; Vostok-Zapad, 2006. – S. 304.
9. Ternovaya L. O. *Onomastika – putevoditel' po mezhdunarodnym svyazyam // Obozrevatel' – Observer.* – 2013. – № 5 (278). – S. 112-119.
10. Tkachenko O. A. *Politicheskaya onomastika // Verba.* – 2022. – № 1. – S. 75-82.
11. Campos Junior, Heitor da Silva. *A variação morfossintática do artigo definido na capital capixaba // Percursos Linguísticos.* – 2012. – Vol. 3, № 7. – P. 93-105.
12. Dick, Maria Vicentina do Amaral. *Toponímia e antropónima no Brasil.* – São Paulo: Coletânea de Estudos, 1992. – P. 210.
13. Amaral, Eduardo Tadeu Roque. *Contribuição para uma tipologia de antropônimos do português brasileiro.* – Curitiba: Editora da UFPR, 2011. – P. 156.
14. Seide, Márcia Sipavicius. *Trends in Onomastic Research in Brazil // Onomástica desde América Latina.* – 2020. – Vol. 1, № 1. – P. 45-62.
15. Seide, Márcia Sipavicius; Amaral, Eduardo Tadeu Roque. *Personal names: an introduction to Brazilian anthroponymy.* – Curitiba: Appris Editora, 2022. – P. 142.

Deepfake as one of the main information threats of the 21st century

Nerents Daria Valer'evna

PhD in Philology

Associate professor, Department of Journalism, Russian State University for the Humanities

125993, Russia, Moscow, Musskaya ploshchad', 6, aud. 525

 ya.newlevel@yandex.ru

Abstract. Artificial intelligence (AI) is a tool that can provide a multitude of opportunities for those who can use it effectively. However, as always with global changes in society, there is a downside—the technology is learned not only for good but also for implementing personal plans and ideas that can cause serious harm to both individuals and society as a whole. Deepfake, as a product created by AI, is currently one of the most serious information threats, as it can deceive not only an inexperienced user but also a professional in the IT field. Every day, the media landscape sees more and more high-profile examples of deepfakes that are impossible to distinguish from real audio or video recordings. The aim of this article is to present the characteristic features of deepfake as a digital product, to provide a typology of such publications based on their creation methods and objectives, as well as to describe possible markers for recognizing fakes in the online environment. The research methodology is based on a systematic-structural analysis of the media space, allowing for the typologization of deepfakes, as well as on content analysis, which made it possible to identify the goals and characteristic features of various deepfakes. The study also applies descriptive and generalization methods. The empirical basis consisted of generated content in photo, audio, and video formats that caused a public resonance and were publicly debunked either by the creators themselves, by media outlets, or by vigilant users. The chronological scope of the research is 2020–2025. A total of 69 deepfakes were analyzed. The material was collected through a comprehensive sampling method and included publications mentioned in the media

(on TV channels such as "Channel One," NTV, and "Russia 1," the platform "Smotrim," online publications such as "Lenta.ru" and "Gazeta.ru," and websites of news agencies "RIA Novosti" and TASS). This approach allowed for the formation of an understanding of the themes, goals, and methods of reproducing deepfakes, as well as for identifying the most effective ways to recognize them. These markers are relevant and effective at the current stage, as they allow for the most prompt and effective distinction of generation, which is especially important in the context of the constant improvement of neural network functioning mechanisms.

Keywords: media space, artificial intelligence, fake, journalism, media, informational threat, deepfake, neural network, technology, video

References (transliterated)

1. Batoev V. B., Puchnin A. V. Ispol'zovanie tekhnologii deepfake v prestupnoi deyatel'nosti: problemy protivodeistviya i puti ikh resheniya // Vestnik VI MVD Rossii. 2023. № 1. S. 165-169. EDN: MIUJNO.
2. Galyashina E. I. i dr. Feikovizatsiya kak sredstvo informatsionnoi voiny v internet-media: nauchno-prakticheskoe posobie. M.: Blok-Print, 2023. EDN: NTUNGW.
3. Dobrobaba M. B. Dipfeiki kak ugroza pravam cheloveka // Lex Russica. 2022. № 11 (192). S. 112-119. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119. EDN: XMHEAJ.
4. Il'chenko S. N. Feik-kontrol', ili Novosti, kotorym ne nado verit': kak nas durachat SMI. Rostov n/D: Feniks, 2021.
5. Kolesnikova E. V. Tekhnologiya deepfake v zhurnalisticke // Mir sovremennoykh media: novye vozmozhnosti i perspektivy: sb. nauchnykh trudov / pod obshch. red. D. V. Nerents. M.: Znanie-M, 2022. S. 74-77. EDN: CCYEHV.
6. Lukina Yu. V. Ispol'zovanie dipfeikov v obshchestvenno-politicheskoi zhizni // Russkaya politologiya. 2023. № 2 (27). S. 41-48. EDN: CEXDQA.
7. Manvelov N. V. Ponyatie "feik" v mediakommunikatsiyakh – istoriya i sovremennye podkhody k probleme // Kommunikatsiya – diskurs – diskursivnye praktiki: Sbornik nauchnykh trudov. M.: RANKhIGS, 2023. S. 148-159.
8. Markery feika v mediatekstakh: uchebno-metodicheskoe posobie / I. A. Sternin, A. M. Shesterina, K. I. Gribanova [i dr.]. Voronezh: RITM, 2020.
9. Nerents D. V. Spetsifika primeneniya iskusstvennogo intellekta v sovremennom mediaprostranstve // Litera. 2024. № 8. S. 186-198.
10. Savushkina M. A. Dipfeik kak tsifrovoe oruzhie gibrindnoi voiny // Vestnik OmGU. 2024. № 4. S. 45-54.
11. Falaleev M. A., Situdikova N. A., Nechai E. E. Dipfeik kak fenomen politicheskoi kommunikatsii // Vestnik ZabGU. 2021. № 6. S. 101-106. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-6-101-106. EDN: ZBZRKO.
12. Feiki: kommunikatsiya, smysly, otvetstvennost'. Kollektivnaya monografiya / S. T. Zolyan, N. A. Probst, Zh. R. Sladkevich, G. L. Tul'chinskii; pod red. G. L. Tul'chinskogo. SPb.: Aleteiya, 2021.
13. Kalyan A.K.R. A review on Ethical and Legal Challenges of Deepfake Technology // International Journal Of Scientific Research In Engineering And Management. 2025. No 09 (04). Pr. 1-9.
14. Marconi F. Newsmakers: Artificial Intelligence and the Future of Journalism. NY: Columbia University Press, 2020.
15. Stray J. Making Artificial Intelligence Work for Investigative Journalism // Digital

Journalism. 2019. No 7 (8). Pr. 1076-1097.

16. Tandoc Jr. E., Thomas R., Bishop L. What Is (Fake) News? Analyzing News Values (and More) in Fake Stories // Media and Communication. 2021. Vol. 9. No 1. Pr. 112-123.

17. Waldrop M. News Feature: The genuine problem of fake news // PNAS. 2017. No 114 (48). Rr. 12631-12634.

The system of images in the novel "You have a different name" by Juan Jose Milhas

 Zinnatullina Zul'fiya Rafisovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign Literature; Kazan (Volga Region) Federal University

420025, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Faizi str., 14, sq. 95

 zin-zulya@mail.ru

 Sarsadskikh Anastasiya Andreevna

Master's degree; Department of Foreign Literature; Kazan (Volga Region) Federal University

420025, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya str., 18

 missarsada@mail.ru

Abstract. The subject of the research in this article is the system of images in the novel by the Spanish writer Juan Jose Milhas "You have a different name" (*El desorden de tu nombre*). The novel was written in 1987, in the first decade of the creative career of Juan Jose Milhas. The authors of the article base the analysis of the work of Juan Jose Milhas on the terminology of researcher S.D. Krzhizhanovsky on the theory of heroes-doppelgangers. He calls such characters individuums, repeating and complementing each other. The novel by Juan Jose Milhas depicts several pairs of doppelgangers. The relevance and novelty are due to the growing interest of our compatriots both in Spanish literature in general and the increased attention of literary critics to the innovation of Juan Jose Milhas in the field of studying society from a psychological point of view. The system of images is multifaceted, it includes not only the motif of duality, but also the organization of the space in which the novel takes place, the color palette and the special structure of the novel – metaroman. In the course of the work, historical, literary, sociological and formal methods are used. As a result of the analysis conducted in this article, the following conclusions can be drawn: the twin heroes in Juan Jose Milhas's novel "You have a different name" are considered as an important element in the system of images, they serve to reveal the psychology of the characters more deeply. At the same time, the formed love triangle destroys the personalities of the characters, depriving them of their individuality. The characters do not accidentally suffer from mental disorders, this is a way not to solve problems that arise in life; the home environment of apartments is also an actor who helps to reveal the characters of the characters more fully. The novel is based on ambiguity, uncertainty, a multiple view of reality, and a sense of remoteness from society. The use of the meta-novel genre, a complicated structure, allows the author to reveal the complexity of human relations.

Keywords: psychological portrait, Spanish literature, meta-novel, Doppelganger, image system, Juan José Millás, psychologism, individuum, duality, location

References (transliterated)

1. Valdés M.J. The Invention of Reality: Hispanic Postmodernism // Valdés M.J. // Revista Canadiense de Estudios Hispánicos. 1994. No. 18. Pp. 455-468.
2. Villar R. Patricia M. El posmodernismo en España // Departamento de Literatura Española y Teoría de la Literatura. 2014. Pp. 140-152.
3. Podol'skaya E.E., Popova E.A., Gibrizatsiya zhanrov i stilei v tvorchestve Kh.Kh.Mil'yasa: ot eksperimental'nogo zhanra k «rasstat'e» // Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta. 2020. № 840. S. 271-284.
4. Khoreva L.G. Avtorskii zhanr «rasstat'ya» v tvorchestve Kh.Kh.Mil'yasa: otlichitel'nye priznaki // Avtor – Tekst – Chitatel': teoriya i praktika analiza. Materialy Sed'mykh Mezhdunarodnykh nauchnykh chtenii «Kaluga na literaturnoi karte Rossii». 2020. S. 574-579.
5. Agawu-Kakraba Y., Desire, Psychoanalysis, and Violence: Juan José Millas' «El desorden de tu nombre» // Anales de la literatura española contemporánea. 1999. Vol. 24, No. 1/2. Pp. 17-34.
6. Alberca M. Èste (no) soy yo? Identidad y autoficción // Revista de pensamiento contemporáneo. 2008. No. 25(08). Pp. 88-101.
7. Andrés-Suarez I. Los microrrelatos de Juan José Millás: bienvenidos a Cifralandia // Escritos disconformes: nuevosmodelos de lectura. 2004. Pp. 179-190.
8. Franz Thomas R. Envidia y existencia en Millás y Unamuno // Revista Canadiense de Estudios Hispánicos. 1996. No. 1. Pp. 131-142.
9. Morales-Rivera S. La imaginación desmadrada de Juan José Millas: humor y melancolía en «La soledad era esto» // Revista Hispanica Moderna. 2011. No. 2. Pp. 129-148.
10. Ruben Rojas Yedra Nuevos modos de comportamiento en Juan José Millas: Tecnologías audiovisuales // Literatura y cultura españolas. 2023. No. 21. Pp. 273-305.
11. Khoreva L.G. Vliyanie mediatizatsii lichnosti na narrativnye strategii noveishei literatury // «MEDIAObrazovanie: media kak total'naya povsednevnost'» / Pod obshch. Red. A.A. Morozovoi. Chelyab.: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet; Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2020.
12. Borisova E.A. O soderzhaniii ponyatii «khudozhestvennyi obraz» i «obraznost'» v literaturovedenii i lingvistike // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 35(173). S. 20-26.
13. Novikova E.V. Tipologiya geroev-dvoinikov i strukturnye osobennosti predstavleniya dvoinichestva v proizvedeniyakh E.T.A. Gofmana // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2014. № 1. S. 15-20.
14. Krzhizhanovskii S.D. Filosofema o teatre; Komedirografiya Shekspira / S.D. Krzhizhanovskii Sobranie sochinений: v 5 t.; SPb.: Simpozium, 2006.
15. Komova T.D. Dvoiniki v sisteme personazhei khudozhestvennogo proizvedeniya (na materiale zapadnoevropeiskoi i russkoi literatury XIX v.) / Avtoref. dis. kan. fil. nauk. – M.: 2013. – 24 c.
16. Mil'yas Kh.Kh. U tebya inoe imya / per. s испанского N.Mechtaeva. M.: Inostranka, 2014.
17. Dinershtein P. Motiv dvoinichestva v romane Dafny Dyumor'e «Kozel otpushcheniya» // Filologiya i kul'tura. 2017. № 3(49). S. 133-138.

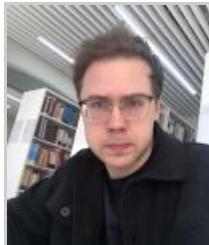
"Manuscriptness" and "draftiness". A critical analysis of concepts in Rozanov studies

Deikun Ilia Dmitrievich

Lecturer, Department of Humanities and Natural Sciences; Moscow Institute of Psychoanalysis
 Postgraduate student, Department of Theoretical and Historical Poetics; Russian State University for the
 Humanities

Office 405, Musskaya pl., 6, Moscow, 125047, Russia

✉ iliariy@mail.ru

Abstract. The subject of the article is two adjacent concepts in Rozenov studies: "handwriting" or "manuscriptness" and "draftness," which are used to denote the peculiarities of the most stylistically distinctive texts of V.V. Rozanov, such as "Solitaria," "Fallen Leaves," "Sakharna," "Fleeting," "The Last Leaves," and "The Apocalypse of Our Time," but to a greater extent the first two. "Handwriting," as stated by V.V. Rozanov himself and developed by A.D. Sinyavsky, was meant to denote not the direct fact of "writing by hand," but the inclination towards medial immediacy in representing the author's creative act, imitating the incompleteness of a rough draft. Hence, in the 1990s, S.R. Fedyakin derived "draftness" as a specification of "handwriting," developing a whole theory of drafts as a medium through which inner speech externalizes. Draftness genetically follows from handwriting but is practically unused outside Rozenov studies. Thus, these concepts are used to explore the specificity of this literary criticism direction. The article employs methodological analysis, which allows for an analysis of the literary-critical approach, including the theoretical object constructed within it. The key premises of the approach are analyzed, and the consistency of theoretical propositions is tested. Elements of the methodology of the history of concepts are also used to conceptualize the genetic following of draftness from handwriting. The novelty of this research lies in the comprehensive description of how the concepts of manuscriptness and draftness function in Russian literary criticism, including their definition, heuristic, and theoretical value. The theoretical prerequisites that necessitate these concepts are elucidated. A sequential comparison of the theoretical meanings of these concepts in Rozenov studies, on the one hand, and in diary studies, poetry studies, and related fields, on the other hand, is conducted. Almost all texts in which these concepts are used are analyzed. It is revealed that handwriting outside of Rozenov studies tends to be literalized, denoting handwritten text that is not a manuscript, while in Rozanov studies it becomes a metaphor and is incorporated into new metalanguages, such as post-structuralism and receptive aesthetics. Draftness, on the other hand, is used in Rozenov studies to denote the author's presence, the paradoxical immediacy of the author's self in the text, but assumes a necessary axiom of the artistic-aesthetic nature of the mentioned works. Outside of Rozenov studies, for example in diary studies, draftness becomes a metaphor.

Keywords: history of concepts, artistic quality, methodology of literary studies, methodological analysis, Rozanov studies, genre, manuscriptness, draft, draftness, V.V. Rozanov

References (transliterated)

1. Rozanov V.V. Sobranie sochinenii. Listva / Pod obshch. red. A.N. Nikolyukina. M.: Respublika, SPb.: Rostok, 2010. – 591 s.
2. Khanzen-Leve O.A. Russkii formalizm: Metodologicheskaya rekonstruktsiya razvitiya na osnove printsipa ostraneniya / Per. s nem. S.A. Romashko. – M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2001. – 672 s.
3. Kurilov V.V. Literaturovedcheskoe terminovedenie. Stephanos. M.: MGU, 2016. № 1 (15). S. 74-79. EDN: VMMZEP

4. Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie*. M.: Progress-Traditsiya, 2003.
5. Kagarlitskii Yu.V., Maslov B.P. *Mezhdu Frege i Fuko: metodologicheskie orientiry istoricheskoi semantiki* // *Ponyatiya, idei, konstruktsii: ocherki sravnitel'noi istoricheskoi semantiki*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. S. 9-39.
6. Sinyavskii A.D. "Opavshie list'ya" V.V. Rozanova. Parizh: "Sintaksis", 1982. 340 s.
7. Kashina N.K. "Rukopisnost'" V. Rozanova i "Voploschchennaya mnozhestvennost'" R. Barta (dialog sovpadenii) // *Kul'tura i tekst*. 2001. № 6. S. 206-212. EDN: PJZEBZ
8. Kashina N.K. O granitsakh i gorizontakh formalizma (k probleme vospriyatiya rozanovskikh tekstov) // *Vestnik KGU*. 2010. № 4. S. 79-84.
9. Il'in I.I. *Intertekstual'nost'* // *Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie (strany Zapadnoi Evropy i SShA): kontseptsii, shkoly, terminy. Entsiklopedicheskii spravochnik*. Moskva: Intrada – INION, 1999. S. 204-210.
10. Blishch N.L. *Avtorskaya maska kak provodnik stilevykh strategii: ot A. Remizova k A. Sinyavskomu (A. Tertsu) / N.L. Blishch* // *Vesnik BDU. Seryya 4: Filologiya. Zhurnalistika. Pedagogika*. – 2012. – № 1. – S. 6-11.
11. Krivolapova E.M. "Bytovoi" i "literaturnyi fakt" v esteticheskem soznanii V.V. Rozanova / E.M. Krivolapova // *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. – 2018. – № 1(28). – S. 51-57. EDN: YPOBPA
12. Maslin M.A. *Pervyi russkii blogger do epokhi Interneta. Eshche raz o rukopisnosti filosofii Vasiliya Rozanova / M.A. Maslin* // *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. – 2017. – T. 18, № 2. – S. 104-112. EDN: YTVOJR
13. Zhitenev A.A. "Kniga poeta" kak "Kniga khudozhnika": "Imago" D. Dmitrieva / A.A. Zhitenev // *Filologicheskii klass*. – 2020. – T. 25, № 2. – S. 192-203. DOI: 10.26170/FK20-02-17 EDN: HDBSNI
14. Edoshina I.A. "Uedinennoe" Vasiliya Rozanova, ili Zhizn' NE kak ona est' / I.A. Edoshina // *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. – 2022. – № 6(129). – S. 167-175. DOI: 10.20323/1813-145X-2022-6-129-167-175 EDN: AHTCZW
15. Smirnova N.N. *Zrimoe i telesnoe kak nevyrazimoe (Fedorov-Tolstoi-Shestov-Rozanov-Shklovskii) / N.N. Smirnova* // *Solov'evskie issledovaniya*. – 2024. – № 2(82). – S. 35-44. DOI: 10.17588/2076-9210.2024.2.035-044 EDN: HMJJYK
16. Gumbrekht Kh.U. *Proizvodstvo prisutstviya: Chego ne mozhet peredat' znachenie* / Pers. s angl. S. Zenkina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 184 s.
17. Fedyakin S.R. *Zhanr "Uedinenного" v russkoi literature KhKh veka: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*: 10.01.01. – Moskva, 1995, 177 s.
18. Fedyakin S.R. "Rozanovskoe nasledie" i yavlenie "parizhskoi noty" / S.R. Fedyakin // *Literaturovedcheskii zhurnal*. – 2008. – № 22. – S. 51-111. EDN: JJPMMH
19. Fedyakin S.R. *Khudozhestvennaya proza Vasiliya Rozanova. Zhanrovye osobennosti*. Moskva: Literaturnyi institut im. A.M. Gor'kogo, 2014. 106 s.
20. Vygotskii L.S. *Myshlenie i rech'*. Izd. 5, ispr. M.: Izdatel'stvo "Labirint", 1999. 352 s.
21. Pershina K.V. *Problema esteticheskoi distantsii v proizvedenii neklassicheskogo tipa* // *Literaturovedcheskii sbornik*. Vyp. 55-56 : Aktual'nye problemy filologii : materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Donetsk, 24 maya 2016 / Donetskii natsional'nyi universitet. – Donetsk : DonNU, 2016. S. 28-36. EDN: YNYOWF
22. Zatsepin K.A. "Myslit' literaturoi" ili esse kak khudozhestvennyi fenomen / K.A. Zatsepin // *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii*. Seriya: *Filosofiya. Filologiya*. – 2007. – № 2. – S. 195-209.

The hidden dystopia in V. Ivanov's novel "U: the phono-semantic of the affected individuality vs. total and radical 'rebirth'"

Platonov Fedor Evgen'evich

Postgraduate student; Faculty of Media Communication and Journalism; Moscow University named after A.S. Gribogedov

109559, Russia, Moscow, Lyublino district, Krasnodarskaya str., 52, sq. 8

 fedor.platonoff@yandex.ru

Abstract. The novel "U" by V.S. Ivanov represents the author's attempt to respond to the search for new possibilities and forms of proletarian life by the Soviet state and society. In this work, Ivanov outlines the contours of a utopian project emerging from the reality of the late 1920s and 1930s. However, the artistic logic of the text and the irrationally-oriented talent of the writer reveal the opposite side of this project, turning a potential technical utopia in the book into a probable dystopia. The object of study in this article is the dystopian motifs of V.S. Ivanov's novel "U," while the subject of research is the causal relationships of genre reversal and the specifics of the implementation of elements of the dystopian genre. The article focuses on the criteria that allow for the assertion of the existence of dystopian motifs in the novel "U": the abnormality of the value system associated with violence and deception; the doubtful, "thoughtful" hero, presented in the guise of a "simpleton"; the totality of unfreedom, projected by the hero, who embodies state power and state violence as enacted by its agents, and so on. Methods of genre, motif, and comparative analysis are employed. In the first case, the components of dystopia (values, hero, violence, unfreedom) are identified, in the second, leitmotif complexes (the Cathedral of Christ the Savior, the egg) are explored, and in the last, two editions of the novel – "U" and "Crimson Sunset" – are examined in terms of their descriptions of the utopian project. The relevance of the study is determined by the literary scholarship's interest in examining phenomena of a complex genre nature. The novel "U" by V.S. Ivanov, containing elements of utopia, is analyzed in this article as a work with dystopian motifs. The novelty is defined by the insufficient study of "U" as a whole and the approach to it concerning the peculiarities of implementing the dystopian genre within it. Unlike other works that focus on the biographical, metaliterary, and psychological aspects of "U," the author explores the paradoxes of its genre nature and the meanings generated by it. While proposing a technical socialist utopia – a classless society, V.S. Ivanov simultaneously reveals through the power of his literary intuition the methods and consequences of its creation. The characters externally accept and internally reject the utopian project, relying on their affected yet comprehensible human nature, expressed through the phonosemantics of the sound "U".

Keywords: metamorphosis, affects, genre reverse, leitmotif complex, genre, phono- semantics, dystopia, utopia, self-revelation, intertext

References (transliterated)

1. Berdyaev N. A. Mirosozertsanie Dostoevskogo. Praga: The YMCA-Press LTD, 1923. 244 s.
2. Ivanov Vs. U: Roman / Vsevolod Ivanov; Tekst podg. k pech. Sh. Burg. Lausanne: L'Age d'Homme, 1982. 303 s.
3. Ivanov Vs. Chelovek dolzhen zhit' krupno // Literaturnaya gazeta. 1931. 7 noyabrya. S. 3.

4. Ivanova T. V. Pisatel' obgonyaet vremya // Ivanov Vs. Kreml'. U: Romany. M.: Sovetskii pisatel', 1990. S. 512-528.
5. Lanin B. A. Russkaya literaturnaya antiutopiya XX veka: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.02 / B. A. Lanin. M., 1993. 344 s.
6. Morshchikhina L. A. Klassicheskie i neklassicheskie utopii v kontekste sotsial'no-filosofskikh issledovanii: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11. Arkhangel'sk, 2004. 195 s.
7. Papkova E. A. Roman Vs. Ivanova "U" v obshchestvenno-politicheskem kontekste 1930-kh godov // Epokha "Velikogo pereloma" v istorii kul'tury: Sbornik nauchnykh statei, Saratov, 14-16 oktyabrya 2015 goda. Saratov: Saratovskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet im. N.G. Chernyshevskogo, 2015. S. 91-98.
8. Papkova E. A. Fantasticheskoe v proze Vsevoloda Ivanova 1910-1930-kh godov // Literatura v shkole. 2022. № 4. S. 27-39. DOI: 10.31862/0130-3414-2022-4-27-39.
9. Peremyshlev E. V. Dvoinoi portret. URL: https://www.opojaz.ru/shklovsky/double_portret.html#Anchor-'B-9287.
10. Platonov F. E. Utopicheskie i antiutopicheskie modeli v poslerevolyutsionnoi Rossii i ikh otazhenie v literature 1920-kh godov // Kazanskaya nauka. 2024. № 11. S. 324-327.
11. Plekh Z. I. Stanovlenie zhanra antiutopii v russkoi literature 20-kh gg. XX veka (na materiale proizvedenii E. Zamyatina, A. Platonova, M. Bulgakova): avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk: 10.01.02. Bishkek, 2008. 23 s.
12. Soldatov V. E., Tuzovskii I. D. Sotsiokul'turnoe prostranstvo v antiutopiakh: osnovnye cherty modeliruemogo sotsiuma // Vestnik ChGAKI. 2010. № 3 (23). S. 40-49.
13. Chernyak M. A. Gorod v romane Vs. Ivanova "U" // Yazyk, literatura, kul'tura: Traditsii i innovatsii. M., 1993. S. 82-85.
14. Shishkina S. G. Istoki i transformatsii zhanra literaturnoi antiutopii v XX veke. Ivan. gos. khim.-tekhnol. un-t. Ivanovo, 2009. 230 s.
15. Etkind A. M. "U" Vsevoloda Ivanova: Intellektual'nyi roman iz zhizni nepmanov, ili Parodiya na sovetskii psikhoanaliz // Zvezda. 1993. № 8. S. 192-200.

The role of multimodal metaphor in managing society through digital-intellectual technologies – based on the example of the advertisement "Urban Brain" in Hangzhou.

Guan' Shaoyang

Doctor of Philology

Lecturer; Russian Language Institute; Dalian University of Foreign Languages

6 Liushunnanlu Street, Dalian City, Liaoning Province, 116046, China

 guanshaoyang@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the role of multimodal metaphor in managing society through digital-intelligent technologies, particularly using the example of the commercial "Urban Brain" in Hangzhou. The object of the study is the analysis of visual, auditory, and textual elements of advertising materials that interact to convey complex concepts of digital-intelligent management. The author examines in detail aspects of the topic, such as the definition of the place and role of multimodal metaphor in the context of digital management, as well as its impact on shaping public perceptions of technological systems. Special attention

is given to analyzing how elements of color scheme, sound accompaniment, and graphic images jointly create the metaphor of "the city as an intelligent organism," simplifying the understanding of complex technological processes and fostering a positive attitude toward digital management. The theoretical foundation of the research is based on works related to multimodal metaphor, critical discourse analysis, and cognitive linguistics. The main conclusions of the author is that the multimodal metaphor not only simplifies the understanding of complex technological processes of digital-intelligent management but also actively shapes specific associations and emotional responses in the audience, contributing to the positive perception of technological systems as living organisms. A significant contribution of the author to the study of the topic is a deep analysis of the synergistic interaction of various modalities (visual, auditory, textual) in creating a unified metaphor of "the city as an intelligent organism," as well as revealing the mechanisms of its influence on public consciousness. The novelty of the research lies in the application of theoretical approaches from critical discourse analysis and cognitive linguistics to the analysis of advertising discourses in the field of digital management, which allows for a deeper understanding of the role of multimodal metaphor in shaping public perceptions of technologies.

Keywords: multimodal discourse, advertisement, China, Hangzhou, digital-intelligent technology, critical discourse analysis, cognitive linguistics, Digital-intelligent governance, City Brain, Multimodal metaphor

References (transliterated)

1. Fen, D. & Chzhao, S. Mul'timodal'naya metonimiya i konstruirovanie smysla obraznogo diskursa // Zhurnal inostrannykh yazykov. 2017. № 6. S. 8-13. (Na kit. yaz.).
2. Gyan', Sh. & Sun', Yu. Mul'timodal'nye metafora i metonimiya v formirovaniii obraza strany (na materiale politicheskikh karikatur) // Russian Journal of Linguistics. 2023. № 2. S. 444-167.
3. Yan', S. & Chan, Ch. Issledovanie diskursivnogo konstruirovaniya metafory v mul'timodal'nom kontekste // Kitaiskie inostrannye yazyki. 2023. № 2. S. 25-34. (Na kit. yaz.).
4. Tszen, G. & Lyan, S. Konstruirovanie natsional'nogo obraza cherez mul'timodal'nyu metaforu: na primere kitaiskogo natsional'nogo imidzhevogo rolika "Perspektiva" // Issledovaniya v oblasti obucheniya inostrannym yazykam. 2017. № 2. S. 1-8. (Na kit. yaz.).
5. Chzhan', Kh. Issledovanie sposobnosti mul'timodal'noi metafory k ekstremnomu yazykovomu reagirovaniyu // Kitaiskie inostrannye yazyki. 2022. № 2. S. 47-53. (Na kit. yaz.).
6. Li, I. & Tan, Ch. Mul'timodal'naya metaforicheskaya konstruktsiya vyrazheniya emotsiy v muzykal'nykh klipakh: na primere cherno-belykh muzykal'nykh klipov // Zhurnal universiteta Sikhua (izdanie po filosofii i sotsial'nym naukam). 2023. № 2. S. 34-41. (Na kit. yaz.).
7. Ma, I. & Ma, B. Smyslovoe konstruirovanie v mul'timodal'nykh diskursakh pravitel'stvennykh mikroblogov // Lingvisticheskii zhurnal. 2017. № 6. S. 19-23. (Na kit. yaz.).
8. Chzhan, D. Kompleksnaya sistema mul'timodal'nogo diskurs-analiza v ramkakh teorii sistemno-funktional'noi lingvistiki // Sovremennye inostrannye yazyki. 2018. № 6. S. 731-743. (Na kit. yaz.).
9. Hafifah, S. & Sinar, S. A Visual Grammar Design Analysis of Channel's Spring Summer

2021 Campaign Teaser Pictures in the Pandemic Era // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2021. № 539. S. 32-37.

10. Kövecses, Z. Visual metaphor in extended conceptual metaphor theory // Cognitive Linguistic Studies. 2020. № 1. S. 13-30.
11. Khan', Ya. Issledovanie sposoba analiza vizual'noi ritoriki v ramkakh vizual'nogo poroga funktsionirovaniya sistemy. Shanghai, 2022. 288 s. (Na kit. yaz.).
12. O'Halloran, K. L. Matter, meaning and semiotics // Visual Communication. 2022. № 1. S. 174-201.
13. Budaev, E. V. & Chudinov, A. P. Metafora v politicheskem interdiskurse. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2006. 215 s.
14. Voroshilova, M. B. Politicheskii kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2013. 193 s.
15. Shi, Ts. Issledovanie mezhkul'turnoi adaptivnosti na osnove mul'timodal'nykh metafor na oblozhkakh zhurnalov // Sovremennaya lingvistika. 2024. № 7. S. 193-199. (Na kit. yaz.).
16. Kryukova, N. F. Metafora kak pragmaticske sredstvo pri postroenii khudozhestvennogo teksta dis. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2018. 288 s.
17. Ma, T. & Gao, Yu. Postroenie i kriticheskii analiz mul'timodal'noi metafory v amerikanskikh politicheskikh karikaturakh: na primere torgovogo konflikta mezhdu Kitaem i SShA // Issledovaniya po inostrannym yazykam. 2020. № 1. S. 25-32. (Na kit. yaz.).
18. Taimur, M. P. Lingvokreativnost' v mul'timodal'nom diskurse (na materiale angliiskogo yazyka). Moskva: Rusains, 2022. 168 s.
19. Milyutina, M. G. & Sal'nov, E. A. Metafora v kreolizovannom publitsisticheskem tekste (na primere stat'i A. A. Prokhanova "khram i vertep") // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2018. № 3. S. 462-470.
20. Vaigandt, K. E. Polikodovaya metaforizatsiya v tekstakh sotsial'noi reklamy // Neofilologiya. 2018. № 4. S. 25-32.
21. Chzhao, S. & U, Yu. Kriticheskii analiz prednamerennoi metafory v politicheskikh karikaturakh ob energeticheskem krizise: na primere mul'timodal'noi metaforicheskoi stseny "z dorov'e i bolezn'" // Issledovaniya po inostrannym yazykam. 2024. № 2. S. 1-6. (Na kit. yaz.).
22. Tsuji, Kh. & Khe, Ts. Vliyanie marketinga v sotsial'nykh setyakh na gotovnost' k rasprostraneniyu: analiz posredнического эффекта povedencheskikh ustyanovok // Zhurnal Dunkhuiskogo universiteta (estestvennye nauki). 2019. № 5. S. 765-771. (Na kit. yaz.).
23. Siagian, C. B. Understanding the Meaning of an Advertisement Text through Interpersonal Function Analysis // Anglophilic Journal. 2024. № 1. S. 30-37.
24. Leech, G. N. English in Advertising. London: Longman, 1966. 198 s.
25. Chen', S. O pragmatischnykh presetakh v reklamnom plane // Sovremennaya ritorika. 1999. № 1. S. 38-39. (Na kit. yaz.).
26. Van, L. Issledovanie intertekstual'nosti v transnatsional'nom reklamnom diskurse // Komp'yuterizirovannoe obuchenie inostrannym yazykam. 2019. № 6. S. 113-120. (Na kit. yaz.).
27. Opran, E. Elements of intertextuality in advertising discourse // Social Sciences and Education Research Review. 2022. № 1. S. 220-224.
28. Lyu, Sh. & Li, Ch. Konstruirovaniye ioga-mody: analiz kriticheskogo diskursa na osnove

reklamy // Sovremennaya kommunikatsiya (Zhurnal Kommunikatsionnogo universiteta Kitaya). 2020. № 11. S. 131-135. (Na kit. yaz.).

29. Syuan', Ch. & Syui, Ts. & E, S. Vliyanie vredonosnoi reklamy v sotsial'nykh setyakh na vospriyatiye gosudarstvennogo upravleniya: reguliruyushchaya rol' sotsial'nogo klassa // Vestnik An'khoiskogo pedagogicheskogo universiteta (sotsial'nye nauki). 2025. № 2. S. 82-94. (Na kit. yaz.).

30. Syui, Ch. & Lyu, V. Mul'timodal'nyi diskurs-analiz televizionnoi sotsial'noi reklamy // Literaturnoe obrazovanie. 2021. № 9. S. 61-63. (Na kit. yaz.).

31. Gao, Ya. & Van, D. Issledovanie mekhanizma smysloporozhdeniya zapadnoi graficheskoi reklamy narkotikov s tochki zreniya mul'timodal'noi metafory i metonimii // Izuchenie inostrannykh yazykov. 2025. № 1. S. 70-80. (Na kit. yaz.).

32. Sin, Ch. & Fen, D. Issledovanie intertekstual'nosti mul'timodal'nogo reklamnogo diskursa s kriticheskoi tochki zreniya // Yazykovoe obrazovanie. 2019. № 1. S. 74-79. (Na kit. yaz.).

33. Edouihri, A. The Discourse of Advertising: The Power of Language // International Journal of Research in Education Humanities and Commerce. 2024. № 5. S. 1-8.

34. Chzhao, S. Konstruirovaniye zhenskogo obraza v parfumernoi reklame cherez mul'timodal'nyu metaforu // Vestnik Chzhetszyanskogo universiteta inostrannykh yazykov. 2020. № 5. S. 30-39. (Na kit. yaz.).

35. Se, Ts. & Kuan, F. Konstruirovaniye znacheniya mul'timodal'noi metafory v novostnykh karikaturakh o COVID-19 s tochki zreniya teorii kontseptual'noi integratsii // Inostranneye yazyki i literatura. 2021. № 3. S. 86-96. (Na kit. yaz.).

The plot-compositional features of the olonkho by C. N. Karataev "Syuyulledjin Bootur"

[Kuzmina Aitalina Akhmetovna](#)

PhD in Philology

Senior Researcher; Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Office 414 Petrovskogo str., 1, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677027, Russia

 aitasakha@mail.ru

Abstract. The subject of the study in the article is the plot-compositional structure of the Yakut heroic epic. The object of the study is the olonkho "Süyülldedjin Bootur" (1940) by S. N. Karataev from the Vilyui region. The poetics of the olonkho plot as a whole, particularly the plot structure and composition, have not yet been sufficiently analyzed. The relevance of the study is determined by the need for a systematic study of the epic heritage of the storyteller S. N. Karataev and the identification of the artistic uniqueness of his olonkho, which represents a standard example of the Vilyui epic tradition. The aim of the work is to study and identify the features of the plot-compositional organization of the olonkho "Süyülldedjin Bootur" in the context of Yakut epic heritage. The results of the study can be used in folklore studies when addressing the poetics of epic texts, as well as in the preparation of educational and methodological materials on Yakut folklore. The work employs methods of structural, structural-semantic, and comparative analysis. The main methodological development is the plot model of the epic proposed by I. V. Ershova. The scientific novelty of the research lies in the first systematic analysis of the poetics of the olonkho "Süyülldedjin Bootur" by S. N. Karataev and the determination of the specifics of the plot-compositional organization of the Vilyui epic tradition in comparison with other regional versions of Yakut epic. As a result of the

research, it was established that both texts of the olonkho by S. N. Karataev are independent epic narratives. It was determined that "Süyüldedjin Bootur" represents a transitional form of epic – from archaic tales of ancestors to later epics about the protectors of the tribe. The text combines the motif of heroic matchmaking with the theme of struggle against demonic forces, and also preserves archaic elements: intra-family conflicts and the image of a female hero. It was revealed that the introduction in olonkho plays a key role, determining the further development of the plot and organizing the composition of the epic. The introductory part of the olonkho "Süyüldedjin Bootur" shows significant similarity to the introduction of the legend "Hero Tong Saar" in composition and formulaic nature. The proposed plot model (heroic collision (motivation for departure); preparations for the heroic campaign; journey; obstacles along the way; heroic deed; consequences of the deed; return to the homeland), reflecting the semantics of ordering chaos in the cosmos, can be used for the analysis of other olonkho texts.

Keywords: Vilyuy epic tradition, spatiotemporal organization, beginning, poetics, plot model, structure, composition, plot, olonkho, Yakut heroic epic

References (transliterated)

1. Astaf'eva L. A. Syuzhet i stil' bylin: Avtoreferat ... doktora filol. n. M., 1993. 34 s. EDN: ZKHTFD.
2. Vasil'ev G. M. Zhivoi rodnik. Ob ustnoi poezii yakutov. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izd-vo, 1973. 304 s.
3. Vasil'ev V. E., Varavina G. N. Obraz dereva v mifakh i ritualakh yakutov i severnykh tungusov // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2016. № 4. S. 75-77. EDN: VSWBMP.
4. Veselovskii A. N. Istoricheskaya poetika / Red., vstupit. st. i primech. V. M. Zhirmunskogo. Izd. 4-e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 648 s.
5. Emel'yanov N. V. Syuzhety olonkho o rodonachal'nikakh plemen. M.: Nauka, 1990. 208 s.
6. Emel'yanov N. V. Syuzhety yakutskikh olonkho. M.: Nauka, 1980. 375 s.
7. Emel'yanov N. V. Syuzhety olonkho o zashchitnikakh plemen. Novosibirsk: Nauka. Sibirskaya izdatel'skaya firma RAN, 2000. 192 s. EDN: YQVCNN.
8. Emel'yanov N. V. Syuzhety rannikh tipov yakutskikh olonkho. M.: Nauka, 1983. 247 s. EDN: YQVDTB.
9. Ershova I. V. Skazanie o Side v istoriografii srednikh vekov. Struktura i evolyutsiya epicheskogo syuzheta: Dissertatsiya ... doktora filol. n. M., 2018. 393 s.
10. Karataev S. N. Toñ Saar bukhatyyr: Oloñkho [Bogatyr' Tong Saar: Olonkho]. Yakutsk: Bichik, 2004. 237 s. (Na yakut. yaz.)
11. Karataev S. N. Syyleld'in Bootur [Syuyuleldzhin Bootur]. Yakutsk: Tsumori press, 2011. 122 s. (Na yakut. yaz.)
12. Kuz'mina A.A. Sistema epicheskikh personazhei olonkho «Bogatyr' Tong Saar» S. N. Karataeva // Litera. 2024. № 1. S. 269-276. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69510 EDN: AXABRQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69510
13. Mandzhieva B. B. Tekstologiya i poetika Maloderbetovskogo tsikla eposa "Dzhangar" v kontekste epicheskoi traditsii kalmykov. Elista: KalmNTs RAN, 2022. 416 s. EDN: TPIDJS.

14. Meletinskii E. M. Semanticeskaya organizatsiya mifologicheskogo povestvovaniya i problema sozdaniya semioticheskogo ukazatelya motivov i syuzhetov // Tekst i kul'tura: Trudy po znakovym sistemam. Vyp. 16. Tartu: TGU, 1983. S. 115-125.
15. Neklyudov S. Yu. Morfologiya i semantika epicheskogo zachina v fol'klore mongol'skikh narodov // Kitai i okrestnosti: mifologiya, fol'klor, literatura: k 75-letiyu akad. B. L. Riftina. M.: RGGU, 2010. S. 185-198. EDN: PVXEKW.
16. Neklyudov S. Yu. Poetika epicheskogo povestvovaniya: prostranstvo i vremya. M.: Forum, 2015. 216 s. EDN: VNUZZZ.
17. Oiunskii P. A. Yakutskaya skazka (olonkho), ee syuzhet i soderzhanie (Opyt analiza yakutskoi skazki) // Sbornik trudov issledovatel'skogo obshchestva "Sakha keskile" = "Saqa Keskile" dien chinchiier uobsastybata yletin tymyyte. Yakutsk: b.i., 1927. Vyp. 1 (4). S. 98-139.
18. Petrov N. V. Russkii epos: geroi i syuzhety. M.: Neolit; Redkaya ptitsa, 2017. 280 s. EDN: ZVWCDL.
19. Propp V. Ya. Morfologiya skazki. L.: Academia, 1928. 152 s.
20. Putilov B. N. Motiv kak syuzhetoobrazuyushchii element // Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru: Sb. st. pamyati V. Ya. Proppa (1895-1970) / Sost. i red. S. Yu. Neklyudov, E. M. Meletinskii. M.: Nauka, 1975. S. 141-155.
21. Putilov B. N. Fol'klor i narodnaya kul'tura. SPb.: Nauka, 1994. 238 s. EDN: YNUUGV.
22. Pukhov I. V. Yakutskii geroicheskii epos olonkho. Osnovnye obrazy. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. 256 s.
23. Pyurveeva N. B. Poetika geroicheskogo eposa "Dzhangar": Dissertatsiya ... doktora filol. n. Elista, 2003. 347 s. EDN: NMQYXL.
24. Sanzheeva L. Ts. Poetika fol'klornogo teksta (na materiale buryatskogo eposa): Dissertatsiya ... doktora filol. n. Ulan-Ude, 2011. 357 s. EDN: OPHVUW.
25. Semenova L. N. Semantika epicheskogo prostranstva i ee rol' v syuzhetoobrazovanii (na materiale yakutskogo eposa olonkho): Dissertatsiya ... kandidata kul'turologii. M., 2000. 160 s. EDN: QDBWEX.
26. Ergis G. U. Ocherki po yakutskomu fol'kloru. M.: Nauka, 1974. 402 s. EDN: YQVRXX.

The history of research on parts of speech in the Chinese language under the influence of Europe (up to the 1950s).

Chao Chen'yao

Postgraduate student; Faculty of Philology, St. Petersburg State University

Khalturina, 15k1, Saint Petersburg, 190000, Russia

✉ st120896@student.spbu.ru

Abstract. The subject of the study is the history of the examination of parts of speech in the Chinese language under European influence (up to the 1950s). The object of the research is the evolution of theories on the classification of Chinese parts of speech. The author examines in detail aspects such as how the system of Latin grammar influenced the studies of Chinese grammar through the work of Ma Jianzhong (1898), how in the first half of the 20th century, under the influence of English grammatical theories, Li Jinsi (1924) proposed the principle of "sentence as a basis," which shifted the focus of research on parts of speech to syntactic functions, and the key role of the Soviet-Chinese discussion of the 1950s. Special

attention is paid to how the history of research on parts of speech in the Chinese language (an isolating language) has progressed from simple imitation to integration with the characteristics of the Chinese language. Historical-linguistic and descriptive analysis is applied using a chronological approach, comparative study of European and Chinese grammatical models, analysis of the works of key scholars, and materials from discussions in the 1950s. The main conclusions of the conducted study are: The study of parts of speech in the Chinese language has been heavily influenced by European linguistic paradigms from the very beginning. The history has evolved from straightforward imitation (Ma Jianzhong, 1898) to integration with the features of the Chinese language. Scientific discussions between Soviet and Chinese scholars in the 1950s deepened theories and ultimately formed comprehensive classification standards combining morphological, semantic, and syntactic criteria. The novelty of the study: This article systematically investigates the history of research on parts of speech in the Chinese language under European influence (up to the 1950s). These studies not only continuously deepened the understanding of the typological characteristics of the Chinese language but also provided a theory from a non-Indo-European perspective for general linguistics.

Keywords: lexico-grammatical categories, Soviet-Chinese discussions, sentence as the foundation, English grammar, Mr. Ma's grammar, Latin system, European influences, Chinese language, history, part of speech

References (transliterated)

1. Lebedeva, A. V. Vydenie chastei rechi kitaiskogo yazyka v grammatikakh russkikh missionerov XIX veka // Inostrannye yazyki v vysshei shkole. 2023. No. 3(66), S. 42-46. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.005 EDN: AVSKWV.
2. Voloshina, O. A., Kuan Sh. Printsipy vydeleniya chastei rechi v russkoi i kitaiskoi lingvistike // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2023. No. 6, S. 159-168. DOI: 10.52452/19931778_2023_6_159 EDN: LIGISM.
3. Tszyatszya, L. Sopostavlenie terminov, oboznachayushchikh chasti rechi, v angliiskom, russkom i kitaiskom yazykakh // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2023. No. 3, S. 73-81. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-73-81 EDN: HVGUJE.
4. Ma Tszyan'chzhun. Mashi ven'tun (Grammatika pis'mennogo yazyka gospodina Ma). Pekin: Kommercheskaya pressa, 2007. 447 s.
5. Chen' Tszin'tsyu. Faguo khan'syuetszya Lei Musha khan'yui tseilei yan'tszyu tszi tsi syueshushi ii (Issledovanie frantsuzskogo sinologa Remuza o chastyakh rechi kitaiskogo yazyka i ego znachenie v istorii nauki) // Vestnik Khubeiskogo universiteta. 2024. No. 5, S. 125-135.
6. Peiraube. Issledovanie grammatiki kitaiskogo yazyka v Evrope do XX veka // Kitaiskii yazyk. Pekin: Akademiya obshchestvennykh nauk Kitaya, 1989. No. 5, S. 346-352.
7. Li Tszyan'tszyun'. Tan'tan' khan'yui tseilei khuafen' gunnen byaochzhun' de sinchen gouchen (K voprosu o protsesse formirovaniya funktsional'nykh kriteriev klassifikatsii chastei rechi v kitaiskom yazyke) // Kitaiskie istorii. 2024. No. 2, S. 114-118.
8. Chzhan Tszyuan'. Gudai khan'yui tseilei khoyun ven'ti tan'tszyu (Issledovanie problemy gibkogo ispol'zovaniya chastei rechi v drevnekitaiskom yazyke) // Kitaiskii natsional'nyi obzor. 2024. No. 12, S. 225-227.
9. Lu Shusyan, Van Khaifen'. Mashi ven'tun duben' (Kniga dlya chteniya "Grammatika pis'mennogo yazyka"). Shanhkai: Izdatel'stvo Shankskogo obrazovatel'nogo

universiteta, 2004. 592 s.

10. Nesfiel, J. C. Outline of English grammar: in 5 parts (Ocherk angliiskoi grammatiki: v 5 chastyakh). – Macmillan and Co., Limited, 1908. 168 s.
11. Alonso Reed, Brainerd Kellogg. Higher Lessons in English (Vysshie uroki angliiskogo yazyka). – Clark & Maynard, 1877. 282 s.
12. Li Tszin'si. Sin' chzhu goyui ven'fa (Novaya kitaiskaya grammatika). Pekin: Kommercheskaya pressa, 1924. 396 s.
13. Konrad, N.N. O kitaiskom yazyke // Voprosy yazykoznanija. 1952. No. 3, S. 45-78.
14. Gao Minkai. Guan'yui khan'yui de tsylei fen'be (O vydelenii chastei rechi v kitaiskom yazyke) // Kitaiskii yazyk. 1953. No. 4, S. 14-16.
15. Chikobava, A.S. Vvedenie v yazykoznanie, ch. 1. M.: Uchpedgiz, 1953. 291 s.
16. Kuznetsov, P.S. Morfologicheskaya klassifikatsiya yazykov. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1954. 35 s. 17.
17. Mudrov, B.G. Kitaiskii yazyk imeet razlichiya v chastyakh rechi // Kitaiskii yazyk. 1954. No. 6, S. 30-32. 18.
18. Tsao Bokhan'. Khan'yui de tsylei fen'be ven'ti (Problema klassifikatsii chastei rechi v kitaiskom yazyke) // Problema chastei rechi v kitaiskom yazyke, tom 1. 1955, S. 118-130.
19. Lyui Shusyan. Guan'yui khan'yui tsylei de ise yuan'tszesin ven'ti (O nekotorykh printsipl'nykh voprosakh klassifikatsii slov v kitaiskom yazyke) // Problema chastei rechi v kitaiskom yazyke, tom 1. 1955, S. 131-174.
20. Yui Min'. Sintai byan'khua khe yuifa khuan'tszin (Morfologicheskie izmeneniya i grammaticeskoe okruzhenie) // Problema chastei rechi v kitaiskom yazyke, tom 1. 1955, S. 110-117.
21. Gao Minkai. Tszai lun' khan'yui de tsylei fen'be (Eshche raz o vydelenii chastei rechi v kitaiskom yazyke) // Problema chastei rechi v kitaiskom yazyke, tom 1. 1955, S. 89-99.
22. Gao Minkai. San' lun' khan'yui de tsylei fen'be (Tretii raz o vydelenii chastei rechi v kitaiskom yazyke) // Problema chastei rechi v kitaiskom yazyke, tom 2. 1956, S. 8-21.
23. Lu Tszyan'min. Guan'yui khan'yui tsylei ven'ti de lyantsy da taolun' (O dvukh bol'shikh diskussiyakh po voprosu chastei rechi v kitaiskom yazyke) // Issledovaniya kitaiskogo yazyka. 2022. No. 4, S. 1-8.
24. Dragunov, A.A. Issledovaniya po grammatike sovremennoj kitaiskogo yazyka. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952. 232 s.
25. Akimova, I. I. Tipologiya kitaiskogo yazyka kak faktor lingvisticheskogo bar'era: problema vydeleniya chastei rechi v kitaiskom yazyke // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2022. No. 8(122), S. 1-6.
26. Van Li. Chzhungo shchiande khan'yui (Sovremennyi kitaiskii yazyk). Pekin: Kommercheskaya pressa, 1985. 402 s.
27. Van Lyaoi. Osnovy kitaiskoi grammatiki [Tekst] / Per. s kit. G. N. Raiskoi; Pod red. i s primechaniyami A.A. Dragunova. Moskva: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1954. 261 s.
28. Van Li. Guan'yui khan'yui yuu tsylei de ven'ti (O probleme nalichiya ili otsutstviya chastei rechi v kitaiskom yazyke) // Pekinskii universitetskii zhurnal (gumanitarnye nauki). 1955. No. 2, S. 128-150.
29. Solntsev, M.V. Problema chastei rechi v kitaiskom yazyke v rabotakh lingvistov Kitaya // Voprosy yazykoznanija. 1955. No. 6, S. 105-116.
30. Solntsev, M.V. Problema chastei rechi v kitaiskom yazyke // Voprosy yazykoznanija.

1956. No. 5, S. 22-37.

Morphological Status and Pragmatic Functions of the Lexeme "ИНТЕРЕЧО" in Contemporary Russian

Cui Wenrui

independent researcher

Office 312, Lenin St., 51, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620083, Russia

✉ 912172383@qq.com

Abstract. The object of this study is the lexeme "интересно" in contemporary Russian, which demonstrates a complex path of semantic and pragmatic evolution. The paper provides a detailed description of its movement from the short form of the adjective and the adverb with the meaning "amusing, curious" to an independent unit with its own communicative characteristics. Particular attention is given to the processes of desemantization, grammaticalization, and pragmaticization, which accompany the loss of the original referential content and the emergence of a subjective-modal nuance. Typical syntactic constructions (интересно знать; интересно, что...) are examined, where the weakening of propositional semantics and the formation of a modal frame become apparent. The expansion of usage domains is shown: from bookish styles to oral dialogic speech, electronic communication, and journalism. The transition of the lexeme into the category of parenthetical words and communicatives is noted, which makes it possible to qualify it as a discourse marker with a wide range of pragmatic functions. The methodological basis of the research is the analysis of examples from the Russian National Corpus, combined with materials from literary and journalistic texts as well as samples of spontaneous oral speech, which ensures a comprehensive description of the functioning of the lexeme. The main findings of the study show that in contemporary usage, the lexeme "интересно" has become firmly established as an important discursive instrument serving the tasks of organizing communication. It is capable of performing such functions as establishing and maintaining contact, signaling feedback, expressing doubt or irony, mitigating communicative tension, and providing polite reactive responses. The novelty of the study lies in the comprehensive consideration of "интересно" as both a communicative and a discourse marker, with the identification of diagnostic features such as desemantization, discursive predetermination, expressivity, and untranslatability into indirect speech. In addition, the boundaries between predicative, modal-frame, and parenthetical uses are clarified, along with the specifics of its functioning in dialogues. The author demonstrates that the lexeme shows clear tendencies toward subjectification and metacommunicative re-interpretation, which makes it possible to characterize anew its place in the system of means of contemporary Russian discourse.

Keywords: spontaneous spoken speech, feedback marker, subjectivization, desemanticization, communicative, discursive marker, pragmaticization, grammaticalization, pragmatic marker, interesting

References (transliterated)

1. Lyshevskaya O.N., Sharov S.A. Chastotnyi slovar' sovremennoego russkogo jazyka na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo jazyka. M.: Azbukovnik, 2009.
2. Erman B., Kotsinas U.-B. Pragmaticalization: The case of ba' and you know // Studier i

modern språkvetenskap. 1993. No. 10. Pp. 76-93.

3. Lekant P.A. Analiticheskaya chast' rechi predikativ v sovremenном russkom yazyke // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Filologiya. 2011. № 2. S. 20-27.
4. Zolotova G.A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa. M.: Nauka, 1982.
5. Arutyunova N.D. Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt. M.: Nauka, 1988.
6. Traugott E.C. Subjectification in grammaticalisation // Subjectivity and Subjectivisation: Linguistic Perspectives / Eds. D. Stein, S. Wright. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. Pp. 31-54.
7. Apresyan Yu.D. Svoistva pragmaticskei informatsii. Pragmaticskei informatsiya dlya tolkovogo slovarya // Izbrannye trudy. T. 2. M.: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1995. S. 135-155.
8. Sharonov I.A. Vvodnye slova kak markery i modifikatory rechevykh aktov: bytovye priznaniya // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 2019. № 20. S. 309-323.
9. Aijmer K. I think – an English modal particle // Modality in Germanic Languages: Historical and Comparative Perspectives / Eds. T. Swan, O. Jansen-Westvik. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. Pp. 1-47.
10. Frank-Job B. A dynamic-interactional approach to discourse markers // Approaches to Discourse Particles / Ed. K. Fischer. Amsterdam: Elsevier, 2006. Pp. 359-374.
11. Vinogradova E.N. Grammatikalizatsiya, leksikalizatsiya i pragmatikalizatsiya (na materiale konstruktii, vkluchayushchikh predlog PO) // Voprosy yazykoznanija. 2023. № 1. S. 54-87.
12. Baranov A.N., Plungyan V.A., Rakhilina E.V. Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka. M.: Pomovskii i partnery, 1993.
13. Kiseleva K.L., Paiar Zh. Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo. M.: Azbukovnik, 2003.
14. Fraser B. Towards a theory of discourse markers // Approaches to Discourse Particles / Ed. K. Fischer. Amsterdam: Elsevier, 2005. Pp. 189-204.
15. Kogut S.V. Diskursivnye markery kak otzashenie svoeobraziya estestvennoauchnoi i nauchno-gumanitarnoi kartin mira // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 10 (40), ch. I. S. 101-106.
16. Aijmer K. Understanding pragmatic markers: a variational pragmatic approach. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013.
17. Bogdanova-Beglaryan N.V. Predislovie redaktora // Pragmaticske markery russkoi povsednevnoi rechi: slovar'-monografiya / Sost., otv. red. i avt. predisl. N.V. Bogdanova-Beglaryan. SPb.: Nestor-Istoriya, 2021. S. 5-52.
18. Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. 1999. Vol. 31, No. 7-8. Pp. 931-952.
19. Aijmer K. English discourse particles: evidence from a corpus. Studies in Corpus Linguistics, vol. 10. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002.
20. Ostroumova O.A., Frampol' O.D. Trudnosti russkoi punktuatsii. Slovar' vvodnykh slov, sochetanii i predlozenii: opyt slovarya-spravochnika. M.: Izd-vo SGU, 2009.
21. Clark H.H., Fox Tree J.E. Using uh and um in spontaneous speaking // Cognition. 2002. Vol. 84, No. 1. Pp. 73-111.
22. Vinogradov V.V. Russkii yazyk. Grammaticske uchenie o slove. M.; L.: Uchpedgiz, 1947.

23. Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi = Sintaksis russkoi razgovornoj rechi. M.: Izd-vo AN SSSR, 1960.
24. Russkaya grammatika: v 2 t. T. 2. Sintaksis. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya / Pod red. N.Yu. Shvedovoi. M.: Nauka, 1980. 898 s.
25. Valgina N.S., Rozental' D.E., Fomina M.I. Sovremennyi russkii yazyk: uchebnik / Pod red. N.S. Valginoi. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Logos, 2002.
26. Zemskaya E.A. Morfologiya // Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest. M., 1983. S. 80-118.
27. Kustova G.I. Ob illokutivnoi frazeologii // Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: sb. statei v chest' 80-letiya I.A. Mel'chuka. M., 2012. S. 349-366.
28. Sharonov I.A. Kommunikativy v estestvennykh i v khudozhestvennykh dialogakh // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2017. № 3. S. 114-127.
29. Kakorina E.V. Problemy fiksatsii i leksikograficheskogo opisaniya kommunikativov (na materiale raboty nad "Tolkovym slovarem russkoi razgovornoj rechi" (TSRR1)) // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 2019. № 2. S. 76-101.
30. Sharonov I.A. Kommunikativnaya funktsiya yazyka i kommunikativy // Rusistika i komparativistika. Ser. "Nauchnoe izdanie". M.: Knigodel, 2020. S. 217-231.
31. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vkljucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov / Otv. red. N.Yu. Shvedova. M.: Azbukovnik, 2011.
32. Sharonov I.A. Kommunikativy i metody ikh opisaniya // Materialy mezhunarodnoi konferentsii "Dialog 2009". Vyp. 8(15). M., 2009. S. 543-547.
33. Kobozeva I.M., Ivanova O.O., Zakharov L.M. K multimodal'nomu modelirovaniyu verifikativnykh diskursivnykh markerov v russkom dialoge // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 2019. T. 21. S. 284-299.

The combination "undoubtedly... but" as a means of explicating intra-textual connections

Tyurin Pavel Mikhailovich

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian Language and Literature; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education 'Far Eastern Federal University'

10 Ajax Settlement, Russian Island, Vladivostok, Primorsky Krai, 690022, Russia

✉ turin2010@mail.ru

Borodina Ol'ga Pavlovna

Teacher of Russian language and literature; Municipal budgetary educational institution 'Secondary school No. 74 with in-depth study of aesthetic subjects in Vladivostok'

690012, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Pervomaisky district, Kalinina str., 57, sq. 12

✉ prosto-olga@list.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the usage of the combination "undoubtedly...but" in texts of various functional styles and genres as a textual connector, comparing its functioning in the text and in the sentence. The aim of the work was to identify the specifics of this unit, its semantic characteristics, mechanisms of formation, and the nature of the expounded relationships between parts of the text. Attention is given to the mechanism of forming this textual connector, its semantics, and the relationships between the

parts of the text, in the construction of which the connector participates. Furthermore, the phenomenon of grammaticalization is examined in the context of analyzing the etymology of the textual connector "undoubtedly...but," revealing features that suggest the need to revise approaches to the phenomenon of grammaticalization, related to the inclusion in the connector of not only significant parts of speech but also function words, as well as introductory-modal words. In analyzing these features of the textual connector "undoubtedly...but," the following research methods were applied: a traditional descriptive method, including techniques of observation, generalization, and systematization of linguistic phenomena, and techniques of contextual analysis. The methodological basis of the research consists of works devoted to grammaticalization and textual connectors, including the works of representatives of the Far Eastern syntactic school in the field of function words. The scientific novelty of the research lies in the fact that it provides a detailed analysis of the features of the functioning of the phrase "undoubtedly...but" as a textual connector in contemporary texts of different functional styles and genres for the first time. It has been established that the textual connector "undoubtedly...but" has a two-element morphological structure, formed on the basis of the word "undoubtedly" (which can function in different contexts as an adjective in the short form, an adverb, and an introductory-modal word) and the conjunction "but," which determines the functional possibilities of the connector. In the text, it is used for contrasting situations, in which the speaker's judgments are partially refuted, supplemented, or revealed from a different angle, while limiting the unambiguity of the positive or negative evaluation of these situations or phenomena. This is related to the implementation of a specific communicative strategy of the speaker. The results of this research should serve as a basis for further investigations in the field of textual connectors and the phenomenon of grammaticalization, and may also be presented as a dictionary entry for the "Dictionary of Function Words of the Russian Language."

Keywords: syntactic construction, a means of intertextual bond, undoubtedly but, clip phrase, text clip, official word, grammaticalization, coherence of the text, linguistics of the text, the semantics of the official word

References (transliterated)

1. Priyatkina A. F. Tekstovye "skrepy" i "skrepy-frazy" (o rasshirenii kategorii sluzhebnykh edinits russkogo yazyka) // Russkii sintaksis v grammaticheskom aspekte (sintaksicheskie svyazi i konstruktsii). Izbrannye trudy. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2007. S. 334-344.
2. Filimonov O. I. Skrepa-fraza kak sredstvo vyrazheniya sintaksicheskikh svyazei mezhdu predikativnymi edinitsami v tekste. Stavropol': Izd-vo Stavropol'sk. un-ta, 2003. 191 s.
3. Lyapon M. V. Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst. K tipologii vnutritekstovnykh otnoshenii. M.: Nauka, 1986. 200 s. EDN: RSVMXD.
4. Cheremisina M. I., Kolosova T. A. Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya. Novosibirsk, 1987. 205 s. EDN: SHLOOZ.
5. Dressler V. Sintaksis teksta // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 8. M.: Progress, 1978. S. 111-137.
6. Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticeskogo opisaniya. M.: Metatekst, 1998. 448 s.
7. Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka / otv. red. A. F. Priyatkina, E. A. Starodumova. Vladivostok: Izd-vo GUP «Primpoligrafkombinat», 2001. 363 s.
8. Hopper P., Traugott E. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press,

2003. 276 p.

9. Zarubina E.S. Sochetaemost' otglagol'nogo relyativa «iskhodya iz»: levi i pravyi komponenty // Litera. 2023. № 5. S. 277-291. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40692 EDN: GRWYKC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40692
10. Ovsyannikova K. Yu. Diakhroniceskii podkhod k izucheniyu teorii grammatikalizatsii // Svitova literatura na perekhresti kul'tur i tsivilizatsii: zb. nauk. pr. / Red. V. P. Kazarin. Vip. 6. Ch. 2. Simferopol', 2012. S. 87-92.
11. Sokolova S. V. Grammatikalizatsiya v sisteme mestoimennykh slov sovremennoogo russkogo yazyka kak otzhenie obshchikh kognitivnykh protsessov // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2007. № 2 (011). S. 74-80. EDN: IIQXYF.
12. Mazharova A. G. Grammatikalizatsiya slov i slovosochetanii kak tendentsiya v tekstoobrazovanii (mezhfrazovye skrepy gradatsionnoi semantiki v russkikh i nemetskikh tekstakh): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 1992. 23 s. EDN: LWINYH.
13. Artyemenko M. V. Puti grammatikalizatsii otymennogo relyativa "po printsipu" // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2020. № 3 (82). S. 407-409. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00595. EDN: VCUFXM.
14. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii / Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. M.: LD INVEST: Azbukovnik, 2003. 939 s.

The discourse formation of the British national identity: topoi

Vlasova Vlada Vladimirovna

Postgraduate Student; Department of Theory and Practice of Foreign Languages; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

 1142230126@pfur.ru

Abstract. British national identity has been under constant study by scientists for a long period of time, but after Brexit, interest in this topic has increased significantly. The British nation, especially the part of it that was on the side of the Eurosceptics, after Brexit was aimed at strengthening the British identity and completely destroying any influence of globalization on the inner worldview of the British nation. But despite the expectation of the British, many scientists agree that the national British identity is still in crisis. Thus, the object of this research is the topoi of the English-language political discourse of online mass media (magazines, newspapers), and the purpose is to identify the current state of British national identity through the analysis of the topoi of the political discourse of modern Britain. Current works (most are under five years old) Russian and foreign scientists in the field of political discourse and national, including British, identity form the methodological basis of the research. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time the state of national British identity is considered by analyzing the discursive topoi of current publications of British online publications. The analysis of the topoi of English-language political discourse is based on online media texts for the period from January to August 2025, which makes the study innovative and reflects the trends of modern linguistic science. As a result of the conducted research, it was concluded that the British national identity is expressed by such topoi as the topoi of the monarchy, culture and history, numbers, finance, justice and law-abiding, tolerance, immigration, threats. The most frequent topoi of the discursive formation of the British national identity were the topoi of the monarchy, tolerance,

immigration and threats, confirming the crisis of national British identity. The research perspective is to study intertextuality and interdiscursivity as a way of constructing the discursive expression of British national identity, as well as the pragmatic aspect of the discursive formation of national British identity.

Keywords: Brexit, topos, political discourse, anglicism, online-magazine, British national identity, national identity, English language, discourse, media

References (transliterated)

1. Kazakov I. V. Konstruirovaniye britanskoi natsional'noi identichnosti v kontekste Brekzita: evolyutsiya diskursa prem'er-ministrov Velikobritanii // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya. 2021. T. 15. № 1. S. 109-118. – DOI: 10.17072/2218-1067-2021-1-109-118. EDN: OSWWCK
2. Kornienko O. Yu. Bazovye tsennosti Velikobritanii vchera i segodnya // Tsennosti i smysly. 2020. № 5. S. 60-73. – DOI: 10.24411/2071-6427-2020-10045. EDN: GXTVYZ
3. Ashcroft R. T., Bevir M. Brexit and the Myth of British National Identity // British Politics. 2021. № 16. R. 117-132. – DOI: 10.1057/s41293-021-00167-7. EDN: NCUUBK
4. Atapin E. A. Vliyanie partii nezavisimosti Soedinennogo Korolevstva na angliiskuyu natsional'nuyu identichnost' na sovremennom etape // Vestnik NVGU. 2022. № 2. C. 4-9. – DOI: 10.36906/2311-4444/22-2/01. EDN: YPSXME
5. Ignatova E. S. Yazykovaya situatsiya v Velikobritanii kak otrazhenie natsional'nogo samosoznaniya // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2019. № 2. S. 12-17. – DOI: 10.17516/2311-3499-053. EDN: FAOAIZ
6. Malkin S. G. Obrazovatel'naya politika i formirovaniye britanskoi identichnosti na natsional'nykh okrainakh // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki. 2021. № 4. S. 66-71. – DOI: 0.37313/2658-4816-2021-3-4-66-71. EDN: YHHWAP
7. Painter C. Reconstructing British identity: Formula One, Michael Schumacher and the British Press at the turn of the century // Language and Intercultural Communication. 2024. № 2. R. 77-89. – DOI: 10.1080/14708477.2023.2250751
8. Honeyman V. The Johnson factor: British national identity and Boris Johnson // British Politics. 2023. № 18. P. 40-59. – DOI: 10.1057/s41293-022-00211-0. EDN: TSWNBY
9. Tranter B., Donoghue J. Embodying Britishness: National identity in the United Kingdom. Nations and Nationalism. 2021. P. 992-1008. – DOI: 10.1111/nana.12730. EDN: GXHQNO
10. Garsiya-Kaseles K., Malenkova A. A. Leksiko-kognitivnye osobennosti kontsepta Brexit / Breksit v kontekste sovremennoi angliiskoy i Evropeiskoy politdiskursa // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. № 9. S. 203-207. – DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.37. EDN: LXEZVY
11. Record O., Edverton F. British nationalism in the era of integration // International Tax and Public Finance. 2022. № 1. P. 139-145.
12. Vlasova V. V. Diskursivnoe formirovaniye natsional'noi identichnosti Velikobritanii: semantiko-ritoricheskii aspekt // Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki. 2025. T. 18. № 1. S. 254-259. – DOI: 10.30853/phil20250038. EDN: AGPKZV
13. Vlasova V. V. Diskursivnoe formirovaniye natsional'noi identichnosti Velikobritanii: leksicheskii aspekt // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 4. S. 57-72. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70508 EDN: PYQYHY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70508

14. Savel'eva I. V. Neprofessional'nyi politicheskii diskurs: lingvopragmaticskei i lingvopersonologicheskii aspekty. Monografiya. SPb: Naukoemkie tekhnologii, 2021. 139 s. EDN: NRPILL
15. Aleshina E. Yu., Golova D. D. Britanskaya politicheskaya ritorika v rakurse kul'turospetsifichnosti // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. № 4. С. 160-180. – DOI: 10.46539/gmd.v5i4.426. EDN: EWXUAQ
16. Mel'nichuk M. V., Starodubtseva E. A. Ispol'zovanie yazyka kak instrumenta upravleniya obshchestvom (opyt zarubezhnykh stran) // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2022. № 6. С. 63-71. – DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-63-71. EDN: KCYOYN
17. Abrahamyan S., Banshchikova M. Peculiarities of Argumentative Strategies of Modern English Political Discourse // Functional Approach to Professional Discourse Exploration in Linguistics / E. Malyuga. Singapore: Springer, 2020. Pp. 165-198.
18. Popova T. G., Loskutova S. V. Aktualizatsiya znachenii leksicheskoi edinitsy v politicheskem diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2022. № 4. С. 90-94. – URL: <https://politlinguistika.ru/archive/2022/4-2022/aktualizatsiya-znachenij-leksicheskoi-edinitsy-v-politicheskem-diskurse>. EDN: RJBYOU
19. Shekhovtsova E. E. Latinskie vyrazheniya v diskurse politikov Velikobritanii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2024. № 1. С. 120-126. EDN: PXSUVL
20. Katermina V. V., Shershneva N. B. Prefiksy latino-grecheskogo proiskhozhdeniya v angloyazychnom neologicheskem diskurse // Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. Т. 16. № 4. С. 542-547. – DOI: 10.30914/2072-6783-2022-16-4-542-547. EDN: UTOEXV
21. Kienpointner M. Alltagslogik: Struktur und Funktion von Argumentationsmustern. Stuttgart, Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog Verlag, 1992. 447 p. (In German).
22. Matytsina M. S. Dinamika razvitiya angloyazychnogo immigratsionnogo diskursa: dis. dok. filolog. nauk / M. S. Matytsina. – Belgorod, 2020. – 340 s. EDN: WULTDR
23. Tulmin S. The Uses of Argument. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 247 p.
24. Wodak R. The Discourse of Politics in Action. Politics as Usual. London: Palgrave Macmillan, 2011. 252 p. – DOI: 10.1057/9780230316539.
25. Bubnova I. A. Toposy sovremennoi publichnoi zapadnoi diplomati v kontekste globalizatsii: spetsifika i tseli // Politicheskaya lingvistika. 2023. № 6 (102). С. 12-19. EDN: RXVDMN
26. Stelling M. The extraordinary advice Prince Philip gave 'level-headed' Kate Middleton that she still keeps to today, according to royal author // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/royals/article-14937189/advice-Prince-Philip-Kate-Middleton.html>
27. Lawton K. Sussexes hit back at claim that Harry and Prince Andrew had a fight in sensational royal book serialised in the Mail // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-14966239/sussexes-denry-claim-harry-prince-andrew-fight.html>
28. Stelling M. Behind the scenes of Prince William's Christening that caused Diana agony: The Queen Mother turned 82 on the same day while Charles and Diana clashed // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/royals/article-14935653/Prince-William-christening-Princess-Diana-Queen-Mother.html>
29. Holt E. How the Royal Family's summer excursions to the Mediterranean have

noticeably changed: From Prince Charles' iconic windsurfing trip to Gary Goldsmith's Ibiza cocaine scandal as William and Kate are spotted on a £40million yacht in Greece // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/royals/article-14968425/Royal-Family-summer-excursions-Mediterranean-William-Kate-spotted-40million-yacht-Greece.html>

30. Rajeev S. Ministers to spend extra £100m on stopping small boat crossings to UK // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2025/aug/03/uk-ministers-to-spend-extra-100m-stopping-small-boat-crossings>

31. McKernan B. Journey times up, deaths down: Welsh 20mph speed limit still divisive two years on // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2025/aug/03/welsh-20mph-speed-limit-divisive-journey-times-deaths>

32. Campbell D. Nine out of 10 nurses in England, Wales and Northern Ireland reject pay award // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/society/2025/jul/31/nine-out-of-10-nurses-in-england-wales-and-northern-ireland-reject-pay-award>

33. Lownie A. Revealed: How Andrew acquired his secret millions. 'His Buffoon Highness' used his Foreign Office role to cosy up to corrupt leaders and gun smugglers and boost his own wealth – with trips all funded by the taxpayer // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/royals/article-14966969/How-Prince-Andrew-acquired-secret-millions.html>

34. Wood Z. UK food inflation: why your barbecue meat is becoming more expensive // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/business/2025/aug/02/uk-food-inflation-barbecue-meat-burgers-sausages-chicken>

35. Taher A., Challand Ch. Two Afghan asylum seekers have been charged over the alleged rape of a 12-year-old girl in quiet Warwickshire town // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-14965559/Afghan-asylum-seekers-charged-alleged-rape-girl-Warwickshire-town.html>

36. Al-Othman A. Family of Kenyan woman allegedly murdered by UK soldiers criticise defence secretary // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/aug/03/family-of-kenyan-woman-agnes-wanjiru-allegedly-murdered-by-british-soldiers-decry-uk-investigation>

37. Rawlinson K. Truss accuses Badenoch of not telling truth about Tory failures // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2025/aug/04/liz-truss-accuses-kemi-badenoch-of-not-telling-truth-about-tory-failures>

38. Elgot J. Guidance on police disclosing suspects' ethnicity should change, Cooper says // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2025/aug/05/guidance-police-suspects-ethnicity-immigration-status-yvette-cooper>

39. Gecsoyler S. 'A sign of how we live now': friction in Notting Hill over counter-terrorism barriers // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2025/aug/02/notting-hill-portobello-road-counter-terrorism-barriers-erected>

40. Hodges D. DAN HODGES: I thought Starmer was just weak. But after what ministers told me this week, I've had a chilling revelation about our manipulative Prime Minister // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/debate/article-14965123/Starmer-betray-families-killed-Hamas-hostage.html>

41. Penty S. Hamas claims it will not disarm unless an independent Palestinian state is established in fresh rebuke to Israel // Daily Mail. 2025. – URL:

<https://www.dailymail.co.uk/news/article-14965571/Hamas-disarm-independent-Palestinian-state-established-Israel.html>

42. Christou W. Israeli forces kill at least 27 at food site while minister's al-Aqsa visit causes outrage // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/aug/03/israeli-shootings-ghf-food-site-gaza-ben-gvir-al-aqsa>

43. Sparrow A. Support for hardline anti-immigration policies linked to ignorance about migration figures, poll suggests – as it happened // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/live/2025/aug/05/yvette-cooper-small-boats-migrants-uk-france-home-office-uk-politics-live>

44. Courea E., Bychawski A., Elgot J. Disputed or debunked claims about migration and crime in the UK // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2025/aug/05/disputed-or-debunked-claims-about-migration-and-crime-uk>

45. Courea E., Dodd V., Elgot J. Tory and Reform politicians endanger trials with immigration 'hysteria', say former ministers // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2025/aug/05/tory-reform-politicians-endanger-trials-immigration-hysteria-former-ministers-contempt-court>

46. The Guardian view on asylum myths: when truth loses, scapegoating takes over Britain's migrant debate // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/aug/05/the-guardian-view-on-asylum-myths-when-truth-loses-scapegoating-takes-over-britains-migrant-debate>

47. Quinn B. Every human being deserves dignity': asylum seeker in Essex hotel calls for understanding // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2025/jul/28/essex-hotel-asylum-seeker-letter>

48. Gallagher I. Embarrassment for Keir Starmer's top aide who told PM he had to smash smuggling gangs as it is revealed his father's firm was handed £6m to house asylum seekers // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-14965707/Keir-Starmer-aide-smuggling-gangs-asylum-seekers.html>

49. Milmo D. George Osborne says UK has been left behind in cryptocurrency boom // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2025/aug/04/george-osborne-uk-cryptocurrency-boom-left-behind>

Linguoaxiological sphere of Russian sports discourse: social and personal aspects

Pak Leonid Evgen'evich □

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Intercultural Communications and Translation Studies; Vladivostok State University

690002, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, 41 Gogol Ave., room 5517

✉ leonid.pak@vvsu.ru

Abstract. This study is dedicated to exploring the linguoaxiological sphere of society and the individual in Russian sports discourse. The aim of the research is to identify the specifics of the structural components of the social linguoaxiological sphere (using sports discourse as an example) through the analysis of the parameters of individual linguoaxiological trajectories of Russian sports commentators. The subject of this study is the Russian discourse of sports commentary. The object of study is the social and personal aspect of the linguoaxiological sphere, a fragment of which is represented in the discourse of sports commentary in Russia.

The relevance of this work is associated with the study of individual axiological trajectories and their linguistic realization in the form of evaluative statements, which provides important information about the state and dynamics of the axiological system of Russian society. Furthermore, it is important to refer to the discourse of sports commentary, within which personality and institutionality are integrated, and collective and personal values are transmitted. The linguoaxiological analysis of this phenomenon allows for the identification of the pragmatic orientation of evaluations and the specifics of value representation in mass communication. The main method of this article is an interdisciplinary combination of the method of linguoaxiological interpretation and discourse analysis. Methods of statistical data processing are also used. The novelty of the research lies in the fact that it is the first systematic description of the value component of Russian sports discourse as a fragment of a holistic linguoaxiological sphere. Conclusions: as a result of the conducted research, the structural and content-related features of the linguoaxiological sphere of the individual and society in the Russian sports discourse have been revealed. A fragment of the current linguoaxiological sphere of Russian society has been defined. Core, pre-core, and peripheral zones have been highlighted. The core zone of the fragment actualizes the values of national identity and achievement of success. Sports discourse in Russia performs a representative-ideological function—sports is viewed as a tool for demonstrating the strength, unity, and status of the country. The pre-core zone highlights the relevance of the moral-ethical and historical context in Russian linguaculture. There is a need to perceive communication in the sphere of sports (and in other areas) not only as competition, but also as a space of moral norms and cultural memory, in which the connection to the past is important. The periphery represents the secondary nature of the entertainment-media aspect.

Keywords: axiosphere, societal linguo-axiosphere, individual linguo-axiosphere, value dominant, axiological trajectory, evaluative vector, evaluative utterance, sports discourse, linguo-axiology, values

References (transliterated)

1. Starostina, Yu. S. K voprosu o kategorial'nom appara lingvoaksiologicheskogo issledovaniya diskursa / Yu. S. Starostina // Russian Linguistic Bulletin. – 2021. – № 2 (26). – S. 64-70. DOI: 10.18454/RULB.2021.26.2.24 EDN: FMKKNZ.
2. Coelho, G. L. H., Hanel, P. H. P., Johansen, M. K., Maio, G. R. Mapping the structure of human values through conceptual representations / G. L. H. Coelho, P. H. P. Hanel, M. K. Johansen, G. R. Maio // European Journal of Personality. – 2019. – Vol. 33, № 1. – P. 34-51. DOI: 10.1002/per.2170 EDN: LLQRJT.
3. Coelho, G. L. D. H., Hanel, P. H. P., Johansen, M., & Maio, G. R. An Empirical Comparison of Human Value Models / G. L. H. Coelho, P. H. P. Hanel, M. K. Johansen, G. R. Maio // Frontiers in Psychology. – 2018. – Vol. 9. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2018.01643/full> (accessed on: 21.06.2025).
4. Russo, C., Danioni, F. Changing Personal Values through Value-Manipulation Tasks: A Systematic Literature Review Based on Schwartz's Theory of Basic Human Values / C. Russo, F. Danioni // European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education. – 2022. – Vol. 7. – № 12. – P. 692-715. DOI: 10.3390/ejihpe12070052 EDN: OHPRGB.
5. Yudkin, D. A., Gantman, A. P., Hofmann, W., Quoidbach, J. Binding moral values gain importance in the presence of close others / D. A. Yudkin, A. P. Gantman, W. Hofmann, J. Quoidbach // Nature Communications. – 2021. – Vol. 12. – P. 1-12. DOI:

10.1038/s41467-021-22566-6 EDN: PRFHCE.

6. Selezneva, A. V. Politicheskie tsennosti v sovremenном rossiiskom massovom soznanii: psikhologicheskii analiz / A. V. Selezneva // Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk. – 2014. – № 2. – S. 6-18. EDN: SHDFPL.
7. Kotlyarova, V. V., Makushenko, S. A., Rodionova, V. I. Issledovanie i analiz sootnosheniya material'nogo i duchovnogo v tsennostnoi ierarkhii sovremennoi rossiiskoi molodezhi / V. V. Kotlyarova, S. A. Makushenko, V. I. Rodionova // Molodoi uchenyi. – 2017. – № 11 (145). – S. 408-411. EDN: YHDDQV.
8. Kravets, A. V. Ierarkhiya tsennostnykh orientatsii u studentov (na primere provedennogo sotsiologicheskogo issledovaniya studentov Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya) / A. V. Kravets // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya. – 2022. – № 2 (13). – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/45SCSK222.pdf> (data obrashcheniya: 10.08.2025).
9. Karasik, V. I. Narrativnoe izmerenie lingvokul'turnykh tsennostei / V. I. Karasik // Yazyk i kul'tura. – 2019. – № 47. – S. 59-75. DOI: 10.17223/19996195/47/4 EDN: CHVBYR.
10. Efimenko, T. N., Ivanova, Yu. E. Repräsentatsiya tsennostei delovogo lingvokul'turnogo soobshchestva v kinodialoge (na materiale khudozhestvennykh fil'mov) / T. N. Efimenko, Yu. E. Ivanova // Vestnik MGPU. Seriya "Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie". – 2020. – № 38 (2). – S. 56-64. DOI: 10.25688/2076-913X.2020.38.2.06 EDN: RQDNXN.
11. Kazachenko, O. V. Repräsentatsiya tsennostei v sotsial'noi reklame / O. V. Kazachenko // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. – 2024. – № 1 (16). – S. 37-49. DOI: 10.17072/2073-6681-2024-1-37-49 EDN: LFADUQ.
12. Karamova, A. A., Chiglintseva, T. A. Repräsentatsiya material'nykh tsennostei v russkoi i angliiskoi lingvokul'turakh v paradigmaticeskem aspekte (na materiale publitsisticheskikh tekstov nachala XXI veka) / A. A. Karamova, T. A. Chiglintseva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2024. – № 8. – S. 2794-2804. DOI: 10.30853/phil20240399 EDN: BQCAUE.
13. Nikolaeva, O. V. Aksiologicheskie aspekty semantiki polineziiskikh etnicheskikh paremii / O. V. Nikolaeva // Dal'nevostochnyi filologicheskii zhurnal. – 2023. – № 1 (1). – S. 3-12. DOI: 10.24866/2949-2580/2023-1/3-12 EDN: EOMBCT.
14. Kovyrshina, E. O., Kukshinova, E. N. Repräsentatsiya polozhitel'noi otsenki v internet-otzyvakh studentov o britanskikh universitetakh / E. O. Kovyrshina, E. N. Kukshinova // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznanija. – 2025. – № 44 (1). – S. 169-183. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-1-169-183 EDN: NHCSLB.
15. Falomkina, I. P. Sredstva vyrazheniya otritsatel'noi otsenki v internet-otzyvakh posetitelei restoranov / I. P. Falomkina // SibSkript. Diskursivnaya lingvistika. – 2025. – № 1 (27). – S. 12-20.
16. Zaynuldinov, A., Quero-Gerville, E. F. Lexicographic description of emotional and evaluative vocabulary in Russian and Spanish / A. Zaynuldinov, E. F. Quero-Gerville // Voprosy yazykoznanija / Voprosy Jazykoznanija. – 2019. – № 2. – S. 96-110.
17. Sergeev, S. A., Bondareva, E. P., Chistyakova, G. V. Vidy i zhanry zrelishchnykh predstavlenii sportivnogo diskursa / S. A. Sergeev, E. P. Bondareva, G. V. Chistyakova // Politicheskaya lingvistika. – 2023. – № 4 (100). – S. 172-183. EDN: QPINYF.
18. Ma, T. Yu., Mikheev, D. S. Lingvokul'turnaya spetsifika britanskogo sportivnogo diskursa / T. Yu. Ma, D. S. Mikheev // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. – 2022. – № 2 (8). – S. 90-101. DOI: 10.22250/24107190_2022_8_2_90 EDN: DRYCDW.

19. Kand rashkina, O. O. Strukturno-semanticheskie kharakteristiki idiom v angloyazychnom sportivnom diskurse (na materiale sportivnykh reportazhei po regbi) / O. O. Kand rashkina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2024. – № 8 (17). – S. 2901–2907. DOI: 10.30853/phil20240413 EDN: ULJZMI.
20. Bobyрева, Н. Н. Лексические маркеры научного спортивного дискурса (на материале издания Science of Gymnastics Journal) / Н. Н. Bobyрева // Казанский лингвистический журнал. – 2021. – № 4 (3). – S. 366–379. DOI: 10.26907/2658-3321.2021.4.3.366-379 EDN: UZFHYM.
21. Match! URL: https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Hokkej/world_championship/stats (data obrashcheniya: 03.05.2025).
22. Gasnut ogni. URL: <https://m.vk.com/gasnutognif1?from=groups> (data obrashcheniya: 03.05.2025).

The specifics of the fantastic space in P. Fehervari's novel "The Fire Caste"

Vasil'ev Evgenii Vadimovich

Assistant; Administrative and Economic department; Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov

Lecturer; Department of Russian and Foreign Philology, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Mnin

603137, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Prospekt Gagarina, 218, sq. 71

✉ GodofPlague@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the means and images through which the fantastic space is created in P. Fehervari's novel "The Fire Caste." This text is part of the artistic universe of "Warhammer 40,000", making its study more relevant and adding novelty to it. The aim of the research is to analyze the means and images used to create the space in P. Fehervari's novel "The Fire Caste." The fantastic space created in the novel combines both archetypal images and unique ones presented only on the pages of this work. For instance, the image of a distant planet engulfed in war, while typical for the Warhammer universe, is infused with unique features in the text, such as a complex structure, disrupted connection with time, themes of guilt and redemption, etc. The main research methods are comparative and hermeneutic approaches. The methodological basis includes the works of Yu. M. Lotman, M. M. Bakhtin, V. N. Toporov, and other researchers. The study shows that the planet Fedra combines features of many mythological images: a dangerous and unknowable space of forests; a river-labyrinth embodying the image of the river of the dead; Fedra is simultaneously hell and purgatory for various heroes. The key characteristics of the space can be described as illogicality, danger, and unknowability. These motifs are intensified by the disruption of the connection between space and time: a long journey through the tangled jungles actually takes less than a year, and one of the characters finds himself belonging to multiple temporal planes at once. Moreover, the space of the planet "turns inside out" many mythological motifs. Thus, the cultural hero, who undergoes trials and returns to humanity, brings not blessings and knowledge but blind faith and suffering. Consequently, the space in the novel combines features and characteristics of various fantastic and mythological spaces, while also creating new unique traits. This allows for a fresh perspective on familiar motifs and images in terms of their value content.

Keywords: rethinking, plot, cultural hero, motive, novel, artistic universe, myth, fiction, space, time

References (transliterated)

1. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. 504 s. EDN: WTJALN.
2. Gak V. G. Prostranstvo vne prostranstva // Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. S. 127-134.
3. Dzyubenko A. I. Lingvokognitivnyi aspekt vymysla v khudozhestvennom prostranstve // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2024. № 1 (36). S. 141-148. DOI: 10.20323/2499_9679_2024_1_36_141. EDN: CKFSWL.
4. Esin A. B. Vremya i prostranstvo [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://prowriterslab.com/blog/2009-03-08-293/> (data obrashcheniya: 10.11.2020).
5. Zhenett Zh. Figury, t. 1. M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 1998. 470 s.
6. Kobozeva I. M. Grammatika opisaniya prostranstva // Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. 162 s.
7. Kunizhev M. A. Kategoriya "prostranstvo": ee status i sredstva verbalizatsii: na materiale sovremennoogo angliskogo yazyka. Pyatigorsk: PGLU, 2005. 221 s.
8. Likhachev D. S. Poetika drevnerusskoi literatury. M.: Nauka, 1979. 413 s.
9. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov: Chelovek-tekst semiosfera-istoriya. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1996. 447 s.
10. Lotman Yu. M. Ob iskusstve. SPb.: "Iskusstvo – SPB", 1998. S. 14-285.
11. Naumchik O. S. Prostranstvenno-vremennye modeli fentezi // Paradigmy perekhodnosti i obrazy fantasticheskogo mira v khudozhestvennom prostranstve XIX–XX vv. Nizhnii Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta, 2019. S. 356-363. EDN: YZLXXF.
12. Papina A. F. Tekst: ego edinitsy i global'nye kategorii. M.: URSS, 2002. 367 s.
13. Pevzner A. P. Kategoriya prostranstva kak sredstvo vyrazheniya podtekstovoi informatsii: dis. Rostov-na-Donu, 2007. 161 s. EDN: NOUDOZ.
14. Pete I. Prostranstvennost', predlogi, lokal'nye otnosheniya, kartiny mira i yavleniya assymetrichnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 2005. № 1. S. 61-74.
15. Rodnyanskaya I. B. Khudozhestvennoe vremya i khudozhestvennoe prostranstvo // Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'. M.: Sov. entsiklopediya, 1987. Stlb. 772-780.
16. Rudnev V. P. Proch' ot real'nosti. M.: Agraf, 2000. 428 s.
17. Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. Izbrannoe. M.: Progress, 1995. 621 s.
18. Toporov V. N. Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura. M.: Nauka, 1983. S. 227-284. EDN: TZOXML.
19. Fekhervari P. Kasta ognya: Roman / Per. s angl. Yu. Voitko. SPb.: Izdatel'stvo Fantastika Knizhnyi Klub, 2016. 448 s.
20. Khoroshevskaya Yu. P. Landshaft kak drugoi v postkolonial'noi nauchnoi fantastike // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2024. № 11. S. 4087-4092. DOI: 10.30853/phil20240577. EDN: DVMIWX.
21. Chigirinskaya O. A. Fantastika: vybor zhanra, vybor khronotopa [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: www.rusf.ru/star/doklad/2008/chigr.htm (data obrashcheniya: 13.11.2020).